

LINGUISTICA

LV

**SLOVANSKI JEZIKI V STIKU Z NESLOVANSKIMI:
DIAHRONI ONOMASTIČNI POGLED**

**Slavic/Non-Slavic Language Contact in the Area
of Diachronic Onomastics**

Ljubljana 2015

Revija sta ustanovila †Stanko Škerlj in †Milan Grošelj
Revue fondée par †Stanko Škerlj et †Milan Grošelj

Glavna in odgovorna urednica – Rédactrice en chef
Martina Ožbot

Številko LV uredil – Responsable du numéro LV
Silvo Torkar

Uredniški svet
Janez Orešnik, Stojan Bračič, Gregor Perko

Svetovalni odbor – Comité consultatif
Hubert Bergmann, Marta Bjeletić, Aleksandra Derganc, Aleksandr I. Falilejev,
Goran Filipi, Marc L. Greenberg, Ilona Janyšková, Ljubov V. Kurkina,
Majda Merše, Marko Snoj, Rudolf Šrámek, Andreja Žele

Izid revije je finančno podprla
JAVNA AGENCIJA ZA RAZISKOVALNO DEJAVNOST RS

Sous les auspices de
L'AGENCE NATIONALE SLOVÈNE POUR LA RECHERCHE SCIENTIFIQUE

© Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, 2015. Vse pravice pridržane.
© Université de Ljubljana, Faculté des Lettres, 2015. Tous droits réservés.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International License. / To delo je ponujeno pod licenco Creative Commons Priznanje avtorstva-Deljenje pod enakimi pogoji 4.0 Mednarodna licenca

CIP

811'282.8(4)(082)

SLOVANSKI jeziki v stiku z neslovanskimi : diahroni onomastični pogled = Slavic/
Non-Slavic language contact in the area of diachronic onomastics / [uredil Silvo Torkar]. -
Ljubljana : Znanstvena založba Filozofske fakultete = Presses scientifiques de la Faculté
des Lettres, 2015. - (Linguistica, ISSN 0024-3922 ; 55)

ISBN 978-961-237-814-1

1. Vzp. stv. nasl. 2. Torkar, Silvo
283961088

SOMMAIRE – VSEBINA

PREFACE 9

I

Georg Holzer

LAUT- UND AKZENTGESCHICHTLICHES ZU EINIGEN
AUS SUBSTRATEN UND NACHBARSPRACHEN INS
SLAVISCHE ENTLEHNTEN NAMEN

K zgodovini glasov in naglasov v slovanskih lastnih imenih,
prevzetih iz substratnih in sosednjih jezikov 13

II

Zbigniew Babik

PRZEDSŁOWIAŃSKA WARSTWA NAZEWNICZA PÓŁNOCNEGO
MAZOWSZA – POPRAWKI I UZUPEŁNIENIA (DORZECZE NARWI)

Predslovanska imenska plast Severne Mazovije –
popravki in dopolnitve (porečje Narve) 29

Jaromír Krško

VPLYV PREDSLOVANSKÝCH KONTAKTOV
NA HYDRONYMIU SLOVENSKA

Vpliv predсловanskih stikov na hidronimijo Slovaške 47

Luka Repanšek

TOWARDS A CLARIFICATION OF THE HISTORY
OF THE SLOVENE RIVER NAME *SOČA*

Prispevek k zgodovini slovenskega rečnega imena *Soča* 59

III

Metka Furlan

SULL'IDRONIMO *DRAGONJA/DRAGOGNA*

O hidronimu *Dragonja/Dragogna* 73

Maurizio Puntin

PIERIS E BEGLIANO: VILLAGGI MEDIEVALI DEL BASSO
ISONZO DALL'INCERTA IDENTITÀ

Pieris in Begliano: srednjeveški naselji ob spodnji Soči z nejasno identiteto 89

Matej Šekli
OLD ROMANCE PLACE NAMES IN EARLY SOUTH SLAVIC
AND LATE PROTO-SLAVIC SOUND CHANGES
Staroromanska zemljepisna imena v zgodnji južni slovanščini in
poznopraslovanske glasovne spremembe 103

Святослав О. Вербич
СЛОВ'ЯНСЬКО-СХІДНОРОМАНСЬКА ВЗАЄМОДІЯ В
ГІДРОНІМІЇ БАСЕЙНУ ДНІСТРА: ОРИГІНАЛЬНІ НАЗВИ
ТА СТРУКТУРНО АДАПТОВАНІ УТВОРЕННЯ
Slovansko-vzhodnoromanski medsebojni vpliv v hidronimiji Dnestra:
izvirna imena in strukturno adaptirane tvorjenke 115

IV

Inge Bily
DEUTSCH-SLAWISCHER SIEDLUNGS- UND SPRACHKONTAKT
IM GEBIET ZWISCHEN SAALE UND NEIßE – VORGESTELLT AN
AUSGEWÄHLTEN ORTSNAMEN (SIEDLUNGSNAMEN)
Nemško-slovanski stik v krajevnih imenih in jeziku prebivalstva med rekama
Solawo (Saale) in *Niso (Neiße)* 131

Jana Pleskalová
ČESKO-NĚMECKÉ KONTAKTY VE SVĚTLE
ANTROPONYMIE ČESKÝCH ZEMÍ
Češko-nemški stiki v luči antroponimije čeških dežel 149

Silvo Torkar
NEMŠKO-SLOVENSKI STIKI V SLOVENSKI TOPONIMIJI 161

V

Валерий Л. Васильев
ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ ГИДРОНИМИИ БАЛТИЙСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ
Problematika proučevanja hidronimije baltskega izvora na ozemlju Rusije 173

VI

Елена Л. Березович, Анна А. Макарова, Ирма И. Муллонен
«ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ» НАЗВАНИЯ В РУССКОЙ И
СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА И
КАРЕЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСНОВ *ЧЕРТ-* И *HIISI-*)
»Demonološka« poimenovanja v ruski in substratni toponimiji
Ruskega Severa in Karelije (na gradivu osnov *čert-* in *hiisi-*) 187

Надежда В. Кабинина ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА Problemi proučevanja ugro-finskega toponimičnega substrata na ozemlju Ruskega Severa	207
--	-----

VII

Andela Frančić ODSLIK HRVATSKO-MAĐARSKIH DODIRA U HRVATSKIM PREZIMENIMA Odras hrvatsko-madžarskih stikov v hrvaških priimkih	229
---	-----

VIII

Aleksandar Loma ZU EINIGEN MITTELALTERLICHEN AMTSBEZEICHUNGEN IN DER TOPONYMIE SERBIENS O nekaterih srednjeveških uradniških nazivih v toponimiji Srbije	241
---	-----

Василь В. Лучик ТЮРКІЗМИ В ТОПОНІМІЇ УКРАЇНИ: ІСТОРИКО-ЕТИМОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ Turcizmi v toponimiji Ukrajine: zgodovinsko-etimološki vidik	251
---	-----

Людвиг Селимски БЪЛГАРСКИ МЕСТНИ И СЕЛИЩНИ ИМЕНА ОТ БАЛКАНСКИ ЗАЕМКИ Bolgarski toponimi in naselbinska imena iz balkanskih izposojenk	263
--	-----

IX

Eva Sicherl THE ENGLISH-SLOVENE LANGUAGE CONTACT: BORROWING OF PERSONAL NAMES Angleško-slovenski jezikovni stik: izposojanje osebnih imen	273
--	-----

IN MEMORIAM

MITJA SKUBIC
(1926-2015)

romanist, dolgoletni urednik *Linguisticae*
Romance linguist, long-standing editor of *Linguistica*

PREFACE

Twenty-four linguists from twelve countries responded to the invitation to take part in the special issue of *Linguistica* on Slavic/Non-Slavic Language Contact in the area of diachronic onomastics. In the end, nineteen contributions were received: five from Slovenia, three from Russia, two from the Ukraine and one from each of the following countries: Austria, Bulgaria, Croatia, the Czech Republic, Germany, Italy, Poland, Serbia and Slovakia.

The contributions deal with contacts between Slavic and non-Slavic languages which can be studied from a historical perspective. They are divided into seven groups on the basis of the non-Slavic languages or language groups treated: Proto-Indo-European, Romance, Germanic, Baltic, Finno-Ugric, Turkic. Two papers do not belong to any of these six groups: the first one, which is concerned with a variety of non-Slavic languages in contact with Slavic languages, and the last one, which is about the synchronic study of proper names.

The special issue opens with a contribution by **Georg Holzer**, who deals with the history of sounds and accents of twenty-four geographical names (ten of them Slovene), which have been loaned by Slavic from its substrates or neighbouring languages around the time of the Slavic expansion.

Zbigniew Babik proposes a reconstruction of the Late Common Slavic forms of fifteen substrate hydronyms from Northern Mazovia, which belong to unknown Indo-European languages spoken on this territory in Late Antiquity. The paper offers a supplement to the author's treatment of the oldest/prehistoric layer of Polish toponymy presented in his 2001 book. **Jaromir Krško's** study is about the influence of pre-Slavic ethnic groups on the hydronyms of present-day Slovakia and gives a survey of the ways in which seven river names, probably of pre-Slavic origin, have been dealt with by other scholars. **Luka Repanšek** seeks to clarify the historical development of the Proto-Indo-European hydronym Soča, from its prehistoric source to its present-day forms, taking into account in particular all the substitutional changes which occurred as the hydronym passed through the various linguistic strata.

The paper by **Metka Furlan** studies the hydronym Dragonja and comes to the conclusion that the hypothesis put forward by Fran Ramovš, according to which the name Dragonja is of substratal origin and reflects the Slavic metathesis of liquids, is incorrect, since the river name in question is actually based on a recent Istro-Venetian adstrate form *Dragogna*. **Maurizio Puntin**, who in his historic anthroponymic research has made use of rich archival sources, suggests that, at least until the end of the 15th century, south-eastern Friuli was inhabited by a Slavic majority and a Friulian minority. He tries to prove that the place name Begliano can more easily be explained on the basis of Slavic than Romance material. His linguistic analysis also shows that the Slovene dialectal noun *čupa*, Friulian *çöp/zöpul*, derives from a pre-Latin Romance source. On the basis of Old Romance geographical names in early South Slavic, **Matej Šekli** confirms that the majority of late Proto-Slavic sound changes were still operative in the period of the earliest Old Romance-Slavic language contacts in the second

half of the 6th century and the beginning of the 7th century. The section on Slavic and Romance interactions closes with the paper by **Svjatoslav O. Verbyč**, who presents an etymological analysis of the hydronyms of the Dniester river basin which have Eastern Romance language elements in their structure. He arrives at the conclusion that the long-lasting Ukrainian-Moldavian and Ukrainian-Romanian contacts can be detected not only in Eastern Romance loan words that are part of Ukrainian common names, but also in Dniester basin toponyms.

In her article on certain place names in the area between the rivers Saale and Elbe, which belonged to the Old Sorbian ethnolinguistic substrate, **Inge Bily** discusses German-Slavic language contact, recognizing nine features relevant for the study of the place names concerned. Czech-German language contacts in the area of anthroponymy are analyzed by **Jana Pleskalová**, who takes into account the specific ethnic, linguistic and cultural conditions in Central Europe. German names were used more frequently by the Czech-speaking population only until the end of the 18th century. The practice of using two-element names, preferred by the German speaking inhabitants of the Czech lands, influenced the introduction of the two-name system in the Czech community. Finally, **Silvo Torkar** analyzes eight Slovene toponyms (or their German variants) and shows that through the German-Slovene phonemic substitution, morphological adaptation and translation the place names sometimes underwent such changes that they could not be satisfactorily explained without historical documents.

Valerij L. Vasiljev deals with hydronyms of Baltic origin in Russia. He offers a critical survey of the history of research on the subject and tries to delimit with greater precision the borders of the original Baltic territory, optimizing the techniques related to searching and confirmation of Baltic hydronyms.

The paper by **Elena L. Berezovič**, **Ana A. Makarova** and **Irma I. Mullonen** puts forward a comparative analysis of toponyms related to the names for evil spirits in Russian and in Finno-Ugric languages of the Russian North and the Republic of Karelia with the roots *čert-* in *hiisi-*. They describe different types of geographical names and attempt to identify the factors which influence the kind of »demonological« names in question in different cultural and linguistic systems. **Nadežda V. Kabinina** presents the history of research on Finno-Ugric heritage in the place names of the Russian North (Arkhangelsk and Vologda regions) and pays special attention to methodological characteristics of the research as practiced by the Ural toponymic school. The new method of semantic modelling and the method of toponymic microsystem relations' analysis is also illustrated.

The paper by **Anđela Frančič** deals with the classification of Croatian surnames containing Hungarian elements. On the basis of linguistic analysis the author shows that some of these surnames were formed in Croatia, whereas others were introduced into the pool of Croatian surnames when their Hungarian bearers arrived in Croatia.

Aleksandar Loma's study concerns the place name *Šepšin* proposing a reconstruction in the form of *Semčijin on the basis of a historical record dating back to 1528. Ultimately, it appears to derive from the Old Serbian common noun *sěmčija* assumed to be the same as Old Church Slavic *samъčii* 'praefectus' and is probably a loanword

from (Turkic) Proto Bulgarian. **Vasyl V. Lučyk** offers a systematic overview of the toponyms of Turkic origin in the Ukraine. The Turkisms found in Ukrainian place names are classified into three groups, according to the period when they entered the Ukrainian language: the Kievan Rus period (9th-13th century), the Old Ukrainian period (14th-18th century), and the New Ukrainian period (19th-21st century). On the basis of an etymologic analysis of the place names, the author also provides their semantic classification. The final paper in the section, by **Ljudvig Selimski**, suggests an alternative etymological analysis of five area and settlement names in Bulgaria, four of which are of Turkish or Arabic origin, whereas one derives from Romanian.

The special issue concludes with **Eva Sicherl's** contribution on the borrowing of personal names from the point of view of pragmatic borrowing and taking into account the traditional dichotomy between necessary loans on the one hand and luxury loans on the other hand.

Silvo Torkar
ZRC SAZU

LAUT- UND AKZENTGESCHICHTLICHES ZU EINIGEN AUS SUBSTRATEN UND NACHBARSPRACHEN INS SLAVISCHE ENTLEHNTEN NAMEN

In diesem Beitrag¹ werden einige Topo-, Hydro-, Choro- und Ethnonyme, die das Slavische aus Sprachen entlehnt hat, die im Zuge seiner Expansion zu seinen Substraten oder Nachbarn geworden waren, auf ihre laut- und akzentgeschichtlichen Besonderheiten hin untersucht. Die hier ausgewählten Namen stammen aus dem Griechischen, Lateinischen bzw. Romanischen, „Alteuropäischen“, Thrakischen und anderen indogermanischen Substratsprachen, dem Deutschen und anderen germanischen Dialekten, dem Finnischen und dem Iranischen. Soweit möglich und sinnvoll, wird hier das in Holzer 2011b präsentierte Modell der slavischen und gegebenenfalls romanischen Lautgeschichte zugrunde gelegt; dieses ist zwar auf das neuštokavische Kroatische gemünzt, gilt aber über weite Strecken auch für andere slavische Sprachen und Dialekte. Die in lautgeschichtliche Herleitungen eingefügten kleinen Ziffern verweisen auf die Paragraphen in Holzer (2011b), in denen die betreffenden Lautgesetze behandelt werden: römische Ziffern auf romanische und arabische Ziffern auf slavische Lautgesetze. Bei aufrecht gedruckten arabischen Ziffern handelt es sich um gewöhnliche Lautgesetze, bei kursiv gedruckten hingegen um Lautsubstitutionen.²

Nota bene: Die Akzentstelle wird durch Unterstreichung (_) angegeben (steht an der betreffenden Stelle ein infralineares Diakritikon, weicht die Unterstreichung um eine Stelle nach links aus). Ein der Silbe nachgestellter Punkt bezeichnet, wenn er ganz oben steht (^), den alten Akut, und wenn er auf halber Höhe steht (·), den Neoakut. Das drucktechnisch schwierige *ě* mit Makron wird hier durch *ê* ersetzt; somit steht *ê* für langes und *ě* für kurzes Jat.

Solkan

Lat. *Silicānum (von lat. *sīlex*, G Sg. *sīlīcis*³ ‘harter Stein’) > III VI *Seļėkanu > IX rom. *Seļėkānu (friaul. *Salcan* und ital. *Salcano* sind aus dem Slovenischen übernommen)

* Institut für Slawistik der Universität Wien, Spitalgasse 2, Hof 3, A-1090 Wien, Österreich; georg.holzer@univie.ac.at

- 1 Er geht auf meinen Vortrag „Die ältesten Entlehnungen fremder Orts- und Flussnamen ins Slavische“ (gehalten am 13. Juni 2015 auf dem XXX. Namenkundlichen Symposium in Kals am Großglockner, 11.-13. Juni 2015) und das zugehörige ausführliche Handout zurück.
- 2 Zu Lautsubstitutionen s. Holzer (1996a: 69 § 3.4.3).
- 3 Bei Klotz (1874: II 1343) irrtümlich *sīlīcis*, aber richtig *sīlīcārīus* ‘Wegepflasterer’ und *sīlīcēus* ‘aus Kieselstein’. Vgl. die loc. cit. aus Ovid, *Metamorphosen* IX angeführten Hexameter 225 und 304 sowie Georges (1862: 1508): G Sg. *sīlīcis*.

> 7 8 nachurslav. **Silikā`nu* (entlehnt nach der Dritten Palatalisierung (1)) > sloven. *Solkān*, Gen. *Solkāna*. Vgl. Šekli (2009: 122), Snoj (2009: 388–389). Hier wurde im Zuge der Entlehnung der „Entlehnung s - A k u t“ eingefügt (8). Eine Regel, die vorhersagbar machen würde, unter welchen Umständen eine fremde lange betonte Silbe von den Slaven als akutiert interpretiert und daher bei der Entlehnung ein Akut eingefügt wurde und unter welchen nicht, konnte bislang nicht gefunden werden.⁴ Der von Saskia Pronk-Tiethoff aus germanischen Lehnwörtern abstrahierten Regel (s. Pronk-Tiethoff 2013: 264–273) widersprechen überaus zahlreiche Entlehnungen aus dem Romanischen (s. Holzer 2011b: 36–38) und auch manche der hier behandelten Namen. Der Eindruck der Willkürlichkeit wird durch das Vorhandensein von Dubletten (s. Holzer 2011b: 38) verstärkt.

Solkan liegt links der Soča (ital. *Isonzo*⁵) bei Nova Gorica und östlich der Isoglosse, die das Westromanische mit Sonorisierung zwischen Vokalen oder nach Vokal, aber vor *r* stehender stimmloser Konsonanten vom Ostromanischen ohne Sonorisierung trennt.⁶

Sužid

Lat. *Silicētum (ebenfalls von lat. *sīlex*, s. o.) > III VI *Seļeķetu > IX und mit westromanischer Sonorisierung *k* > *g*, *t* > *d* und mit „italienischer“ Palatalisierung *g* > *dž* rom. *Seļedžēdu > 7 8 ursl. **Silidžī`du* (mit Entlehnungs-Akut) > sloven. *Solžīd, Gen. *Solžīda (standardisiert zu *Sužid*). Vgl. Šekli (2009: 122), Snoj (2009: 402).

Sužid liegt westlich von Karfreit/Kobarid (s. u.) und auf der westlichen Seite der Sonorisierungs-Isoglosse (s. Šekli 2009: 116). Abgesehen von der verschiedenen Suffigierung stellt sloven. *Solkān* : *Solžīd ein ebensolches ostromanisch-westromanisches Entsprechungspaar dar wie lat. *cīvitātem* > kroat. *Cāvtat* : *Čābdad* und lat. *aurāta* (als Fischname) > kroat. *òvrata* : *orāda* (s. Holzer 2011b: 98, 99–100, 137).

Kobarid

Lat. *Caprētum (von *caper*, G Sg. *capri* ‘Bock’ oder *capra* ‘Geiß’) > III VI *Kapřetu > IX und mit westromanischer Sonorisierung und eingefügtem *o* rom. *Kaborēdu (1184 *in villa, que dicitur Kauoretum iuxta Isuncium*) > 7 8 ursl. **Kabarī`du* (mit

4 Siehe Holzer (2005: 60), Šekli (2009: 126). Meine in (Holzer 2009: 153) angestellten Überlegungen zum Fehlen einer solchen Regel („lautstilistische oder individuelle Varianten“ in der germanischen bzw. romanischen Aussprache betonter Silben, zum Beispiel mit und ohne „creaky-voice“) hat Pronk-Tiethoff (2013: 270–271) ohne wirkliche Begründung abgelehnt.

5 Deutsch 1401 *an die Ysnicz*, ca. 1440 *an der Snicz* (s. Snoj 2009: 386), *Isenz* (s. Kranzmayer 1956: 43 Fußnote 17).

6 Siehe Šekli (2009: 115, 116), aber auch Kranzmayer (1956: 42–43 Fußnote 17), der den Unterschied zwischen den ins Slavische übernommenen Namen mit Sonorisierung und denen ohne Sonorisierung nicht geographisch, sondern chronologisch erklärt, und zwar dahingehend, dass erstere vor diesem westromanischen Lautwandel und letztere danach ins Slavische entlehnt worden wären. Seine chronologische Erklärung einer offenbar geographischen Distribution zwingt Kranzmayer zu siedlungsgeschichtlichen Ad-Hoc-Hypothesen.

Entlehnungs-Akut) > sloven. *Kobor̃id*, Gen. *Kobor̃ida* (standardisiert zu *Kobarid*; fri-aul. **Kabor̃ēdu* > *Cjaur̃ēt*, ital. *Caporetto*, dt. **Kafr̃it* > *Karfreit* mit volksetymologischer Einwirkung von *Karfreitag*). Vgl. Ramovš (1921–1922: 60–62), Šekli (2009: 121), Snoj (2009: 191).

Schwierigkeiten macht nicht nur die Einfügung des *o* im Romanischen,⁷ sondern auch die Tatsache, dass dieses *o* im Slavischen durch *a* und nicht durch *u* (> 25 *v*) substituiert wurde (7). Vielleicht handelt es sich um eine Assimilation an die erste Silbe.

Solun

Seit 1083 ist neben dem vollen Namen Thessalonikes (Θεσσαλονίκη) auch die Kurzform ἡ Σαλονίκη bezeugt, die aber erheblich älter sein muss, weil sie über romanische Vermittlung schon vor dem an den Anfang des 9. Jahrhunderts zu datierenden Wandel *a* > *o* ins Slavische gelangt ist (s. Schramm 1981: 342).⁸ Die Stadt heißt auf Altbulgarisch *Solunъ*, auf Russisch *Солунь* (Gen. *Солуну*, fem.) und auf Neuštokavisch *Sòlun*, Gen. *Solúna* (s. Vasmer 1979: 693, Holzer 2011b: 150). Das slovenische *Solún*, Gen. *Solúna* (s. Snoj 2009: 535) stammt nach Marko Snojs brieflicher Auskunft „etwa vom Ende des 19. Jh. Im 16. Jh. liest man bei Dalmatin in der Bibelübersetzung *S. Pavla Lyst na Tessaloniharje*.“

Zwar war das *i* in νίκη ‘Sieg’ ursprünglich lang, aber „[s]pätstens zu Ende der Antike waren die Quantitätsoppositionen allgemein aufgehoben“ und alle Vokale kurz (s. Rix 1976: 57 § 65, 41 § 47).⁹ Mit bereits kurzem *i* wurde Σαλονίκη ins Lateinische übernommen und dort gemäß der lateinischen „Pänultima regel“ mit Betonung auf der drittletzten Silbe *Salonica ausgesprochen. (Damit gehört diese Entlehnung der Kategorie Q an, das sind diejenigen Entlehnungen, in denen sich die lateinische Betonung – phonologisch irrelevant, wie die Betonung im Lateinischen ja war – unabhängig von der griechischen ausschließlich nach der phonologisch relevanten Quantität der Pänultima richtete.¹⁰) Dann aber ist es zu zwei volksetymologischen Missverständnissen gekommen. Auf das eine, nämlich dass in das *-ic-* (< gr. *-ίκ-*!) das der Ableitung von Adjektiven dienende lateinische Suffix *ic-* hineininterpretiert worden ist, hat bereits Gottfried Schramm hingewiesen. Allerdings geht Schramm hinsichtlich der Quantitäten fehl, wenn er schreibt: „*Salōna ist eine plausible lat. Verkürzung von *Salōnica, denn diese Lautung ließ sich als fem. Adjektiv auffassen, zu dem *civitas* hinzugedacht wurde.“ (Schramm 1981: 343).¹¹ Von gr. Σαλονίκη kommt man nicht zu lat. „*Salōnica“, sondern nur zu *Salonica mit kurzem *o*. Und von diesem *Salonica konnte nur ein *Salona rückgebildet worden sein, mit Initialbetonung

7 Erklärungsversuche (Anaptyxe oder Analogie) finden sich in Ramovš (1921–1922: 62).

8 Zur Datierung des Wandels s. Holzer (2011b: 58).

9 Vgl. auch Karvounis (2008: 67–69), ferner Holzer (2011a: 81, mit Fußnote 1) und zu diesem Toponym 84.

10 Siehe Holzer (2011a: 84); dort ist *Salona auf *Salona zu korrigieren.

11 Zur selben „Verkürzung“ kam es in lat. *Tarsatica* > kr. *Tr̃sāt*, vgl. Schramm (1981: 343) und Holzer (2014: 206).

nach der Pänultimaregel (vgl. *angelicus* : *angelus*). Das zweite volksetymologische Missverständnis bestand darin, dass dieses *Salona als eines der vielen Toponyme auf *ōna*¹² interpretiert wurde (vgl. *Verona*, *Ancona*, *Cremona* usw.), was eine Anpassung von *Salona an diesen Ortsnamentyp nach sich zog. So hat *Salona eine lange und daher auch betonte Pänultima bekommen. Erst nach diesem volksetymologischen Eingriff hatte der Name die Lautung *Salōna, die Schramm ohne Erklärung ansetzt. Dieses *Salōna wandelte sich dann lautgesetzlich zu romanischem *Salōna und wurde so ins Urslavische (mit *ō* als Fremdphonem) übernommen, wo es wie viele andere feminine Städtenamen in die maskuline o-Deklination übergeführt wurde (vgl. Skok 1921–22: 25) und somit *Salōnu lautete.¹³ Dieses ergab dann nach dem Wirken des Dyboschen Gesetzes (11), dem Wandel *a* > *o* (23), dem Vollzug des Zweiten Ivšičschen Gesetzes (37) und weiterem Lautwandel im Altbulgarischen *Solunъ* und im Neustokavischen *Sōlūn*. Das zu den i-Stämmen übergewechselte russische *Солунъ* stimmt im Nominativ und im Akkusativ prosodisch mit der neustokavischen Lautung überein, die anderen Kasus, die eigentlich endbetont sein sollten, haben sich an den Nominativ und den Akkusativ angeglichen.

Die Slaven erlangten spätestens gegen Ende des 6. Jahrhunderts Kenntnis von der Stadt und ihrem Namen, nämlich als sie 586 oder 597 die Stadt belagerten. Mit dem Einlass slavischer (urslavischer!) Überläufer in die Stadt war der Grundstein für die Entwicklung des slavischen Idioms gelegt, das 863 von Konstantin dem Philosophen zum „Urkirchenslavischen“, wie Trubetzkoy es nannte, verschriftet wurde. (Siehe Holzer 2006.)

Solin

Für das aus vorrömischem Substrat¹⁴ stammende lateinische *Salōna*, den Namen der Hauptstadt der römischen Provinz Dalmatien, ist durch Lukan in *De bello civili* IV 404-405, wo es heißt: *Quā maris Hadriacī longās ferit unda Sālōnās*, Kürze des ersten *a* und Länge des *o* verbürgt. Beides geht auch daraus hervor, dass der Name nach seiner Übernahme ins Slavische dort *Salōnu (ohne Entlehnungs-Akut) lautete, was über *Solynъ das heutige kroatische *Sōlīn* (so in neustokavischer Akzentuierung) ergab.¹⁵ Auch diese Entlehnung erfolgte offensichtlich vor dem Wirken des Dyboschen Gesetzes (11), dem Wandel *a* > *o* (23) und dem Vollzug des Zweiten Ivšičschen Gesetzes (37). Völlig zufällig kommen sowohl in der Vorgeschichte des slavischen Namens Thessalonikis als auch in der des slavischen Namens Salonas die Lautungen lat. (*) *Salōna* > VI IX rom. **Salōna vor. Der lautliche Unterschied zwischen kr. *Sōlūn* und kr. *Sōlīn* ergibt sich alleine daraus, dass der Name Salonas erst nach dem romanischen Wandel XII *ō* > *ū* (rom. *Salōna > rom. *Salūna) ins Slavische übernommen wurde und dieses *ū* daher den Wandel des urslavischen *ū* zu nachursl. *ȳ* (15) mitgemacht hat, der Name Thessalonikes jedoch schon vor dem romanischen Wandel *ō* > *ū*, also noch mit

12 Zu diesem Zugehörigkeitssuffix s. Anreiter (2001: 76 Fußnote 293).

13 Zum Lautgeschichtlichen siehe Holzer (2011b: 150).

14 Vgl. zuletzt Anreiter (2001: 20).

15 Zum Lautgeschichtlichen siehe Holzer (2011b: 149).

ō ins Slavische entlehnt wurde, das dann den Anschluss an die Weiterentwicklung des aus dem urslavischen Diphthong *aw* entstandenen heimischen *ō* (3, 17) zu nachursl. *ū* (17) fand (vgl. Holzer 2011b: 150 s. v. *Sòlūn*).

Soweit ich sehe, fehlt auch allen anderen Substratnamen auf *-ōna* der Entlehnungs-Akut. Jedenfalls gilt dies für die kroatischen Toponyme *Skràdīn*, *Làbīn*, *Jàkīn*, *Nīn*, *Nòrīn* (s. Holzer 2011b: 92 ff. s. vv.) und *Plòmin*¹⁶ sowie für die slovenischen Ortsnamen (lat. **Bergōna* > VI **Bergona* > IX **Bęrgōna* > XII rom. **Bęrgūna* > 7 ursl. **Birgūnu* >) *Bęrgīn*, Gen. *Bęrgīna* (standardisiert zu *Bregīnj*) und (lat. **Glemōna* [ca. 610 in *Glemona*] > VI **Gļemōna* > IX **Gļęmōna* > XII rom. **Gļęmūna* > 7 ursl. **Glimūnu* >) **Golmīn*, Gen. **Golmīna* (standardisiert zu *Gumīn*) (vgl. Šekli 2009: 121, Snoj 2009: 77-78, 156). Vielleicht haben die Slaven in allen eventuell vorhanden gewesenen Varianten dieses Ausgangs richtig ein und dasselbe „Ortsnamensuffix“ erkannt und im auch bei Volksetymologien zum Tragen kommenden Bedürfnis nach lautlicher Vereinheitlichung vermeintlich oder tatsächlich etymologisch identischer Morpheme die nichtakutierte Variante dieses Suffixes verallgemeinert. Das Umgekehrte könnte mit den im Lateinischen auf das Ortsnamensuffix *-ētum* ausgehenden Namen geschehen sein, vgl. ursl. **Silidžī'du* und **Kabarī'du* (s. o.) sowie lat. *bruscētum* (von *bruscum* 'Auswuchs, Knorren') > kroat. *Bruškīt*.¹⁷ Wo das Ortsnamensuffix *-ētum* nicht als solches erkannt wurde, etwa weil es in eine weitere Ableitung eingebaut war, konnte es ohne Akut entlehnt werden; ein Beispiel scheint das deminutive lat. **Cannētulus* (von *canna* 'Rohr') > čak. *Kanītal* auf Rab¹⁸ zu sein.

Die Slaven erlangten spätestens um 600 Kenntnis von Salona und seinem Namen, als sie vor der Stadt erschienen und Papst Gregor der Große dies in seinem Brief an Salonas Bischof Maximus erwähnte (siehe Holzer 2011b: 1 Fußnote 3.).

Срѣдъць

Gr. Σερδική > lat. *Serdica* (wieder eine Entlehnung der Kategorie Q, vgl. oben s. v. *Solun*) > VI rom. **Serdeka* > 7 8 ursl. **Ser'diku* (mit Entlehnungs-Akut und wieder mit Überführung in die maskuline o-Deklination¹⁹) > 1 2 16 20 24 25 43 mittelbulg. *Srědъць* 'Sofia'.²⁰ Entlehnt vor dem ältesten nachurslavischen Lautgesetz, der Dritten Palatalisierung, und somit eine urslavische Entlehnung (vgl. Holzer 2008: 75 § 1.5.). In bulgarischer Zeit wurde Σαρδική ἢ νῦν Τριάδιτζα notiert (s. Schramm 1981: 366); diese Akzentuierung und der hier erfolgte Wandel *ě* > *ja* sprechen für Initialbetonung

16 Lat. *Flanōna* > kroat. *Plòmin* wurde, wie es scheint, erst nach dem Wirken des Dyboschen Gesetzes (neu)entlehnt und dekliniert daher ohne Akut nach dem Akzentparadigma a (s. Holzer 2011b: 140).

17 Lagenamen auf Rab. Siehe Skok (1950: 58, 59) und Holzer (2014: 208), mit weiteren Literaturangaben. Mit dalmatischem *k* und unsonorisierendem *t*, entlehnt nach der Zweiten Palatalisierung (7) und entweder auch nach dem Wandel *u* > *ъ* (25), also nicht vor der ersten Hälfte des 9. Jh., oder aber mit unregelmäßiger romanischer Dehnung in der ersten Silbe, vgl. Holzer (2014: 201–203 § (I)).

18 Siehe Skok (1972: 29) und die Erläuterungen in Holzer (2014: 203 Fußnote 11).

19 Nach Schramm (1981: 365) wurde in Anlehnung an das Genus von *gradъ* aus dem L Sg. *Srědъci* ein Maskulinum abstrahiert.

20 Einzelheiten zu diesem Namen s. in Schramm (1981: 364–366).

und die Tatsache, dass Dybos Gesetz nicht gewirkt hat, für Akut in der ersten Silbe. Auch die Wiedergabe des lateinischen *e* durch rom. *e* (nicht *ę*)²¹ > slav. *e* (nicht *i*; s. Holzer 2011b: 35 § 7) spricht für Initialbetonung.

Serdica lag nördlich der sog. Jireček-Skok-Linie, die eine Latein sprechende nördliche Hälfte der Balkanhalbinsel von einer Griechisch sprechenden südlichen trennte;²² denn: „Die spätantiken Inschriften aus *Serdica* sind in ihrer Mehrheit lat. abgefaßt“; wohl ist es so, dass „im 5.-6. Jh. der Vorrang vom Griech. auf das Lat. übergang“, womit „unwahrscheinlich ist, daß die Slawen in *Serdica* auf ein griech. Übergewicht trafen“ (s. Schramm 1981: 365).

Timok

Aus dem Thrakischen: etwa **təm-ak^wā* ‘schwarzes Wasser’²³ > lat. *Tīmacus* (Plinius, *Naturalis historia* III 149) > III VI **Tēmaku* > IX rom. **Tēmaku* > 7 ursl. **Tīmaku* (ohne Entlehnungs-Akut) > 11 **Tīmaku* > 23 25 **Tīmokъ* > (mit dialektaler Kürzung?²⁴) **Tīmokъ* > 39 48 **Timok* > 69 serb. *Timok*, Gen. *Timoka*. Mündet, von Serbien kommend, im Dreiländereck zwischen Serbien, Rumänien und Bulgarien in die Donau.

Meine in Holzer (2014: 202) geäußerte Annahme²⁵ einer romanischen prosodischen Sonderentwicklung gebe ich jetzt auf und gehe von der in *Pravopis* 1960: 735 angegebenen Akzentuierung *Timok*, Gen. *Timoka* und von der in Ristić/Kangrga (1928: 1054) und Skok (1973: 470) angegebenen Akzentuierung *Timočanin* (ursl. **Tīmačjā ne*) und *timočkī* aus. Das lateinische *a* muss angesichts seines nachurslavischen Reflexes *o* kurz und nach der Pänultimaregel daher unbetont gewesen sein.

„A. 818 stellte sich eine Gesandtschaft von Slawen, die vom Timok [...] nach Heristal an der Maas angereist war, Ludwig dem Frommen als *Timociani* [...] (= **Timočane*) vor.“ (Schramm 1981: 146.)

Sutomore

Zum lateinischen *Maria* geben Klotz (1874: I 361) und Georges (1862: 210) *Mārīa* und *Mārīa* als Akzentuierungsvarianten an. Der Name ist wohl aus dem Griechischen entlehnt, wo er *Μαρία* lautet. Lat. *Mārīa* ist eine Entlehnung der Kategorie A, also

21 Nur betontes lateinisches *e* bleibt im Romanischen offenes *e*; siehe Holzer (2011b: 23–24 § VI).

22 Zu dieser Linie siehe Holzer (2011b: 10–11).

23 Vgl. Popović (1960: 76, 98, 154, 172; nach Mladenov und Georgiev). Zur Bedeutung von ‘weiß’ und ‘schwarz’ in Flussnamen s. Holzer (2008: 9–30).

24 Eine Akzentuierung *Timok*, Gen. *Timoka* kann es nach standardserbischen Lautgesetzen nur als Ergebnis einer Akzentverschiebung von der ersten Silbe auf die zweite nach Dybos Gesetz und danach der neuštokavischen Akzentverschiebung geben. Das aber schließt den Akut aus, den man nach standardserbischen Lautgesetzen der Kürze des *i* wegen in der ersten Silbe ansetzen müsste. In ARj XVIII 33 sind mehrere Belege des Hydronyms aus dem Volkslied zitiert, dessen Überregionalität eine dialektale Zuordnung der Akzentuierung erschwert.

25 Sie baut auf die in ARj XVIII 331 und in Skok (1973: 470) angegebene Akzentuierung *Timok*, Gen. *Timòka* auf. Skok (1973: 470) merkt an: „U rimsko doba *Timacus* (s akcentom na -a)“ — woher weiß er das? — Zum Namen *Timok* siehe noch Holzer (2008: 76, 107, 201 Fußnote 6).

mit Längung der akzentuierten Pänultima zur Beibehaltung der Akzentstelle, *Mǎrīa* hingegen ist eine Entlehnung der Kategorie Q, also mit Beibehaltung der Quantitäten und Betonung nach der lateinischen Pänultimaregel (s. Holzer 2011a: 85–86).²⁶ Beide Akzentuierungen scheinen in slavischen Entlehnungen vorzukommen, und zwar *Mǎrīa* in *Sūtomore* und *Mārīa* in *Sutomôrje* (s. u.). Zunächst zu *Sūtomore*:

Lat. *Sancta Maria* > II IV *Sançta Marja > VII **Sançta Mar'a* > 3 6 (8) ursl. **San( )xta Marja*. Mit Entlehnungs-Akut oder ohne. Die wahrscheinlich nach 600 n. Chr. zu datierende romanische Längung IX hat hier nicht stattgefunden, was diese Entlehnung aus dem Romanischen als eine der ältesten ausweist (s. Holzer 2011b: 26). Das urslavische Syntagma **San( )xta Marja* wurde dann zum Kompositum **San( )xtamarja* univerbiert. Zur urslavischen Betonungslosigkeit solcher Komposita vgl. ursl. *čirnaġal wu > nšt. *čr̄noglāv* ‘Schwarzkopf’, **lej( )stapā du* > nšt. *l̄istopād* ‘Oktober’ u. v. a. Die weitere Entwicklung verlief lautgesetzlich: Ursl. **San( )xtamarja* > 2 (12) 14 23 28 *Sōtomorje > 30 33 44 **Sōtomor'e* > 47 61 montenegr. *Sūtomore*. Siehe ARj XVII 80, Skok (1973: 365), Šimunović (1986: 112, 118); Holzer (1998: 29), Holzer (2011b: 153 s. v. *sutal*).

Sutomorje

Lat. *Sancta Marīa* > II rom. *Sançta Marīa > 6 (8) ursl. **San( )xta Marija*.²⁷ Dieses urslavische Syntagma wurde dann zum Kompositum **San( )xtamarija* univerbiert. Zur Akzentuierung solcher Komposita vgl. ursl. *čirnaġwal suju ‘der, dessen Haar schwarz ist’, ursl. *zal tagal wu ‘einer, dessen Kopf golden ist’ u. v. a. Die weitere Entwicklung verlief wieder lautgesetzlich: Ursl. **San( )xtamarija* > 2 11 (12) 14 23 25 28 **Sōtomor̄bje* > 41 47 48 *Sutomorje > 67 čak. oder altštok. (also ohne neuštokavische Akzentverschiebung 69) *Sutomôrje* (Äcker). Der Name scheint in Skok (1973: 365 auf; ohne Lokalisierung).

Logatec

Lat. *Longaticum* > III VI IX rom. *Loṅgāteku > 7 ursl. *Lungātiku (ohne Entlehnungs-Akut) > sloven. *Logátec* (dt. *Loitsch*). Eine sehr frühe Übernahme vor der Dritten Palatalisierung. Vgl. Holzer (1996b: 85), Holzer (2008: 75 § 1.5), Snoj (2009: 243). Zur ostromanischen Herkunft des Namens ohne Sonorisierung siehe Šekli (2009: 116).

²⁶ Zu sieben anderen solchen A/Q-Dubletten siehe Holzer (2011a: 86).

²⁷ Wohl wurde das lateinische antevokalisches *ī* im Urslavischen zu *ij* zerlegt (vgl. ursl. *krū : *kruwe).

Oglej

Lat. *Aquilēia*²⁸ (= *Āquilēja*, bei Strabo ἀκυλῆια²⁹, s. Klotz 1874: I 483, Georges 1861: 388; Prokop Gotenkriege V 1/22: Ἀκυλῆιαν) > *Akulēja (vgl. in Salona *Aculeiesis*, CIL 12925, s. Katičić 1980: 29) > v1 *Akuleja > IX und mit westromanischer Sonorisierung rom. **Agulēja*³⁰ (friaul. *Aghulea* > *Aguléa*; s. Skok 1921–22: 31, Kranzmayer 1956: 43 Fußnote 17, Katičić 1980: 29) > 8 ursl. *Agulē ju (mit Entlehnungs-Akut) > 2 *Agulē ji > 23 *Ogulē ji > 24 *Ogulē ji > 25 *Ogblē jь > 39 *Ogblē jь > 43 *Ogblējь > 48 *Oglēj > ekavisch (statt 60) *Oglej > 67 *Oglēj > 69 kroat. † *Ōglēj* (so hypothetisch akzentuiert in HER 862; vgl. *Oglej* in der Istrischen Grenzziehung), ikavisch *Oglij* (Kožičić), sloven. *Oglēj*, mhd. *Agley*, *Aglay*. Siehe ARj VIII 748, Skok (1921–22: 26), Skok (1953: 52–53), Skok (1972: 547–548), Katičić (1980: 29), Anreiter (2001: 145), Holzer (2008: 140), Snoj (2009: 528).

Warum hier lat. *j* ohne Assibilierung (> VIII *dz*) geblieben ist, diskutiert Skok (1921–22: 25–29, 32, 151). Vom Romanisten Paul Videsott (Bozen) wurde mir freundlich mitgeteilt, dass im Friaulischen wie auch im ehemals angrenzenden Dolomitenladinischen intervokalische *j*, *dj* und *gj* durch *j* vertreten sind, und Peter Anreiter (Innsbruck) hat mir den Erhalt des *j* anhand folgender Beispiele erörtert: lat. *Matrēia > dt. *Matrei* (Tabula Peutingeriana: *Matreio* für Matrei am Brenner; urk. 1155–1164 *Matrei* für Matrei in Osttirol), friaul. *Modrēja* (am Isonzo; s. auch Kranzmayer 1956: 42 Fußnote 17); lat. **Stupe(i)a* > dt. *Stubai* (ca. 1000 *hoba inter Alpes Stupeia*, 11. Jh. *mons in Stubey*: linkes Seitental des Tiroler Silltales) und lat. *Aquilēia* > dt. *Aglei*. In diesem Zusammenhang hat Anreiter auch auf 893 *Oneia*, 1237 *Unay* im Pustertal und auf lat. *Celēia* > sloven. *Celje* hingewiesen. Siehe dazu auch Anreiter (1997: 83 Fußnote 557), Anreiter (2001: 145–146). Zu klass. lat. *Celēia* > „sloven. **Cel'ě* (morda bolje **Celj'ě*)“ siehe noch Snoj (2009: 87).

Videm

Lat. (ca. 1000) *Ūtinum* > III *Ūtinu > (mit westromanischer Sonorisierung) *Ūdinu > v1 *Ūdenu > IX rom. *Ūdenu (friaul. *Udin*, vgl. ital. *Udine*) > 7 ursl. *Ūdinu (ohne Entlehnungs-Akut) > 5 *Wūdinu > 6 *βūdinu > 11 *βūdinu > 15 *βyđinu > 25 *βyđьнъ >

28 Zur Länge des *ē* s. Skok (1921–22: 26).

29 Entlehntes lateinisches *qu* ergibt im Griechischen κ mit Labialisierung des nachfolgenden Vokals (*a* > *o*, *i* > *ü*): *quadrans* ‘Pfennig’ > κοδράντης (Mk 12,43; s. Bauer 1988: 889), *Quirinius* > Κυρίνιος, Κυρίνιος (Lk 2,2; s. Bauer 1988: 930–931), *Aquila* > ἀκύλας (Personenname; AG 18,2 u. a.; s. Bauer 1988: 66) und eben *Aquileia* > ἀκυλῆια. Das beweist eine noch labiale Aussprache des griechischen *v* zur Zeit der Übernahme dieser lateinischen lexikalischen Einheiten (dies sei als Ergänzung zu Karvounis 2008: 78–80 angemerkt). Zu lat. *qui* > gr. *[kü] s. Muljačić (2005: 563–564), Lausberg (1967: 23–24 mit Fußnote 1 auf Seite 24; „im Neuen Testament ἀκύλας < *Aquila*, *Κυρεῖνος* < *Quirinus*; umgekehrt wird *Κυριακός* im Lt. als *Quiriacus* wiedergegeben.“), Lausberg (1967: 64), Lausberg (1969: 163).

30 Dass hier an die Stelle des zu erwartenden geschlossenen *ē* ein offenes *ē* getreten ist, erklärt Skok (1921–22: 30–31, 151) durch Einfluss der gelehrten kirchenlateinischen Aussprache. Ramovš (1921–1922: 33–34) nimmt darauf kritisch Bezug. Könnte es sich hier nicht auch um eine den Öffnungsgrad betreffende Dissimilation innerhalb des Diphthongs (*ēj* > *ěj*) handeln?

37 *β̄ȳ.d̄b̄n̄b̄ > 38 *β̄l̄.d̄b̄n̄b̄ > 39 *β̄l̄.d̄b̄n̄b̄ > 48 *β̄l̄.d̄b̄n̄ > 55 *β̄l̄.d̄an̄ > 70 čak. (mit hypothetischer Akzentuierung) † *Vīdam*, vgl. z *Vidma* in der Istrischen Grenzziehung. Sloven. *Vīdem*, Gen. *Vīdma*, dt. *Weiden*. Siehe Kranzmayer (1956: 43 Fußnote 17), Skok (1973: 586), Šimunović (1976: 12), Katičić (1980: 29), Šekli (2009: 125, 126), Snoj (2009: 454). Das auslautende *-m* in den slavischen Namenlautungen geht auf eine hyperkorrekte Subtraktion des dialektalen Lautwandels *-m* > *-n* zurück;³¹ anders Šekli (2009: 123 Fußnote 21).

Koroška

Substratidg. *Karantjā (vgl. Anreiter 2001: 46–47) > ursl. *Karantjā (ohne Entlehnungs-Akut in der betonten Silbe) ‘Kärnten’. Nach Markos Snojs brieflicher Mitteilung ist für diese unbelegte Basis vom Akzentparadigma b auszugehen, um die Akzentuierungen der Ableitungen neuštokavisch *kòruški*, sloven. *koróški* (tonemisch *korôški*) ‘kärntnerisch’, substantiviert *Koróška*, *Koróško* ‘Kärnten’, und *Korošica* (< *Koroščica) ‘Kärntnerin’ erklären zu können. Vgl. auch Snoj (2009: 201).

Das resianische *Koroten*, Gen. *Korotona* ‘Kärnten’, dem, wie er mitteilt, schriftsprachliches *Korotàn*, Gen. *Korotána* entsprechen würde, leitet Marko Snoj von lat. *Carantāni* ‘die Kärntner’ her, das im Urslavischen Akut auf der betonten dritten Silbe bekommen habe. Im Resianischen sei, so Marko Snoj, dieser Plural auf dieselbe Weise singularisiert worden wie die Toponyme *Rakičan* aus *Rakičane* ‘die bei den Weiden Wohnenden’ (Prekmurje), maked. *Rakištan* und ukr. *Poljan*. In meiner Notation wäre also ursl. **Karantā ne*³² anzuschreiben (wohl ist hier das lateinische *-āni* mit dem urslavischen Bewohnernamensuffix **-jā ne* volksetymologisch assoziiert worden).

Zilja

Substratsprachliches *Gīlā (davon dt. *Gail*, 1090 *Gila*) > ursl. *Gīljā (mit Entlehnungs-Akut) > 7 16 35 u. a. sloven. *Zilja*. Siehe Holzer (1996b: 85, 2008: 75 § 1.5), Snoj (2009: 481). Nach Marko Snojs brieflicher Auskunft folgte der Name angesichts des Deminutivs *Ziljica* ‘Gailitz’ dem Akzentparadigma a.

Labot

Alteurop. *Albanta (vgl. uridg. **alb^ho-* ‘weiß’³³) > ursl. *Albantu (mit Entlehnungs-Akut) > 10 nachursl. *Lābantu > sloven. *Lábot* und dt. dial. *Lääfnt* ‘Lavant’. Snoj (2009: 222) führt sloven. *Lábot*, v *Lábotu* auf *Ólbotb zurück. Die slavische Initialbetonung lässt auf alteuropäische Initialbetonung schließen und zeigt, dass dieser Name nicht über das Lateinische bzw. Romanische, wo er pänultimalbetont gewesen sein musste, ins Slavische übernommen worden ist, sondern direkt aus dem vorrömischen Substrat (das das Romanische vielleicht sogar überlebt hatte).

31 Vgl. sloven. *Pičem*, ital. *Pedena*, dt. *Piben*, s. Kranzmayer (1956: 43 Fußnote 17).

32 Vgl. auch altruss. *Xorutane*, dessen *x* auf bairische Vermittlung weist, s. Vasmer (1980: 266).

33 Zur Bedeutung von ‘weiß’ und ‘schwarz’ in Flussnamen s. Holzer (2008: 9–30).

Labe

Alteurop. *Albis (so lat. belegt; gr. Ἀλβίς; vgl. uridg. **alb^ho-* ‘weiß’) > ursl. **Al’bi* (mit Entlehnungs-Akut) > 10 u. a. tsch. *Labě* > *Labe* ‘Elbe’. Ohne urslavischen Akut würde der Name im Tschechischen **Lobe lauten. Sloven. *Lába* ist aus dem Tschechischen entlehnt. Vgl. Snoj (2009: 521).

Řezno

Wohl aus dem Keltischen (s. *Der Kleine Pauly* IV 1366): Lat. *Regina* (Tabula Peutingeriana und Itinerarium Antoninianum 250), *castra Regīna* (Notitia dignitatum XXXV 17; *ī* nach *Der Kleine Pauly* IV 1366), daraus ursl. *Regina > 7 16 23 25 *Redzъno > 35 48 u. a. tsch. *Řezno* ‘Regensburg’.

Zur Regensburger Mission in Böhmen zu Beginn des 9. Jahrhunderts und zur Nachricht der *Annales Fuldenses*, nach der Ludwig der Deutsche am 13. Jänner 845 vermutlich in Regensburg vierzehn Fürsten aus Böhmen taufen ließ, siehe Nechutová (2007: 32).

Vlah

Ursl. **wal’xu* (mit Entlehnungs-Akut) ‘Welscher’ > (alt)russisch *volox*, kroatisch und serbisch 6 20 25 39 43 48 70 *vläh* ‘Romane’, sloven. (*v*)*läh* ‘Italiener’. Nach der *communis opinio* aus dem Germanischen übernommen, von dem er seinerseits aus dem Keltischen (vgl. Caesar, *De bello gallico* VI 24: *Volcae*) entlehnt worden ist, bevor im Germanischen *k* zu (*c*)*h* „verschoben“ wurde, was um das 4. Jh. v. Chr. geschehen sein könnte. Das dem damaligen Germanischen fremde keltische *o* wurde durch *a* substituiert. Nach der germanischen Lautverschiebung, aber vor den verschiedenen slavischen Entwicklungen der interkonsonantischen Sequenz *al* (südslavisch 20) gelangte der Name aus dem Germanischen ins Slavische. Siehe Pronk-Tiethoff (2013: 98–99), Snoj (2009: 224 s. v. *Láhinja*), Holzer (im Druck).

Luga

Aus einer dem finn. *Laukaa* gegenüberstehenden Stufenwechselform: Ursl. **Law’gā* (mit Entlehnungs-Akut) > 3 17 russ. *Luga*. Ein westlich von St. Petersburg in den Finnischen Meerbusen mündender Fluss, der auf Finnisch *Laukaa*(*njoki*) heißt, was sich zu estn. *laugas* ‘Sumpf, Morast’ stellt. Siehe Vasmer (1971: 304, 1979: 65), Kiparsky (1948: 46), Strumiński (1996: 152), Holzer (2001: 39–40, 2008: 226), Kallio (2006: 160).

Ladoga

Entlehnung eines nicht näher identifizierbaren finnischen Wortes (nach Strumiński vermittelt durch anord. *Aldaga) ist ursl. **Al’dagā* (mit Entlehnungs-Akut) > 10 23 u. a. russ. *Ladoga*. Altisländisch *Aldeigja* (ca. 1010 belegt) und (späteres) *Aldeigjuborg* sowie mnd. *Aldagen* (1268, 1269) verbürgen, dass der Name ursprünglich mit *Al-* anlautete. Siehe Vasmer (1979: 5), Strumiński (1996: 89–92, 234–235), Sitzmann (2003: 37–39).

Ladoga entstand als Siedlung um die Mitte des 8. Jh. (s. Janin 1986: 210–211, Goehrke 1992: 31, 34). Es gehörte zu den „an den großen Stromwegen entstehenden

ältesten Handels- und Herrschaftszentren“, wo finnische, baltische, ostslavische und skandinavische Bevölkerungselemente zusammentrafen (s. Goehrke 1992: 35).

Ižora

Eine dem finn. *Inkeri* gegenüberstehende Stufenwechselform (nach Strumiński *Ingerä-*) wurde vor der Ersten Palatalisierung und somit auch vor dem Wirken des Dyboschen Gesetzes entlehnt: Vorursl. *Igerā > ursl. *Īdžerā (ohne Entlehnungs-Akut) > 18 altruss. *Ižera* > russ. *Ižora*. Linker Nebenfluss der Neva, das Land an diesem Fluss heißt schwedisch *Ingermanland* und mnd. *Engeren*. Siehe Strumiński (1996: 150–152), Holzer (2008: 223).

Don

Ursl. *Danu (mit bei Entlehnungen ungewöhnlicher Betonungslosigkeit, daher wohl aus einem früh entlehnten vorursl. *Danas, das – wohl über das Akzentparadigma D – der Regel entsprechend zum Akzentparadigma C übergewechselt ist, vgl. vorursl. *zambas > ursl. *zambu > russ. *zub*, *zuba* ‘Zahn’; s. Holzer 2005: 40–41 § 0.1, Holzer 2009: 158 § 5. und 170 § 12.3, Holzer 2011b: 5 Fußnote 19) > 23 25 30 48 russ. *Don*, Gen. *Dona*; ukr. *Din*, Gen. *Donu*. Davon das Deminutivum ursl. *Daniku > russ. *Donec*. Nach Vasmer (1976: 362) aus dem Iranischen. Zum vielleicht kimmerisch vermittelten griechischen Namen *Távαις* (Herodot, Strabo) s. Holzer (1989: 190–191).

Dnestr

Ursl. *Dunēstru oder *Dunajstru > 11 24 25 37 u. a. aruss. *Днѣстръ* > 48 u. a. russ. *Dnestr*, Gen. *Dnestra*, also entlehnt vor dem Wirken des Dyboschen Gesetzes (11). Abweichend akzentuiert ist das bei Konstantin Porphyrogenetos belegte *Δάναστρις* (s. Moravcsik 1949: 291). Wohl iranisch. Vgl. noch lat. *Danastrus* (Jordanes), arab. *Dānast*. Vgl. Vasmer (1971: 159, 1976: 355).

Dnepr

Ursl. *Dunēpru oder *Dunajpru > 11 24 25 37 u. a. aruss. *Днѣпръ* > 48 u. a. russ. *Dnepr*, Gen. *Dnepra*, also entlehnt vor dem Wirken des Dyboschen Gesetzes (11). Abweichend akzentuiert ist das bei Konstantin Porphyrogenetos belegte *Δάναπρις* (s. Moravcsik 1949: 291). Wohl iranisch. Vgl. noch lat. *Danaper* (Jordanes). Vgl. Vasmer (1971: 161, 1976: 354–355).

Literatur

ANREITER, Peter (1997) *Breonen, Genaunen und Fokunaten. Vorrömisches Namengut in den Tiroler Alpen*. Budapest: Archaeolingua Foundation. (Archaeolingua Series Minor = Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 99.)

ANREITER, Peter (2001) *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest: Archaeolingua Foundation. (Archaeolingua Series Minor, 16.)

- ARj I–XXIII: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. I–XXIII. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1881–1976.
- BAUER, Walter (1988) *Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der frühchristlichen Literatur*. 6., völlig neu bearbeitete Auflage, herausgegeben von Kurt Aland und Barbara Aland. Berlin/New York: Walter de Gruyter.
- DER KLEINE PAULY IV: *Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter bearbeitet und herausgegeben von Konrat Ziegler und Walther Sontheimer*. Band 4 Nasidius – Scaurus. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979.
- GEORGES, Karl Ernst (1861) *Lateinisch-Deutsches Handwörterbuch aus den Quellen zusammengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Synonymik und Antiquitäten mit Berücksichtigung der besten Hilfsmittel ausgearbeitet von Dr. Karl Ernst Georges*. Fünfte, dem heutigen Standpunkte der lateinischen Sprachwissenschaft gemäß umgestaltete Auflage. I. Leipzig: Hahn'sche Verlags-Buchhandlung.
- GEORGES, Karl Ernst (1862) *Lateinisch-Deutsches Handwörterbuch aus den Quellen zusammengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Synonymik und Antiquitäten mit Berücksichtigung der besten Hilfsmittel ausgearbeitet von Dr. Karl Ernst Georges*. Fünfte, dem heutigen Standpunkte der lateinischen Sprachwissenschaft gemäß umgestaltete Auflage. II. Leipzig: Hahn'sche Verlags-Buchhandlung.
- GOEHRKE, Carsten (1992), *Frühzeit des Ostslaventums*. Unter Mitwirkung von Ursel Kälin. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- HER: *Hrvatski enciklopedijski rječnik*. Zagreb: Novi Liber, 2003.
- HOLZER, Georg (1989) *Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. (Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 521.)
- HOLZER, Georg (1996a) *Das Erschließen unbelegter Sprachen. Zu den theoretischen Grundlagen der genetischen Linguistik*. Frankfurt am Main usw.: Peter Lang. (Schriften über Sprachen und Texte, 1.)
- HOLZER, Georg (1996b) „Zu Lautgeschichte und Dialekten des mittelalterlichen Slavischen in Österreich.“ *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 42, 81–110.
- HOLZER, Georg (1998) „Urslavisch und Baltisch.“ *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 44, 27–56.
- HOLZER, Georg (2001) „Zur Lautgeschichte des baltisch-slavischen Areals.“ *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 47, 33–50.
- HOLZER, Georg (2005) „Zur relativen Datierung prosodischer Prozesse im Gemein-slavischen und frühen Kroatischen.“ *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 51, 31–71.
- HOLZER, Georg (2006) „Die Geschichte des Slavischen der Stadt Saloniki bis zum Jahr 863.“ In: J. Reinhart (Hrsg.), *Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Venceslai Mareš*. (Schriften über Sprachen und Texte, 8.) Frankfurt am Main u. a.: Peter Lang, 29–67.

- HOLZER, Georg (2007) *Historische Grammatik des Kroatischen. Einleitung und Lautgeschichte der Standardsprache*. Frankfurt am Main u. a.: Peter Lang. (Schriften über Sprachen und Texte, 9.)
- HOLZER, Georg (2008) *Namenkundliche Aufsätze*. Wien: Praesens Verlag. (Innsbrucker Beiträge zur Onomastik, 4.)
- HOLZER, Georg (2009) „Urslavische Prosodie.“ *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 55, 151–178.
- HOLZER, Georg (2011a) „Zur Akzentuierung romanisch vermittelter Gräzismen im Kroatischen.“ In: E. Stadnik-Holzer (Hrsg.), *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic Accentology IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008). Scheibbs Internationaler Sprachhistorische Tage I*. (Schriften über Sprachen und Texte, 11.) Frankfurt am Main u. a.: Peter Lang, 81–88.
- HOLZER, Georg (2011b) *Glasovni razvoj hrvatskoga jezika*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. [Übersetzung einer ergänzten und verbesserten Version von Holzer 2007.]
- HOLZER, Georg (2014) „Rekurrente Unregelmäßigkeiten in alten südslavischen Romanismen.“ In: G. Rampl/K. Zipser/M. Kienpointner (Hrsg.), *In Fontibus Veritas. Festschrift für Peter Anreiter zum 60. Geburtstag*. Innsbruck: innsbruck university press, 199–211.
- HOLZER, Georg (im Druck) „Der Walchen-Name im frühmittelalterlichen Slavischen.“ In: W. Pohl (Hrsg.), *Romanen und ihre Fremdbezeichnungen im Mittelalter: Walchen, Vlachen, Waliser*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- JANIN, Valentin Lavrent’evič (1986) „Ladoga und Nowgorod.“ In: J. Herrmann (Hrsg.), *Welt der Slawen. Geschichte, Gesellschaft, Kultur*. München: Verlag C. H. Beck, 210–214.
- KALLIO, Petri (2006) „On the Earliest Loanwords in Finnic.“ In: J. Nuorluoto (Hrsg.), *The Slavification of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. (Slavica Helsingiensia, 27). Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 154–166.
- KARVOUNIS, Christos (2008) *Aussprache und Phonologie im Altgriechischen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- KATIČIĆ, Radoslav (1980) „Slavica Foroiuliensia.“ *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 26, 28–32.
- KIPARKSY, Valentin (1948) „Chronologie des relations slavobaltiques et slavofinnoises.“ *Revue des Études slaves* 24, 29–47.
- KLOTZ, Reinhold (1874) *Handwörterbuch der lateinischen Sprache*. I-II. 5. Auflage. Braunschweig: George Westermann.
- KRANZMAYER, Eberhard (1956) *Ortsnamenbuch von Kärnten. I. Teil: Die Siedlungsgeschichte Kärntens von der Urzeit bis zur Gegenwart im Spiegel der Namen*. Klagenfurt: Verlag des Geschichtsvereines für Kärnten.
- LAUSBERG, Heinrich (1967) *Romanische Sprachwissenschaft II: Konsonantismus*. 2. Aufl. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- LAUSBERG, Heinrich (1969) *Romanische Sprachwissenschaft I: Einleitung und Vokalismus*. 3. Aufl. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

- MORAVCSIK, Gy. (Hrsg.) (1949) *Constantine Prophyrogenitus De Administrando Imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins.* Budapest: Pázmány Péter Tudományegyetemi Görög Filológiai Intézet.
- MULJAČIĆ, Žarko (2005) „Il vocalismo del latino di Krk/Veglia (e del veglioto primigenio) sotto l’influsso del greco (e del croato).“ In: P. S. Ureland (Hrsg.), *Integration of European Language Research* (Studies in Eurolinguistics, 2. = Proceedings of the 3rd Eurolinguistics Symposium “A Typology of Language Contacts Around the Baltic and Adriatic Sea”, Zadar (Croatia), 19–22 September 2002). Berlin: Logos Verlag, 563–569.
- NECHUTOVÁ, Jana (2007) *Die lateinische Literatur des Mittelalters in Böhmen.* Köln: Böhlau.
- POPOVIĆ, Ivan (1960) *Geschichte der serbokroatischen Sprache.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- PRAVOPIS 1960: *Pravopis srpskohrvatskoga književnog jezika sa pravopisnim rečnikom.* Novi Sad/Zagreb: Matica srpska – Matica hrvatska.
- PRONK-TIETHOFF, Saskia (2013) *The Germanic loanwords in Proto-Slavic.* Amsterdam/New York: Rodopi. (Leiden Studies in Indo-European, 20.)
- RAMOVŠ, Franc (1921–1922) „Slov. Celje.“ *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* III, 33–34.
- RAMOVŠ, Franc (1921–1922) „Slov. Kobarid – furl. Čavorèd – ital. Caporetto – nem. Karfreit.“ *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* III, 60–62.
- RISTIĆ, Svetomir/Jovan KANGRGA (1928) *Rečnik srpskohrvatskog i nemačkog jezika. Drugi deo srpskohrvatsko-nemački.* Beograd: Izdavačka knjižarnica Rajkovića i Čukovića.
- RIX, Helmut (1976) *Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- SCHRAMM, Gottfried (1981) *Eroberer und Eingesessene. Geographische Lehnnahmen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr.* Stuttgart: Anton Hersemann Verlag.
- ŠEKLI, Matej (2009) „On Romance-Alpo-Slavic substitutional accentology: the case of pre-Slavic masculine substrate place names in Slovene.“ In: Th. Olander/J. H. Larsson (Hrsg.), *Stressing the past. Papers on Baltic and Slavic accentology.* Amsterdam/New York: Rodopi, 145–160.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar (1976) „Toponimija Istarskoga razvoda. U povodu sedamstogodišnjeg jubileja 1275. – 1975.“ *Onomastica Jugoslavica* 6, 3–34.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar (1986) *Istočnojadranska toponimija.* Split: Logos.
- SITZMANN, Alexander (2003) *Nordgermanisch-ostslavische Sprachkontakte in der Kiever Rus’ bis zum Tode Jaroslavs des Weisen.* Wien: Edition Praesens.
- SKOK, Petar (1921–22) „Oglej i Celje.“ *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* III, 24–32 und 151.
- SKOK, Petar (1950) *Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja* 1. Zagreb: Jadranski institut Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.
- SKOK, Petar (1953) „Uslovi života glagoljice.“ *Slovo* 3, 50–63.
- SKOK, Petar (1972) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* II. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

- SKOK, Petar (1973) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* III. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- SNOJ, Marko (2009) *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Modrijan – Založba ZRC.
- STRUMIŃSKI, Bohdan (1996) *Linguistic Interrelations in Early Rus'. Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries)*. Roma/Edmonton/Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press. (Collana di filologia e letterature slave, II.)
- VASMER, Max (1971) *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde herausgegeben von Herbert Bräuer*. Berlin/Wiesbaden: Otto Harrassowitz. [I. Band bis Seite 534, II. Band (nach I–VIII) ab Seite 537.]
- VASMER, Max (1976) *Russisches etymologisches Wörterbuch* I. Heidelberg: Carl Winter - Universitätsverlag.
- VASMER, Max (1979) *Russisches etymologisches Wörterbuch* II. Heidelberg: Carl Winter - Universitätsverlag.
- VASMER, Max (1980) *Russisches etymologisches Wörterbuch* III. Heidelberg: Carl Winter - Universitätsverlag.

Resümee

LAUT- UND AKZENTGESCHICHTLICHES ZU EINIGEN AUS SUBSTRATEN UND NACHBARSPRACHEN INS SLAVISCHE ENTLEHNTEN NAMEN

In diesem Beitrag wird die Laut- und Akzentgeschichte einiger geographischer Namen untersucht, die das Slavische der Expansionszeit oder kurz danach von seinen Substrat- oder neuen Nachbarsprachen übernommen hat. Die ausgewählten Namen stammen aus dem Griechischen, Lateinischen bzw. Romanischen, „Alteuropäischen“, Thrakischen und anderen indogermanischen Substratsprachen wie auch aus dem Deutschen und anderen germanischen Sprachen, aus dem Finnischen und dem Iranischen. Im Einzelnen werden folgende Namen behandelt: *Silicānum > *Solkan*, *Silicētum > *Sužid*, *Caprētum > *Kobarid*, *Σαλονίκη* > *Solun*, *Salōna* > *Solin*, *Serdica* > *Срѣдъсь*, *Timacus* > *Timok*, *Sancta Maria* > *Sutomore*, *Sancta Mariā* > *Sutomorje*, *Longaticum* > *Logatec*, *Aquilēia* > *Oglej*, *Ūtinum* > *Videm*, *Karantjā – *Koroška*, *Gilā > *Zilja*, *Albanta > *Lobot*, *Albis* > *Labe*, *Regina* > *Řezno*, **wal'xu* > *Vlah*, *Laukaa* – *Luga*, ursl. **Al'dagā* > *Ladoga*, *Inkeri* – *Ižora*, ursl. *Danu > *Don*, *Dunēstru oder *Dunajstru > *Dnestr*, *Dunēpru oder *Dunajpru > *Dnepr*.

Schlüsselwörter: Namen, Entlehnung, Substrate, Akzent, Lautgesetze

Abstract
REMARKS ON THE HISTORY OF SOUNDS AND ACCENTS
OF SLAVIC NAMES DERIVING FROM SUBSTRATES AND
NEIGHBOURING LANGUAGES

This paper examines the history of sounds and accents of a number of place names that have been borrowed by Slavic languages from substrate or neighbouring languages around the time of the Slavic expansion. The selected names originate from Greek, Latin and Romance, “Ancient European”, Thracian and other Indo-European substrate languages as well as from German and other Germanic dialects, Finnish and Iranian. The following names are examined in detail: *Silicānum > *Solkan*, *Silicētum > *Sužid*, *Caprētum > *Kobarid*, *Σαλονίκη* > *Solun*, *Salōna* > *Solin*, *Serdica* > *Srěďьць*, *Timacus* > *Timok*, *Sancta Maria* > *Sutomore*, *Sancta Marīa* > *Sutomorje*, *Longaticum* > *Logatec*, *Aquilēia* > *Oglej*, *Ūtinum* > *Videm*, *Karantjā – *Koroška*, *Gīlā > *Zilja*, *Albanta > *Labot*, *Albis* > *Labe*, *Regīna* > *Řezno*, **wal'xu* > *Vlah*, *Laukaa* – *Luga*, Proto-Sl. **Al'dagā'* > *Ladoga*, *Inkeri* – *Ižora*, Proto-Sl. *Danu > *Don*, *Dunēstru or *Dunajstru > *Dnestr*, *Dunēpru or *Dunajpru > *Dnepr*.

Keywords: names, loans, substrates, accent, sound laws

Povzetek
K ZGODOVINI GLASOV IN NAGLASOV V SLOVANSKIH LASTNIH IMENIH,
PREVZETIH IZ SUBSTRATNIH IN SOSEDNJIH JEZIKOV

Članek se ukvarja z zgodovino glasov in naglasov v številnih zemljepisnih imenih, ki so bili v slovanske jezike prevzeti iz substratnih ali iz sosednjih jezikov v času slovanske širitve. Izbrana imena izhajajo iz grščine, latinščine oz. romanskih različic, nato iz »stare indoevropsčine«, trakijščine in drugih indoevropskih substratnih jezikov pa tudi iz nemščine in drugih germanskih narečij, finščine in iranščine. V razpravi so natančno proučena naslednja imena: *Silicānum > *Solkan*, *Silicētum > *Sužid*, *Caprētum > *Kobarid*, *Σαλονίκη* > *Solun*, *Salōna* > *Solin*, *Serdica* > *Srěďьць*, *Timacus* > *Timok*, *Sancta Maria* > *Sutomore*, *Sancta Marīa* > *Sutomorje*, *Longaticum* > *Logatec*, *Aquilēia* > *Oglej*, *Ūtinum* > *Videm*, *Karantjā – *Koroška*, *Gīlā > *Zilja*, *Albanta > *Labot*, *Albis* > *Labe*, *Regīna* > *Řezno*, **wal'xu* > *Vlah*, *Laukaa* – *Luga*, psl. **Al'dagā'* > *Ladoga*, *Inkeri* – *Ižora*, psl. *Danu > *Don*, *Dunēstru ali *Dunajstru > *Dnestr*, *Dunēpru ali *Dunajpru > *Dnepr*.

Ključne besede: lastna imena, izposojenke, substrat, naglas, glasovni zakoni

PRZEDSŁOWIAŃSKA WARSTWA NAZEWNICZA PÓLNOCNEGO MAZOWSZA – POPRAWKI I UZUPEŁNIENIA (DORZECZE NARWI)

W wydanej przed kilkunastu laty propozycji syntezy najstarszej warstwy nazewnicznej ziem polskich (autor 2001) podjąłem próbę wyodrębnienia grupy nazw geograficznych, których moment powstania należałoby umieszczać w dobie tradycyjnie określonej jako starożytna. Z oczywistych względów konieczne było zastosowanie wnioskowania pośredniego o charakterze postgnozy, odwołującego się do cech formalnych nazw oraz niekiedy dodatkowej argumentacji pozajęzykowej (charakter i tzw. ranga nazywanych obiektów). Było i jest oczywiste, że nie ma żadnej pewnej i bezpiecznej metody pozwalającej bezbłędnie wyodrębniać nazwy o metryce starożytnej; ani brak motywacji leksykalnej na gruncie języków historycznych (w tym wypadku słowiańskich, zwłaszcza polszczyzny), ani istnienie motywacji leksykalnej na gruncie języków niesłowiańskich, ani obecność nazw podobnych na terenach nie objętych historycznym osadnictwem słowiańskim nie mogą tu mieć charakteru rozstrzygającego. Z tych powodów tak zdefiniowaną warstwę najstarszą (czy przedślowiańską) należy rozumieć w sensie Popperowskim – jako zbiór nazw, których nie udało się dotąd wyjaśnić na gruncie języków historycznych, zbiór z jednej strony uszczuplany przez nowe ustalenia sławistyczne, z drugiej wciąż uzupełniany nowymi niejasnymi toponimami odkrywanymi w sukcesywnie udostępnianych źródłach historycznych.

Podstawowym mankamentem pracy było niewystarczające wykorzystanie materiału mikrotoponimicznego, wynikające z nieprzeprowadzenia systematycznej kwerendy olbrzymiego, wciąż tylko częściowo upublicznionego zbioru nazw terenowych zebranych na przełomie lat 50. i 60. (projekt znany jako UN – *Urzędowe nazwy miejscowości i obiektów fizjograficznych*). W wielu wypadkach nie zdawałem sobie w pełni sprawy ze skali powtarzalności tej czy innej nazwy. Tymczasem kryterium powtarzalności i łączliwości z produktywnymi morfemami nazwotwórczymi ma podstawowe znaczenie dla oceny historii danego typu nazwy i wiarygodności rekonstrukcji implikowanego przez nią motywującego apelatywu.¹ Ten aspekt opracowania właściwie nie został wytknięty przez krytykę, w onomastyce polskiej wciąż brak bowiem należytego zrozu-

* Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego, ul. Władysława Reymonta 4, 30-059 Kraków, Polska; zbigniew.babik@uj.edu.pl

1 Rozsądną wartością brzegową jest przyjęcie, że nazwa powtarzająca się czterokrotnie lub częściej (zwłaszcza na obszarze wielkości dzielnicy średniowiecznej Polski, np. Mazowsza) ma metrykę młodszą, średniowieczną lub nawet późniejszą, bez względu na to, czy motywujący apelatyw zachował się w polszczyźnie.

mienia walorów poznawczych mikrotoponimii, wynikających w pierwszym rzędzie z masowości tego materiału.

Jednym z ważniejszych rezultatów pracy było uwypuklenie odrębności północnego Mazowsza, wyrażającej się tak dużym, większym niż na innych terenach zagęszczeniem nazw zaliczonych do tej warstwy, jak i pewnymi cechami formalnymi (większy udział femininów na *-i-, brak formantu -awa w hydronimii). Toponimia ta nie ukazała jednak swego własnego oblicza – niezależnie od obecności tu nielicznych elementów uznanych za germańskie lub bałtyckie, większość nazw została uznana za niejasne etymologicznie i etnojęzykowo, zdefiniowane jedynie negatywnie względem możliwości „nazwodawczych” historycznej toponimii słowiańskiej.

Od dłuższego czasu, realizując inny projekt badawczy, zajmuję się systematyzacją polskich materiałów (mikro)toponimicznych. W dotychczas przebadanej ich części ujawniła się pewna liczba nowych nazw uderzających swą strukturą i zarazem nieprzejrzystością motywacyjną, bądź też nazw tworzących gniazda z nazwami znanymi już wcześniej i rzucających światło na ich historię. Ze szczególną wyrazistością sytuacja ta wystąpiła właśnie na północnym Mazowszu, skłaniając mnie do podjęcia próby usystematyzowania tych przykładów w sposób podobny, jak uczyniłem to w książce. Wyodrębniam zatem te toponimy, które z największym stopniem prawdopodobieństwa mogą być traktowane jako przynależnie do tak zdefiniowanej warstwy najstarszej – przedslowiańskiej; w grupie tej umieściłem przede wszystkim nazwy sprawiające wrażenie dawnych złożań, gdzie ze względu na obecność dwóch morfemów leksykalnych ryzyko uznania nazwy rodzimej za obcą jest szczególnie małe. Prezentuję tutaj głównie wstępne etapy badania, polegające na opisanu dokumentacji tych toponimów oraz próbie odtworzenia ich ewolucji na gruncie polskim i rekonstrukcji prapostaci w momencie przejmowania do słowiańskiego, kwestie związane z właściwą interpretacją etymologiczną i „etnojęzykową” pozostawiając zasadniczo na uboczu. Ze względu na narzucone ograniczenia objętościowe ograniczam się wyłącznie do dorzecza Narwi (wraz z Wkrą) i tylko do nazw, których do najstarszej warstwy nie zaliczyłem w roku 2001;² niestety, miejsca zabrakło również na wiele innych szczegółów. O nazwach *Mława* i *Turośl* pisałem w innych miejscach (autor 2004; 2008: 36–37), do uwag tam przedstawionych nie mógłbym obecnie dodać wiele nowego.

Chachłuz – nazwa rzeki w okolicach Ostrołęki, znana z pojedynczego zapisu ([1565] LuMazXVI II 43: <na rzece Chachluzie>), wedle dotychczasowej wiedzy nie zachowana we współczesnej warstwie mikrotoponimicznej. Identyfikacja nie jest jasna, nazwę podano bez kontekstu (nie wiemy nawet, czy leżała w prawej, czy w lewej

---

2 Przypomnijmy, że zaliczono tu (autor 2001: 92 i passim) nazwy *Drwęcz*, *Dybla*, *Elk*, *Jakać*, *Kubra*, *Kumielsko*, *Lutobrok*, *Łaś*, *Łomża*, *Łydynia*, *Narew*, *Omulew*, *Orzyc*, *Oskobłok*, *Pelta*, *Pisa*, *Pryskat*, *Rumoka*, *Szkwa*, *Trłoga*, *Węgra*, *Wincenta*, *Wissa*, *Wizna*, *Wkra*, *Wszerecz*. Z tej grupy wyłączyć należy *Kubrę* (formalistycznie, ze względu na istnienie nawiązań apelatywnych w leksyce słowiańskiej, o czym niebawem w innym miejscu) i *Łaś* (zapewne jest to nazwa rodowa o pierwotnym brzmieniu *Łaszy* → *Łasze*, później syngularyzowana, zob. teraz NMPol VI 284, s.v. *Łaś*; zmiana *sz* > *s* tłumaczy się mazowieckim siakiem). Większość pozostałych nazw wymaga dalszej, nakierowanej głównie na drugorzędne szczegóły dyskusji.

części dorzecza Narwi); o rzece wiadomo tylko tyle, że zdolna była napędzać koło młyńskie. Postać *Chachluza* (< *Chachłuza*?) należy zestawić³ z górnośląskim hydronimem zapisanym w r. 1308 (w kopii z roku 1696) jako <*Cocolug*> (SNGŚ II 14).⁴ Autorzy tego słownika (zapewne sam H. Borek) odczytali nazwę jako *Chocholug* i objaśnili jako zrost od *Chochol* i *lug* (*Chocholug* > *Chocholug*), co przekonywać nie może. Domański (1989: 175) rekonstruował *Kocioług* (!) nie zauważając, że w okolicach Orzesza nadal funkcjonuje pokrewna nazwa (stawu i osady), ustandaryzowana w PRNG jako *Hochológ* (!).⁵ Mimo widocznych różnic zdaje się nie ulegać wątpliwości, że chodzi o wtórne warianty formalne tego samego charakterystycznego złożenia, mogącego stawać się nazwą wodną (casus podobny do stosunku *Oskobłok* : *Osobłoga*, opisanego w *Najstarszej warstwie*). Mimo podobieństwa drugiego członu do słowiańskich apelatywów topograficznych (*lugь, *luža) całość sprawia mocno podejrzaną wrażenie (przeгляд słowiańskiej leksyki apelatywnej na **xax-*, **xox-* w ĘSSJa VIII 10–11, 53–56). Praformę obu nazw trudno jednak zrekonstruować w sposób autorytatywny. Wahania -*g-* : -*z-* (-*dz-*) w wygłosie tematu, spowodowane nie do końca jasnymi przeszeregowaniami fleksyjnymi na podstawie reinterpretacji miejscownika, są w nazewnictwie polskim znane (por. Bańkowski 1982: 85).

Duświeta – standaryzacja nazwy gwarowej (UN CXXXIII 48) brzmiącej *Duśfeta* (UNMasz CXXXIII 48). Według źródeł jest to nazwa pola we wsi Nowy Susk (pow. Ostrołęka). Standaryzację trzeba ocenić jako udaną, w gwarach mazowieckich zachodzi bowiem regularna dyspalatalizacja wargowej w podobnych grupach spółgłoskowych (zob. poszczególne opisy fonologiczne u Basary 1984). Nieoczekiwane z fonetycznego punktu widzenia jest zakończenie *-eta* (bez refleksu żadnego z przegłosów), stan taki może być jednak wtórny – w wypadku dawnego *ě > *a wynikając ze zmiany *a* > *e* po palatalnych, obserwowanej na Mazowszu, w przypadku *e > *o ze zniesienia alternacji w kierunku uogólnienia tematu miejscownika (*Duświota : loc. *Duświecie*, skąd nowe *Duświeta* itd. w nowszej epoce). Prapostacią byłoby zatem (po)prasłowiańskie *Dusveta lub *Dusvēta.

Forma uderzająco przypomina polską transpozycję litewskiej nazwy wodnej brzmiącą *Duświaty* (jezioro i dobra w okolicach Troków, litew. *Trakai*, pod Wilnem). Na nazwę taką udało się natrafić w kilku opracowaniach polskich dostępnych w Internecie, nie natrafiono natomiast na wariant litewski tej nazwy, nie odnotowany u Vanagasa 1970 (**Dūsvetos?* **Dūsvetai?*). Polskie nazwy jeziorne z obszaru Litwy i Białorusi zakończone na *-aty* kontynuują zwykle substratowe *-intai*, *-entai*, niekiedy

3 Pewne podobieństwo wykazuje także *Chocholódka -i*, nazwa pola we wsi Paczółtowiec w pow. Chrzanów (UN IV 24). Wahania *-d-* (*-t-*) : *-g-*, *-ż-* nie wyjaśnimy jednak bezproblemowo.

4 Według hydronimicznej bazy danych IJP PAN jest to mały strumień (ok. 4 km) w basenie Rudy we wsi Palowice. Por. też HO nr 38: *Chocholug* a. *Kocolug*. Notowano także nazwę niezlokalizowanego ściśle młyna <*Chocholug*> w zapisie z r. 1505 (SNGŚ l.c.). Podana przez Mycielskiego postać nazwy osady *Chacholug* ma chyba hiperpoprawne *a* (wobec śląskiej zmiany *ǎ* > *o*).

5 W polskim systemie ortograficznym postaci graficzne *Chocholug* i *Hochológ* opiewają na to samo brzmienie [xoxoɫuk]. Postać z *H-* pojawia się na mapie niemieckiej („setce”, arkuszu Sohrau) z 1884 r., osobliwa pisownia bazuje zatem chyba na podciągnięciu pod niem. *hoch*.

jednak także *-etos* itp. (litew. *Dusetos* : pol. *Dusiaty*). Mielibyśmy tu zatem bardzo charakterystyczną zbieżność z toponimią litewską, i to raczej w formie implikującej późne zapożyczenie do słowiańskiego.

Jaboraziec – standaryzacja nieznannej (w mławskim „maszynopisie profesorskim” UNMasz CXXXI nazwy tej brak) nazwy gwarowej łąk we wsi Mdzewo w pow. Mława (UN CXXXI 21: dop. *Jaborażca*). Nazwa nieznaną z innych źródeł (brak jej m.in. w PRNG, co uniemożliwia ściślejszą lokalizację), izolowana i ciemna, sprawiąca wrażenie rodzimego derywatu (zapewne deminutywnego) podstawowego złożenia **Jaboraz* lub **Jaboraż* (w ostateczności **Jaboraż*, z możliwym siakaniem $\acute{z} > \acute{z}$). Oba prawdopodobne człony są niejasne, kuszące byłoby zestawienia drugiego z nazwami *Sochorąż* (mikrotoponim) i *Chodorążek* < *Chodorąsko* (zob. NMPol II 57: nazwa na *-sko*, niejasne), położonymi na zachodniej peryferii Mazowsza i w Ziemi Dobrzyńskiej. Należałoby jednak przyjąć nieregularną denazalizację lub niedoskonałe przekazanie postaci nazwy.

Kupęś – funkcjonująca współcześnie nazwa lasu we wsi Pery (dop. *Kupęsia*; pow. Zambrów, z lokalizacją 81,2/94,5 w „maszynopisie profesorskim”), ściśle zlokalizowana na mapie (PRNG), jednak pozbawiona starszej dokumentacji (nie notują jej Wolff i Rzetelska-Feleszko 1982). Nazwa izolowana i ciemna, bez nawiązań apelatywnych i antroponimicznych. Niewykluczone przekształcenie jakiejś odmiennej postaci (np. **Kupęść*), przypuszczenie takie opiera się jednak wyłącznie na intuicji. Postać zaświadczona wskazywałaby najprędzej na prapostać **Kupos̥* (temat męski na **-i-*). Postać sprawia raczej wrażenie złożenia (w znanych językach niesłowiańskich tej części Europy brak sufiksów, których wczesne formy mogłyby zostać zeslawizowane jako **-os̥b*), ale struktura takiej formy nie jest jasna (gdzie należałoby postawić granice morfologiczne?).

Lutostań – nazwa lasu i osady (obecnie wsi, gm. i pow. Łomża), dotąd uważana za rodzimą i objaśniana w związku z etymologicznie prawdopodobną, choć nie zaświadczoną nazwą osobową **Lutostan* (Zierhoffer 1957: 243; NMPol VI 246 s.v.). Jednakże charakterystyka gramatyczna (dop. *Lutostani*) wskazuje na femininum na spółgłoskę. Sugerowano (NMPol l.c.), że maskulinum **Lutostań* zostało wtórnie feminizowane, zmiana taka nie jest jednak potwierdzana przez niezależne przesłanki; przeciwnie, dwa zapisy średniowieczne sugerujące końcowe *-i* (<*de Luthostani*> [1436, kopia 1456] SHGMaz (MK 3, 193); <*in Luthosthani*> [1452, kopia 1457] ib. (ib. 4, 6)) stanowią zapewne staropolskie formy dopełniacza i miejscownika, potwierdzając tym samym dawność obecnej fleksji nazwy.⁶ Fleksja taka jest, jak wiadomo, sprzeczna z założeniem derywacji dzierzawczej formantem **-jb* (oczekiwana byłaby forma *†Lutostania*, dop. *†Lutostanie* lub *Lutostań*, dop. *†Lutostania*). Podobieństwo struktury do nazwy *Rzechostań* (p. niżej), o niejasnym pierwszym członie, skłania do poniesienia prób interpretacji nazwy na gruncie pra- czy staropolskim.

6 Trzeci zapis, późniejszy o kilkadziesiąt lat <*Cothy alias Luthostany*> [1480], [1493] (NMPol V 213, s.v. *Koty* (2)), zapewne oznacza już jotowaniem miękkość końcowego *-ń* (por. także <*de Cothy alias Luthosthan*> [1473], <*Cothy Luthostan*> [1509], [1523]).

Mańkań – tak należy standaryzować nazwę zaświadczaną zapisami średniowiecznymi jako dwa lub trzy gniazda hydronimiczne w dorzeczu Narwi. Według HW (208, odcinek 539) nazwę *Mankan* nosiły dwa niesąsiadujące ze sobą prawe dopływy Orzu; przed XVIII w. zaświadczone by też brzmienia *Mąkania* i *Mąkana*. Trzecia podobna lub identyczna nazwa miała zostać zaświadczona w średniowieczu dla prawego dopływu rzeki Penzy na wschód od Łomży. Udało się potwierdzić, że nazwa z dorzecza Orzu przetrwała co najmniej do połowy XX w. – w kwerendzie UN-owskiej zapisano ją jako *Mańkoń* (dop. *Mańkonia*) dla pola we wsi Wojsze (pow. Ostrołęka, niepublikowany „maszynopis profesorski” UNMasz CXXXIII 8; brak w PRNG).⁷ Samogłoska *o* stanowi tu niewątpliwie refleks dawnego *â*, które w tej części Mazowsza zachowało się jako odrębna samogłoska (por. enklawę oznaczoną na mapie 52 u Dejny 1981), ewoluując następnie w kierunku *o*.⁸ Męskie końcówki należy chyba traktować jako innowację w świetle prawdopodobnej postaci żeńskiej na *-a*.⁹

Liczba gniazd nazewniczych zawierających tę nazwę jest trudna do jednoznacznie określenia. Pewnym punktem oparcia jest jednoznacznie zidentyfikowany obiekt z Wojsz. Raczej wiarygodną informacją jest umiejscowienie równobrzmiącej nazwy w dorzeczu Penzy lub Dzierzbi (według bazy danych IJP PAN chodzi o zapis <*rivulo Mankan*> [1414–25, kopia 1456] SHGMaz (MK 3, 65)¹⁰). Istnienie trzeciego gniazda może być kwestionowane. Postać <*Mankan*> została zapisana w roku 1428 (MKsM I nr 579); 10 włók (ok. 170 ha) ziemi położonej nad tą rzeką oraz Jakacją zostało sprzedanych Janowi i Piotrowi z Gostkowa przez Piotra z Milewa. Na tej podstawie w bazie

7 Analiza zawartych w maszynopisie informacji lokalizacyjnych (której metodyki nie mogę tu z braku miejsca przedstawić) zdaje się wskazywać, że pole znajdowało się w południowo-zachodniej części Wojsz. Ciek noszący tę nazwę należy zatem identyfikować z kilkukilometrową strugą, dopływem Orzu uchodzącym na zachód od centrum wsi.

8 Nie wiemy, czy zapis ten odzwierciedla istotnie pomieszenie dawnego *a* z *o*, czy może jedynie błędną percepcję samogłoski lub świadome uproszczenie zapisu.

W opisie fonologicznym gwary wsi Wysocze, położonej ok. 9 km na południe od Wojsz (pkt. 285 OLA), opartym na materiałach zebranych przez B. Falińską w latach 1970 i 1973 (a więc kilka(naście) lat po akcji UN-owskiej) odnotowano sporadyczne występowanie *o* jako kontynuantu *â* przed nosowymi (Basara 1984: 84: przykłady *boćon* < *bociân*, *mòm* < *mâm*). W tymże opisie potwierdzono, że gwara Wysocza zachowała odpowiedniki literackich nosówek *ę* i *ą* jako *ê* i *ô*, w pozycji przed zwartymi rozkładane na sekwencje *ęN*, *ąN* (ib. 82), przy czym przed tylnojęzykowymi powstaje fonetyczne *ŋ*. Wynika stąd, że w takim systemie sekwencja zapisana jako *-ań-* nie może być sprowadzona do staropolskiej samogłoski nosowej.

9 Nie można do końca wykluczyć, że postać <*Mąkanya*>, użyta po łacińskiej formie dopełniacza, sama stanowi dopełniacz nazwy – rodzaju męskiego (!). Zapis z <*ą*> przemawiałby za fonologiczną nosówką, możliwe jednak, że litera <*ą*> zastąpiła zawarte w protografie *<*an*> dopiero podczas kopiowania zapisu w 1498 r.

10 Weryfikacja identyfikacji zapisów hydronimów mazowieckich pochodzących ze źródeł niepublikowanych jest trudna, bowiem wypisy dostępne w bazie danych IJP PAN zwykle nie zawierają kontekstu. Ostatnio w Internecie udostępniono wprawdzie w wolnym dostępie zeskanowaną kartotekę SHGMaz, jednak jest ona usystematyzowana według miejscowości; odszukanie przekazów nazw wodnych wymagałoby uprzedniego ustalenia/odgadnięcia, pod którymi miejscowościami zostały one zaszeregowane.

danych IJP PAN uznano obiekt za lewy dopływ Jakaci, przypisano mu również zapis <fluvii Mąkanya> [1464, kopia (?) 1498] SHGMaz (MK 9, 218) o nieznanym kontekście. Tymczasem z treści notatki nie wynika jednoznacznie, że obszar ziemi, o którym była mowa, miał charakter zwarty; mogło chodzić o dwa kawałki terenu położone w dwu różnych miejscach. Uznanie w HW nazwy <Mankan> za przysługującą ostatniemu nazywanemu prawemu dopływowi Orzu jest chyba pomyłką. Ostateczny osąd należy zawiesić aż do zapoznania się z kontekstem zapisów z lat 1414 i 1464.

Formalnie biorąc, nazwa dopuszcza łączenie jej w gniazdo z udokumentowaną od średniowiecza nazwą lasu *Manc(z)*, ponowioną następnie na kilka okolicznych osad. Również ta nazwa – czego nie notują dotychczasowe opracowania (Zierhoffer 1957: 244; Wolff, Rzetelska-Feleszko 1982: 100; NMPol VI 259, s.v. *Lady-Mans*) – w postaci bliskiej formie średniowiecznej przetrwała do XX w. jako nazwa lasu *Moniec* koło wsi Dąbek i Stylągi (UN CXXXIII 8; UNMasz CXXXIII 5: Dąbek i 8: Stylągi, forma *Mońec*; PRNG: *Moniec*). Brzmienie (*Mānc* > *Moniec*, ale także *Mānc* > *Mans*) stanowi zasadniczy argument przeciwko rekonstrukcji samogłoski nosowej; koresponduje z nim grafia licznych zapisów średniowiecznych, w których litera <n> nigdy nie jest opuszczana (co często zdarza się przy notowaniu fonologicznych nosówek). Nazwa ta brzmiała zatem *Mancz* lub *Manc*, co wyklucza przyjmowaną dotąd za Zierhofferem (l.c.) etymologię wychodzącą od rodzimej nazwy osobowej **Męk* ~ **Mąk* (> ojkonim dzierżawczy *Męcz*). Powiązanie nazw *Manc(z)* i *Mańkań* byłoby możliwe przy założeniu przedślowiańskiej praformy **Mānik-*, która w obu nazwach była adaptowana rozmaicie; w nazwie lasu z palatalizacją pierwszą (> *Mancz*, przy założeniu fleksji miękkiej na **-io-* lub fleksji na **-i-*) lub trzecią, indukowaną przez **-i-* > **-b-* (> *Manc*), natomiast w nazwie rzecznej z formantem **-anb* < **-āni-* bez palatalizacji (**Mānikāni-*). Jednakże powtarzanie się nazwy *Mańkań* w dorzeczu Penzy lub Dzierzbi (a może i w prawym dorzeczu Orzu) pozbawia tę koncepcję atrakcyjności. *Manc* daje się objaśnić na gruncie rodzimym (**Manьcbь*, z północnopolskim rozwojem jerów przez bezdźwięcznymi, por. mazowieckie *Slawc* > *Slawiec* itp.), podstawa *man-* może nawiązywać do rodziny czasowniki **maniti* (por. pol. *manowce* ‘bezdroża’).

Nuna – nazwa wsi ukazująca się w XIX w. (dziś gm. Nasielsk, pow. Nowy Dwór Maz.), bez kontekstu onimicznego (zob. NMPol VII 546: *Nuna* [1877], [1886], [1921], [1981], niejasna). Polszczyzna zna wprawdzie apelatyw *nuna* oznaczający (często z odcieniem lekceważenia) ‘zakonnice’, zapożyczony z języków zachodnioeuropejskich (bezpośrednie źródło nie jest pewne), nie wydaje się on jednak wiarygodnym etymonem nazwy. Nazwisko **Nuna* nie jest znane (zob. SSNO i Snazw). Można podejrzewać, że nazwa miejscowa ponowiona została z nieuchwytej obecnie nazwy terenowej (nie notowanej też u Wolffa i Rzetelskiej-Feleszko 1982), której prapostać późnoprasko-słowiańska należałoby ustalać jako **Nuna* lub może **Nona*. **Nuna* może wywodzić się m.in. z formy **Naun-*, co przypomina zaświadczoną w staropruskich katechizmach postać przymiotnika ‘nowy’ (*nauns* itd.), którego relacja do indoeuropejskiego **neuo-* ~ **nouo-* nie jest wszakże jasna (często przyjmuje się późne przekształcenie starszego **naūina-*, zob. Mažiulis 1988–1997/III: 171). W toponimii pruskiej występują także inne nazwy o podobnym brzmieniu (Przybytek 1993: 195; NMPol VII 546, s.v.v. *Nunkajmy* i *Nuny*).

Ogłęda – nazwę tę nosiła w XIV–XVI w. rzeka (ok. 20 km długości) w dorzeczu Orzyca (dzisiejsza Morawka)¹¹ oraz położona nad nią wieś. K. Zierhoffer (1957: 283) uznał ojkonim za równy nazwie osobowej (nie wzmiankując w ogóle istnienia równobrzmiącej nazwy rzecznej), co przyjąłem za dobrą monetę (2001), nie włączając nazwy do najstarszej warstwy. Okazuje się, jednak, że dokumentacja tego gniazda nazewniczego wkracza w XIV w., zaś antroponimy **Ogład*, **Ogłęda* itp., choć etymologicznie prawdopodobne, nie są w ogóle zaświadczone w polskich zbiorach. W szczególności, nie występują one w średniowiecznych źródłach mazowieckich (por. SSNO). Należy zatem przyjąć, że pierwotna w gnieździe jest nazwa rzeczna, zawierająca zapewne ten sam nieproduktywny (obcy?) sufiks co omówiona niżej *Walęda* (**Ogłęda*). Jeżeli odrzucić analizę **O-głęd-*, nawiązania apelatywne odszukać możemy zarówno staropruskim (<*aglo*> E 47 < **aglā* lub **aglu* ‘deszcz’, wyraz niezupełnie jasny, nieznanym innym językom bałtyckim¹²), a także w gockich *agls* ‘nieprzyjemny’ i *aglus* ‘ciężki, trudny’, znanych też w innych językach germańskich (zob. o nich Lehmann 1986: 10–11 s.v.v.). Występowanie wokalizmu *a* w nazwie *Walęda* przemawia jednak przeciwko przejęciu nazwy bezpośrednio z gockiego, a pośrednio w ogóle przeciwko gockiej genezie sufiksu **-ęd-*.

Rudokiew – według UN CXL 10 jest to nazwa łąk we wsi Wola Błędowska (pow. Przasnysz, nazwa nie notowana w PRNG). Postać (dop. *Rudokwi*) uderza archaiczną fleksją na **-y -ьve* przy nieprzejrzystości części końcowej. Z punktu widzenia etymologii nazwa nawiązuje zapewne do nazwy koloru (stopnie apofoniczne **Raūd-* i **Rūd-* wydają się bardziej prawdopodobne niż **Rud-*). Pierwiastek ten, jak wiadomo, jest reprezentowany w słowiańskim we wszystkich tych stopniach apofonicznych, ale struktura słowotwórcza skłania do zaliczenia toponimu do warstwy przedśłowiańskiej. Zapewne była to pierwotna nazwa niewielkiego ciek, ponowiona następnie na pobliskie łąki. Prapostać późnoprasłowiańska **Rudoky -ьve*. Godny podkreślenia jest brak korelacji rdzennego *RVd-* z sufiksalnym *-ak-* w hydronimii litewskiej (por. Vanagas 1970: 348, 349–350), podobne *-ok-* < *-ak-* odnajdujemy natomiast w północnomazowieckim toponimie *Rumoka* < *Romoka* (autor 2001: 243–244; 2008: 29).

Ruż i **Róż** – dzisiejsze postacie dwu nazw rzecznych, lewego i prawego dopływu Narwi. Ujścia tych rzek leżą w dość znacznej odległości od siebie (ok. 40 km w linii prostej), jednak obie nazwy wywodzą się zapewne od tego samego etymonu i kontynuują tę samą prapostać. Ustalenie jej napotyka na poważne trudności. *Róż* udokumentowany jest kilkoma zapisami średniowiecznymi,¹³ od prawdopodobnej nazwy dopływu lub górnego biegu utworzono nazwę *Rudziecko* > *Ruzieck* (NMPol XII 85–86 s.v.).

11 Por. dostępną w hydronimicznej bazie danych IJP PAN dokumentację: *Oglanda* [1381] SHGMaz (AG 842); fluvii *Oglanda* [1414–25, kopia 1456] ib. (MK 3, 119); *Oklanda* [1427] MKsMI nr 513 i 515; *Oglanda* [1452, kopia 1457] SHGMaz (MK 4, 10); *Ogłęda* (postać standaryzowana) [XVI w.] AtMaz 248. Brak autentycznych przekazów hydronimu po XVI w. Dokumentacja istniejącego do dziś ojkonimu rozpoczyna się w roku 1414 (NMPol VIII 46, s.v. *Ogłęda*).

12 Por. Toporov 1975–1990/I: 58–59. Znaczenie ‘deszcz’ rozwinęło się prawdopodobnie z ‘ciemność; ciemna, deszczowa chmura’ itp.

13 *Ruz* [1450, kopia 1456] SHGMaz (MK 4, 100); *Rusz* [1474] ib. (ib. 6, 61); *Ruz* [1583] ib. (Roż. 3, 222); *Róż* a. *Ruż* (!) [1965] HW 207 (odc. 538).

Nieoczekiwane *dź* próbuje się objaśniać paraetymologią (l.c.). Obficie udokumentowano nazwę rzeki Ruż.¹⁴ Obok postaci standardowych zanotowano jednak również femininum *Ruza* (*Ruża*), zaś w nowszych przekazach – femininum *Ruż* (dop. *Ruzi*, UNMasz CXXXIII 42: rzeka we wsi Gostery; ib. 44: krzaki we wsi Tyszki-Nadbory i *Podruże -a*, pole tamże) i wtórne względem niej *Ruś* (dop. *Rusi*, ib., rzeka we wsi Mieczki-Poziemaki – ale tamże pole i łąka *Podruże -a*; *Ruś Rusi*, rzeka we wsi Milewo-Łosie ib. 43; rzeka *Ruś Rusi* w zambrowskim UNMasz). Występowanie derywatów na *-ec* przemawia za pierwotnie męskim rodzajem obu nazw. Wydaje się zatem, że paletę znanych form najłatwiej objaśnić przy założeniu praformy *Ruż* (> zmazurzone *Ruz* od połowy XV w.). Postać *Ruziec* (zamiast **Ruzec*) wyjaśnić można bądź siakaniem, bądź nową derywacją/dostosowaniem do formy zmazurzonej *Ruz*. Również genezę formy *Ruza* można wyjaśnić zmianą paradygmatu przez innowacyjną fonetycznie postać *Ruz* (wspólny miejscownik *Ruzie*). Natomiast postać *Ruż -i* powstałaby skutkiem zmiany paradygmatu przez formę mianownika zawierającą refleks siakania.

Nikły skład fonetyczny postaci *Ruż* utrudnia rozpoznanie pierwotnej struktury i pochodzenia nazwy, nie znajduje ona jednak nawiązań apelatywnych na gruncie słowiańskim. Powtarzanie się tej samej struktury w nazwach dwóch dużych cieków przemawia przeciwko rozważanej przeze mnie (autor 2001: 546–547, z inną rekonstrukcją prapostaci **Rudjъ* > **Rudz*) interpretacji dzierżawczej (z sufiksem **-jb*).

14 Por. zapisy: *a fluvio Russ* [1378 lub 1379, kopia] NKDMaz III 235 (nr 219); *Ruziec* [1393] HMil 434; *Rusz* [1414–25, kopia 1456] SHGMaz (MK 3, 10); *Ruszecz* [1414–25, kopia 1456] ib. (ib. 3, 38); *Rus* [1417] HMil 487; *Ruszecz* [1426] MKsM I nr 231; *Russz* [1438, kopia 1456] SHGMaz (MK 3, 216); *fluvii Ruza* (gen.?) [1473] ib. (ib. 6, 26v–27); *Rvssz* [1476] ib. (ib. 6, 77); *Rusch* [1493] ib. (ib. 18, 80–80v); *Rusch* [1495] ib. (ib. 18, 80–80v); *rzeka Russa, na rzece Ruszie, na rzece Rusz* [1565] LuMazXVI II 40, 90, 100; *Rusz* [1617–20] LuMazXVII I 105; *Ruż* [1781] ZMak 17; *Rus Fl.* [1808] MpTex VIII; *Ruż* a. *Ruż*; gb. <*Rużec*> HW 200 (odc. 520).

W niepublikowanym łomżyńskim tomiku UN podano: *Ruż -zia*, struga we wsi Rybaki (UN CLXI 19); *Ruż -a*, las i łąki we wsi Jastrząbka Młoda (ib. 45); *Ruż -zia*, rzeka we wsi Szabły Młode (ib. 49). Zapewne należy tutaj również nazwa *Rus -a* (UNMasz CXXXIII 41: łąki we wsi Andrzejki-Tyszki). Nadto w pow. ostrołęckim notowano nazwę *Podruże -a* (UN CXXXIII 43: pole i łąka we wsi Piotrowo).

Identyfikacja najstarszego zapisu może budzić wątpliwości, jako że wydawcy NKDMaz III (235, przyp. 7) skłonni byli identyfikować go z Łomżyczką. Jak się okazuje, rzekomo niezidentyfikowana nazwa *B(ż)dziażek* jest oznaczana współcześnie na mapach Geoportalu (Orto), ale ujęto ją także w HW 201 (odc. 520); jest to prawy dopływ dolnego Ruża, płynący ze wschodu na zachód i uchodzący pod Miastkowem. Staje się jasne, że wydawcy nie wniknęli w istotę treści opisu, a w dokumencie NKDMaz nr 219, ustalającym granice wsi Szczepankowo i dóbr Wszerecz, opisano wszystkie granice tych dóbr: północną stanowił Bdziażek, południową Szczmielnik, który należy identyfikować zapewne z dzisiejszą Trzaską (por. Geoportal Orto), zachodnią Ruż, zaś wschodnią płynącą pod Boguszycami Łomżyczka. Wszystkie te cztery naturalne granice znajdują się w podobnej odległości od Szczepankowa i Wszereczy, położonych w centrum wyznaczonego przez nie obszaru. Por. tekst: „habuerunt et habent granicies incipiendo a torrente vulgariter dicto Bdzanek ex una parte in longum et latum usque ad torrentem Schmyknyk ex altera parte et incipiendo a fluvio Russ usque ad torrentem currentem ante villam Boguschicze”. Nie opisano tu granic w sensie dzisiejszym, a raczej obszar dóbr, zamykając go w pasach opisanych z północy na południe i z zachodu na wschód.

Prawdopodobnie odrębny problem przedstawia geneza nazwy miasta Różana, położonego kilkanaście km w dół Narwi od ujścia Rózu. W zapisach tej nazwy występuje konsekwentnie <o> (por. NMPol XI 135 s.v. *Rózan*), co pozwalałoby wiązać go z *Rózem* tylko przy założeniu wczesnej, przypadającej przed połową XV w. i nieregularnej zmiany *o* w *u* w hydronimie.

Rzechostań – tak najprędzej należałoby standaryzować mikrotoponim zarejestrowany jako *Žexostań* (dop. *Žexostańi*) przez eksploratora UN we wsi Filochy (pow. Ostrołęka, UNMasz CXXXIII 42: pole). Wprawdzie redaktor zeszytu¹⁵ (UN CXXXIII 42) zaproponował postać *Grzechostan -u*, jednak ani wprowadzenie dodatkowej spółgłoski do nagłosu, ani zmiana fleksji z miękkiej żeńskiej na twardą męską nie mają merytorycznego uzasadnienia, tłumacząc się zapewne chęcią „uracjonalnienia” nazwy poprzez przekształcenie jej z niemotywowanej w niby-motywowaną. Nic nie wskazuje, by redaktor dysponował starszą dokumentacją mikrotoponimu. Brak dokumentacji nazwy sprzed XX w. uniemożliwia jednoznacznie rekonstrukcję jakości nagłosowej spółgłoski; w miejscowej gwarze pierwotne *rz* i *ź* powinny rozwijać się odmiennie (odpowiednio, w *ż* i *z*), ale w tym drugim wypadku niewykluczona jest hiperkorekcja przeprowadzona już na poziomie informatora lub nawet gwary jako takiej (**Zexostań* → *Žexostań*).

Nazwa, niezależnie od wyboru jednej z tych opcji (możliwe prapostacie **Rexostanb*, **Řexostanb*, **Žexostanb*, nawet **Žexostanb* > **Žaxostanb*) jest niejasna w pierwszym członie (brak odpowiednich apelatywów polskich i słowiańskich¹⁶), a człon drugi znajduje nawiązanie w postaci *Lutostań* (p. wyżej).

Siryga – nazwa bagna, zapisana podczas kwerendy UN-owskiej we wsi Pomocnia (pow. Pułtusk; niewydany UN CXLI 22; gwar. *Śiryga -i* UNMasz CXLI 35). Nazwa nierozkładalna nazwotwórczo, bez całościowych nawiązań apelatywnych i antropimicznych. Prapostać raczej **Siryga* niż **Širyga*.

Smosarz – nazwa wsi ustalona po XVI w., wcześniej postać zawierała samogłoskę przednią wysoką pomiędzy nagłosowymi spółgłoskami. Pierwszy badacz nazwy, K. Zierhoffer (1957: 343), przytoczywszy zaledwie kilka z obfitej kolekcji dochowanych zapisów średniowiecznych,¹⁷ zrekonstruował postać piętnastowieczną jako

15 Nazwiska jego na stronie redakcyjnej matrycy nie podano. Redaktorami wydanych zeszytów z powiatami woj. warszawskiego byli nieznanzy mi bliżej prof. dr Leon Kaczmarek oraz prof. dr W. Doroszewski i dr Janina Wójtowicz.

16 Opracowanie Jaszki (1971: 170) notuje brus. termin topograficzny *rex* ‘pas pola ornego lub łąki kośnej’, kontynuuje on jednak zapewne prapostać **grěxb* w pierwotnym znaczeniu ‘zagon pominięty przy orce lub siewie’ (zob. o nim ĚSSJa VII 115–116; SP VIII 207–209, bez tych form brus.), por. *prarěx* ‘ahrech’, *urěx* ‘ts.’ (obok *uhrěx*, Jaškin 1971: 193). Zanik *h* przed spółgłoską zachodzi na niewielką skalę w gwarach brus. Odesłanie tych wyrazów w ĚSBM IX 361 do hasła *prarěx* z leksemami o znaczeniu ‘rozprucie odzieży; rozporek itp.’ (strus. *prorěxa*) nie wydaje się uzasadnione.

17 Całość dokumentacji (według rękopiśmiennej kartoteki NMPol): *de Szmoszar* [1397, kopia 1546] ZDM IV 298; *de Schimoscharze* [1417, kopia 1456] SHGMaz (MK 3, 117v–118); *de Schimosarz* [1419, kopia 1456] ib. (ib. 3, 16); *Schimoschars* [1425] MKsM I nr 880; *Simosarz* [1428] ib. nr 581; *de Schimoschari* [1434] SHGMaz (MK 3, 134v); *Schimoschars* [1443, kopia 1456] ib. (ib. 3,

Smosarz (!), bez próby interpretacji pozostawiając ją jako niejasną. Natomiast A. Bańkowski (1979: 489, przyp. 28), prawdopodobnie biorąc kadłubową dokumentację Zierhoffera za reprezentatywną, zinterpretował dwa zapisy z <*rsch*>, <*rsz*> jako świadectwo występowania w nazwie grupy spółgłoskowej *rž*, ściągniętej ostatecznie w *ř* > *ž* (graficznie *rz*). Rekonstrukcja *Szymoszarž* została przezeń objaśniona jako struktura dzierżawcza pochodna od nie zaświadczonej i nieprzejrzystej etymologicznie nazwy osobowej („od niejasnej n. o. zakończonej na *-ga*”). Analiza całości dostępnych zapisów nie pozwala jednak na takie ujęcie. Przede wszystkim w najstarszym znanym zapisie, mogącym sięgać roku 1397, końcową spółgłoską jest zwykle *-r* (<*-r*>). Późniejsze zapisy mają zazwyczaj <*rz*> lub <*-rs*> (to ostatnie tylko w wygłosie), wskazujące dość wyraźnie na monofonematyczne *-ř*. W dostępnych zapisach uderza ponadto częstość trigrafu <*sch*>, w piętnastowiecznych źródłach mazowieckich spotykanego w ogromnej większości przypadków przy brzmieniach z szumiącą *š* (por. chociażby zapisy nazw z nagłosowym *S*- i *Sz*- u Zierhoffera 1957: 328–358). Nie znajdujemy wreszcie żadnych podstaw do rekonstrukcji dwu różnych spirantów (np. *Szymos-*). Uderza konsekwencja zapisywania tych głosek w taki sam sposób (zwykle <*sch*>, sporadycznie <*s(z)*>); rozbieżność spotykamy tylko w dwu przypadkach, ale wymowa ich jest wzajemnie przeciwstawna (<*Schimosarz*>, ale <*Szymoscharz*>). Wynika stąd, że rekonstrukcja brzmienia *Šymošař* (zapewne ← *Šimošař*) jest stosunkowo pewnie ugruntowana (genezę obu *s* tłumaczyć należy mazurzeniem, zanik *y* jest nieoczekiwany¹⁸). Prób sławistycznej interpretacji takiego tworu należy poniechać, zważywszy na uderzający paralelizm budowy z również niejasną nazwą *Parłoszar*.¹⁹

283v); *Schimoscharze* [1445, kopia 1456] ib. (ib. 3, 317v); *de Schimoscharzs* [1447, kopia 1456] ib. (ib. 4, 48); *Schymorzas* [1472] ib. (ib. 6, 19–19v); *Schymoscharz* [1483] ib. (ib. 6, 159); *de Schymoscharz* [1488] ib. (ib. 6, 214); *de Symoszarz* [1490, kopia]; *de Szymoszars* [1492, kopia] ib. (Ep 15, 140v); *de Schimosarz* [1493] ib. (MK 6, 273v); *de Szymoscharz* [1510, kopia] ib. (Ep. 119, 154); *de Symosarz* [1512, kopia] ib. (Ciech. gr. diss. 53, 25v); *de Szymorzasz* [1512, kopia] ib. (Ciech. wicz. 5, 41v); *de Simosarz* [1513, kopia] ib. (ib., 14); *de Sumosarz, Simosarz* [1520, kopia] ib. 204, 52; *de Schymoscharsch* [1522, kopia] ib. (ACPloc. 16); *Szimosarsz* [1567] *ŹDz* XVI 330; *Smosarz Pianki* [1783] *MpPerMz*; *Smosarz pianki* [1827] *Tabella* II 185; *Smosarz Pianki* [1890] *SG* X 918; *Smosarz-Pianki, -rza-nek, cz. wsi* [1971] *UN* CXXIII 14.

18 Przejściowo występowała także postać *Szymorzasz* (por. zapisy z lat 1472 i 1512). Genezę jej uzasadnia odkryta przez Bańkowskiego (1980: 6–7) tendencja do zwykle metatetycznego usuwania sekwencji *-žVrž-* (i zapewne paralelnej *-šVrš-*).

19 Tak standaryzuję postać nazwy ukrywającą się pod zapisem <*cum additamento Parlosar dicte*> z roku 1524 *SHGMaz* (MK 32, 213) (por. Wolff, Rzetelska-Feleszko 1982: 128: nazwa niejasna, „może od nazwy osobowej, por. *Parloszki* SSNO”), lokalizowanej jednak na południowej peryferii Mazowsza (Bończa Nagórna w Wareckiem). Brak jotowania przemawia raczej przeciwko lekcji **Piarło-*, która umożliwiałaby wiązanie nazwy z participium **p̃rl-* (od słowiańskich rodzin **p̃rēti* ‘butwieć’ lub **p̃erti* ‘zamykać’). Prapostacią tej niejasnej nazwy wydaje się zatem **P̃rlošař* lub **P̃rlošař*.

Sona – nazwa rzeki, dużego (ponad 70 km) dopływu dolnej Wkry,²⁰ nad którym leży miejscowość *Sońsk*. Zaliczyłem ją do warstwy przejściowej I/II, rekonstruując z pewnym wahaniem postać **Suna* jako wyjściową i przyjmując dla niej etymon w postaci przymiotnika **sunъ* rekonstruowanego z apelatywu **sunica* ‘poziomka’ (autor 2001: 336–337). Obecnie, po zapoznaniu się z usystematyzowanym materiałem i zwłaszcza z okolicznościami zewnętrznymi, nie widzę możliwości podtrzymania takiego stanowiska. Zapisy sugerujące *u* występują tylko w dokumentacji nazwy *Sońska*,²¹ i nie zajmują wcześniejszej pozycji chronologicznej względem zapisów z <*o*>. Co więcej, całe dorzecze *Sony* leży w strefie, w której artykulacja *o* podlega modyfikacji przez następujące spółgłoski nosowe; rezultatem jest bądź zwężenie/identyfikacja z *ó* pochyłonym, bądź całkowite zrównanie z *u* (zob. Dejna 1981: mapa 60). W XV–XVI w. mogło już dojść do zainicjowania tych procesów w postaci znacznieszego zwężenia/podwyższenia samogłoski w tej pozycji, w zaawansowanym wieku XVI do pełnej identyfikacji z *ó* pochyłonym. Wprawdzie piętnastowieczna zmiana w *u* pozostaje nieoczekiwana, zwężenie byłoby jednak z pewnością czynnikiem, który zmianę taką ułatwił. Skądinąd wiadomo, że zachodzące na skalę masową od XVI w. zwężanie samogłosek średnich w wysokie w toponimii polskiej wymyka się wszelkim regularnościom ustalonym dla zapisów leksyki apelatywnej. Natomiast odwrotna zmiana *uN* > *oN*, udokumentowana w niektórych nazwach mazowieckich (np. *Słuńcewo* > *Słońcewo*), dokonała się zapew-

20 Zapisy hydronimu: *Sona* [1425] MKsM I nr 106; *Sona* [1432] ib. nr 345; *Sona* [1440, kopia 1456] SHGMaz (MK 3, 153v); *Zona* [1502] ib. (Ep. 16, 149); *Szona* [1503] ib. (ib. 16, 185); (instr.) *Ssoną*, *Szoną* [1565] LuMazXVI I 160, 166; *Sona*, (loc.) *Sonie* [1617] LuMazXVII I 32, 34; *Sona* [1775] ZZakr 88; *Sona* [1783] MpPerMz; *Sonna Fl.* [1808] MpTex XI; *Rz. Sona* [1839] MpKwat IV 2; *Sona* [1925] MTWIG-100(37–30); *Sona* al. *Sonia* [1890] SG XI 72; *Sona* a. *Sonia* (!) (= ? *Sowa*) [1965] HW 212–213 (odc. 557).

Według Pacuskiego (2002: 182) należy tu także zapis <*Sonanys*>, występujący we wtórnej kopii dyplomu z 1375 r. (NKDMaz III nr 163). Autor kierował się podobieństwem zapisu do nazwy płynącej niedaleko (górznej) *Sony*, nie rozpatrzył jednak kwestii od strony filologicznej. Według wydawców, dokument zachował się tylko w kopiach, dwie pierwsze (nry 1 i 2), sporządzone w latach 1563 i 1573, spłonęły w archiwum warszawskim w 1944 r., i nie są bezpośrednio dostępne współczesnym historykom. Zachowały się kopie nr 3 i 4, sporządzone wg kopii nr 1 (kopia nr 3 stała się podstawą wydania w NKDMaz III), oraz kopie nr 5 i 6, skopiowane z kopii nr 2. Zapis <*Sonanys*> występuje w kopii nr 6, natomiast w innych występują postaci: nr 3 – <*Howanie*>, nr 4 – <*Howaniec*>, nr 5 – <*Honamys*>. Uznanie <*S*-> za skrypcję właściwą oryginałowi wymagałoby zatem zakwestionowania literacji <*H*-> w co najmniej dwóch różnych tekstach, dokonywanych przez trzech różnych autorów. Dodajmy, że pisownia nazw i dość licznych wyrazów pospolitych (nazw powinności kmiecych) w kopiach dokumentu jest stosunkowo „przyzwoita”, co nie pozwala na łatwą interpretację formy <*Sonanys*> w związku z postacią *Sona*.

21 Zapisy ojkonimu: *Sansko* [1385] KDKMaz 104; *Sonsko* [1424, kopia 1492] SHGMaz (MK 6, 290v); *Sonsk* [1426] MKsM I nr 304; *Sonysko* [1443, kopia 1456] SHGMaz (MK 3, 288v); *in Sunska* [1447, kopia 1456] ib. (ib. 4, 54v–55); *Sonszko* [1463] ib. (Ep. 9, 75v); *Sonysko* [1467] ib. (ib. 5, 86); *Sonysk* [1484] ib. (Ep. 11, 39v); *Schonskowo*, *Schonsko* [1498] ib. (MK 18, 132); *Svnyisko* [1499, kopia 1506] ib. (ib. 18, 253v); *Svnsko* [1501] ib. (ib. 122); *Sonsk*, *Sonsko* [1516] ib. (Ep. 149, 241v); *Szunsłk* [1567] ŻDz XVI 326; *Sońsk* [1827] Tabella II 188; *Sońsk* [1890] SG XI 74; *Sońsk*, *-ka*, *soński* [1971] UN CXXIII 35. Zapisy z 1498 r. sugerujące *Sz-* można uznać za hiperpoprawne wobec rozpowszechnionego już wówczas w tym rejonie mazurzenia.

ne na innych terenach (głównie w Małopolsce, zob. Dejna 1981: mapa 44), i stamtąd przywędrowała na Mazowsze w konkretnych wyrazach.

Hydronim należy zatem rekonstruować jako *Sona* < przedpolskie *Sona < **San-* (przeciwko nagłosowemu **Š-*, nie wykluczaniem przez ograniczenia fonotaktyczne, przemawia brak większej liczby wczesnych zapisów z <*Sch-*>). W takiej postaci jest ona niejasna na gruncie słowiańskim, prawdopodobnie także całkowicie izolowana w toponimii północnosłowiańskiej. Brak także bezpośrednich nawiązań w hydronimii litewskiej (brak nazw na **San-*, **Šan-*, zob. Vanagas 1970: 351, 358). Współdrzenną nazwą może być natomiast *Sonarka* (<*Sonarka*>), czternastowieczna (r. 1394) nazwa rzeki Gawarek koło Wyszogrodu (poza dorzeczem Narwi; SHG Wysz 19, s.v. *Gawarek*), biegiem swym zbliżającej się do Sony na odległość ok. 20 km.

<*Valanda*> – w takiej postaci (<*fluvii Valanda*>) w dyplomie z 1380 r. zapisano ówczesną nazwę odcinka rzeki noszącej dziś nazwę *Różanica* – prawego dopływu dolnej Narwi pod Różanem (por. NKDMaz III 287 [nr 270], z niezobowiązującą identyfikacją). W okolicy nie znaleziono żadnych innych śladów tej nazwy. Prawdopodobnie mamy tutaj strukturę porównywalną z omówioną wyżej *Ogłędą*, którą należałoby standardyzować jako *Walęda* < *Valęda.²² Nieproduktywność takiego formantu w toponimii polskiej uniemożliwia dalszą analizę na gruncie rodzimym, mimo istnienia nawiązań apelatywnych (np. *valb, stpol. *wał* ‘fala’). Morfem rdzenny *uāl-* > *vāl-* należy zresztą do mało charakterystycznych, powtarzając się w różnych językach (indo) europejskich, niekiedy w znaczeniach topo- czy hydrograficznych.

Porównanie ok. czterdziestu nazw wyznaczających uchwytnej dzisiaj najstarszy horyzont nazewnictwa słowiańskiej części dorzecza środkowej i dolnej Narwi pozwala na częściowe rozwinięcie generalizacji dokonanych przed kilkunastu laty. Od strony strukturalnej nazewnictwo to charakteryzuje się silną tendencją do przenoszenia do toponimii formacji złożonych (lub struktur sławizowanych jako formalne złożenia), o archaicznym typie indoeuropejskim (spójka **-a-* > *-o-*). W zakresie fonetyki najbardziej chyba uderzającą cechą jest częstota wokalizmu *a < *ā w transpozycjach słowiańskich, co podważa tezę o starogermańskich idiomach-dawcach tych nazw (jak wiadomo, w językach germańskich fazy z I połowy I tys. n.e. wokalizm *ā, pierwotnie zlikwidowany dzięki ogólnogermańskiej zmianie *ā > *ō dokonanej w okolicy przełomu er, zaczynał się dopiero odradzać). Również nawiązania do realnie zaświadczonej leksyki toponimicznej historycznych języków bałtyckich są znikome. Rozsądne wydaje się dopatrywanie tu pozostałości bałtosłowiańskiego kontinuum językowego w postaci dialektów przejściowych między klasycznym bałtyckim i słowiańskim obszarem językowym. Analiza wciąż skąpego materiału nazewnictwa nie pozwala jednak na oszacowanie skali nawiązań tego substratu do sąsiednich areałów prehistorycznych.

22 Sam zapis, analizowany bez kontekstu, dopuszcza lekcje *Walęda* < *Valęda i *Walęda* < *Valōda, a nawet *Wql-* ~ *Wql-*.

Źródła

- AtMaz – *Atlas historyczny Polski. Mazowsze w drugiej połowie XVI wieku. II. Komentarz indeksowy*. Red. W. Pałucki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973.
- HMil – *Herbarz Ignacego Kapicy Milewskiego*. Wyd. Z. Gloger. Kraków: W. Kirchmayer, 1870.
- HO – *Hydronimia Odry. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym*. Red. H. Borek. Opole: Instytut Śląski w Opolu, 1983.
- HW – *Hydronimia Wisły. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym*. Red. P. Zwoliński. Wrocław/Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1965.
- KDKMaz – *Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego*. Wyd. J. T. Lubomirski. Warszawa: Drukarnia „Gazety Polskiej”, 1863.
- LuMazXVI – *Lustracja województwa mazowieckiego 1565. I–II i indeksy do cz. I–II* (wyd. I. Gieysztorowa i A. Żaboklicka). Warszawa 1967–1971: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- LuMazXVII – *Lustracje województwa mazowieckiego XVII wieku. I: 1617–1620*. Wyd. A. Wawrzyńczyk. Wrocław/Warszawa/Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968.
- MKsM – *Metryka Księstwa Mazowieckiego z XV i XVI w. I. Księga oznaczona nr 333 z lat 1417–1429. II. Księga oznaczona nr 334 z lat 1429–1433*. Wyd. A. Włodarski. Warszawa: Warszawskie Archiwum Główne, 1918–1930.
- MpKwat – *Topograficzna karta Królestwa Polskiego ... etc.* Warszawa: Kwatermistrzostwo Generalne Wojska Polskiego, 1839.
- MpPerMz – *Mappa szczegulna woiewodztwa mazowieckiego zrządzona ... przez K. de Perthées*. 1783.
- MpTex – *Topographisch-Militarische Karte von vormaligen Neu-Ostpreussen ... redigirt vom ... v. Textor*. Wyd. D. F. Sotzmann). Berlin, 1808.
- MTWIG – *Mapy topograficzne*. [Wojskowego Instytutu Geograficznego,] 1935. [Skala 1 : 100 000].
- NKDMaz II – *Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. II*. Wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk/Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989.
- NKDMaz III – *Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. III. Dokumenty z lat 1356–1381* (wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś) Warszawa: DiG, 2000.
- PRNG – *Państwowy Rejestr Nazw Geograficznych*. Pliki w formacie .xml dostępne pod adresem <http://www.codgik.gov.pl/index.php/darmowe-dane/prng.html> .
- SG – *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. I–XV*. Warszawa: Nakładem Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1880–1902.
- SHGMaz – kartoteka *Słownika historyczno-geograficznego Mazowsza* (symbole poszczególnych źródeł niepublikowanych: AG – dokumenty pergaminowe z Archiwum Głównego Akt Dawnych; Ep. – *Episcopalia*, księgi sądów biskupich; MK – księgi *Metryki Książęcej*; Roż. – różańskie księgi wieczyste; Ciech. wiecz.

- ciechanowskie księgi wieczyste; Ciech. gr. diss. – ciechanowska księga grodzka (dissoluta). Rękopisy w archiwach Warszawy i Płocka, cytowane za NMPol i jego kartoteką oraz Wolffem i Rzetelską-Feleszko, 1982.
- SHGWysz – Adam Wolff, Anna Borkiewicz-Celińska, *Słownik historyczno-geograficzny ziemi wyszogrodzkiej w średniowieczu*. Wrocław/Warszawa/Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971.
- Snazw – *Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych. I–X*. Wyd. K. Rymut. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 1992–1994.
- SSNO – *Słownik staropolskich nazw osobowych. I–VII (Suplement)*. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1965–1987.
- Tabella – *Tabella miast, wsi, osad Królestwa polskiego z wyrażeniem ich położenia i ludności. I–II*. Warszawa: Drukarnia Łątkiewicza, 1827.
- UN – *Urzędowe nazwy miejscowości i obiektów fizjograficznych. I–*. Warszawa 1963–: Urząd Rady Ministrów. Wykorzystano zeszyty z pow. chrzanowskiego, mławskiego i przasnyskiego oraz niepublikowane matryce zeszytów ostrołęckiego, pułtuskiego i łomżyńskiego.
- UNMasz – niepublikowane tzw. „maszynopisy profesorskie” z nazwami miejscowości i obiektów fizjograficznych. Wykorzystano maszynopisy powiatów ostrołęckiego, mławskiego, pułtuskiego, zambrowskiego i łomżyńskiego. [Maszynopisy/matryce obecnie w archiwum IJP PAN w Krakowie, kopie cyfrowe pod adresem: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=53508>].
- ZDM IV – *Zbiór dokumentów małopolskich. IV. Dokumenty z lat 1211–1400*. Wyd. S. Kuraś i I. Sułkowska-Kuraś. Wrocław/Warszawa/Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969.
- ZMak – *Materiały do dziejów ziemi płockiej. 6: Ziemia makowska*. Opr. M. M. Grzybowski. Płock: Towarzystwo Naukowe Płockie, 1991.
- ZZakr – *Materiały do dziejów ziemi płockiej. 5: Ziemia zakroczymska*. Opr. M. M. Grzybowski. Płock: Towarzystwo Naukowe Płockie, 1998.
- ŻDz XVI – *Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. V. Mazowsze*. Wyd. A. Pawiński. Warszawa: Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1895.

Literatura cytowana

- BABIK, Zbigniew (2001) *Najstarsza warstwa nazewnictwa na ziemiach polskich (w granicach wczesnośredniowiecznej Słowiańszczyzny)*. Kraków: Universitas.
- BABIK, Zbigniew (2004) „Mława.” *Onomastica* 48, 139–150.
- BABIK, Zbigniew (2008) „Historische Quellenforschung und philologisch-linguistische Analyse bei toponomastischen Untersuchungen (eine Polemik mit E. Kowalczyk).” *Studia Etymologica Cracoviensia* 13, 23–46.
- BAŃKOWSKI, Andrzej (1979) „Szkice z polskiej etymologii onomastycznej II.” *Poradnik Językowy*, 483–494.
- BAŃKOWSKI, Andrzej (1980) „Metateza w toponimii polskiej.” *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego* 25, 5–15.

- BAŃKOWSKI, Andrzej (1982) *Zmiany morfemiczne w toponimii polskiej*. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- BASARA, Anna (1984) *Opisy fonologiczne polskich punktów Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego. III. Mazowsze*. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk/Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- DEJNA, Karol (1981) *Atlas polskich innowacji dialektalnych*. Warszawa/Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- DOMAŃSKI, Józef (1989) „Budowa słowotwórcza dawnych słowiańskich nazw rzecznych na Śląsku.” W: K. Rymut (red.), 167–175.
- ÈSBM – *Ètymalahičny sloŭnik belaruskaj movy. I–*. Red. V. U. Martynaŭ i inni. Minsk: Vydavectva „Navuka i tèchnika”, 1978–.
- ÈSSJa – *Ètimologičeskij slovar’ slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. I–*. Red. O. N. Trubačev. Moskva: Izdatel’stvo Nauka, 1974–.
- JASŃKIN, Ivan Ja. (1971) *Belaruskija heahrafičnyja nazvy. Tapahrafijska. Hidralohija*. Minsk: Vydavectva „Navuka i tèchnika”.
- LEHMANN, Winfried P. (1986) *A Gothic etymological dictionary (based on the third edition of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist)*. Leiden: Brill.
- MAŹIULIS, Vytautas (1988–1997) *Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I–IV*. Vilnius: Mokslo.
- NMPol – *Nazwy miejscowe Polski. Pochodzenie – Historia – Zmiany. I–* (red. K. Rymut, potem B. Czopek-Kopciuch). Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 1996–.
- PACUSKI, Kazimierz (2002) „Uzupełnienia i sprostowania do *Nowego kodeksu dyplomatycznego Mazowsza, część III: dokumenty z lat 1356–1381*.” *Studia Źródłoznawcze* 40, 167–200.
- PRZYBYTEK, Rozalia (1993) *Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreussens*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- RYMUT, Kazimierz (red.) (1989) *Hydronimia słowiańska. Materiały z IX konferencji Komisji Onomastyki Słowiańskiej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów (Mogilany, 16–18 IX 1986 r.)*. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk/Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- SNGŚ II – *Słownik nazw geograficznych Śląska II. C–D*. Red. S. Rospond i H. Borek. Warszawa/Wrocław etc.: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
- SP – *Słownik prasłowiański. I–*. Red. F. Sławski. Wrocław/Warszawa/Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974–.
- TOPOROV, Vladimir N. (1975–1990) *Prusskij jazyk. Slovar’. I–V*. Moskva: Izdatel’stvo Nauka.
- VANAGAS, Aleksandras (1970) *Lietuvos TSR hidronimų daryba*. Vilnius: Mintis.
- WOLFF, Adam/Ewa RZETELSKA-FELESZKO (1982) *Mazowieckie nazwy terenowe do końca XVI w.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- ZIERHOFFER, Karol (1957) *Nazwy miejscowe północnego Mazowsza*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich.

Streszczenie
PRZEDSŁOWIAŃSKA WARSTWA NAZEWNICZA PÓŁNOCNEGO
MAZOWSZA – POPRAWKI I UZUPEŁNIENIA (DORZECZE NARWI)

Artykuł stanowi uzupełnienie dokonanego przez autora opracowania najstarszej/przedhistorycznej warstwy nazewniczej ziem polskich z 2001. Północne Mazowsze, będące wyłącznym przedmiotem niniejszego opracowania, podlegało sławizacji zapewne później niż obszary położone między Wisłą i Odrą. Wskazuje na to m.in. stosunkowo gęsty substrat przedślowiański, widoczny zwłaszcza w hydronimii dorzecza Narwi (co najmniej 40 przykładów, w tym 15 nowych). Nazwy te rzucają się w oczy swą nieprzejrzystością etymologiczną i nazwotwórczą na gruncie słowiańskim i polskim, zwłaszcza w wypadku nazw o strukturze złożonej. Szczególną uwagę poświęcono rekonstrukcji późnoprąsłowiańskich postaci tych nazw, w zasadzie pominięto natomiast aspekt ściśle etymologiczny. Odpowiednie praformy zrekonstruowano jako *ХахьлуЗа (?), *Dusveta, *(*J*)*aboraZ-*, *Курѡсь (masc.), *Lutostanь -i, *Манькань (3x), *Nuna ~ *Nona, **Og(ъ)lęda*, *Rudoky -ъve, *Siryga, *Sona, *Šimošarь, *RExostanь -i ~ *ŽExostanь -i, *Ružь (2x), *Valęda. Wyodrębnione nazwy substratowe pochodzą zapewne z nieznanymi językami indoeuropejskimi używanymi na tym obszarze u schyłku starożytności, może stanowiących areał przejściowy między słowiańskim a bałtyckim. Można wykazać, że w wielu wypadkach pośrednictwo starogermańskie musi zostać wykluczone (wokalizm *a < *ā).

Słowa kluczowe: najstarsza toponimia mazowiecka, dorzecze Narwi, substrat przedślowiański

Abstract
PRE-SLAVIC TOPONIMASTIC LAYER OF NORTHERN MAZOVIA:
CORRECTIONS AND ADDENDA (THE NAREW DRAINAGE)

The paper offers a supplement to the author's treatment of the oldest/prehistoric layer of Polish toponymy as exemplified in his 2001 book. Northern Mazovia, to which the present investigation is restricted, was probably Slavicized at a later date than the area situated between the Vistula and the Oder. This is evidenced inter alia by a relatively dense Pre-Slavic toponymic substratum, visible above all in the hydronymy of the Narew drainage basin (at least 40 instances, including 16 new). These names appear unclear and peculiar from the Slavic point of view (a salient lack of lexical and/or morphological motivation in the reconstructed Slavic and historical Polish, particularly striking in case of compounds). Attention is focused mainly on the reconstruction of the Late Common Slavic forms of these names, while their etymology is as a rule not discussed. Their proto-forms have been reconstructed as *ХахьлуЗа (?), *Dusveta, *(*J*)*aboraZ-*, *Курѡсь (masc.), *Lutostanь -i, *Манькань (3x), *Nuna ~ *Nona, **Og(ъ)lęda*, *Rudoky -ъve, *Siryga, *Sona, *Šimošarь, *RExostanь -i ~ *ŽExostanь -i, *Ružь (2x), *Valęda. These substratum names come probably from Indo-European

languages used in that area in Late Antiquity, possibly forming a transition area between Baltic and Slavic. It can be shown that in many cases (vocalism $*a < *ā$) an Old Germanic intermediary must be ruled out.

Keywords: oldest Mazovian toponymy, the Narew drainage, Pre-Slavic substratum

Povzetek

PREDSLOVANSKA IMENSKA PLAST SEVERNE MAZOVIIJE – POPRAVKI IN DOPOLNITVE (POREČJE NARVE)

Članek predstavlja dopolnitev avtorjeve obravnave najstarejše/predzgodovinske imenske plasti na poljskem ozemlju iz leta 2001. Severna Mazovija, ki je izključni predmet pričujoče obravnave, je bila zelo verjetno slavizirana pozneje kot območje med Vislo in Odro. Na to kaže med drugim razmeroma gost predсловanski substrat, opazen zlasti v hidronimiji porečja Narve (najmanj 40 primerov, od tega 15 novih). Ta imena izstopajo s svojo etimološko in imenotvorno neprozornostjo, če jih skušamo razložiti na slovanski in poljski podlagi, zlasti še v primeru imen, ki so po svoji strukturi zloženske. Posebna pozornost je posvečena rekonstrukciji poznopraslovanskih oblik teh imen, zato pa je načeloma opušččen čisto etimološki vidik. Ustrezne prvotne oblike se rekonstruirajo kot **XaxъluZa* (?), **Dusveta*, **(J)aboraZ-*, **Kuposъ* (masc.), **Lutostanъ -i*, **Маньканъ* (3x), **Nuna* ~ **Nona*, **Og(ъ)lęda*, **Rudoky -ъve*, **Siryga*, **Sona*, **Šimošarъ*, **Rexostanъ -i* ~ **Žexostanъ -i*, **Ružъ* (2x), **Valęda*. Navedena substratna imena zelo verjetno izvirajo iz neznanih indoevropskih jezikov, ki so jih govorili na tem prostoru ob zatonu antike in so morda predstavljali prehodno območje med slovanskim in baltskim jezikovnim arealom. Da se dokazati, da je v številnih primerih starogermansko posredništvo izključeno (vokalizem $*a < *ā$).

Ključne besede: najstarejša mazovska toponimija, porečje Narve, predсловanski substrat

VPLYV PREDSLOVANSKÝCH KONTAKTOV NA HYDRONYMIU SLOVENSKA

Dejinné udalosti sa neustále opakujú, menia sa len ľudia, miesto a čas. Naša súčasnosť potvrdzuje to, čo sa odohrávalo v minulosti pred stovkami tisíc rokov, pred tisíckami rokov či pred stovkami rokov. Ľudia, tak ako dnes, aj v minulosti neustále putovali a hľadali lepšie podmienky pre život a svoju budúcnosť. Hoci v minulosti nebol počet obyvateľov taký vysoký ako dnes, teda ani osídlenie krajiny nebolo také husté, málokedy sa stalo, aby jednotlivé etniká prichádzali na „územie nikoho“. Väčšinou tak dochádzalo ku kontaktom medzi pôvodným a prichádzajúcim obyvateľstvom, prirodzene dochádzalo ku konfliktom, ktorých podoby a výsledky boli rôzne.

Etnické kontakty mali vplyv aj na jazyky týchto etník, dochádzalo ku vzájomnému ovplyvňovaniu a preberaniu časti lexiky. Prichádzajúce etniká sa museli orientovať v novom prostredí, museli identifikovať a diferencovať dôležité orientačné body, medzi ktoré patria predovšetkým vrchy, pohoria a vodné toky. Vo všeobecnosti platí, že najväčšie toponymické objekty majú pôvod svojho názvu veľmi starý a k takýmto objektom bezpochyby patria aj veľké rieky. Tie boli nielen prekážkou pri migrovaní, ale zároveň aj dôležitou hranicou, ktorá okrem prirodzenej ochrany poskytovala aj vodu potrebnú pre život a potravu. Smer pohybu etník bol predovšetkým v smere prirodzených nížin a proti prúdu riek, takže k etnickým kontaktom dochádzalo predovšetkým v deltách veľkých tokov.

Územie Slovenska leží v strede Európy a už v dávnej minulosti viedli týmto priestorom mnohé dôležité obchodné cesty. Známa Jantárová cesta viedla od Baltského mora do Istrie, Byzancie, Dalmácie, týmto územím viedla dôležitá Soľná cesta a množstvo menších obchodných ciest.

Územie strednej Európy obývali pred Slovanmi predovšetkým germánske kmene Ostrogótov, Langobardov, Herulov, Gepidov, Kvádov a mnoho iných kmeňov. Neskôr prišli do týchto oblastí Huni. Práve výboje Hunov pod vedením Attilu spôsobili veľké migračné pohyby v Európe. „Príchod Hunov do Európy znamenal predel, či dokonca zlom medzi dvoma epochami. Nielenže sami strhli k presunom iné kmene, ale zo strachu pred nimi opustili svoje sídla mnohé iné národy. Tým prvým bol už spomínaný presun Gótov na druhú stranu Dunaja, ďalší pohyb, ktorý začal v roku 406, uľahčil dezintegráciu

---

* Tajovského ulica 51, K143, 974 00 Banská Bystrica, Slovenská republika; jaromir.krsko@umb.sk

Západorímskej ríše. Nadvláda Hunov taktiež urýchlila proces rozkladu starej rodovej spoločnosti a vzrast vplyvu bojovníckej zložky... Prítomnosť Hunov definitívne ukončila éru rímskych légii.“ (Bystrický 2008: 10)

Archeologické výskumy dokázali, že Slovania prišli na toto územie na prelome 5. a 6. storočia nášho letopočtu, staršie pramene datujú ich príchod na prelom 4. a 5. storočia (pozri Ratkoš 1965: 11). „Rozbor niektorých písomných prameňov pomerne bezpečne upozorňuje na prítomnosť Slovanov na danom území najneskôr v prvej polovici 6. stor.“ (Fusek 2002: 24). Ide predovšetkým o nápis vytesaný roku 558 na počesť biskupa Martina z Tours na počesť svätenia baziliky, dôležitým prameňom je aj Prokopiov opis osudov uchádzača o longobardský trón Hildigisa, ktorý ušiel v roku 535 k Slovanom a dielo Getica neskororímskeho spisovateľa Jordana (Fusek 2002: 24). „Vo včasnostredovekom období na Slovensku rozoznávame dve fázy s predelom na prelome 6. a 7. stor. Hornú hranicu mladšej fázy tohto obdobia ohraničuje počiatok avarského záboru južných, naddunajských častí západného Slovenska, prejavujúci sa zakladaním pohrebísk v polovici 7. stor. Vo vleku Avarov azda prišli aj ďalšie skupiny Slovanov.“ (Fusek 2002: 25)

K chápaniu predslovanskej motivácie slovenských hydroným môžeme pristupovať dvojako. Vzhľadom na datovanie príchodu Slovanov na naše súčasné územie môžeme pracovať s názvami spreď tohto obdobia. V gréckych, rímskych prameňoch sa vyskytujú názvy riek Dunaj, Morava, Tisa. Nie je však isté, či ide o označenie častí tokov zo slovenského územia. Ich podoby však prevzali naši predkovia a tieto názvy sa včlenili do slovenskej hydronymickej sústavy. Z územia Slovenska máme spreď obdobia príchodu Slovanov dochovaný len presný zápis rieky Hron, ktorý pochádza z pera rímskeho cisára Marka Aurélia z rokov 166 – 180 *Granoua*. V tejto otázke však súhlasíme s názorom historika B. Varsika, ktorý správne uvažuje o tom, že ak „Marcus Aurélius bojoval v druhom storočí n. l. pri dolnom toku rieky Hrona a zapísal nám názov rieky ako *Granoua*, ktorý novoprichádzajúci Slovania prevzali od predchádzajúceho obyvateľstva vo forme *Gron* (a podobne prevzali aj názov rieky Moravy), ťažko môžeme predpokladať, že by Slovania neboli naši nejaké zvyšky starého predslovanského obyvateľstva aj pri dolných tokoch rieky Váhu, Nitry a Ipľa. Veď rieka Ipel' vteká do Dunaja len niekoľko kilometrov východne od ústia rieky Hron do Dunaja“ (Varsik 1989: 7). Žiaľ, najstaršie doteraz nájdené zápisy najdlhšej slovenskej rieky – Váhu (podobne ako iných slovenských riek) pochádzajú zo začiatku 12. storočia (1111 flumen *Vvaga*, 1113 aqua *Vvac*), teda až z obdobia prítomnosti Slovanov v tomto priestore. V doterajších historických výskumoch máme preto z predslovanského obdobia najzreteľnejšie preukázaný len zápis rieky Hron v už spomínanom zápise rímskeho cisára Marka Aurélia z obdobia rokov 166 – 180 (pozri aj Krško 2008: 78 – 80). Ďalším argumentom B. Varsika o predslovanskom pôvode viacerých veľkých vodných tokov Slovenska je ich nejasná a nejednoznačná etymológia, na rozdiel od menších vodných tokov, v ktorých dominuje predovšetkým všeslovanský apelatívny základ.

Druhým prístupom v oblasti výskumu predslovanských východísk slovenskej hydronymie je pripomenutie názorov jazykovedcov, etymológov a historikov o predslovanských pôvodoch hydroným (predovšetkým germánskych, keltských), ktoré existujú

paralelne popri názoroch o slovanskom, či slovenskom pôvode. V prípade názorov o indoeurópskom východisku názvu možno polemizovať o tom, či názov prevzali Slovania od predchádzajúceho etnika, alebo sa vyvinul v ich jazyku, pretože prevažná časť etník európskeho priestoru má indoeurópske jazykové východiská.

Hydrologicky patrí územie Slovenska do povodia Dunaja, pretože 96 percent všetkých vodných tokov odvodňuje Dunaj a zvyšné toky z povodia Popradu a Dunajca na severe Slovenska ústia do rieky Visla.

Druhá najväčšia európska rieka Dunaj (2857 km) vzniká sútokom riek Breg a Brigach v Nemecku, preteká desiatimi štátmi a ústia do Čierneho mora. Územím Slovenska preteká Dunaj v dĺžke 182 km od Bratislavy po Štúrovo, kde sa stáča na juh a tečie do Maďarska. Dunaj sa v historických listinách spomína už v prvom storočí nášho letopočtu. Píše o ňom rímsky cisár Gaius Julius Caesar, ktorý ho zapísal ako *Danuvius*. Jordanes v práci *De origine actibus Getarum* spomína tento tok pod názvom *Danubius* a stotožňuje ju so starším gréckym názvom *Ister* (Varsík 1989: 15). Podobu *Ister* (latinsky *Istros*) je vyložená v publikácii *Zeměpisná jména Československa* ako „valiaca sa rieka“ (pozri Lutterer – Majtán – Šrámek 1982: 91). Mladšie zápisy Dunaja z oblasti dolného toku pochádzajú z pera arabského cestopisca a geografa Abú Saida Gardíziho (zomrel roku 1039), ktorý opísal moravských Slovanov a starých Maďarov. „V blízkosti Slovanov jestvuje ľud, ktorý je spomedzi Grékov kresťanský; nazývajú ich Nandar. Títo sú síce početnejší než Maďari, ale sú slabší. Pokiaľ ide o tie dve rieky, jedna sa nazýva Itil a druhá *Duna*. Keď sa Maďari zdržujú na brehu rieky, vidia proti sebe Nandazov“ (Ratkoš 1964: 324). Etnikum Nandor stotožňuje P. Ratkoš so starými Bulharmi, maďarskú podobu názvu Dunaj, ktorú použil Gardízi odôvodňuje P. Ratkoš slovami: „Podľa našej mienky táto veta Gardíziho textu čerpá z prameňa, blízkeho maďarskému prostrediu...“ (Ratkoš 1964: 324, pozn. č. 5). Stredoveké listiny dochovávajú podoby rieky Dunaj rozlične – latinsky *Danubius*, nemecky *Donau*, maďarsky *Duna* (Hladký – Závodný 2015: 111). Vo všeobecnosti sa jazykovedci zhodujú v názore, že názov Dunaj vznikol z indoeurópskeho základu **danu* vo význame „voda, prúd, rieka“ (Lutterer – Majtán – Šrámek 1982: 91). J. Hladký a A. Závodný pripomínajú, že „Z pôvodného indoeurópskeho základu **danu* sa v slovanských jazykoch vyvinuli dve apelatívne formy – **dunavъ* (v macedónčine, bulharčine a starej ukrajinčine) a *dunajъ* (v slovinčine, češtine, slovenčine, poľštine, ruštine, ukrajinčine i bieloruštine), obidve formy sú známe v srbčine a chorvátčine. Obidve podoby majú v jednotlivých jazykoch rôzne významové odtienky – hlboká voda, veľká rieka, stojatá hlboká voda, žriedlo, na vodu bohatý tok, prameň vyvierajúci spod zeme, jazero“ (Hladký – Závodný 2015: 111). Hydronymum Dunaj sa v slovenských (a českých) nárečiach apelativizovalo vo význame „voda, potok, bystrina“, ako o tom svedčia názvy Dunajec, osada Dunajov, ktoré boli motivované apelatívom dunaj. Samotné apelatívum vo význame „voda“ je dochované v ľudovej frazeológii a rozprávkach (pozri Hladký – Závodný 2015: 111).

Významným európskym vodným tokom je rieka Tisa (1358 km), ktorá pramení na Ukrajine, preteká cez Ukrajinu, Rumunsko, Maďarsko, Slovensko, Srbsko a pri Novom Sade ústia do Dunaja. Územím Slovenska preteká len v dĺžke 5 km a tvorí hranicu medzi Maďarskou a Slovenskou republikou. Najstarší zápis rieky Tisy, ktorá je významným

ľavostranným prítokom Dunaja, je uvedený v gréckej a latinskej podobe ako *Pathissus*, *Tisia* (Varsik 1989: 86), Neskorší zápis pochádza z pera neskororímskeho spisovateľa Jordana, ktorý žil v 6. storočí nášho letopočtu. Jordanes zapísal túto rieku ako *Tisia*. Existencia názvu z obdobia pred príchodom Slovanov na územie dnešného Slovenska je svedectvom, že názov je predslovanského pôvodu, má však indoeurópsky pôvod, pretože v doterajších názoroch o pôvode názvu existuje zhoda, že názov vznikol z indoeurópskeho koreňa **ti-* vo význame „topiť, topiť sa“, pravdepodobne s preneseným významom „bahnitá rieka“ (pozri Lutterer – Majtán – Šrámek 1982: 303). Indoeurópsky koreň zároveň vylučuje motiváciu porastom tisu v jej okolí. Ako pripomína historik B. Varsik „Slovania prevzali názov od predslovanského obyvateľstva a Maďari ho zasa prevzali od Slovanov. V čase príchodu Maďarov do Karpatskej kotliny oblasť územia pri hornej Tise bola obývaná západoslovanským obyvateľmi, predkami dnešných východných Slovákov, od ktorých názov prevzali Maďari.“ (Varsik 1989: 86)

Ďalším tokom, ktorého názov patrí medzi predslovanské, je 329 km dlhá rieka Morava prameniaca v Českej republike, tvoriaca na dolnom toku (od obce Rohatec) prirodzenú 48 km dlhú hranicu medzi Českom a Slovenskom; od ústia rieky Dyje (pri Hohenau) po ústie Moravy do Dunaja utvára zasa 71 km dlhú hranicu Slovenska s Rakúskom (Závodný 2012: 195). Najstaršie názvy tohto vodného toku uvádza už Plínius Starší (23 – 79 n. l.) vo forme *Maro*, Tacitus (asi 55 – asi 117 n. l.) ju zapísal ako *Marus*. Z uhorských dejín máme zápisy od Anonyma z roku 1200 – fluv. *Moroua*, 1231 fluv. *Morowa*. Tieto zápisy sú však už z obdobia po usídlení Slovanov.

Staršie etymológie názvu Morava prehľadne spracoval V. Šmilauer (1932: 289 – 290). Pôvod názvu a motivácia sa nedajú spoľahlivo určiť. V. Šmilauer (1932) vo svojich názoroch vychádzal predovšetkým z E. Schwarza, ktorý za východisko názvu pokladá indoeurópsky koreň **mar-* vo význame „voda“. V. Šmilauer pripomína aj iné etymológie – H. Krahe považuje názov za ilýrsky, Mladenov za starotrácky, A. A. Šachmatov hľadal východisko v keltčine. Podľa V. Šmilauera Germáni názov priklonili k domácomu **mari*, čo znamenalo „plytká, stojatá voda, močiar“ a dali mu formu *Mar- -ahwa* > *Maraha*, *Marcha*. Prípona *-ahwa* označovala u Germánov vodu. Slovania prispôbili názov k domácomu *morava* vo význame „lúka, trávnaté miesto“. Tento vývin je podľa V. Šmilauera pravdepodobnejší ako hláskový vývin *Marahva* > *Morava* ako predpokladá Melich. B. Varsik (1989: 18, 96) považuje názov Morava za predslovanský a pripúšťa, že zakončenie *-ava* dostávali nielen názvy riek, ktorých základ bol bezpečne slovanského pôvodu (ako boli Olšava, Jelšava, Trnava, Rudava, Myslava a pod.), ale aj také názvy, ktorých základ bol predslovanského pôvodu (*Marus* – *Morava*, r. 892 *Maraha* < **Marahwa*, z ktorého sa mohol vyvinúť aj nemecký názov *March*). Názov *Morava* má podľa názorov viacerých jazykovedcov ešte predkeltský pôvod s významom „voda, močiar“. Slovenské, či slovanské apelatívum *morava* (vo význame „močiar, tráva na močiar, zatopené územie, luh“) nie je motivantom názvu rieky, pretože je mladšie.

Najdlhšou riekou prameniaca i ústiaca na území Slovenska je rieka Váh, ktorá meria 365 km. Etymológie tohto názvu nie sú dodnes jednoznačné a jasné. Logickejšie argumenty uvádzajú zástancovia predslovanského pôvodu názvu (napr. E. Schwarz, V. Šmilauer, B. Varsik a ďalší), ktorí pôvod názvu vidia v germánskom *wág* vo význame

prúd. Historik B. Varsik tieto názory podporuje logickým tvrdením, že názvy veľkých vodných tokov musia pochádzať od obyvateľov, ktorí tu žili pred príchodom Slovanov a tieto názvy Slovania od nich prevzali a adaptovali do svojho jazyka. Žiaľ, najstaršie doteraz nájdené zápisy Váhu pochádzajú zo začiatku 12. storočia (1111 flumen *Vvaga*, 1113 aqua *Vvac*), teda z obdobia prítomnosti Slovanov v tomto priestore. Keďže pri veľkých tokoch riek boli pre obyvateľstvo výhodnejšie a lepšie životné podmienky, a vieme, že územie Slovenska bolo pred príchodom Slovanov osídlené „germánskym a možno aj predgermánskym obyvateľstvom, najmä keltského pôvodu“ (Varsik 1989: 22), je pravdepodobné, že Slovania prevzali od nich názov rieky Váh.

V. Šmilauer považuje názov *Váh* za germánsky: „Dnes obecně se vykládá jméno Váhu z germánčiny. Základem je germánske *wág ‚bewegtes Wasser, Woge, Strom, Fluss‘ (Šmilauer 1932: 307). Tento predslovanský – germánsky (kvádsky) názov prevzali, podľa V. Šmilauera, Slovania vo forme *Wág* a od nich potom Maďari.

V. Šmilauer takisto sumarizuje predchádzajúce etymológie Váhu, pričom ich delí na etymológie vychádzajúce zo sanskrtu (Veterán), latinské (Matej Bel), slovanské (Bel, Hunfalvy, Sasinek, Tomicki, Zoch), sarmatské (Sobolevskij) a maďarské (Podhráczky) – (Šmilauer 1932: 307).

Významný slovenský učenec 18. storočia Matej Bel vo svojich Notíciách sa zaoberal s myšlienkou odvodiť a vysvetliť pomenovanie *Váh* zo slovenského apelatíva *váha* alebo z latinského *vagus* (túlavý), napokon meno rieky odvodzuje od nemeckého slova *die Woge* – vlna, prival. „Je totiž nadmieru zvlnený a prudký, najmä v tých miestach, kde skaly a bralá robia koryto hrbolatým. Vtedy totiž rozbitý jedným úskalím rúti sa do druhého a zas naspäť odrazený môže robiť dojem, že ani tak netečie, ako skôr sa len vlní“ (Drdoš 1984: 81–82).

Podľa jazykovedca a slavistu J. Stanislava je pomenovanie *Váh* nemecké s významom „rieka“ (Stanislav 1947: 68). Od roku 1972 prichádza predovšetkým Š. Ondruš s viacerými verziami o slovanskom, resp. slovenskom pôvode názvu Váh.

Druhá najdlhšia rieka na Slovensku je rieka Hron (271 km). Je to jediný vodný tok na Slovensku, ktorého názov je bezpochyby predslovanský, pretože najstarší zápis pochádza z pera rímskeho cisára Marca Aurélia, ktorý v diele *Ta eis heauton* spomína miesto bojov proti germánskym kmeňom Markomanov a Kvádov na severnej strane dunajskej línie. Miesto bojov lokalizoval v oblasti rieky *Granova*. Najstarším dokladom je teda zápis *Granova* pochádzajúca z rokov 166 – 180. V. Šmilauer (1932: 350) sa pri výklade názvu Hron priklonil ku germánskej etymológii E. Schwarza zo staronemeckého *Gran-ahwa (sthn. *gran* – smrek, *ahwa* – voda). Okrem tejto etymológie sumarizuje V. Šmilauer aj ďalšie výklady, medzi ktorými uvádza napr. názory o ilýrskom pôvode názvu J. Loewenthala – z panónskeho *granuuá, či starohornonemeckého *krammr* – vlhký. G. Czirbusz uvádzal keltský etymón *gronve* – lúčna rieka, neskôr pripúšťa germánsky pôvod názvu – zo starohornonemeckého výrazu *gruoni* – zelený. Popri ilýrsky, germánskych a keltských východiskách sa snažili názov Hron odvodiť aj zo slovanských, či slovenských základov (pozri Šmilauer 1932: 350).

Dôležitou slovenskou riekou je Hornád s celkovou dĺžkou 286 km, ktorý preteká dvomi štátmi – po 193 km opúšťa slovenské územie a v Maďarsku ústi do Slanej.

Hornád odvodňuje najväčšiu západnú časť východného Slovenska. Aj názov rieky Hornád ponúka viacero interpretácií, medzi ktorými sú aj etymológie vychádzajúce z predslovanských základov. Najstaršie historické zápisy Hornádu pochádzajú až zo začiatku 13. storočia – v roku 1200 je zapísaný ako *fl. Honrat, Honrad*, roku 1230 ho listiny spomínajú v podobe *fl. Harrad*, roku 1232 *fl. Homad, Hornad* atď. Pre interpretáciu pôvodného lexikálneho východiska, či ide o slovanské alebo predslovanské apelatívum, je dôležité, že nemáme dochovanú podobu s *g* (teda *Gonrad). Nepredpokladáme, že názov pochádza z maďarčiny, pretože územie povodia Hornádu obsadili najprv prichádzajúci Slovania a až o niekoľko storočí sa dostávajú na územie jeho dolného toku maďarské kmene, ktoré sa postupne posúvajú aj na sever, teda do strednej časti Hornádu. Keby sme pripustili slovanskú motiváciu, napriek tomu, že zápis je až zo začiatku 13. storočia, teda z obdobia, v ktorom už prebehla zmena *g > h*, maďarčina by pôvodnú podobu určite dochovala, podobne ako je tomu pri hydronymách Váh – maďarsky Vág, Hron – maďarsky Garam atď.

Pôvodom názvu Hornád sa zaoberal už Anonymus, z pera ktorého pochádzajú dva najstaršie názvy *Honrat, Honrad* a podľa jeho názoru názov existoval už pred príchodom Maďarov do povodia hornej Tisy, čím vylúčil pôvod z maďarčiny. Ďalší historici a jazykovedci sa zaoberali teóriami o latinskom pôvode – napríklad J. Hradszký predpokladal, že podoba *fluvius Conradi* znamená Konradovu rieku, čo by však nedokazovalo jej latinský pôvod. Viaceré etymológie sa prikláňali ku germánskemu (teda predslovanskému) pôvodu – napríklad maďarský akademik S. Borovszky uvažoval o germánskom prapôvode názvu, pričom za východiskový tvar považoval podobu *hornath* – rohovitý, oblúkovitý, čo by prenesene znamenalo, že rieka má kľukaté koryto. J. Melich sa v roku 1917 pokúsil vysvetliť pôvod názvu vývinovou relatívnou chronológiou, pričom predpokladal takéto podoby: *Chonrád/Chonrát > Honrád/Honrát; Chornád/Chornád > Hornád/Hornát > Harnád/Harnát > Hěrnád/Hěrnát > Hernád/Hernát*. Z maďarského tvaru *Honrád* vznikla slovanská podoba *Hornád*, z prvotnej podoby *Chonrát* sa utvoril nemecký tvar *Kunert*, latinský variant *Conrada* má podľa neho pôvod v podobe *Chonrád*. Nemecké varianty *Chonrad* a *Chornad* sa snažil vysvetliť J. Štolc (1951), ktorý ich pôvod vysvetľoval z nemeckých foriem *Corrad, Conrada, Kunrad*, ale tieto podoby záviseli od národnosti pisára. J. Štolc však reprezentuje skupinu názorov, že názov Hornád je slovanského pôvodu a k etymológii sa dostal kritikou názoru J. Martinku, ktorý pri výklade hydronyma vychádzal z praslovanského základu *gьrnъ, ktorý sa po zmene *g > h* zmenil na základ *hrn-* (> *hrnúť*) (podrobné interpretácie pozri v diele Goótsová/Chomová/Krško 2014: 167–168).

Najväčším ľavostranným prítokom Váhu je rieka Nitra (168,5 km). Najstaršie zápisy Nítry pochádzajú až z obdobia prítomnosti Slovanov v tejto oblasti – názov flumen *Nittra* pochádza z roku 1006, takisto aj podoby minoris fluminis *Nittra*, maioris fluminis *Nitra*, zápis z roku 1113 uvádza túto rieku ako aqua *Nitria, Nitria, Nitra, Nittra* atď. (Hladký 2004: 159).

V. Šmilauer vo svojom Vodopise starého Slovenska (1932: 338) zosumarizoval všetky dovtedajšie etymologické výklady tohto hydronyma, pričom ich rozdelil do troch skupín. Za slovanský pôvod sa vo viacerých štúdiách vyslovili napr. F. Umlauf

(1886) a G. Czirbusz (1908, ten sa vyslovil aj za germánsky pôvod z nem. koreňa *nit- „stiesnený“, aar „voda“). Názov odvodzovali od slova *vbn-o(N)trb > vnutro, nutro s motiváciou „rieka tečúca vo vnútri, medzi štyrmi riekami“. T. Tomicki v roku 1925 rekonštruoval pôvodný tvar vo forme *Nitorna, Nutorna. J. Červinka v roku 1928 v názve Nitra videl slovanský pôvod, ale samotné východiskové meno pokladal za nejasné, no dával ho do súvislosti s osobným menom *Nitrabor* a baltoslovanským apelatívom *nitra* „zástava“.

Dlhšiu dobu sa pôvodom názvu *Nitra* zaoberal Š. Ondruš, ktorý predpokladal indo-európsky pôvod názvu, ale primárne dokazoval jeho praslovanský pôvod. K výkladu Š. Ondruša sa prikláňa aj J. Hladký v monografii *Hydronymia povodia Nitry* (2004: 147).

B. Varsik (1989), podobne ako iní bádatelia, predpokladá, že v prípade názvu *Nitra* ide o predslovanský základ a Ondrušove teórie spochybňuje najmä tým, že listiny do 9. až 11. storočia sú v prevažnej miere falzá.

K ostatným teóriám o predslovanskom pôvode hydronyma *Nitra* patrí teória R. Krajčoviča (2005: 18–20). Podľa nej názov rieky (aj lokality *Nitra*) odráža napätú včasnioslovansko-kvádsku symbiózu z prelomu 4. a 5. storočia. Vo svojom výklade sa opiera o podoby predslovanských germánskych názvov mesta (*Neiter*, *Neuter*, *Neutra*), ktoré museli vzniknúť len z latinsko-rímskeho spojenia *Neui-iter*, pričom *iter* znamená „cesta, pochod“, ale aj „tok, rieka“ s prívlastkom *novi-us* s významom „to, čo je za hranicou“. Podľa R. Krajčoviča, šlo o orientačno-informačný názov pre rímske légie a skrátenú podobu *Neuter* prevzali naši predkovia od zvyšku rímskych osadníkov, ktorí zastali v oblasti po stiahnutí sa rímskych légii. „V prostredí staroslovenských osadníkov prevzaté slovné spojenie *Neuter* sa po zániku medzisamohláskového *-u-* zmenilo na *Neiter* a z tejto podoby po zákonitej zmene psl. slabík na slabiky otvorené, t. j. so samohláskou na konci slabiky v spojení *Nei-* sa zmenilo na *Ni-* a *-ter* na *-tra*.“ (Krajčovič 2005: 20)

Lavostranný prítok Dunaja – rieka *Ipeľ* (232,5 km) odvodňuje veľkú časť stredného Slovenska (predovšetkým bývalú novohradskú a hontiansku župu). Najstaršie dochované doklady pochádzajú zo začiatku 12. storočia – 1135 *Ipul*, 1138 *fl. Ipul*, *Ipol*, 1236 *fl. Ypul*, *Ipul*, *Ipol* atď (Majtán/Žigo 1999: 28). Preto väčšina teórií poukazuje na slovanský základ (tak aj autori monografie *Hydronymia povodia Ipeľa*). V. Šmilauer (1932) zhrnul dovtedajšie teórie o pôvode názvu *Ipeľ* a rozdelil ich na slovanské, germánske (Borovszky odvodzoval názov zo starohornonemeckého *aphol* – podobne *Apfelbach* – teda vodný tok pretekajúci porastom divých jabloní). Ďalšiu skupinu tvorili etymológie neznáme, pravdepodobne ilýrske (Šmilauer 1932: 361).

R. Krajčovič (2005) prišiel s teóriou o predslovanskom pôvode názvu *Ipeľ* a dáva ho do súvislosti s pobytom rímskych légii na našom území. Opiera sa predovšetkým o archeologické nálezy rímskych artefaktov z oblasti *Ipeľa* (Dudince, Želovce, Prša...). Podľa R. Krajčoviča bolo východisko názvu latinsko-rímske adjektívum *hippulus*, ktoré vzniklo zo substantíva *hippe* vo význame kôň. „Prví slovienski osadníci prevzali od zvyškov rímskych osadníkov, ktorí v oblasti *Ipeľa* zostali po odchode rímskych légii, latinsko-rímsky záznam o ceste vedúcej popri pravom brehu *Ipeľa* zrejme v tvare adjektíva zo spojenia *hippulia via* vo význame jazdecká cesta a z adjektíva *hippulia* sa začala v

prostredí našich predkov formovať dnešná podoba názvu Ipeľ“ (Krajčovič 2005: 22). Ďalšie hláskové úpravy výrazu vyplývali z vtedajšieho stavu jazyka – počiatočné *h* sa odstránilo, pretože v tom čase naši predkovia ešte nepoznali túto hlásku, vokály *u* a *i* v tvare *Ipuli* sa zmenili podľa zákonitostí jazyka na jery, ktoré sa neskôr dali podobu *Ip̣yḷḅ*.

Územie strednej Európy bola už pred príchodom Slovanov dôležitým priestorom, ktorým prechádzali mnohé etniká, prípadne tu trvalo žili. O kontaktoch našich predkov s týmito etnikami svedčia aj viaceré názvy významných európskych vodných tokov. Viaceré hydronymá majú keltský, gótsky, kvádsky pôvod. Pri indoeurópskych východiskách (napr. pri riekach Dunaj, Tisa, Morava) sa dá uvažovať o tom, že názov vznikol v jazykoch etník, ktoré obývali územie pred príchodom predkov, prípadne, že názov sa vyvinul paralelne u Slovanov.

Literatúra

- DRDOŠ, Ján (1984) *Matej Bel slovenský geograf*. Bratislava: Veda.
- BYSTRICKÝ, Peter (2008) *Stahovanie národov (454–568). Ostrogóti, Gepidi, Longobardi a Slovania*. Bratislava: Občianske združenie Spoločnosť PRO HISTORIA.
- ČAPLOVIČ, Dušan (1998) *Včasnostredoveké osídlenie Slovenska*. Bratislava: Academic Electronic Press.
- FUSEK, Gabriel (2002) „Včasnoslovanské obdobie.“ In: A. Ruttkay, M. Ruttkay, P. Šalkovský (eds.), *Slovensko vo včasnom stredoveku*. Nitra: Archeologický ústav SAV Nitra, 23–27.
- GERLAKOVÁ, Alexandra (2008) „Odras osídlenia severného Šariša v pomenovaniach riek z povodia Torysy.“ In: V. P. Polách (ed.), *Svět za slovy a jejich tvary, svět za spojením slov*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2008, 67–73.
- GOÓTŠOVÁ, Andrea/Alexandra CHOMOVÁ/Jaromír KRŠKO (2014) *Hydronymia slovenskej časti povodia Hornádu*. Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Univerzity v Banskej Bystrici – Belianum, Filozofická fakulta.
- CHOMOVÁ, Alexandra (2010) „K hydronymii povodia Torysy. (K variantnosti a polyonymii v pomenovaní tokov z povodia Torysy).“ In: J. David (ed.), *Mnohotvárnosť a špecifickosť onomastiky. IV. česká onomastická konferencia. 15. - 17. září 2009, Ostrava. Sborník příspěvků*. Ostrava/Praha: Filozofická fakulta Ostravské univerzity v Ostravě/Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 198–205.
- HLADKÝ, Juraj (2004) *Hydronymia povodia Nitry*. Trnava: Trnavská univerzita – Pedagogická fakulta.
- HLADKÝ, Juraj (2011) *Hydronymia povodia Dudváhu*. Trnava: TYPI UNIVERSITATIS TYRNAVENSIS a VEDA.
- HLADKÝ, Juraj/Andrej ZÁVODNÝ (2015) *Hydronymia Žitného ostrova*. Trnava: TYPI UNIVERSITATIS TYRNAVENSIS a VEDA.
- KRAJČOVIČ, Rudolf (2005) *Živé kroniky slovenských dejín skryté v názvoch obcí a miest*. Bratislava: Literárne informačné centrum.

- KRŠKO, Jaromír (2008) *Hydronymia povodia Hrona*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied.
- KRŠKO, Jaromír/Drahomír VELIČKA (2011) *Hydronymia povodia Kysuce*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied.
- KRŠKO, Jaromír (2011) *Hydronymia horného povodia Váhu (od povodia Rajčanky po prameň Váhu)*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied.
- LUTTERER, Ivan/Milan MAJTÁN/Rudolf ŠRÁMEK (1982) *Zeměpisná jména Česko-slovenska*. Praha: Mladá fronta.
- MAJTÁN, Milan/Kazimierz RYMUT (1998) *Gewässernamen im Flussgebiet des Dunajec. (Nazwy wodne dorzecza Dunajca)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. (Hydronymia Europaea, 13).
- MAJTÁN, Milan/Pavol ŽIGO (1999) *Hydronymia povodia Ipl'a*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, Filozofická fakulta UK.
- MAJTÁN, Milan/Kazimierz RYMUT (2006) *Hydronymia povodia Oravy*. Bratislava: Veda.
- ONDRUŠ, Šimon (2000) „Slovak Hydronyms.“ In: M. Kučera (ed.), *Slovaks in the central Danubian region in the 5th to 11th century*. Bratislava: Slovenské národné múzeum, 2000, 185–215.
- RYMUT, Kazimierz/MAJTÁN, Milan (1998) *Gewässernamen im Flussgebiet des Dunajec (Nazwy wodne dorzecza Dunajca)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- SIČÁKOVÁ, Ľuba (1996) *Hydronymia slovenskej časti povodia Slanej*. Prešov: Pedagogická fakulta UPJŠ.
- PIETA, Karol (2002) „Osídlenie Slovenska v dobe sťahovania národov.“ In: A. Ruttkay, M. Ruttkay, P. Šalkovský (eds.), *Slovensko vo včasnóm stredoveku*. Nitra: Archeologický ústav SAV Nitra, 2002, 11–22.
- RATKOŠ, Peter (1964) *Pramene k dejinám Veľkej Moravy*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV.
- RATKOŠ, Peter (1965) „Problematika raného feudalizmu.“ In: P. Ratkoš (ed.), *O počiatkoch slovenských dejín. Sborník materiálov*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 7–19.
- STANISLAV, Ján (1947) *Odkryté mená slovenských miest a dedín*. Bratislava: Orlovský.
- STANISLAV, Ján (1999) *Slovenský juh v stredoveku*. I. Bratislava: Národné literárne centrum – Dom slovenskej literatúry.
- STANISLAV, Ján (2004) *Slovenský juh v stredoveku. Slovník mien s mapovými prílohami*. II. Bratislava: Literárne informačné centrum.
- ŠMILAUER, Vladimír (1932) *Vodopis starého Slovenska*. Praha – Bratislava: Nákladom Učené spoločnosti Šafaříkovy.
- VARSÍK, Branislav (1989) *Slovanské (slovenské) názvy riek na Slovensku a ich prevzatie Maďarmi v 10.–12. storočí*. Bratislava: Veda.
- ZÁVODNÝ, Andrej (2012) *Hydronymia slovenskej časti povodia Moravy*. Trnava: TYPI UNIVERSITATIS TYRNAVIENSIS.

Resumé
VPLYV PRED SLOVANSKÝCH KONTAKTOV
NA HYDRONYMIU SLOVENSKA

V príspevku venujeme pozornosť vplyvu predslovanských etníc na hydronymiu dnešného Slovenska. Migrácia celých etnických skupín – najmä po rozpade Rímskej ríše, viedla ku vzájomným kontaktom medzi pôvodným a prichádzajúcim obyvateľstvom. Etnické kontakty mali vplyv aj na jazyky týchto etníc, dochádzalo k vzájomnému ovplyvňovaniu a preberaniu časti lexiky. Prichádzajúce etniká sa museli orientovať v novom prostredí, museli identifikovať a diferencovať dôležité orientačné body, medzi ktoré patria predovšetkým vrchy, pohoria a vodné toky.

Problematiku predslovanských hydroným môžeme sledovať z dvoch uhlov pohľadu – 1. analyzovať názvy dochované z obdobia pred príchodom Slovanov na územie Slovenska; 2. analyzovať názvy, ktorých pôvod niektorí autori pokladajú za predslovanský.

Najstarší názov rieky z oblasti Slovenska, ktorý je bezpečne z obdobia pred príchodom Slovanov, zapísal rímsky cisár Markus Aurélius v rokoch 166 – 180 ako *Granoua*. Ide o zápis rieky Hron, pri ktorej bojovali rímske légie proti germánskym kmeňom Markomanov a Kvádov. Viacerí historici a jazykovedci sa domnievajú, že nielen rieky Dunaj, Morava a Tisa majú predslovanský pôvod, ale aj ďalšie názvy veľkých riek vznikli už pred príchodom Slovanov do oblasti strednej Európy. V príspevku analyzujeme názvy Dunaj, Morava, Váh, Hron, Tisa, Nitra a Hornád.

Kľúčové slová: onomastika, hydronymia, predslovanské hydronymá, slovenské rieky, etnické kontakty

Abstract
THE INFLUENCE OF PRE-SLAVIC ETHNIC GROUPS ON THE
HYDRONYMY OF PRESENT-DAY SLOVAKIA

In this paper, we focus on the influence of pre-Slavic ethnic groups on the hydronymy of present-day Slovakia. The migration of entire ethnic groups – especially after the dissolution of the Roman Empire – led to contact between native and incoming people. Ethnic contact also affected languages of these ethnic groups, as mutual influencing and borrowing of vocabulary occurred. Incoming ethnic groups had to find their way around in the new surroundings as well as identify and distinguish important landmarks, mainly hills, mountains and streams.

We can approach the issue of pre-Slavic hydronyms from two points of view: one, by analyzing the names preserved from the time period before the arrival of Slavs in the territory of Slovakia, and two, by analyzing the names whose origin some authors consider to be pre-Slavic.

The oldest name of a river from the Slovak region comes from the time period before the arrival of the Slavs. It was recorded by the Roman emperor Marcus Aurelius in

years 166–180 AD as *Granoua*. It is a record of the river Hron at which Roman legions fought against the Germanic tribes of the Marcomanni and Quadi. Several historians and linguists believe that besides the rivers Dunaj, Morava and Tisa, other names of big rivers date from before the arrival of Slavs in the central Europe. In the paper, we analyse the names Dunaj, Morava, Váh, Hron, Tisa, Nitra and Hornád.

Keywords: onomastics, hydronymy, Pre-Slavic hydronymy, Slovak rivers, ethnic contacts

Povzetek

VPLIV PREDSLOVANSKIH STIKOV NA HIDRONIMIJO SLOVAŠKE

V prispevku namenjamo pozornost vplivu predslovanskih etnosov na hidronimijo današnje Slovaške. Migracija celih etničnih skupin, posebno po razpadu Rimskega cesarstva, je pripeljala do vzajemnih stikov med staroselskim in prihajajočim prebivalstvom. Etnični stiki so vplivali tudi na jezike teh ljudstev, prihajalo je do medsebojnega vplivanja in prevzemanja dela leksike. Prihajajoča ljudstva so se morala v novem prostoru orientirati, morala so določiti in razlikovati pomembne orientacijske točke, med katere spadajo predvsem vrhovi, pogorja in vodni tokovi.

Problematiko predslovanskih hidronimov lahko raziskujemo z dveh vidikov: 1. da analiziramo imena, ohranjena iz obdobja pred prihodom Slovanov na ozemlje Slovaške; 2. da analiziramo imena, ki jih nekateri avtorji štejejo za predslovanska.

Najstarejše rečno ime s področja Slovaške, ki je zagotovo iz obdobja pred prihodom Slovanov, je zapisal rimski cesar Mark Avrelij v letih 166–180 kot *Granoua*. Gre za zapis reke Hron, pri kateri so se rimske legije bojevale proti germanskim plemenom Markomanov in Kvadov. Več zgodovinarjev in jezikoslovcev domneva, da predslovanskega izvora niso le Donava (slovaško Dunaj), Morava in Tisa, temveč da so tudi druga imena večjih rek nastala že pred prihodom Slovanov v srednjo Evropo. V prispevku analiziramo imena Dunaj (= Donava), Morava, Váh, Hron, Tisa, Nitra in Hornád.

Ključne besede: onomastika, hidronimija, predslovanska hidronimija, slovaške reke, etnični stiki

TOWARDS A CLARIFICATION OF THE HISTORY OF THE SLOVENE RIVER NAME SOČA

1. COMMON SLOVENE *SÓČA

The immediate source of the Common Slovene river name *Sóčā (= dial. (Natisone) *Só:ča*, Resian (Bila) *Sóča*)¹ may be unproblematically reconstructed as Slavic *Sŏčā, regularly continuing an older *Suncā. The original accentual pattern of this feminine noun cannot be recovered but such ambiguity is typical of the western and southern Slovene feminine *a*-stems with a long root vowel. It is likely that the name originally belonged to the immobile accentual paradigm I/1, so *Suncā > *Sŏčā (> *Sŏčā > *Sŏčā), as is the case with, e.g., **Sŏtŕ/bla* (Sotla) < **Sintu/ilā* and in clear opposition to the coherent group of river names with simple disyllabic structure *(C)C₁VC₂ā-, which feature regular circumflexion and accompanying (in my view undoubtedly internally Slavic) lengthening of the originally accented vowel, e.g. *Zilā < *Žīlā,² *Sauā < *Sāuā, *Drauā < *Drāuā, *Rabā < *Rābā, and perhaps *Γυά:να* < *Glāna (< **Glanā?*) < *Glānā (= **Glānā?*).³ The substitution of Slavic short *u for Romance

* Oddelek za primerjalno in splošno jezikoslovje/Department of Comparative and General Linguistics, Filozofska fakulteta, Aškerčeva 2, 1000 Ljubljana, Slovenia; luka.repansek@ff.uni-lj.si

1 See Šekli (2008: 166), Steenwijk (1992: 310).

2 The reconstruction is based on the recently acquired dial. attestation *Zlī:ca* (Žabnice/Camporosso) – cf. the Italianised form *Slizza* – with regular vowel reduction in the paroxytonon, which clearly points to the diminutive *Zīlīca (AP *F*₁) ← *Zilā (AP *b*).

3 Note here that the specifically Slavic accent shift known as the Dybo's Law must be chronologically posterior to the integration of the oldest core of pre-Slavic toponymic material. Consider in this respect a few truly unambiguous cases which show accent progression but were for one reason or another regularly exempt from the subsequent rule of accent retraction by Ivšić-Stang's Law, so that subsequent integration into the productive patterns as they existed after the operation of both uniquely Slavic accent shifts is unthinkable. Such are Sln. *Celje* < *Celjē < *Celbje < *Celijē < *Kelēja ← Rom. *Kelēja with contraction-induced inhibition of subsequent accent retraction, and the category of AP *E* accentual units such as Čak. *Osòr* (Rom. *Āpsaru → Slav. *Āsaru > *Osòrŕ), Štok. *Mòsor* (Rom. **Más(s)aru* → Slav. *Māsarū > *Mosòrŕ), Sln. *Celòvec* (< **Cŭb/īlŏmьcb* < **Kŭī/īl(au)u* ← Rom. **Kŭē/ēl(au)*), which by definition were incapable of subsequent accent retraction. I would also include here *Ūydŕnŕ, *Ūydŕna > Common Slovene *Vidŕn, *Vidna with preserved quantity of the accented /i:/ throughout the paradigm. Note that Ter (Subid) *Vid'an*, Gsg *Vid'na* (quoted by Šekli 2009: 153) < *Vidŕn/*Vidna < *Ūydŕnŕ/*Ūydŕna does not in fact point to AP *B* but rather points to *Ūydŕnŕ/*Ūydŕna < **Ūī.dīnu*/**Ūī.dīnā* < **Ūī.dīnu*/**Ūī.dīnā* ← Rom. **Ūi/dīnu*. Note that the latter (mis)interpretation is in fact impossible even under an assumed generalisation of the /i:/ < neo-acute *y/recent Slovene acute *i from the nominative singular.

open *o (= /ɔ/?) < VLat. *ō (and subsequent development of the back nasal vowel **õ* for the accented tautosyllabic sequence *un) is the theoretically expected outcome of phonetic adaptation before the rise of the new Slavic *o from Proto-Slavic *a. The regular substitution of the Romance affricate *c ~ *č (< *t < **t̥*, **k̥*) in the earliest layer of Romance loans into Slavic, which predate the rise of the genuinely Slavic *c by second and third palatalisation processes, is the corresponding Slavic affricate *č (< *kʰ).⁴ Note that this is the only theoretically expected outcome, neatly corroborated by a set of early loans into the type of Slavic idioms that do not coalesce the older product of the first palatalisation *č with the palatal stop **t̥*, e.g. Čak. *Porëč* < *Porëčb ← **Par'encu*, *Brôč < *Bračb ← **Br'acu* etc., including the above-mentioned dialectal Slovene forms.

The Slavic adaptation of the Romance prototype points to something like **'Sōncō* or rather and given the likely point of contact, **'Sōnc̣ō*. The morphological adaptation of the originally masculine name (as undeniably proved by the older sources) and its integration into the class of Slavic feminine *a*-stems is a fully systematised process, based on gender attraction of the premodifier to a feminine head-word in the underlying noun phrase (i.e. the onomastic model, for which see Šivic Dular 1998). A more serious point of disagreement between the Slavic adoption and the organic reflex of the hydronym as inferable from the contemporary Friulan outcomes *Lusinç* (standard form), dial. *L'Isùns* (Aquileia), *il Lusìns* (Flumisel/Fiumicello),⁵ however, lies in the fact that the Slavic form presupposes a source with early aphaeresis of the initial vowel. But Friulan – the contemporary form of the donor language – seems to have preserved no trace of such a variant. It is possible that the internal Friulan outcomes such as *Lusinç* & c. may go back to a later non re-analysable conglomeration of the Old Friulan masculine definite article *lu* (< *illum) and a form such as **Sōnc̣ō* < **Sonṭō*, but it is equally likely that they simply reflect a sporadic case of vowel metathesis (in the case of standard Friulan variant in a form theoretically borrowed from the sonziaco Friulan with *u* < *ɔ), or may even go back to a remodelled **Lu Z(ɥ)ṃč(ə)* for **Liz(ɥ)iṇč(ə)* = **L'iz(ɥ)ṃč(ə)*⁶ < **Iz'ɔnṭō*. Note that *il Lusìns* attested in Flumisel/Fiumicello may speak in favour of the possibility that at least some of these forms may have undergone metathesis, granting that the expected outcome **L'Isùns* (with expected *u* < *ɔ/__NT) would have undergone subsequent agglutination. Be that as it may, a pre-form with an anlauting (unaccented!) vowel, which seems to underlie the Friulan reflexes of the river name, cannot have been the source of the integration into Slavic as one would then expect Slavic **Zqčā – the process of sonorisation of intervocalic consonants in the precursor of Friulan, as is inferable from a number of transparent cases, predates the contact between the Romance and the Slavic idiom. It goes without saying that the attested forms

4 Pace Ramovš HG II §152, id. (1936: 27, 51), who proposes to start from ***Sq̣ía* (similarly Šturm 1927: 59–60, repeated in Furlan 2002: 33 and ESSZI s.v. *Soča*; sceptically Šekli 2008: 166).

5 For older attestations see Di Prampero (1882 s.v.) and Pirona, *Vocabulario friulano* (1871), who records *Lusinz* and (*L*)*isùnz*.

6 The bilabial element of the original diphthong is only preserved after labials, cf. *p̣unt* < **p̣ontə* vs. *frint* < **fṛində* etc.

also exclude the possibility of a specifically Slavic case of aphaeresis (cf. *Нунъ for *Aenona*, on which see Schramm 1981: 58, 262, 307).

If the manuscript tradition is to be trusted, the first Latinised attestations of the trisyllabic variant are Cassiodorus' *Sonti fluenta* (*Var. epist.* I,18,10) and the famous prepositional phrase *super Sontium* (ib. I,29), reported in the early 6th century. All other attestations of *Sontius* which directly refer to the river, including the 8th-century account of Paulus Diaconus (*Hist. rom.* XV, 20, p. 214: *iuxta Sontium flumen, qui non longe ab Aquileia labitur*),⁷ may simply be reproductions of an established manuscript variant. Note that the entire corpus of the earliest literary attestations of the hydronym refers to or briefly recounts one and the same historical event with AD 489 as its indubitable terminus post quem. The question of the source of the variant *Sontius* thus cannot receive an easy answer, especially in the light of the fact that Cassiodorus, who presumably would have been aware of the organic, autochthonous name of the river, seems inclined to indiscriminate use of the original, four-syllabic *Isontius* beside the truncated variant (see *Cass., Chron.* p. 159, 1319-1321: *ad Isontium*, and cf. *gurgites Isontii* in *Paul. Aquilei.* (8th c.), *carm.* II,1,v.5). Since aphaeresis is not strictly speaking a sound change, it most often goes back to deglutination, normally resulting from the reinterpretation of morpheme boundaries. A putative *Sontius* could easily have been produced by deglutination in cases such as **de Esontio* > **de Sontio* or through phonetic hyperinterpretation of *Isontio* as *i(n) Sontio* with VLat. *is-* < **ins* etc. None of this can be verified, however. Another, rather obvious and hence already proposed⁸ possible source of the alternative form *Sontius* is the contracted and presumably reinterpreted form of the place name *Ponte* (= Lat. abl.-loc. sg.) *Sonti(i)* (= Lat. gen. sg.), first attested in *Tabula Peutingeriana* at *segm.* III,5 as the designation of a Roman *mansio* (see Vedaldi Iasbez 1994: s.v. *Ponte Sonti*). From an underlying **Ponte Esonti(i)* > **Pontesonti* the way to *Ponte Sonti* and subsequent extrapolation of *Sontius*, corresponding to the new genitival form of the river name, is easily envisaged. This scenario may be oversimplistic, however, since there can be no knowing whether the reported form of the place name is in fact organic or perhaps artificially (re)produced in transmission. It is noteworthy that the compiler of the *Tabula* seems to have had no notion of the actual river name, simplistically superimposing the *fl. Frigido* (III,5) on the lower course of the actual *Isontius* and ending it in a rather large lake (no designation) near *Aquileia*. This means that in the case of *Sonti* reported on the *Tabula* there would have been no source of possible (hyper?)correction. Note that Yordanes is the only author who treats the two components of the place name as independent units (*Getica* 57,292–293, p. 133: *ad pontem Sontii*), but this must surely be secondary. Both genitives *pontis Sontis* (*Fasti vindob. prior.* II,50, p. 317, 1. 490) and *ponte Sontis* (*Auct. hauniense* II,50, p. 317, 1. 490)⁹ clearly point to *Pons Sonti-*

7 For the attestations see Vedaldi Iasbez (1994: 109–110).

8 See Brusin (1924: 225–226), Niedermann (1931: 3ff.).

9 For the sources see Vedaldi Iasbez (1994, s.v. *(Ae)sontius/Isontius*).

Ponte=*Sonti*-,¹⁰ which was by that time quite evidently acquiring the status (limited to manuscript tradition!) of a dithematic toponymical unit.

It is perhaps worthwhile to stress the fact that every single testimony of the river's name, including the autochthonous Friulan outcomes, refers to the *lower course* of the Soča between Goriza and the Gulf of Trieste. The distorted image of the river system in this part of the Friulan plain typical of all classical geographers goes hand in hand with the fact that the upper course of the river was simply too insufficiently known to afford the right connection. While the *Frigidus* river must have been familiar even to an outsider due to its strategic position, the complicated net of tributaries dominating the (south-)eastern Friulan plain, starting at Sovodnje (Savogne dal Lusiñç/Savogna d'Isonzo) will have remained rather perplexing. There is all the reason to believe, however, that locally the correspondence between the river's name as handed down from prehistory and the entire stretch of its course was unquestioned. Since the contact of the incoming Slavs with the Roman-speaking population was not in fact limited to the south-western perimeters of the penetration wave (the contact area stretches from south to north in a more or less compact belt), the geographical parameters of this particular case of name-integration are nevertheless not determinable.¹¹

2. ROMANCE *V^z'ontó

The Friulan continuations of the pre-Romance source, viz. *Lusiñç/Lisùns*, are silent as to their ultimate origin. Due to vowel harmony¹² of unaccented *e ~ i* they are both

---

10 Pace Vedaldi Iasbez (1994: 113) there is no need to assume a syncopated Venetic *Sontis*. Rather the genitive singular *Sonti* (for *Sontii*) was interpreted as an *i*-stem in the process of disintegration of the original syntactic relationship between both members, complete in *ponte Sontis* = virtually gen. sg. to *Ponte-sonti.

11 The case of *Sotla* < **Sótv/bla* (a tributary of the Sava in Eastern Slovenia) is most likely irrelevant for the question of the date and the source of the aphaeresis (similarly sceptical SVI II: 210–211 and ESSZI: 390 but cf. Furlan 2002: 33). Nothing is known of the history of this particular river name and the existing attestations are much too late to provide a better starting point than what can be inferred from the historical phonology of the contemporary forms. Slavic **Sá/úntu/ilā* points to **S'a/ol'untVIV* – a form that is not immediately transparent. If the vowel in the second syllable is the result of later (but pre-Slavic!) anaptyxis (cf. in this respect the likely case of Ούιστούλα (*Ptol.*, *pass.*), see also Krahe 1964: 102–103), one could, e.g., think of an agent noun **syt-ló-* to PIE **sent-* ‘move, go’. On the other hand, the *t could also be an integral part of the suffix such as **-tlo-* ~ **-tleH₂-* (note that *t as the result of consonantal epenthesis in a **-n-l-* cluster is not at all likely in a voiced environment). Alternatively, we could be dealing with a complex suffix **-tú-* + **-lo-* to a verbal root such as **sneH₂-*, notably popular in the derivation of river names, but there is no knowing whether a putative tautosyllabic *ηH would result in something like **an/on/un* in the particular linguistic system that generated our source. Note that both *Say-a²s² and *Dray-a²s² are likely to be more specifically Pannonian rather than just broadly Old European and that it may be important in this respect to note that the Pannonian reflex of (at least) the plain syllabic nasal is in fact *uN.

12 I am grateful to Prof. Dr. Franco Finco for reminding me of this important fact of Friulan historical phonology.

derivable either from **Iz'ontjō* < **Īs'ontjō-* or **Ez'ontjō*, the latter from **Aīs'ontjō-*, **Oīs'ontjō-* or **Īs'ontjō-* (assuming **i* [– accented] > (**e* ~) **e* rather than **Iz'ontjō* < **Īs'ontjō-*, but neither of these developments is in fact demonstrable solely on the basis of Friulan historical phonology). The remaining alternative **Eīs'ontjō-* is problematic because the reflex of **ej* in a name integrated into Latin after the monophthongisation of the inherited **ej* is simply irrecoverable. If such a sequence were borrowed before the 2nd half of the second century BC, which in the case of Soča is in fact not impossible, and if it was identified with the long mid-high monophthongisation product of Old Latin **ej*, then it would merge with the latter and eventually be raised to **ī*. In unaccented position **ī* would retain its quality throughout the development towards Vulgar Latin. If, however, the integration post-dated the final raising, a non-autochthonous unaccented **ej* would probably either be preserved or join the VLat. unaccented **e*, depending on how late the borrowing was made. Due to the lack of instructive examples, these developments ultimately have to remain speculative. Note that if the 5th-century attestation *Isontius* (*Cass., Chron., v.s.*) can be taken at face value, however, this would provide a more solid argument for a direct development of unaccented **e* (~ **ē*) (< **aj*, **oj* and possibly **i*) to **i* (which in turn would then be lowered to **e* if /_ \$V[+ low]).

The aphaeresis signalled by the resegmented *Ponte Sonti* in *Tabula Peutingeriana* may in fact point to a stage with a low front vowel in the anlaut. Such a putative *Esontius* = **Es'ontjō vel sim.* (the exact developmental stage of the auslaut is irrelevant here), which is more than likely to represent a stage older than the one reported by Cassiodorus, may also be reflected in the oldest attestations of the hydronym in the two epigraphical sources *Inscr. Aqu.* 1.96 = AE 1926, 108 and *Aquileia nostra* 1996, 109 = AE 1996, 695. As is known, both these sources refer to the originally indisputably dehydronymic river deity *Aesontius*.¹³ At least one of the inscriptions dates back to the end of the first century AD. If the sequence <AE> is the archaising graphic representation of the unaccented VLat. **e* (perhaps still an open front vowel at this stage), it would easily point to a source with an anlauting **aj*, **oj* and possibly unaccented short **i* (if subsequent lowering to **e* is assumed). If, on the other hand, the attested spelling reflects the only other possible phonetic reality, the source will have had an anlauting **aj*, with subsequent development towards **i* through **e*, possibly implicitly preserved in **Ponte Esonti(i)*. As the only truly unlikely source one should mention the long unaccented **ī* as this would have been reflected as **i* throughout.¹⁴

13 The masculine gender of the deity itself is of course dependent on the grammatical gender of the Latinised river name, which is the direct source of the transonymisation.

14 The famous ethnonym *Ambisontes* (*Plin., Nat. hist.* III.137, cf. *Ptol.* II.13.2 Αμβισόντιοι) is utterly ambiguous since the exact location of this Alpine tribe is still very much disputed (see Šašel 1972: 140–144, Šašel Kos 1997: 23–24 and *pass., contra*, e.g., Alföldy 1974: 68, Scherrer 2002: 32). Given the evidence of, e.g., *Ambarri* < **Amb-arar-o-* ← dehydronymic to **Arar-* (on the latter see K. Ihm, RE I,2 = 1894, pp. 1795–1796), it is clear that the *i* reported in the second syllable, should the name reflect a compound of **ambi-* and **Isont-* rather than **Sont-*, reflects the vocalic anlaut of the governed member, the auslaut of the preposition being regularly elided in such cases. However, it should be remembered that the name reflects a Latinate form of the ethnonym (not at all necessarily Gaulish since **ambi-* ‘around’ could just as easily have been produced in

3. PRE-ROMANCE **(a/o/e)is-o/a(-)nt-iã*

The correct etymological connection of the underlying hydronym with the PIE root (in modernised notation) **H₁e₁isH₂-* ‘kräftigen; antreiben’ (LIV²: 234) has already been proposed by Krahe (see Krahe 1953 s.v. and cf. Krahe 1964: 56, IEW: 299–301, Bezlaĵ SVI II: 204, ESSZI: 386–387 etc.). Both the name’s phonetic and morphological structure are transparently Indo-European and *unspecifically* so, meaning that neither of its outward features are diagnostic in terms of a specific linguistic affiliation.¹⁵ If one also accepts the likely connection of the morphological structure of the suffix with the (nearly suffixal) element *-antia* attested in numerous European river names, simple forward reconstruction would demand a straightforward feminine present participle formation **H₁isH₂-nt-iH₂-* (corresponding to the masculine **H₁e₁isH₂-ont-/*H₁isH₂-nt-’ or **H₁isH₂-ént-/*H₁isH₂-nt-’). There is no general consensus on the original ablaut pattern of the present active participle (amphikinetic?/hysterokinetic?), but it seems safe to assume, at least on grounds of the external comparative evidence, a zero grade stem for the feminine counterpart, although the generalisation of the full-grade root cannot be excluded *a priori* (cf. Gr. **φεκ-at-ia* < **uéknt-iH₂-* or *ἔασσα* = Myc. *°e-a-sa*¹⁶ < **H₁és-nt-iH₂-* vs. Ilr. **uċ-a-tī̃*, **sa-tī̃* etc.). Certain amount of caution should be exercised, however. The clearly transitive meaning of the root **H₁e₁isH₂-* as set up on the basis of the attested members of the averbo is as a present participle in its agentive meaning ‘the impelling, stimulating, invigorating one’ (the latter not in the sense of the otherwise acceptable and attested semantic motivation ‘nourishing’!) rather unsuitable for a river name. The usually assumed motivation such as ‘the quickly moving one’ *et sim.* is of course completely *ad hoc* and seems to be based more on our own projection of the naturally assumed possible qualities of a river than on any positive evidence.**

Sifting through the available comparative data, however, it immediately becomes apparent that the underlying transitive semantics of the root may be misleading, since they seem

---

any Venetoid linguistic system and nothing really tangible is known of the productive patterns in the formation of ethnic names in these languages), which is apparent at least from the fact that it has been integrated into the third declension. *If* the ethnic name reflects **Amb-ison-* and *if* it should turn out that the underlying hydronym indeed refers to the Soča river, the implicit underlying form **Isont-* is in fact the oldest available testimony of the pre-Romance pronunciation of the indigenous name. Most interestingly it would in fact point to an original **i*.

15 Contrary to some recent attempts to offer a dissenting view (see, e.g., J. B. Trumper, *Ce fastu* 82/2 (2006), pp. 151–169, *id.* in F. Finco (ed.), *Atti del secondo convegno di toponomastica Friulana*, Udine, 2007, pp. 279–326), there will of course be no need to invoke a specifically Celtic etymology. Not least for the reason that there can be no talk of a Celtic toponymical layer in this part of the Southeastern Alps and that the assumption of the process theonym → hydronym (even if external derivation is assumed after all) does not in fact represent the typologically unmarked pattern. Note that the putative pre-Romance etymon **ais-* (sometimes quoted as zero-grade **is-*) with the underspecified and rather random meaning ‘water’ or similar (cf. Frau 1978: 71 and repeated as a possibility in ESSZI: 387, see also DTFT: 438), proposed by a number of older authors (see SVI II: 203–204 for a useful overview) is of course nothing else but the inadequately interpreted **H₁e₁isH₂-* appearing across a wide range of European river names.

16 See Morpurgo Davies (1978) with bibliography.

to have been (rather inevitably) based on the conspicuously causative/factitive meaning of the attested formations. As nasal-infix presents Ved. *iṣ-ṇā-ti* ‘bring sb. in quick movement, spur’ (co-occurring with the rare active **-ie/o-* present *iṣ-ya-* ‘send’ = Av. *iš-īia-* ‘spur, set going’) and Gr. *iváo* ‘expulse, empty out’ (both regularly < **H₁is-né-H₂-/*H₁is-ṇ-H₂-*), together with the old extended forms in **-ie/o-* (**H₁is-ṇ-H₂-iéló-* > *iṣ-an-yá-* ‘stimulate, impel’, *iaíw* ‘warm up, heat up’; cf. Ved. *grbh-ā-yá-* beside **g^hrbh-né-H-* in *grbh-nā-ti* etc.), carry a clearly derivationally motivated causative meaning (cf. in this respect the clearly causative Ved. *pr-ṇā-ti* ‘fills (up)’ as opposed to the originally fientive *Aktionsart* of the verbal root **pleH₁-* etc.). The same secondary causative function may also be unproblematically assumed for the reduplicated present **H₁i-H₁éiṣH₂-/*H₁i-H₁iṣH₂-* in Gr. **īha-* → *iaóμαι* ‘heal’ < **vivify, invigorate*’ (on the latter see García Ramón 1986), and of course the formal causative attested in Indo-Iranian.¹⁷ Quite expectedly, the only non-causative formations are the internally IIr. intransitive zero-grade present in **-éje/o-* (Ved. *iṣ-áya-* = Av. *iš-aiia-*) and the deverbative *o*-grade abstract noun **H₁oiṣH₂-o* > Ved. *éṣa-* ‘running (after)’ (cf. RVS V.66.3: *éṣe rathānām* as clearly opposed to other instances of *éṣa-* ‘searching (for)’ to *iṣ-* ‘seek’). Ved. *eṣá-*, however, which is multiple times attested as the epithet of *Vīṣṇu*, meaning ‘swift, quick’ (cf. RVS II.34.11, VII.40.5, VIII.20.3), may represent the participial agent noun **H₁oiṣH₂-ó-*, but it may just as well belong with Avestan *aēša-* ‘strong, potent’, which continues a possessive *o*-grade **H₁oiṣH₂-ó-* (in all probability a Gmc. **χραυα*-type adjective), completely parallel to the equally possessive derivative in *-ró-* as continued by Ved. *iṣi-rá-* ‘lively, active, strong’ = Gr. *ιερός*¹⁸ ‘holy ...’ < **H₁isH₂-ró-* and neatly preserved in a number of European hydronyms such as *Ἰσάρας* (*Strab.* IV,6,9), *Ἰσαρ(ος)* (*Ptol.* II,10,6), *Isara* (*Liv.* 21,31,4), Germ. *Isar*, Thrac. *Ἰστρός* (see Янакиева 2009 s.v.), on which see Bichlmeier (2012b: 29–37) and, recently, Repanšek (2015: 786). Lastly, the primitive feminine root-noun **H₁oiṣH₂-/*H₁isH₂-* continued by IIr. **iš-* ‘strength, vigour, invigoration, stimulation’ (cf. the abstract feminine noun **H₁oiṣH₂-éH₂-*, probably preserved in the ON denominative *eisa* ‘to rush’ < **H₁oiṣH₂=eH₂-iéló-*) and the *o*-grade abstract in *-mo-* (**H₁oiṣH₂-mo-* > Av. *aēšma-* ‘anger, rage’, Gr. *οἶμα* ‘rush, raging attack’) are silent as to the verb’s original voice, as are the possessive Caland adjectives. However, at least on the strength of the deverbative abstract *éṣa-* (and perhaps *eṣá-* if it represents its corresponding derivational pair) it is possible to suspect that the original meaning of **H₁eiṣH₂-* was indeed ‘to be/become (?) set in motion’ *vel sim.* and thus essentially intransitive. This would successfully account for the derived semantics (secondary semantic shifts included) and, most importantly, provide a suitable base for the active present participle **H₁isH₂-ṇt-iH₂-*, which very much parallel to the possessive feminine adjective **H₁isH₂-rēH₂-* could theoretically be pressed into service of an *Eigenschaftsname*, matched by the telling description *μέγιστος ποταμός* and *ὁ χεμίάρρους* by Herodianus (*Hist. rom.* VIII.4.1/2).¹⁹

17 For the attestations see EWAia I: 271–272, García Ramón (1986), Gotō (1993: 128–133), Kel-lens (1995: 13), Werba (1997: 450–451).

18 On the internal history of *ιερός* < **-ero-* see Peters (1980: 325).

19 For the identification see Vedaldi Iasbez (1994: 112).

As anticipated above, the alternative starting point **Aīsontjio-/Oīsontjio-* is only explicable, however, if one starts from a possessive *denominal* derivative **H₁oīsH₂-éH₂-* (i.e. the Greek type **φονή* ‘manslaughter’). As already correctly interpreted by Krahe (1953: 119; cf. Greule 2007: 117 *et passim*), the North-Germanic parallel **Eisandi* is only indirectly comparable, seeing that the latter is in fact a deverbative participial formation to ON *eisa* < PGmc. **aišōna* ‘rush forward’ (in turn built to the exact same deverbal abstract **H₁oīsH₂-éH₂-*). There is no positive proof, however, that a hypothetical possessive **-nt*-adjective **H₁oīsH₂-o-nt-* ← **H₁oīsH₂-éH₂-* would form its feminine in **-iH₂-* (or, for that matter, **-(i)eH₂-*). The case of clearly denominal river names such as *Albantia*, *Aquantia* etc. is ultimately indecisive in this respect: either the ubiquitous sequence *-antia* is interpreted as the reflex of the feminine form of the **-nt*-possessive, or – in avoidance of circularity – as a ready-made *toponymical* suffix, mirroring a virtual **-ntiH₂-* (cf. Repanšek 2015: 787).²⁰

The question is of course inextricably bound with the controversial problem of Old European hydronymy. It was silently assumed above that the *a*-vocalism of the theoretical starting point **H₁oīsH₂-éH₂-* necessitates the same vowel quality in the suffix and that this somehow dictates the realisation of the suffix *-iH₂-* as **-iã* <ia>, so that one would be inclined to start from **Aīsantiã*. The regular change of the short PIE **o* to short **a*²¹ and the realisation of the syllabic nasal **ŋ* as **an* (if **H₁oīsH₂-o-nt-* is assumed as the starting point, the change of **-o-nt-* to **-a-nt-* would of course be equally regular), paired with the likely (morphological) substitution of the biphonemic sequence **-iã* (or less likely **-iã*) for PIE **-iH₂-*, are all characteristic of the Old European system *if* defined as an actual linguistic stratum with the pertaining set of system-specific phonological and morphological transformations.²² Note that we are only forced to presuppose an underlying **Aīsantiã* in case the epigraphic attestation of river name, viz. *Aesontius**, is taken at face value. The same goes for **H₁(e)isH₂-ŋt-iH₂-* > **(E)is-ant-iã*, but only if one does not want to assume the tenuous possibility of the generalisation of the *o*-grade suffix (**H₁(e)isH₂-ont-iH₂-*). Any reconstruction that would start from an **-ant-iã*, however, must assume that the name must rather early on have passed through the phonetic filter of an idiom that typically preserved the PIE **o* intact. Given the areal distribution of the autochthonous linguistic systems in the wider region of South-Eastern Alps prior to the arrival of Gaulish, the only serious candidate is the Venetic complex. The integrated unit **Aīsantiã* or **(E)isantiã* would potentially be liable to renovation to **Ais/(E)is-ont-iã*, but only under the assumption of possible interference from the autochthonous Venetic reflex of the present participle suffix **-o-nt-*. As no feminine forms of the (thematic) present active participle are attested in Venetic, however, the possibility of an assumed correspondence between **-ant-iã* and **-ont-iã* is impractical to test in any more or less direct

20 As is the case, for example, in North Germanic (see Greule 2007: 118, 121).

21 On the possible evidence of Νόαρος (*Strab.* VII,5,2; 12), if for **(s)nō-uo-* < **(s)noH₂-uo-* to PIE **(s)neH₂-* ‘baden, schwimmen’ (LIV²: 572–573), I would restrict this sound change to the system of short vowels (see Repanšek 2015: 785, ft. 22).

22 Such an approach is now tentatively advocated by Bichlmeier (e.g. 2012a, 2012b *et pass.*).

way. Feminine personal names such as *who.u.go.n.ta* (LVen., Es 85) are unelucidating. Although diachronically such names are based on a true deverbal active participle, they in fact represent a productive pattern of feminine motion and function synchronically solely as feminine versions of masculine names.²³ The form *Voltaronti*, attested at Ig (CIL III.3877), on the other hand, indirectly probably points to the preservation of the old shape of the feminine participial suffix **-ont-ī* at least for this peripheral dialect (see Stifter 2012: 258 and Repanšek *forth.*). Since the Venetoid linguistic system attested in the *ager* is in many respects more archaic than the more central Venetic, however, the latter might have innovated in the direction of **-ontīā*. Be that as it may, an equatable sequence **-ontīā-* would certainly have been provided by the system through the oblique cases of the feminine paradigm.

It must in any case be assumed, however, that should the hydronym belong to a layer of toponymy older than the one generated by Venetic, the auslauting sequence **-ant-īā* will eventually have been remade into a masculine **-ont-īo-* – a form that is indeed reflected by all the historical attestations of the river name, including its modern Friulan reflexes. Whether this process is intrinsically bound with the ultimate Latinisation of the name (**-ont-īā* > *-ontia* → *-ont-ius*) or should be recognised as the result of Venetic recharacterisation of **-antīā* is not unambiguously determinable either. It is true that a Venetic **-ont-īos* would result in the syncopated **-ont-is* > **-ont-s*, but any Venetic stem in *-(i)s* would still be interpretable as corresponding to the Latin *-ius*, not least for the fact that the oblique cases still regularly preserved the unsyncopated shape of the sequence **-īo-*. At least systematic masculinisation of feminine river names is well attested for Latin, while the possibility that the same could be claimed for Venetic is of course completely open to conjecture.

If contrary to the above the Old European stratum is rather perceived as a static network of the oldest, undifferentiated Indo-European toponymical heritage, Venetic historical phonology (and morphology, for that matter, but here the involved morphological patterns may have already become unproductive by the time of the first attestations, so that any potentially archaic trait is self-explanatory and useless for our purposes) should account for the pre-literary form of the name. In this respect only **H₁o_isH₂-o-nt-²* is the possible starting point, while the participial **H₁(e)isH₂-nt-iH₂-* is only conceivable as an alternative under the assumption of the generalisation of an *o*-grade suffix based on the masculine/thematic stems, for which no supporting evidence can be adduced, however. Note that a putative Venetic reflex **(E)is-ant-?* < **H₁(e)isH₂-nt-iH₂-*²⁴ is far less likely as a starting point, as one would then have to assume some secondary process through which the resulting vocalism in the suffix would have been analogically adapted to the shape of the masculine participial stem. Although, admittedly, this possibility is not at all unimaginable, it must remain for the time being impossible to prove. Needless to add, both in terms of the shape of the

23 Contrary to Lejeune (1974: 83), the possibility of a shared form of the present active participle for the masculine and the feminine in Venetic (as is the case in Latin) is virtually nil.

24 For Venetic **aN* < PIE **N* cf. *iiuva.n.t.s.* (Es 25) < **H₂iu-H₃ŋ-t-*.

final morpheme as well as the distribution of the inherited *-ont- vs. *-nt-iH₂- nothing decisive can be inferred from the available linguistic material.²⁵

Abbreviations

AP = accentual paradigm; Av. = Avestan; Čak. = Čakavian; Gr. = Ancient Greek; Lat. = Latin; Myc. = Mycenaean; ON = Old Norse; PGmc. = Proto-Germanic; PIE = Proto-Indo-European; Rom. = Romance; RVS = Ṛgvedasamhitā; Slav. = Slavic; Sln. = Slovene; Štok. = Štokavian; Thrac. = Thracian; Ved. = Vedic; Ven. = Venetic; VLat. = Vulgar Latin

Bibliography

- AE = L'Année épigraphique. Paris, 1888–
- ALFÖLDY, Geza (1974) *Noricum*. London/Boston: Routledge and Kegan Paul.
- BICHLMEIER, Harald (2012a) „Anmerkungen zum terminologischen Problem der alteuropäischen Hydronymie samt indogermanistischen Ergänzungen zum Namen der Elbe.“ *Beiträge zur Namenforschung* 47/4, 365–395.
- BICHLMEIER, Harald (2012b) „Einige ausgewählte Probleme der alteuropäischen Hydronymie aus Sicht der modernen Indogermanistik – Ein Plädoyer für eine neue Sicht auf die Dinge.“ *Acta linguistica Lithuanica* 66, 11–47.
- BRUSIN, Giovanni Battista (1924) „Il nome dell’Isonzo.“ *Rivista della Società Filologica Friulana* 5/3, 223–226.
- CAMPANILE, Enrico (ed.) (1990) *Rapporti linguistici e culturali tra i popoli dell’Italia antica, Pisa, 6–7 ottobre 1989*. Pisa: Giardini editori e stampatori in Pisa.
- CIL = Corpus inscriptionum Latinarum.
- DI PRAMPERO, Antonio (1882) „Saggio di un glossario geografico friulano dal VI al XIII secolo.“ *Atti del Regio Istituto Veneto di Scienze Lettere e Arti* 5/7–8, 1–236.
- DTFT = CINAUSERO HOFER, Barbara/Ermano DENTESANO con la collaborazione di Enos CONSTANTINI e Maurizio PUNTIN (2011) *Dizionario toponomastico. Etimologia, corografia, citazioni storiche, bibliografia dei nomi di luogo Friuli storico e della Provincia di Trieste*. Udine: Edizioni Ribis.

---

25 An original *-ont-(i)jo-, i.e. a deadjectival *jo-derivative (?) based on a *-nt-participle, however, does not seem to be a promising alternative either. The evidence for the existence of the category of deparicipial adjectives is in fact vanishingly small. The often quoted Ved. *sāhantya-* to **sāh-a-nt-* < **seḡh-o-nt-* ‘überwältigend’ is completely isolated and may just as well be analogical as has been suggested already by Hoffmann, see “Ved. *santya-* und ahd. *samfti*, ags. *sēfte*”, *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 23 (1968), 29ff. Note that the Celtic congener **Segontio-* may be due to the popularity of secondary and purely structural *jo-derivatives to nouns/adjectives with overtly agentive semantics.

On a side note and just to be exhaustive in the account of all the theoretical possibilities, one might also want to consider a deparicipial feminine abstract noun **H₁(e)isH₂-(o)nt-(i)ieH₂-* (cf. the popular Lat. (!) category of abstracts in *-ent-ia* < *-nt-). The meaning would of course be close to the one proposed for the deverbal abstract **H₁oisH₂eH₂-*, for which see above.

- ESSZI = SNOJ, Marko (2009) *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Založba Modrijan in Založba ZRC, ZRC SAZU.
- EWAia = MAYRHOFER, Manfred (1992–2001) *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen I–III*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- FRAU, Giovanni (1978) *Dizionario toponomastico Friuli-Venezia Giulia*. Udine: Istituto per l'enciclopedia del Friuli-Venezia Giulia.
- FURLAN, Metka (2002) „Predslovanska substratna imena v slovenščini.“ *Jezikoslovní zapiski* 8/2, 29–35.
- GARCÍA RAMÓN, José Luis (1986) „Griego ἴαομαι.“ In: A. Etter (ed.), *o-o-pe-ro-si. Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag*. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 497–514.
- GOTŌ, Toshifumi (1993) „Materialien zur eine Liste altindischer Verbalformen.“ *Bulletin of the National Museum of Archaeology (Osaka)* 18, 191–141.
- GREULE, Albrecht (2007) *Etymologische Studien zu geographische Namen in Europa. Ausgewählte Beiträge 1998–2006*. Ed. by W. Janka/M. Prinz. Regensburg: edition vulpes.
- IEW = POKORNY, Julius (1959–1969) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern/München: Francke.
- ЯНАКИЕВА, Светлана (2009) *Тракийската хидронимия*. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“.
- KELLENS, Jean (1995) *Liste du verbe avestiques*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- KRAHE, Hans (1964) *Unsere ältesten Flussnamen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- KRAHE, Hans (1953) „Alteuropäische Flußnamen.“ *Beiträge zur Namenforschung* 4, 37–53, 105–122, 234–243.
- LEJEUNE, Michel (1974) *Manuel de la langue vénète*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- LIV² = RIX, Helmut/Martin KÜMMEL/Thomas ZEHNDER/Reiner LIPP/Brigitte SCHIRMER (2001) *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwik Reichert Verlag.
- LVen. = PELLEGRINI, Giovan Battista/Aldo Luigi PROSCODIMI (1967) *La lingua venetica I–II*. Padova/Firenze: Istituto di glottologia dell'Università di Padova/Circolo linguistico fiorentino.
- MORPURGO DAVIES, Anna (1978) „Thessalian εἶντεσσι and the participle of the verb ‘to be’.“ In: *Étrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune par un groupe de ses Élèves*. Paris: Éditions Klincksieck, 157–166.
- NIEDERMANN, Max (1931) „Zur altillyrischen Toponomastik.“ *Zeitschrift für Ortsnamenforschung* 7, 3–8.
- PETERS, Martin (1980) *Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen*. Wien: Verlag der Österreichischer Akademie der Wissenschaften.

- Ramovš, HG II = RAMOVŠ, Fran (1924) *Historična gramatika slovenskega jezika II: Konzonantizem*. Ljubljana: Učiteljska tiskarna.
- RAMOVŠ, Fran (1936) *Kratka zgodovina slovenskega jezika*. Ljubljana: Akademski založba, 1936.
- REPANŠEK, Luka (2015) „Καλαμαντία (Ptol. II,11,15).“ In: N. N. Kazanskij (ed.), *Индоевропейское языкознание и классическая филология/Indo-European Linguistics and Classical Philology – 19. Материалы чтений, посвященных памяти Иосифа Моисеевича Тронского/Proceedings of the 19th Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky, 22-24 июня 2015 г./June 22-24, 2015*, 780–790.
- SCHERRER, Peter (2002) „Von *Regnum Noricum* zur römischen Provinz: Grundlagen und Mechanismen der Urbanisierung.“ In: M. Šašel Kos/P. Scherrer et al. (eds.), *The autonomous towns of Noricum and Pannonia – Die autonomen Städte in Noricum und Pannonien. Noricum*. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 11–70.
- SCHRAMM, Gottfried (1981) *Eroberer und Eingesessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n.Chr.* Stuttgart: Anton Hiersmann.
- SIMBECK, Katrin/Wolfgang JANKA (eds.) *Namen in Altbayern. Gesammelte Beiträge zu Ehren von Josef Egginger und Günter Schneeberger*. Regensburg: Edition vulpes.
- STEENWIJK, Han (1992) *The Slovene dialect of Resia: San Giorgio*. Amsterdam: Rodopi.
- STIFTER, David (2010) „On the linguistic situation of Roman-period Ig.“ In: T. Meißner (ed.), *Personal names in the Western Roman world. Proceedings of a workshop convened by Torsten Meißner, José Luis García Ramón and Paolo Poccetti, held at Pembroke College, Cambridge, 16–18 September 2011*. Berlin: Curach bhán, 247–265.
- SVI = BEZLAJ France (1956–1961) *Slovenska vodna imena I–II*. Ljubljana: SAZU.
- ŠAŠEL, Jaroslav (1972) „Zur Erklärung der Inschrift am Tropaeum Alpium (Plin. n. h. 3, 136–137. CIL V 7817).“ *Živa antika* 22, 135–144.
- ŠAŠEL KOS, Marjeta (1997) „The end of the Norican kingdom and the formation of the provinces of Noricum and Pannonia.“ In: B. Djurić/I. Lazar (eds.), *Akten des IV. Internationalen Kolloquiums über Probleme des provinzialrömischen Kunstschaffens, Celje, 8.–12. Mai 1995 – Akti IV. mednarodnega kolokvija o problemih rimske provincialne umetnosti, Celje, maj 1995*. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 21–42.
- ŠEKLI, Matej (2008) *Zemljepisna in osebna lastna imena v kraju Livek in njegovi okolici*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- ŠEKLI, Matej (2009) „On Romance-Alpo-Slavic substitutional accentology: the case of pre-Slavic masculine substrate place names in Slovene.“ In: Th. Olander/J. H. Larsson, *Stressing the past, Papers on Baltic and Slavic Accentology*. Amsterdam/New York: Rodopi, 145–160.
- ŠIVIC-DULAR, Alenka (1998) „Lingvistička definicija vlastite imenice.“ *Folia onomastica Croatica* 7, 281–293.

- ŠTURM, Fran (1927) „Refleksi romanskih palataliziranih konzontanov v slovenskih izposojenkah.“ Časopis za slovenski jezik, *književnost in zgodovino* 6, 45–85.
- TAVANO, Sergio (ed.) (1972) *Aquileia e l'Alto Adriatico 2: Aquileia e l'Istria*. Udine: Arti grafiche Friulane.
- VEDALDI IASBEZ, Vanna (1994) *Venetia orientale e l'Histria. Le fonti letterarie greche e latine fino alla caduta dell'Impero Romano d'Occidente*. Roma: Edizioni Quasar.
- WERBA, Chlodwig H. (1997) *Verba Indoarica. Die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit Sprache. Pars I: Radices primariae*. Wien: Verlag der Österreichischer Akademie der Wissenschaften.

Abstract

TOWARDS A CLARIFICATION OF THE HISTORY OF THE SLOVENE RIVER NAME SOČA

The etymology of the Slovene hydronym *Soča* (Standard Friulan *Lusìnç*, Italian *Isonzo*) was satisfactorily elucidated more than half a century ago. The overall idea that the river name goes back to a derivative of a Proto-Indo-European verbal root $*H_1e\grave{i}sH_2-$ is undoubtedly correct (the exact meaning of the root in question has, however, not been sufficiently corroborated) but the details remain hopelessly obscure. Given the contemporary reflexes of the underlying name (viz. Friulan *Lusìnç* ~ dial. *Lisùns* etc.) and the sometimes conflicting or not at all easily reconcilable historical attestations (spanning nearly a millenium), no consensus can in fact be reached about the exact formal means involved in the derivation of the original deverbative formation – a fact which results from the overall inconvenience of sheer wealth of combinatorial possibilities that go hand in hand with the general ambiguity of the phonology more or less directly reflected by the later reflexes of the name. The present contribution is an attempt at unifying all the reliable data at our disposal into a coherent picture that would bring a satisfactory answer as to the exact phonological and morphological make-up of the pre-historic source (alongside with the reconstructed meaning) and its subsequent history as it passed through the various linguistic strata.

Keywords: Soča, Indo-European hydronymy, Slavic, Romance, pre-Slavic substratum

Povzetek

PRISPEVEK K ZGODOVINI SLOVENSKEGA REČNEGA IMENA SOČA

Etimologija imena *Soča* (standardno furlansko *Lusìnç*, italijansko *Isonzo*) je bila sicer zadovoljivo razjasnjena že pred več kot pol stoletja. Ime je brez dvoma treba izpeljevati iz praindoevropskega korena $*H_1e\grave{i}sH_2-$ s sicer težje ugotovljivo prvotno semantiko, vendar se v poizkusu natančnega spremljanja zgodovinskega razvoja imena od njegove prvotne podobe do sodobnih kontinuantov (predvsem furl. *Lusìnç* ~ narečno *Lisùns*)

itd.) izkaže, da kopica bistvenih dejstev ostaja nerazjasnjenih. Splošna večznačnost fonetične podobe organskih kontinuantov, vključno s skupimi in težje pojasnljivimi podatki, ki jih ponuja skoraj tisočletje zelo sporadičnih historičnih zabeležb imena, je v neposredni vzročni povezanosti z množico verjetnih (in mnogokrat povsem teoretičnih) kombinatoričnih možnosti rekonstrukcije formalnih sredstev, vpletenih pri tvorbi izhodnega deverbativa. V prispevku se pod vprašaj ponovno postavlja vse relevantno in zanesljivo gradivo, ki bi, povezano v smiselno in kronološko prepričljivo izgrajeno celoto, utegnilo odgovoriti na vprašanje o natančni fonetični in morfološki podobi izhodne oblike (in posledično njenem prvotnem pomenu) ter pojasniti vse razvidne spremembe substitucijske narave, do katerih je zanesljivo prihajalo pri prehajanju hidronima skozi različne jezikovne sisteme.

Ključne besede: Soča, indoevropska hidronimija, slovanščina, romanščina, predslavonski substrat

SULL'IDRONIMO *DRAGONJA/DRAGOGNA*

1 INTRODUZIONE

Tra¹ i pochi fiumi sloveni con un antico continuum onomastico preromano, troviamo anche il Dragogna, fiume istriano lungo 28 km che nasce in Slovenia, ai piedi della Cicceria, e che a valle, prima di tuffarsi nel Golfo di Pirano, coincide parzialmente con il confine tra Slovenia e Croazia. Poiché l'Istria è caratterizzata da una longeva multiculturalità e dal multilinguismo a cavallo tra il mondo romanzo e quello slavo, non sorprende affatto che il fiume oggi venga denominato con tre idronimi, lo sloveno *Dragonja*,² il croato *Dragonja* e l'italiano *Dragogna*.

Benché la loro omonimia dal punto di vista sincronico non offra alcun segno linguistico che possa indicarci se la forma idronimica odierna sia di origine primariamente romanza o slava, nella letteratura onomastica slovena del secolo scorso si è affermata l'interpretazione di Ramovš, fondata probabilmente soprattutto sul documento più antico del nome *Dragonja Argaone* (Rav. IV, 36, 75), secondo la quale l'idronimo *Dragonja/Dragogna* sarebbe primariamente slavo e gli Slavi della zona dell'Istria l'avrebbero assunto nella forma pre-metatectica agglutinata **d-argone* (Ramovš 1927: 22; accettato da Snoj 2009: 122, che ricostruisce **Dorgò'n'a*). Ciò significa che la forma italiana *Dragogna* dovrebbe essere un prestito dalla base slava, slovena o croata, e che in sloveno e in croato questo idronimo dovrebbe originare dal substrato preromano.

La spiegazione secondo la quale l'idronimo *Dragonja* originerebbe nel substrato, però, non coincide con le note regole della fonetica sostitutiva. Dell'inaccettabilità fonetica dell'interpretazione di Ramovš ho già discusso anni fa in relazione al presunto sostituto slavo **-o(n)-* per la sequenza del substrato **-o(n)-* al posto dell'atteso e ben documentato **-y(n)-* in nomi trisillabi del tipo riscontrato nel toponimo sloveno *Krmin* < **Kǝrmǝnǝ* (paradigma accentuale B) ← rom. **Kǝr'mǝnǝ*, cfr. il toponimo friulano

* Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU, Novi trg 4, 1000 Ljubljana, Slovenija; metka.furlan@zrc-sazu.si

- 1 Il contenuto del presente contributo è stato presentato, in versione più breve, al simposio scientifico internazionale VIII Incontri etimologico-onomastici di Skok, tenutosi tra il 23 e il 25 ottobre 2014 a Zara.
- 2 Questo idronimo, nel 1955, è stato la base della denominazione ufficiale della località nata come abitato indipendente dalla frazione preesistente chiamata *Pār stareja dvora* della vicina località di *Sveti Peter/San Pietro dell'Amata* (Todorović 2015: 65). Né l'idronimo né il toponimo non sono tuttavia in nessuna relazione genetica con il cognome sloveno, probabilmente deantroponimico, *Dragonja*, di origine slava, in cui si conserva l'aggettivo protoslavo **dorgǝ* > sloveno *drag* ('caro').

Cormons, oppure il toponimo croato *Làbīn* < *Albŷnъ (pa B) ← rom. **Āl'bōnĕ*, cfr., nel 1078, *Albona*, toponimo italiano *Albona*,³ facendo notare che l'idronimo *Dragonja* in sloveno e croato ha origine in un adstrato recente (Furlan 2002: 31 nota 4), nella forma istroveneta *Dragogna*.

Recentemente, tuttavia, ho potuto appurare che il Golfo di Pirano, nel materiale cartografico del XVI e XVII secolo, è prevalentemente presente con il nome *Largon* ovvero *Largone* (Kladnik et alii 2014: 167),⁴ il che indica che l'idronimo e il mareonimo⁵ contengono la stessa base nominale **Argon-*. Il dato sul mareonimo *Largon(e)* è rimasto completamente ignorato⁶ nella letteratura onomastica slovena e croata concernente l'idronimo *Dragonja*, eppure esso è importante poiché permette di arrivare a una spiegazione molto più precisa della formazione dell'odierna forma idronimica *Dragonja/Dragogna*.

2 ARGAONE : *ARGONE

Nel VII secolo, Anonymus di Ravenna indicò l'idronimo *Argaone* quale secondo di quattro idronimi istriani, *Rusano* 'Risano, Rižana', *Argaone* 'Dragogna, Dragonja', *Nengone* 'Quieto, Mirna' e *Arsia* 'Arsa, Raša', dopo aver notato che in Istria vi sono numerosi fiumi e aver elencato, nella direzione Nord-Sud, i quattro soprammenzionati (Schnetz 1990: 75; Vedaldi Iasbez 1994 s.v. *Argaone*). La base dell'idronimo *Argaon-* con la sequenza *-ao-* è stata documentata solo in un altro caso, nel 1035, ... *per Arganem usque ad mare salsum...*, nel testo con cui l'imperatore romano Corrado II rende noto di concedere agli abitanti di Capodistria (*civitate Justinopoli*) anche il territorio dalla Dragogna fino al mare (Kos 1911:62). In seguito, infatti, la base **Argaon-* viene sostituita dalla base **Argon-*, la quale però nella maggioranza dei casi ha all'inizio della parola una dentale agglutinata *d-*, al posto del nesso *-ar-* si trova *-ra-*, mentre la parte finale è maggiormente *-nja/-gna*, ad esempio, nel 110...⁷ *et usque ad aquam Dragugne*⁸ (Kandler CDI: I, 237),⁹ nel 1371 *unum Molendinum positum super Flumen*

3 Sul toponimo croato *Labin*, cf. Skok: II, 256.

4 Ringrazio il collega geografo dr. Drago Kladnik, con l'aiuto del quale ho potuto accedere a numerose fonti geografiche.

5 L'espressione *mareonimo* viene usata per indicare i toponimi che designano i mari.

6 Esso è menzionato soltanto da Bezlaj (1956: 148), che però non mette in evidenza il fatto che il nome sia collegato al Golfo di Pirano, nel quale il fiume Dragogna sfocia. A questo proposito è interessante l'affermazione pubblicata nel numero 9 della rivista settimanale politica e sociale *Mag* del 4 maggio 2009, in cui alla pagina 24 il dr. Davorin Rudolf, alla guida della commissione croata di esperti per la risoluzione della questione del confine sloveno-croato, asserisce che il primo nome del Golfo di Pirano presente nelle mappe del XVI secolo, è Golfo della Dragogna, espressione con cui probabilmente intendeva proprio la forma del nome *Largon(e)*.

7 In Kandler, l'anno preciso dopo il 110... non viene fornito.

8 La forma con la *-u-*, attestata solo in questo documento, potrebbe indicare l'esistenza della variante istroveneta *dragun 'dragone'.

9 In Šimunović (2013: 201) erroneamente scritto come *Dragujna*. La datazione della fonte segue accuratamente Kandler l.c.

seu in *Roya Dragognae* (Kandler CDI: III, 1378), nel 1389 *super flumine Dragone* (Bezljaj 1956: 147),¹⁰ il 9 dicembre 1476 *possano fabricare molini sopra la aqua della Dragogna* (Pahor – Šumrada 1987: II, 758).

La base *Argaon-*, in cui si può identificare la radice indoeuropea **H₂erg-* ‘bianco, splendente’, cfr. il latino *argentum* ‘argento’, l’ittita *ḫarki-* agg. ‘bianco, chiaro’ ecc., viene derivata secondo l’opinione generale dalla forma primaria **Argāuon-* e ricollegata all’idronimo lituano *Argà*, così che l’idronimo *Argaone* (con il nominativo **Argao*) viene classificato nell’idronimia europea antica con il conglomerato suffissale **-āuon-* < **-eH₂-uon-* che origina nelle lingue centum indoeuropee ed è riscontrabile anche dal rapporto tra l’idronimo pannonico *Nedao* e quello arcadico Νέδα/Νέδη (Karg 1941–1942: 175; Krahe 1942: 209 ss.; Schmid 1969: 135; Crevatin 1991: 62).¹¹

Anonymus di Ravenna, accanto ad *Argaone*, indica l’antico nome del fiume Quieto (croato Mirna) *Nengone*, che ha la stessa sequenza finale *-one* dell’idronimo *Dragone*, documentato più tardi. Essendo i due idronimi *Argaone* e *Nengone* documentati nello stesso periodo e designando essi due fiumi che scorrono in direzione N–S e distano l’uno dall’altro solo 12 km, il rapporto fonetico delle fini *Arg-aone* : *Neng-one* è probabilmente condizionato dalle regole della formazione delle parole, mentre il rapporto fonetico *-aone* : *-one* nella coppia idronimica attestata in periodi diversi *Arg-aone* : *Drag-one* non lo è.

Il rapporto *-aone* : *-one* deve pertanto riflettere lo sviluppo fonetico non coevo di un sostituto romanzo che prende il posto di un idronimo preromanzo. Da ciò deriva che la base **Argaon-* con la sequenza *-ao-* al posto della più antica **-āuo-* è un riflesso dello sviluppo romanzo, identificabile nella forma latina *pavō*, *-ōnis* ‘pavone’ che attraverso il romanzo **pa’uōne* sviluppa nell’italiano dialettale come *paone*,¹² anche *paon*;¹³ cfr. anche il latino *sāpō*, *-ōnis* ‘sapone’, che attraverso il romanzo **sa’uōne* in Istria ha l’esito *saon* (Doria 1987: 554). È però più probabile, che, a causa del substrato istriota che conserva la *-u-* nelle sequenze romanze *-auo-* (cfr. a Valle d’Istria/Bale e a Dignano/Vodnjan *ša’von* ecc., a Dignano *ša’vur* ‘sapore’ ecc. – Filipi, Bursić Giudici 1998: 246, 90), la forma sia stata assunta dagli istriani romanzi già come **Argaon-*.

Lo sviluppo **Argon-* < **Argaon-*, invece, può essere spiegato se si presuppone che solo dopo la venetizzazione dell’Istria, nonostante la sua probabile diversa accentuazione (cioè *-aó-* : *-áo-*), la sequenza *-ao-* nelle zone romanze dell’Istria sia stata inserita nello sviluppo fonetico del tipo noto nell’istoveneto *tàola* ‘tavola, tavolo’ (< *tàula* <

10 Non sono riuscita a riconfermare la fonte di questo dato di Bezljaj.

11 Cfr. l’analisi in Repanšek (2014: 814 ss.), dove l’autore verifica e respinge l’ipotesi secondo la quale il rapporto fonetico tra l’idronimo *Argaone* e il mareonimo più recente *Largon(e)* sarebbe stato causato da fattori legati alla formazione delle parole, segmenta il conglomerato suffissale **-āuon-* di **Argāuon-* in **-ā-u-on-* e ricorda che l’identità della fine di parola tra i rapporti lituani *Argà* : *Argaone* e Νέδα : *Nedao* è solo superficiale, poiché non è causata dalla stessa regola della formazione delle parole.

12 La forma *paone*, che equivale alla forma italiana standard *pavone* (Battisti-Alessio: 2810), è attestata per la prima volta solo nel XIII secolo.

13 E anche *paun* e *pāun*. Sullo sviluppo dettagliato del nesso, cfr. Meyer-Lübke (1917: 64).

rom. *tauola < lat. *tabula* ‘tavola, tavolo’) e si sia realizzata in **Argon-* contemporaneamente all’istoveneto *tola* ‘tavola, tavolo’ (Meyer-Lübke 1917: 78, 80–81; Rohlf 1966: 65; Doria 1987: 741 s.).

Nella zona dell’Istria, lo sviluppo fonetico **Argaon-* > **Argon-*, ovvero quello del tipo *tàola* > *tola*, fa parte del recente superstrato istoveneto che dal X secolo in poi ha lentamente sostituito il substrato istroromanzo/istriota, perciò non è una coincidenza che la base **Argon-* sia documentata solo dopo tale periodo.

3 TRANSONIMIZZAZIONI DELL’IDRONIMO **ARGON-*: **LARGON-/DARGON-*

Dopo l’anno 1035, l’idronimo viene scritto con la dentale iniziale *d-*, mentre la sequenza originale *ar-* si presenta come *-ra-*. Il fenomeno *-ar-* → *-ra-* naturalmente non è in collegamento con la metatesi delle liquide slava.

Ramovš (1927: 22), nella spiegazione dell’origine della *d-* iniziale, si richiama all’articolo di Skok del 1923, in cui Skok non parla dell’idronimo *Dragonja*,¹⁴ ma pone l’attenzione sul fatto che i toponimi nell’area della Dalmazia sono spesso scritti, nei documenti antichi, con la preposizione latina *de* agglutinata oppure senza di essa e come esempi cita ad esempio *Dekatera* (anche *Ekatera*) : *Catera* (oggi croato *Kotor*), *Dulcinium* : *Ulcinium* (oggi italiano *Dulcigno*, croato *Ocinj* < *ʋlcinʲ, più recentemente *Ulcinj*). Benché dagli esempi di Skok risulti chiaro che la *d-* agglutinata non cambia il denotato ed è pertanto meramente strutturale, sembra che nell’idronimo *Dragogna* essa abbia invece una funzione.

Nell’analisi dell’origine della dentale iniziale nell’idronimo *Dragonja/Dragogna* bisogna, infatti, includere il dato del cartografo Pietro Coppo, il quale passò la maggior parte della sua vita a Isola e fu quindi un ottimo conoscitore della penisola istriana. Nella sua mappa del 1525 denominò il fiume Dragogna *Dragogna*,¹⁵ non denominò, invece, il Golfo di Pirano *Largon*, come è stato erroneamente letto in Kladnik et alii 2014: 167, ma *Largom*. In confronto con la denominazione *Largon* nella mappa di Coppo del 1540 la variante *Largom* rappresenta una forma fonetica istoveneta tipicamente piranese sviluppatasi da *Largon*, che si può ancora oggi sentire nelle parole piranesi come *‘pam* ‘pane’, *ko‘mum* ‘comune’, *Pi‘ram* ‘Pirano’ (Todorović 2016: 205).

14 Šimunović (2013: 201) indica erroneamente che Skok, nell’articolo citato, parla dell’idronimo *Dragonja*.

15 A volte, nel luogo dove ci si aspetta di trovare l’idronimo *Dragogna*, si trova erroneamente piazzato l’idronimo *Risano*, ad esempio sulla mappa del 1573 (Lago – Rossit 1981: 108) o sulla mappa del 1596 (Lago – Rossit 1981: 114). Solo sulla mappa del 1573 detta *Illyricum*, di Ortelio, il fiume Dragogna è rappresentato come *Dragiana flu*, il che è solo uno degli esempi di nomi erroneamente presentati in questa mappa (Lago – Rossit 1981: 120–121).

Mappa1: La mappa d'Istria di Coppo 1525 (Kladnik et alii 2014: 84–85)

Mappa 2: La parte della mappa di Coppo 1525 con la denominazione Largom 'Golfo di Pirano'

Mappa 3: La mappa d'Istria di Coppo 1540 (Kladnik et alii 2014: 106)

Mappa 4: La parte della mappa di Coppo 1540 con la denominazione Largon 'Golfo di Pirano'

Medesimo principio di denominazione per il Golfo di Pirano e il fiume Dragogna fu usato nelle mappe dall'esempio di Coppo in poi fino al XVIII secolo, quando il mareonimo *Largon(e)* fu sostituito dai mareonimi *Valle di Siziole/Siciole* e *Rada di Pirano* (Kladnik et alii 2014:78ss.), mentre il nome della Dragogna, quando il fiume è presentato anche con l'idronimo, rimane nelle mappe invariato, ovvero *Dragogna*.

Così, ad esempio, sulla mappa dell'Istria di Giovanni Valle del 1784 troviamo il mareonimo *Valle di Siciole* e l'idronimo *Fiu. Dragogna* (Lago – Rossit 1981: 253), sulla carta militare di Giuseppe II (1804), invece, sono scritti il mareonimo *Valle di*

Siciole e l'idronimo *Torrente Dragogna* (Rajšp – Trpin 1997), che va letto [Dragogna]. Quando per il Golfo di Pirano prevale il nome *Largon(e)*, due volte anche *Laron* senza la *g*¹⁶ e solo una volta già menzionato *Largom* sulle mappe tra il 1569 e il 1662 per esso si trova anche la scritta *Dragogna* (Kladnik et alii 2014: 78s.),¹⁷ il che indica che l'idronimo fu due volte transonimizzato e che designò anche il golfo nel quale il fiume Dragogna sfocia.

La prima transonimizzazione ebbe luogo ancora prima dell'agglutinazione *d-*. La forma *Largon* di Coppo e la forma standardizzata *Largone*, infatti, non sono altro che l'idronimo **Argone*, munito di articolo determinativo: **L'Argone > Largone*. Similmente anche l'oronimo *Istria* viene a volte scritto nella variante agglutinata *Listria*.

Benussi (1877: 25) era ancora ben consapevole del legame tra il mareonimo *Largone* e l'idronimo *Dragogna*, però della forma *Largone*, la quale secondo lui era usata, accanto alle forme «La rada di Pirano o di Siciole», per denominare il Golfo di Pirano, disse che si trattava di «nome corrotto dall'antico Argaon, l'odierna Dragogna».¹⁸ Il nome *Largone* naturalmente non è la forma corrotta del nome antico *Argaone*, bensì il prodotto dello sviluppo fonetico istroveneto **Argaon-e > *Argon-e*. Il dato di Benussi è altresì importante perché indica che ancora alla fine del XIX secolo, il nome *Largone* veniva usato almeno in parte accanto agli altri due sinonimi.

Proprio il mareonimo *Largone* indica che al tempo della sua formazione, il fiume Dragogna doveva chiamarsi ancora *Argone* e che l'agglutinazione della *d-* iniziale deve aver avuto luogo solo dopo la transonimizzazione dell'idronimo in mareonimo. Probabilmente è stata proprio la transonimizzazione a far sì che a causa della tendenza a identificare chiaramente il fiume Dragogna, per designarlo si sia iniziato a usare sintagmi preposizionali come **fiume d'Argone*, ossia 'fiume del golfo detto Argone = fiume accanto al golfo detto Argone', mentre il loro uso frequente ha causato l'agglutinazione in **Dargone* dando così origine a sintagmi del tipo **fiume Dargone*.

4 REINTERPRETAZIONE PARETIMOLOGICA:

***DRAGON- → DRAGOGNA *'FIUME DEI DRAGONI'**

La metatesi di **Dargone* in **Dragone* (cfr. nel 1389 *flumine Dragone* – v. sopra) potrebbe avere cause fonetiche ed essere dello stesso tipo presupposto nello sviluppo del toponimo *Tergeste > *Tre'geste > Trieste* (v. ad esempio Skok 1923: 12), ma è più probabile che lo sviluppo di **Dargone* in **Dragone* sia dovuto al collegamento paretimologico dell'idronimo con la parola *dragone* (Crevatin 1991:62), dato che i problemi

16 Forse nell'appellativo *Laron* si conserva indirettamente un dato sulla pronuncia spirantica *ɣ*, che in confronto all'occlusiva è meno udibile. Todorović (2015: 175, 89), infatti, osserva che i parlanti istroveneti di Strugnano e Sicciole pronunciano la faringale come una fricativa, ad esempio *fjume Dra'ɣona* (Strugnano, Sicciole).

17 Più tardi solo un'altra volta sulla mappa dell'Istituto Geografico Militare del 1957 (Trieste) nella forma croata *U. Dragonja* (Kladnik et alii 2014: 82).

18 Questo legame viene menzionato più tardi da Rosamani (1990: 331 (s.v. Dragogna), 526 (s.v. Largon)).

causati nei periodi di pioggia torrenziale, quando la Dragogna oltrepassa frequentemente gli argini, sono stati associati dagli abitanti della zona del fiume a un dragone quale causa delle devastanti inondazioni.

Tracce di tali associazioni nell'idronimia romanza¹⁹ sono state notate da Bezljaj (1956: 148),²⁰ che discutendo dell'idronimo *Dragonja*, elenca gli autori italiani che hanno riconosciuto l'origine e l'etimologia dell'idronimo *Dragogna* nell'appellativo *dragone*, senza tener conto della sua forma documentata più antica, *Argaone*.

Perfino Coppo, che per primo ha usato il nome *Largon(e)* (accanto alla variante fonetica piranese *Largom*), nella sua opera *Del Sito de l'Istria* (1540), espresse il parere che nel nome del Dragogna si conservasse l'appellativo *dragone*, ma spiegò questo legame paretimologico in modo diverso, scrivendo che «il fiume Dragogna [...] ebbe il nome a causa del suo corso sinuoso nella parte in cui sfocia nel mare, per il quale somiglia a un dragone serpeggiante» (Žitko 1999: 51).

L'influsso linguistico dell'appellativo *dragone* sulla formazione dell'idronimo *Dragonja* è stato evidentemente molto forte.

In un libricino stampato nel 1722, intitolato *De situ Istria* (Sulla posizione dell'Istria, sloveno *O legi Istre*), il piranese Giovanni Battista Goineo (sloveno *Janez Krstnik Gojnej*) nominò per la Dragogna la variante latinizzata *Draconius*, quando scrisse che «tra Pirano e Salvore scorre il fiume Draconius, che adesso si chiama Dragogna» (Darovec 1999: 75, 81). Nella versione originale, la versione latinizzata *Draconius* viene usata come epiteto accanto a *fluvius*, dando all'intero sintagma il significato 'fiume di draghi'.

Nel 1885, Fortunato Olmo, in un testo italiano presenta il Golfo di Pirano con un nome ibrido italiano-latino, *seno di Draconea* (Olmo 1885: 155). Il sintagma significa letteralmente 'la foce della Dragogna', la forma *Draconea* rappresenta la versione latinizzata dell'italiano *Dragogna*.

La forma usata da Olmo, *Draconea*, e l'aggettivo di Goineo, *Draconius*, mostrano l'esistenza d'un aggettivo latino in *-eus*, formato dal lat. *dracō*, *-ōnis* e indicano la via da intraprendere nella spiegazione dell'ultima questione concernente l'origine dell'idronimo *Dragonja/Dragogna*, ovvero perché invece della forma *Dragone, che ci si aspetterebbe secondo la trasformazione paretimologica, è usata la forma *Dragogna*, con la parte finale iotizzata e di genere grammaticale femminile.

Poiché gli sloveni e i croati hanno sicuramente assunto l'idronimo *Dragonja* dalla forma *Dragogna*, usata dai parlanti dell'istoveneto, la «femminizzazione» dell'idronimo ha avuto luogo nell'area linguistica romanza, dove però gli appellativi per i fiumi, che avrebbero potuto influire sul genere dell'idronimo,²¹ sono di norma di genere maschile, ad esempio *fiume*, *torrente*.

19 Nella toponomastica romanza il sostantivo *drago* rappresenta spesso anche una base toponomastica per la designazione di aree esposte a frequenti intemperie, mentre nel dialetto siciliano, il derivato *dragunàra* significa 'acquazzone, diluvio' (DT 1990: 254).

20 In opere precedenti. Dopo Bezljaj (1956: l.c.), menzionano tale interpretazione Brozović Rončević (1995: 23s.) e Šimunović (2013: 201), senza tuttavia chiarire che si tratta di un'interpretazione paretimologica del nome.

21 Gli idronimi italiani sono sempre di genere maschile solo nell'italiano standard, cfr. Marcato (2010).

La parte finale dell'idronimo *Dragogna* è simile alle parti finali degli appellativi *campagna*, *montagna*, che sono aggettivi sostantivati in *-āneus* > *-ānius* dal latino *campus* (it. *campo*), latino *mons* (it. *monte*). Dal punto di vista etimologico, *campagna* significa una piana con più campi e in relazione a *campus* ha la funzione di un nome collettivo ovvero di un nomen loci, cioè un luogo con più campi. Similmente *montagna*, che oggi è un semplice sinonimo di *monte*, nel senso etimologico è una zona con più monti. Formalmente, invece, il rapporto formativo *dracone* : *Draconius* : *Draconea* è maggiormente simile alla catena formativa latina *vīnum* : *vīneus* : *vīnea* (> it. *vigna*), dove l'espressione latina *vīnea*, it. *vigna*, indica una zona con viti ed è quindi un nomen loci di *vīnum* nel significato 'vite, vitigno' (e non 'vino'). Se tali rapporti formali e semantici vengono applicati all'idronimo *Dragogna*, esso dev'essere un aggettivo sostantivato di genere femminile, attestato nella forma artificialmente latinizzata *Draconius* (*fluvius*) da Goineo, mentre nel senso etimologico la variante idronimica *Dragogna* è, seppure sia stata spinta in questo aspetto semantico dalla paretimologia, un fiume dove ci sono i draghi, quindi in qualche modo una 'zona (= fiume) di draghi' ovvero 'fiume di draghi'. La paretimologia ha dunque trasformato il genere dell'idronimo, che inizialmente era maschile, in femminile, il che probabilmente non disturbava affatto gli Istriani istroveneti, considerando che anche per un corso d'acqua così grande come il *Piave* usavano l'idronimo di forma grammaticale femminile *la Piaf*, *la Piau* (Marcato 2010).

Tomaschek (RE: II, 687) è l'unico ad indicare che la *Dragogna* fosse presentata nelle fonti italiane come *fiume d'Argogna*,²² il che potrebbe indicare che la iotizzazione finale *-gna* avrebbe avuto luogo già prima dell'interpretazione paretimologica con *dragone* nel sintagma **fiume d'Argone*. Mi rimangono ignote fonti che attestino la forma *fiume d'Argogna*, perciò non posso valutare il valore linguistico di questa variante, benché considerando la presenza, già nel 1389, nel sintagma *super flumine Dragone*, della forma che ha già subito l'agglutinazione e la metatesi, ma non la iotizzazione, è verosimile che il sintagma *fiume d'Argogna* sia la forma arcaicizzata in base alla conoscenza che nel nome viene conservata la base **Argon-*.

Nel materiale cartografico creato tra il 1569 e il 1662, per la prima volta sulla mappa di Ferrando Bertelli, per il Golfo di Pirano si trova la scritta *Dragogna* (Kladnik et alii 2014: 78s.), che forse non va interpretata come dovuta al posizionamento dell'idronimo *Dragogna* nel mare per mancanza di spazio (Kladnik et alii 2014: 87), bensì andrebbe riconosciuta in esso una ritransonimizzazione del nome del fiume *Dragogna*, questa volta nella forma *Dragogna*. La probabilità che la transonimizzazione dell'idronimo *Dragogna* fosse di fatto popolare potrebbe essere confermata da uno scritto assai più recente nelle carte dell'Istituto Geografico Militare del 1957, in cui il Golfo di Pirano è presentato con la forma croata *U. Dragonja* (Kladnik et alii 2014: 82). I dati sarebbero tuttavia più verosimili se questa transonimizzazione più recente in mareonimo fosse confermata da qualche altra fonte, possibilmente non di natura geografica.

22 Tomaschek viene citato da Bezlaj (1956: 147), mentre Šimunović (2013: 202) non indica alcuna fonte per il proprio uso di *fiume d'Argogna*, né lo indica Krahe (1942: 211). Similmente, non indica la fonte neanche Snoj (2009: 121), che presenta addirittura la forma *fiume d'Argogna* come variante italiana di uso comune al posto di *Dragogna*.

5 L'IDRONIMO SLOVENO *DRAGONJA* (← IDRONIMO IT. *DRAGOGNA*) E ALTRI DENOMINATIVI DELLA *DRAGOGNA*

L'idronimo *Dragonja* è attestato relativamente tardi in documenti scritti in sloveno. A quanto pare, il nome *Dragonja* comparve per la prima volta sulla mappa intitolata *Zemljovid slovenske dežele in pokrajin* del 1853, opera di Peter Kozler, e quindi sulla mappa del 1921 edita dalla Matica Slovenska.²³ Esso è stato normato per la prima volta nel manuale di ortografia slovena *Slovenski pravopis* (SP 2001: 500) nella forma di *Dragónja*, con il tono acuto della vocale *o*, sebbene origini in una zona non caratterizzata dai toni. Anche il dato sulla tarda menzione in testi scritti dell'idronimo *Dragonja* avrebbe potuto far pensare agli autori, che hanno ipotizzato la sua origine nel substrato, che esso rappresenti in sloveno un prestito recente, assunto dagli sloveni dell'Istria dai parlanti istriani dell'istoveneto. Questi ultimi, infatti, denominavano questo corso d'acqua anche come *el fiume grandò* (Rosamani 1990: 331). In alcune fonti scritte del XIV secolo, la Dragogna viene chiamata (*ultra*) *flumen de Saçolis*, (*a*) *flumine Saçolis* (entrambi del 1307), (*super*) *flumine valis Siçolis* (del 1326), (*supra*) *flume Siçolis* (del 1328) e sim. (Mihelič 2001: 60 ss.), ossia il fiume di Sicciole. Nei villaggi istriani sloveni la Dragogna viene chiamata semplicemente con i vocaboli per fiume, ovvero *roja*, *fjume* e *flām* (Todorović 2014, in litteris). Con quest'ultimo appellativo, che deriva dallo strato istroromanzo preveneto, il fiume Dragogna viene chiamato *Flum* anche a Krkavče (Filipi 1986: 135). Anche Bezljaj (1956: 147) ha osservato che gli sloveni del corso superiore lo chiamano *Rokava*, quelli del corso medio usano anche *Reka* o *Flum*, quando invece si ingrossa, in alcune parti (ad esempio nella frazione di Dolina) viene denominato *Soča* o *Montana*.²⁴ Quest'ultima espressione è nota nella forma di appellativo *mon'tana* nei villaggi istriani di Villanova di Pirano, Padena e San Pietro dell'Amata, dove significa 'inondazione' (Todorović - Koštiál 2014: 145); in esso si conserva la parola italiana *montana*, usata in Istria per denominare le inondazioni causate dai fiumi che in modo improvviso e inaspettato superavano i propri argini e allagavano i campi (Rosamani 1990:644). Anche questo nome del fiume Dragogna, così come l'origine paretimologica della variante *Dragogna* da *(fiume) d'Argone 'fiume del golfo di Argone', indica che a causa delle sue improvvise e minacciose inondazioni il fiume incuteva paura negli istriani, perciò non sorprende che il suo nome fosse interpretato paretimologicamente in 'zona (= fiume) di draghi'.

6 IN CONCLUSIONE

Benché il nome del fiume Dragogna fosse stato attestato già nel VII secolo da Anonymus di Ravenna come *Argaone* < indoeuropeo **H₂arg'-eH₂-u-on-*, l'idronimo contempo-

23 Su essa il toponimo odierno *Sečovlje* è scritto ancora come *Stčjole*.

24 Bezljaj non indica le fonti di tali denominazioni. Probabilmente gli sono state fornite dal dialettologo Tine Logar, che negli anni '50 del secolo scorso ha svolto ricerche in loco in questa zona dell'Istria. Negli appunti di campo di Logar per l'atlante linguistico sloveno (*Slovenski lingvistični atlas*) è possibile riscontrare solo la forma *Reka*, che sarebbe usata a Krkavče per il fiume Dragogna.

raneo sloveno *Dragónja*, croato *Dragonja*, italiano *Dragogna*, è legato ad esso solo indirettamente.

Dopo che la base derivante dal substrato fu assunta probabilmente prima come *Argaone* dai parlanti romanzi dell'Istria e dopo il X secolo sottoposta allo sviluppo fonetico veneto in *Argone (del tipo *taola* > *tola*), l'idronimo fu transonimizzato e usato per denotare anche il Golfo di Pirano (*Largone*, *Largon*, *Laron*, *Largom*). A causa dell'omonimia microareale *Argone 'fiume Dragogna; Golfo di Pirano', per il fiume si è iniziato a usare il sintagma **fiume d'Argone*, il che ha causato l'agglutinazione in *Dargone. Poiché durante i periodi di forti piogge la Dragogna spesso inondava i dintorni, la forma idronimica soprammenzionata fu associata dagli abitanti della zona della Dragogna a draghi/dragoni quali agenti di devastanti inondazioni. Al livello linguistico, ciò si riflette dapprima con la metatesi *Dargone → *Dragone dovuta all'influsso dell'italiano *dragone*, quindi con la trasformazione morfologica *Dragone in *Dragogna* '*zona (= fiume) di dragoni' (del tipo *vigna* 'vigneto' < '*zona di viti'). In sloveno e in croato l'idronimo *Dragonja* ha quindi un'origine recente nella forma *Dragogna*, appartenente all'adstrato istroveneto.

L'ipotesi di Ramovš che quest'idronimo sloveno-croato originasse dal substrato e che riflettesse la metatesi delle liquide slava era foneticamente errata, poiché tale sostituto, in sloveno o in croato, dovrebbe avere la forma **Dragin ovvero **Draginja.

Riferimenti bibliografici

- BATTISTI, Carlo/Giovanni ALESSIO (1950–1957) *Dizionario etimologico italiano I–V*. Firenze: G. Barbera.
- BENUSSI, Bernardo (1877) *Manuale di geografia dell'Istria*. Trieste: Stabilimento Artistico Tipografico G. Caprin.
- BEZLAJ, France (1956) *Slovenska vodna imena I*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- BROZOVIĆ RONČEVIĆ, Dunja (1995) «Iz istarske hidronimije.» *Folia onomastica Croatica* 4, 9–30.
- CREVATIN, Franco (1991) «Storia linguistica dell'Istria preromana e romana.» In: Enrico Campanile (a cura di), *Rapporti linguistici e culturali tra popoli dell'Italia antica: Pisa, 6-7 ottobre 1989*. Pisa: Giardini editori, 43–109.
- FILIPI, Goran (1986) «Di alcune parole romanze prevenete del dialetto sloveno di Decani.» *Radovi: Pedagoški fakultet u Rijeci* 6, 134–138.
- FURLAN, Metka (2002) «Predslovanska substratna imena v slovenščini.» *Jezikoslovní zapiski* 8/2, 29–35.
- KARG, Anna (1941–1942) «Die Ortsnamen des antiken Venetien und Istrien (II).» *Wörter und Sachen* 22, 166–207.
- KLADNIK, Drago/Primož PIPAN/Primož GAŠPERIČ (2014) *Poimenovanja Piranskega zaliva*. Ljubljana: Založba ZRC. (Geografija Slovenije, 27).
- KRAHE, Hand (1942) «Beiträge zur illyrischen Wort- und Namenforschung.» *Indo-germanische Forschungen* 42, 209–232.

- MARCATO, Carla (2010) «Idronimi.» In: *Enciclopedia dell'Italiano*, [http://www.treccani.it/enciclopedia/idronimi_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/idronimi_(Enciclopedia-dell'Italiano)) (5. 11. 2014)
- MEYER-LÜBKE, Wilhelm (1917) «Beiträge zur romanischen Laut- und Formenlehre.» *Zeitschrift für romanische Philologie* 40, 62–82.
- MIHELIC, Darja (2001) «Prve znane omembe krajevnege imena 'Sečovlje'.» *Annales (Ser. hist. sociol.)* 11, 55–70.
- OLMO, Fortunato (1885) «Descrittione dell'Histria.» *Atti e memorie della società istriana di archeologia e storia patria* I/1–2, 149–172.
- RAMOVŠ, Fran (1927) «O naravi psl. *tort-* in *tert-* v slovenščini.» *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* VI, 22–26.
- REPANŠEK, Luka (2014) «Fluvius Argao, quis in sinum Argo fluit?» In: *Indoeuropejskoe jazykoznanie i klasičeskaja filologija – XVIII: Materialy čtenij, posvjaščennyh pamjati professora Josifa Moiseeviča Tronskogo/Indo-European Linguistics and Classical Philology – XVIII: Proceedings of the 18th Conference in Memory of Professor Joseph. M. Tronsky*. Sankt-Peterburg: Nauka, 814–820.
- ROHLFS, Gerhard (1966) *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti: Fonetica*. Torino: Giulio Einaudi.
- SCHMID, Wolfgang P. (1969) «Zur Geschichte des Formans *-āuon-/-āuo-/-ā.» *Indo-germanische Forschungen* 74, 126–139.
- SKOK, Petar (1923) «Studije iz ilirske toponomastike.» *Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju* I/1–2, 1–26.
- SKOK, Petar (1971–1974) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srspskoga jezika I–IV*. Zagreb: JAZU.
- SNOJ, Marko (2009) *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Založba Modrijan, Založba ZRC, ZRC SAZU.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar (2013) «Predantički toponimi u današnjoj (i povijesnoj) Hrvatskoj.» *Folia onomastica Croatica* 22, 147–214.
- TODOROVIĆ, Suzana/Rožana KOŠTIÁL (2014) *Narečno besedje piranskega podeželja: Nova vas nad Dragonjo, Padna, Sveti Peter*. Koper: Založba Annales.
- TODOROVIĆ, Suzana (2015) *Šavrinsko in istrobeneško besedje na Piranskem*. Koper: Libris.
- TODOROVIĆ, Suzana (2016) *Narečje v Kopru, Izoli in Piranu*. Koper: Libris.
- VEDALDI IASBEZ, Vanna (1994) *La Venetia orientale e l'Histria: Le fonti letterarie greche e latine fino alla caduta dell'Impero Romano d'Occidente*. Trieste: Quasar.
- ŽITKO, Salvator (1999) «O položaju Istre.» In: Darko Darovec (a cura di), *Stari krajevni pisni Istre*. Koper: Knjižnica Annales Majora.
- DAROVEC, Darko (1999) *Stari krajevni pisni Istre*. Koper: Knjižnica Annales Majora.
- DT (1990) *Dizionario di toponomastica: storia e significato dei nomi geografici italiani*. Torino: UTET.
- DORIA, Mario (1987) *Grande dizionario del dialetto triestino: storico, etimologico, fraseologico*, con la collaborazione di Claudio Noliani. Trieste: Il meridiano.
- FILIPPI, Goran/Barbara BURSIC GIUDICI (1998) *Istriotski lingvistički atlas/Atlante linguistico istrioto*. Pula: Znanstvena udruga Mediteran.

- KANDLER, Pietro CDI *Codice diplomatico istriano I–V* (Riproduzione 1986). Trieste: Riva.
- KOS, Franc (1911) *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku III (l. 1001–1100)*. Ljubljana, Založila in izdala Leonova družba v Ljubljani.
- LAGO, Luciano/Claudio ROSSIT (1981) *Descriptio Histriae: la penisola istriana in alcuni momenti significativi della sua tradizione cartografica sino a tutto il secolo XVIII*. Trieste: Edizioni Lint.
- PAHOR, Miroslav/Janez ŠUMRADA (1987) *Statut piranskega komuna od 13. do 17. stoletja I–II*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- RAJŠP, Vincenc/Drago TRPIN (1997) *Slovenija na vojaškem zemljevidu 1763–1787 (1804): Karte, 3. zvezek*. Ljubljana: ZRC SAZU, Arhiv Republike Slovenije.
- RE (1894–1995) *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft: neue Bearbeitung unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen herausgegeben von Georg Wissowa*. Stuttgart: J. B. Metzler.
- ROSAMANI, Enrico (1990) *Vocabolario giuliano dei dialetti parlati nella regione Giuliano-Dalmata quale essa era stata costituita di comune accordo tra i due stati interessati nel convegno di Rapallo del 12-XII-1920*. Trieste: Edizioni Lint.
- SCHNETZ, Joseph (1990) *Itineraria Romana. Volumen alterum: Ravennatis anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica, Editio stereotypa editionid primae (1940)*. Stuttgart: Teubner.
- SP (2001) *Slovenski pravopis*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, ZRC SAZU.

Riassunto
SULL'IDRONIMO DRAGONJA/DRAGOGNA

Benché il nome per il fiume Dragogna fosse stato attestato come *Argaone* < indoeuropeo *H₂erg'eH₂uon- già nel VII secolo da Anonymus di Ravenna, questa forma è solo indirettamente collegabile alla forma contemporanea dell'idronimo sloveno *Dragónja*, croato *Dragonja*, italiano *Dragogna*.

Dopo che la base fu assunta dal substrato dagli Istriani parlanti il romanzo nella probabile forma iniziale *Argaone* e fu inclusa, nel X secolo, nello sviluppo fonetico veneto in *Argone (seguendo il tipo *taola* > *tola*), l'idronimo fu transonimizzato e fu usato anche per designare il Golfo di Pirano (*Largone*, *Largon*, *Laron*, *Largom*). A causa dell'omonimia microareale *Argone 'fiume Dragogna, Golfo di Pirano', per il fiume, si è iniziato a usare il sintagma **fiume d'Argone*, il che ha causato l'agglutinazione in *Dargone. Poiché durante i periodi di forti piogge la Dragogna spesso inondava i dintorni, la forma idronimica soprammenzionata fu associata dagli abitanti della zona del Dragogna a draghi/dragoni quali agenti di devastanti inondazioni. Al livello linguistico, ciò si riflette dapprima con la metatesi *Dargone → *Dragone dovuta all'influsso dell'italiano *dragone*, quindi con la trasformazione morfologica *Dragone in *Dragogna* *'zona (= fiume) di dragoni' (del tipo *vigna* 'vigneto' < *'zona di viti').

In sloveno e in croato l'idronimo *Dragonja* ha quindi un'origine recente nella forma *Dragogna*, appartenente all'adstrato istroveneto.

L'ipotesi di Ramovš che quest'idronimo sloveno-croato originasse dal substrato e che riflettesse la metatesi delle liquide slava era foneticamente errata, poiché tale sostituto, in sloveno o in croato, dovrebbe avere la forma *****Dragin*** ovvero *****Draginja***.

Parole chiave: idronimo, etimologia, paretimologia, tranonimizzazione, Istria

Summary ON HYDRONYM *DRAGONJA/DRAGOGNA*

Although the name of the river *Dragonja* was as *Argaone* < PIE **H₂erg'eH₂uon-* first mentioned by Anonymus from Ravenna already in the 7th century, the modern hydronymic forms Slovene *Dragónja*, Croatian *Dragonja* and Italian *Dragogna*, are only indirectly connected with it.

After the substratal hydronym was first, most likely as *Argaone*, borrowed from the Roman spoken Istrian population and after the 10th century underwent the Istro-Venetic phonetic change into **Argone* (the type *taola* > *tola*), it was tranonimized and used also as the name of Piranian gulf (*Largom*, *Largone*, *Largon*, *Laron*). The homonymy **Argone* 'the river *Dragonja*; the Piranian gulf' caused that the phrase **fiume d'Argone* 'the river of *Argone* = Piranian gulf' began to be used for naming the river *Dragonja*, which via agglutination brought about the form **Dargone*. Because the river *Dragonja* often flooded during heavy rainfall, the hydronymic form **Dargone* was associated by the people in the area of the river *Dragonja* with dragons as actors of the devastating floods. The linguistic sign of this perception was at first the metathesis **Dargone* → **Dragone*, influenced by Italian *dragone* 'dragon' and later the morphological modification of **Dragone* into *Dragogna* 'the area (= river) of dragons' (the type *vigna* 'vineyard' < 'the area of vines'). The Slovene and Croatian hydronymic form *Dragonja* is therefore a young borrowing from Istro-Venetic *Dragogna*.

The previous interpretation by Ramovš that the Slovene-Croatian hydronym *Dragonja* is of substratal origin and reflects the Slavic metathesis of liquids is nowadays unacceptable because such a form would result in Slovene-Croatian *****Dragin*** or *****Draginja***.

Keywords: hydronym, etymology, folk etymology, tranonimization, Istria

Povzetek O HIDRONIMU *DRAGONJA/DRAGOGNA*

Čeprav je bilo ime za reko *Dragonjo* kot *Argaone* < pide. **H₂erg'eH₂uon-* sporočeno že v 7. stoletju pri Anonymusu iz Ravenne, je s tem najstarejšim imenom sodobna hidronimska oblika sln. *Dragónja*, hrv. *Dragonja*, it. *Dragogna* povezana le posredno.

Potem ko je bila substratna predloga najprej verjetno kot *Argaone* prevzeta od romansko govorečih Istranov in po 10. stoletju podvržena beneškemu fonetičnemu razvoju v **Argone* (tip *taola > tola*), je bil hidronim transonimiziran in je označeval tudi Piranski zaliv (*Largone, Largon, Laron, Largom*). Zaradi mikroarealne homonimije **Argone* 'reka Dragonja; Piranski zaliv' se je za označevanje Dragonje zato začela uporabljati besedna zveza **fume d'Argone*, kar je povzročilo aglutinacijo v **Dargone*. Ker je ob močnem deževju Dragonja pogosto poplavljala, je ta hidronimska oblika prebivalce ob območju Dragonje asociirala na zmaja/e kot akterja/e uničujočih povodnji. Jezikovni odraz tega je najprej metateza **Dargone* → **Dragone* pod vplivom it. *dragone* 'zmaj', nato pa morfološko preoblikovanje **Dragone* v *Dragogna* '*območje (= reka) zmajev' (tip *vigna* 'vinograd' < '*območje, kjer so trte'). V slovenščini in hrvaščini je hidronim *Dragonja* zato mladega adstratnega izvora iz istrsko beneške oblike *Dragogna*.

Ramovševa domneva, da je ta slovensko-hrvaški hidronim substratnega izvora in da odraža slovansko metatezo likvid, je bila fonetično napačna, saj bi se tak substitut v slovenščini oziroma hrvaščini glasil ***Dragin* oziroma ***Draginja*.

Ključne besede: hidronimi, etimologija, ljudska etimologija, transonimizacija, Istra

PIERIS E BEGLIANO: VILLAGGI MEDIEVALI DEL BASSO ISONZO DALL'INCERTA IDENTITÀ

Sulla riva sinistra dell'Isonzo e non lontano dalla sua foce si situano alcuni paesi caratterizzati nel basso medioevo da un popolamento misto, sloveno e romanzo, con una certa prevalenza del primo elemento etnico. I paesi sono Pieris, Begliano e San Canziano, con l'appendice di Isola; quest'ultima zona fino al sec. XVI era solo una grande selva, di proprietà della lontana abbazia di Moggio, non abitata ma ben frequentata da boscaioli, cacciatori e pescatori.

La situazione linguistica che abbiamo evocato non era limitata ai tre paesi ma si allargava a tutto il Territorio di Monfalcone e si modificò solo fra la seconda metà del sec. XVI e la prima del successivo, come conseguenza di vasti e complessi eventi storici.¹ In un periodo incerto ma fra i secoli XV e XVI emerse l'etnico *bisiac* che caratterizzerà in epoca moderna il Monfalconese e fin dall'inizio venne identificato nell'area romanza come una varietà «slava». A questo proposito è del massimo interesse per la storia linguistica del Friuli orientale una testimonianza emersa ultimamente: 1462–1464 *Sclabonus sive bisiacus*.² Va detto che non si trattava probabilmente del vecchio strato etnico sloveno di quel territorio conosciuto nel medioevo come *Ultraisoncium* ('Oltre il fiume Isonzo'), bensì di immigrati dai paesi balcanici che si mescolarono qui ad altri, provenienti dalle regioni padane.

Il problema della datazione degli originari stanziamenti slavo-alpini o sloveni in Friuli non è stato risolto. Una tradizione storiografica li datò fra i secoli X e XI, come conseguenza delle scorrerie ungariche e del relativo ripopolamento voluto dalle autorità patriarcali. Alcuni toponimi però farebbero pensare a due ondate, una altomedievale (slavo-alpina) composta da pastori ed una frammista alla parte romanza all'epoca dei grandi dissodamenti (*ronchi*) e della fondazione di *ville nove* fra la fine del sec. X ed il sec. XII. Alcuni nomi di luogo infatti, come Bertiole (ant. *Bratiul*), Biauzzo (ant. *Blaguz*), Luvic, Luvidrago, Pradigoj, Visco, Turriaco (ed altri: Puntin 2009) potrebbero risalire all'alto medioevo. Il Monfalconese è un angolo di Friuli stretto

* Via Indipendenza/Cadurlina 21, 33050, Fiumicello (Ud); arctomp@gmail.com

1 A cominciare dalle incursioni turche, da una crisi demografica e da una forte immigrazione da Veneto, Lombardia, Istria e Dalmazia; da questi grossi movimenti emerse, come succede spesso, la necessità di una *lingua franca*, che nell'Alto Adriatico e in territorio veneziano non poteva non essere un dialetto a base veneta. Dialetto che in seguito venne denominato con un termine slavo, *bisiac*, che attende ancora una convincente etimologia (P 2005 e 2010).

2 *Luogotenente alla Patria del Friuli*, b. 32, *Processi 1462/1464*, c. 100r (ASVe).

fra l’Isonzo ed il Carso, quest’ultimo popolato da sloveni già in età altomedievale; per cui è plausibile che forti gruppi sloveni abbiano colonizzato alcune zone fino alle rive isontine già fra i secoli VII e VIII. Selz, Cassegliano, Staranzano, Turriaco, Sagrado³ sono certamente fra queste. In pratica il territorio di Monfalcone andrebbe compreso in quelli della vasta *Slavia submersa*. In particolare il caso delle tre località prossime, Pieris, Begliano e San Canziano è complesso e interessante da studiare. Pieris⁴ è un paese situato su quelle che sono le rive dell’Isonzo almeno dal sec. XIII⁵ e rappresentava una comunità autonoma che una strada divideva nel campo religioso fra due antiche pievi, S. Pietro (per la parte ad ovest) e S. Canziano (per la parte ad est). Begliano fu un villaggio da sempre sottoposto *in spirituali* ed *in temporali* alla vicina pieve di S. Canziano.⁶

La ricerca di documenti che riportassero personali e soprannomi medievali del Monfalconese, iniziata alla fine degli anni novanta, ha dato finora pochi frutti e questo probabilmente perché a differenza di altre zone dello stato patriarcale (l’Udinese, il Cividalese, la zona collinare ecc.) questo angolo di sud-est era importante solo per i tre passi sull’Isonzo, per la *Muda* del confine⁷ della Patria del Friuli e per la rocca su un colle sovrastante la *terra murata* di Monfalcone.

Per i toponimi siamo stati più fortunati, considerato che per le questioni di proprietà e di identificazione di terreni e boschi, molti nomi medievali si sono conservati negli atti notarili dei secoli successivi e nei catasti moderni.

A Pieris la divisione del paese a cui abbiamo fatto cenno non influiva sull’onomastica e da una parte e dall’altra troviamo sia personali sloveni (secc. XV–XVI: *Blagogna, Blasichio, Bratuç, Gorsé, Greghé, Jursé, Juvaniz, Polcher, Semiç/Simez, Vidiz, Zachoniano Bisiach*) che friulani (*Camoziium, Claudana, Domenie, Georginis, Johannes Ladin, Cussa, Pontel, Lombrena, Pauli*).

3 Il primo è chiaramente un diminutivo di *selo*, il secondo deriverà da uno slavo *Kosovljane (di etimo *sub iudice*), il terzo (nel medioevo sempre *Stranzano*) viene probabilmente da un *Stran(i)čane* ‘coloro che abitano dall’altra parte’ (di un limite giuridico o fisico o di entrambi). Il quarto è uno dei tanti che alludono allo zoonimo slov. *tur* ‘uro, bisonte’ come Turjak (Slo), Turjak (BiH) ecc. Il quinto fa parte della serie che continua lo sloveno **Za-grad-*.

4 XII sec. *Actum apud Villam, quae dicitur Petra, in prato quodam*; XIII sec. *in Petris; de Petris; Pieres*; XIV sec. *villa de Petrie que in theutonico Steindorf nuncupatur; in Pedris; in Piedris et in Ariis; Bonnes de Petris... in Pyeris; Piedris 25 foci*; XV sec. *Pieris oltra Lusinç; Pieris focos 10* (P 2010).

5 L’alveo del fiume ha subito diversi cambiamenti nel corso del medioevo e da una attestazione trecentesca che parla di *Lisoncius vetus* sembra di capire che scorresse più ad ovest nel mezzo del vicino paese di Fiumicello. Tutti i fiumi dell’alto Adriatico si andrebbero spostando progressivamente verso est, se non fossero stati fermati da canalizzazioni e bonifiche secolari.

6 819 *vico sanctorum Cantianorum*; XIII sec. *de garritu... de ronchis, villa S. Cassiani seu Canciani*; XIV sec. *in villa S. Canciani; Sand Cancian bey Lisoncz*; XV sec. *certos redditos in Sancto Canciano et Foglano; in villa Sancti Canciani ultra Osontium, 1466–67 S. Cancianus... focos 12* (P 2010).

7 La *Muda* è un termine storico che indicava i posti «dove si pagava un dazio doganale o locale sulle merci» (NP: 625).

Ma si deve ribadire per il Friuli il concetto così ben espresso dal Kronsteiner nel 1981 per l’Austria: chi portava un nome slavo era sicuramente uno sloveno ma non si può dire altrettanto di chi portava nomi generici cristiani o nomi romanzi.⁸ Abbiamo molti esempi di sloveni che nel medioevo portavano nomi romanzi o germanici («di moda» per lunghi secoli nell’ambiente friulano). Gli stessi argomenti valgono in pratica anche per i toponimi, sparsi confusamente nel territorio del villaggio. Sono sloveni come *Agrada, Blasizi, Calici, Caminizze, Doja, Dribosa, Juvaniz, Mlacha, Orechovez, Pojane, Raje, Ruppa, Sabornizza, Studensi, Uerbize*. Sono friulani *Pièris, Chiaròdis, Clapàzi, Dreàt, Rònchija, Vinchiaràda* (P 2010): ma come si può osservare anche oggi nella Slavia Friulana i toponimi friulani possono derivare da prestiti lessicali o da immigrati di lingua romanza.⁹

A colpo d’occhio si nota a Pieris una certa prevalenza di nomi di persone ed luoghi di derivazione slovena, a parte il fatto che il toponimo principale è chiaramente friulano, *Pièris* (‘pietre’). Anche in documenti pubblicati negli ultimi anni, quando si tratta di questo paese emerge sempre questo lato «composito». Nell’anno 1321 vengono attestati due contadini di Pieris (Gianni: 378) che lavorano la terra di un nobile abitante in un’altra zona del Friuli: *Thomasium* e *Byeliç*. Del primo, un nome cristiano, non si può dir nulla sulla sua identità linguistica: poteva essere di lingua romanza o slava. Del secondo invece siamo certi che fosse sloveno e il particolare vocalismo del nome fa pensare alle tendenze di molti dialetti occidentali, ancora oggi ben presenti.

Su una strada che dal passo sull’Isonzo di Pieris portava verso Monfalcone e a poca distanza troviamo il paese di Begliano, il cui nome possiede attestazioni a cominciare dal sec. XII.¹⁰ A Begliano le poche testimonianze medievali, sia onomastiche che toponimiche, vedono una netta prevalenza dell’elemento sloveno: XIV sec. *Antonius q. Drusiruai*,¹¹ *Panger, Stoyne de Begliano, Crisman*; XV–XVI sec. *Johannes Besch, Janze filius Marini, Marini de Beyacho, Petrich, Popuz, Schocho, Juanj Strazay, Martin Straçai, Viman*. Risultavano così friulani solo i nomi *Baraçuti, de Clement e Mathio Sclopeterio*. Toponimi: *Carlisa, Crugliza, Dolina, Dusiza, Grubia, Grudenz, Gumiliza, Gusa, Marchviza, Melacche, Nograda, Patoch, Pojana, Prosecha, Prosecha*

8 *Wir dürfen mit guten Argumenten behaupten, dass der Träger eines slawischen Namens mit unbedeutenden Ausnahmen auch Slawe war... Dies gilt nicht für die deutschen Personennamen aus diesen Kontaktzonen. Es kommt kaum vor, dass ein Deutscher [o un latino] einen slawischen Namen trug, wohl aber dass Slawen deutsche [o nomi latini cristiani e nomi romanzi] Namen trugen* (Kronsteiner 1981: 176).

9 Cfr. a Resia i toponimi *Bork, Fasál, Kontovél, Máana, Part, Pišánda, Pláča, Runkát, Sadin, Šcafaròt, Sjëja, Štrijúnawo* (Dapit 1998).

10 1138 *de Beliani*; 1291 *in Beliano ultra Isontium*; 1321 *Beglano*, 1332 *de Beglano*; 1341 *Beliano*; 1356 *Begliano*; 1366 *in Belano*; 1372 *Belano*; 1447–1448 *de Beyacho*; 1460 *de Beglyano*; 1483 *in Beglan oltra Lusins*; 1490 *in Beglan oltra Isonzo, in Belgian oltra Lusonz*; 1494 *in Villa Beglani ultra Isontium*; 1495–1501 *villa Begliana* (P 2010).

11 Probabilmente si tratta di un nome sloveno mal scritto nel testo originale: forse **Drusivuo*i per un **Družigoi*.

scavezzada, Riboliza, Rupa, Vogri. Anche qui pochi friulanismi, *Lòbia, Paniài* e *Strada dei Ciaròdis*.¹²

Il toponimo *Begliano* a differenza di *Pieris* resta un caso interessante e controverso, almeno a giudicare dalla posizione di certi studiosi che continuano a ritenerlo un classico prediale romano, da *Bellius*. Formalmente questa posizione è ineccepibile, dato che il gentilizio o *cognomen* è attestato in iscrizioni latine (anche *Abellius*¹³). Ma chi scrive dopo un periodo di indecisione ora propende decisamente per la soluzione slavistica. *Begliano* fa il paio in regione con *Beano* nel circondario di Codroipo, dove ci fu la più forte colonizzazione slavo-alpina o slovena, forse entrambe in due ondate diverse.¹⁴ In ambedue le aree dunque i due toponimi, per i quali si registra la stessa dizione friulana *Beàn*, erano «immersi» in ambienti slavizzati. Va anche considerato che la coppia *Begliano/Beano* rappresenta praticamente un *unicum* in Italia, dove le forme prevalenti si basano piuttosto su *Bellus* (cfr. *Bellano* e *Bellagio* in Lombardia).

È più plausibile l'ipotesi della derivazione da un nome slavo precristiano *Beljan/Beyian/Beyam* (con la radice panslava *bel-* 'bianco'), attestato già nel XIV secolo a Trieste (Merkù 1996: 453) e presente ancora nell'onomastica slovena (sec. XVI *Stephano Begliano* a Nimis, *Bejan* a Faedis¹⁵) e friulana del Friuli orientale: il cognome

-
- 12 Tutti i personali e toponimi presentati qui sopra provengono da un lavoro dell'autore (P 2010), dove viene proposta l'etimologia più plausibile. Qui sono stati ripresi solo per mostrare al lettore di primo acchito la situazione etno-linguistica probabile della zona. In parte sono stati trascritti da documenti posteriori al medioevo ma nel Monfalconese è implicito che dopo il sec. XVI nessuno poteva dare questi nomi a prati e campi, considerata la profonda venetizzazione del distretto. Anche fra i cognomi dopo tale periodo vi fu un forte ricambio.
- 13 Ma un *Abellius* avrebbe avuto un esito diverso nei dialetti romanzi della regione: **Daveàn*, **Naveàn*. In Gallia è attestato pure il *nomen Bellianus* (Pierre-Henri 1923: 25), ma in questo caso bisognerebbe pensare che un prediale di quelli cosiddetti a grado zero (senza formante), rarissimi, si sia fissato due volte a non molta distanza l'uno dall'altro.
- 14 Non serve qui insistere sulla toponomastica slava del Codroipese, già ampiamente studiata (*Biauzzo, Glaunicco, Goricizza, Gorizzo, Gradisca, Gradiscutta, Jutizzo, Lonca, Moraulis, Passariano, Passarizza, Zompicchia*). Annotiamo solo una novità, ancora poco conosciuta in Friuli. Secondo Silvo Torkar i toponimi sloveni della serie *Preserje* deriverebbero da un **Prè-syr-jane*, (*prě* come slov. mod. *pred* 'davanti a', *syr* 'umidità, bassura erbosa molle'; Torkar 2007: 481–484). Quattro toponimi friulani, di cui due nei pressi di Codroipo, farebbero parte della serie: *Passariano* (1176 *Preseriano*), *Persereano* (1166 *Presareian*), *Perserian* di Campolongo e *Passarizza* (**Po-syrica?*).
- 15 Sv. *Begliano* (SAC 2). *Bejan* è uno degli antichi nomi di casato dialettali della famiglia *Tra-cogna*, in uso a *Canebola/Čeniebola*, villaggio slovenofono posto nella parte montana del Comune di Faedis (Ud). A *Verzegnis* e a *Venzone* fra i secoli XVI e XVII vengono attestati i cognomi *Bilianj* e *Biliano*, forse immigrati dalla zona prealpina orientale o dal Canal del Ferro. Ma questi due ultimi cognomi hanno probabilmente origine diversa da quelli della serie *Begliano*.

Bean del Monfalconese,¹⁶ il nome di casato *Beàn* a Gemona.¹⁷ Significativi risultano pure gli etnici dialettali sloveni di Resiutta, *Bijäni*, e di Uccca (Resia), *Biejani* (così nel dialetto sloveno *tersko* delle Valli del Torre).¹⁸

Fuori dalla regione troviamo i cognomi croati *Bilan*, *Bjelanović*,¹⁹ *Belanov* in altre regioni slavofone e *Bejan* nei distretti romeni di *Iasi* e *Galați*.²⁰ Si vedano ancora, nel campo toponomastico, il nome dialettale sloveno della località *Vellach* in Carinzia, *Beljani* (Kranzmayer 1958: 67), un importante oronimo della Slovacchia, i *Beljanske Tatry*, i nomi delle città di *Bielany* in Polonia e di *Bijeljani* in Erzegovina. Se per quanto riguarda la semantica, il toponimo Begliano/*Beàn* dovesse celare non tanto descrizioni d'ambiente ('acque bianche' ecc.) bensì un antico personale e si ipotizzasse una sua datazione precedente all'anno 800,²¹ va ricordato che il *Bezljaj* ebbe a dare alcune indicazioni, per cui al primo posto verrebbero le denominazioni di insediamenti «da nomi personali». Un secondo gruppo sarebbe rappresentato dai dendronimi (es. fiume *Sdobba*) non alterati con ulteriori composizioni; un terzo gruppo importante sarebbe formato dai toponimi recepiti dagli Slavi dal precedente strato latino e prelatino (Merkù 2001: 706–711).

Quando si argomenta riguardo alla derivazione slava del nome della località Begliano va infine tenuto conto del fatto non certo secondario che l'antica pieve di S. Canziano (con annesso monasteriolo²²), da cui Begliano dipendeva, mostra anch'essa una onomastica ed una toponimia bassomedievali in gran parte slovene.²³

---

16 Il cognome *Bean* del basso Isontino sembra autoctono e indicare in origine «uno originario di Begliano/*Beàn*». Diverso è il caso di un cognome *Bean* del Rovigo: potrebbe derivare da un *Belan (che *bèla* come una pecora, da cui dialettale veneto *beàn* 'sciocco'), con lenizione della liquida. Il cognome *Bellan* del Rovigo invece dove la liquida permane nella dizione popolare (*Belàn*) potrebbe rappresentare un etnico da qualche località con un nome composto, avendo come secondo elemento l'aggettivo *bello/bèlo* (come *Borgobello*, *Montebello* e simili). Oppure trovare origine nelle innumerevoli e ben attestate immigrazioni di elementi dalmati e balcanici verso le coste italiane, dalla Puglia a Venezia.

17 Soprannome di un ramo dei gemonesi *Goi*, vecchio cognome locale, secondo lo scrivente anch'esso di origine slava.

18 Gli abitanti sono conosciuti con questo etnico per la vicinanza del *Bili Putók*/Rio Bianco (Dapit 1998: 141).

19 Cfr. anche l'antropotoponimo croato *Belanovo Selo* (ad ovest di Koprivnica, Hr).

20 È noto come il fondo slavo medievale sia ben presente nella toponomastica e nell'antroponimia romene, anche in cognomi con formante *-an*, come *Bejan*: es. *Birsan*, *Bolozan*, *Pervan*, *Prodan* ecc.

21 Nella periodizzazione slavistica il tardo periodo della cosiddetta fase slava-alpina (precedente a quella slovena).

22 Si trattava di una «comunità impegnata ad accudire un «santuario», piuttosto che... un cenobio di regola benedettina o... una abbazia vera e propria»; a S. Canziano era conservato il Vangelo di S. Marco, visitato da pellegrini provenienti da varie regioni dell'impero carolingio ma anche da lontane regioni slave come la Bulgaria (Toplikar/Tavano 2005).

23 Onomastica: XIV sec. *Rodis*; *Volthas*; XV sec. *Antonius q. Juvan de Crapina*, *Anzeli Breganti*, *Michael Babaz*, *Blasii Gorsii*, *Gregorius Cocevar*, *Johannis Collarich*, *Cotian*, *Gregorius Drobench*,

A sud di Pieris e Begliano si allargava un territorio compreso fra un ramo medievale dell'Isonzo,²⁴ il fiume Sdobba (da un composto slov. *iz- + dob* 'quercia') ed il mare; era infatti chiamato dai friulani *Isola*.²⁵ Durante il medioevo fu sempre diviso fra i grandi boschi a nord e la palude a sud e fu dalla metà del sec. XII alla fine del sec. XV di proprietà dell'abbazia di Moggio. Almeno da quando, fra gli anni 1136 e 1188, fu donata ai benedettini dai signori di Chiarisacco Werner e la moglie Berta, probabile famiglia di ascendenza arimannica longobarda (Wiesflecker I, 287).

L'Isola non aveva abitati stabili ma era frequentata da boscaioli e pescatori che pagavano un censo agli agenti dell'abate. Finora non erano emersi documenti che riportassero nomi del periodo medievale, antecedente al grande esproprio veneziano della fine del sec. XV. A cominciare dal sec. XVI vi fu un progressivo popolamento con contadini provenienti da varie parti, che rinnovarono quasi del tutto la toponimia.

Da ricerche svolte negli ultimi quattro anni risultano confermati il nome principale sloveno per Isola, *Otoch*,²⁶ e tre toponimi della vasta selva: *Martiniza, *Stradoniza, e *Studens*. Le ricostruzioni dipendono dall'esperante imprecisione della nomenclatura riportata in molti documenti veneziani.²⁷ E sono emersi altri toponimi di questa grande selva isontina chiamata dagli sloveni del Monfalconese *Otok e dai friulani di Fiumicello *Isula*. Acque come il *gurgus nominatus Martin vir* ('gorgo di acqua sorgiva' detto «di Martin»), *Ara de Martin vir seu Martignana* ('canale della sorgente di Martin detto anche Martignana'²⁸), *Ara magna Studenshic* ('canale grande degli Studenzi'²⁹), *Ara que intrat... appellatur Ulzach* ('canale confluyente... detto Ulzach'), *Ara de Otoch*

Hierman tabernarius, Iorium supanum Thomasii, Janes, Jurius, Jury de grozdio, Justo dicto Cucus, Lucman rodarius, Male, Michaelis Besech, Puntel Gorse, Stefanum dictum Cos, Simez Sicollino, Stanchi, Stefanus boscator sclavonus, Voricum quondam Simic, Zorzi Bosegniach; XVI sec. Blanchichio, de Cobalico, Cocus, Jurinet, Primus Norich, Simiz, Stanchich, Voucichio, Zanutichz. Toponimi: Babbiza, Bosovizza, Bravizze, Brechi, Clapece, Dobia, Gorischizza, Grode, Gubilinizza, Gurizzizza, Latoch, Melacha, Novacuz, Pan, Presecha, Suemarisca, Vela, Verbilico, Vinogradi, Vorich, Voucicoti (P 2010).

- 24 Ora in gran parte continuato dal canale Isonzato (forma peggiorativa romanza di Isonzo).
- 25 Dopo l'esproprio veneziano vi fu il passaggio successivo nelle mani di signori veneti, Malipiero, Morosini (da cui il nome attuale di *Isola Morosini*) e triestini (Brunner). Altri nomi della zona furono *Pietrarossa* (dal nome della pietra confinaria veneziana dipinta di 'rosso') e *Di là dell'Ara* alludendo al fatto che era situata «di là del fiume Sdobba» (detto nel dialetto veneto moderno del Monfalconese anche *Àra 'canale'*).
- 26 Luogotenente alla Patria del Friuli, b. 59, Processi 1477–78, fl. '1478', cc. 230–31 (ASVe).
- 27 Es. *Martincha, Martinicha, Mortanizza, Martonizza, Martinuza; Stradonicha; Stuidan, Studens* (b. 273, Ducali 1483–1492, c. 192r & v.; b. 88, Processi ed Investiture, 1489–1490 (ASVe); Congregazioni Religiose Soppresses, Moggio, ASUd).
- 28 *Martignana* potrebbe essere la denominazione friulana della territorio detto altrove *Martiniza*, usata forse dalla gente di lionguaggio romanzo, che seppure minoritaria è attestata in zona.
- 29 *Àra* è un termine romanzo indicativo di un 'canale di palude'. *Studensi* è il nome di località campestri diverse poste a sud di S. Canziano.

(‘canale di Otoch’/Isola).³⁰ Da notare i toponimi sloveni *Martin vir*, *Studencih (‘alle sorgenti’), *Olšah (‘agli ontani’) e *Otoch*.

Le realtà fisiche e fitonimiche sono oggi inidentificabili perché tutta l’area basso-isoncina è stata sconvolta dal raddrizzamento dell’asta fluviale dell’Isonzo (sec. XIX)³¹ e dalle grandi bonifiche avvenute negli ultimi due secoli.

Si è già detto che l’importanza di Pieris era determinata dalla presenza del traghetto sul fiume Isonzo, denominato in tutti i documenti medievali *Zopum*.³² Questa è la forma latinizzata del termine fr. *çop* (e *zàup*, *zop*, *zòip*, con forme diminutive *zòpul* e anche *zopolèt* nel goriziano del XVIII secolo³³), indicativo di un natante scavato in un tronco d’albero. Il termine ed il suo uso sono ben testimoniati nella documentazione sinora emersa: 1356 *Stoyna de Begliano ultra Ysoncium... pro navicula seu zopo fluminis Ysoncii* (STC 15). L’etimo di fr. *zop* era alquanto controverso ma la discussione si è rinfocolata dopo la pubblicazione di un volume del Volpi Lisjak sulle *çupe*³⁴ in uso fra i pescatori sloveni della costiera triestina. Secondo quest’autore la voce slovena (limitata al Triestino) non avrebbe alcun rapporto con la friulana bensì con una nota nella Russia settentrionale, sul lago Ladoga. Il russo *čupa*, *čupka*, *čupocka* (con i derivati *čupas* e *čupus*) col significato base di ‘legno cavo o vasca-contenitore, serbatoio’ mostra effettivamente una somiglianza formale con l’isolato termine sloveno, ma va considerato che nella regione del Ladoga il sostrato finnico è molto forte e che nel lappone *suves*, *so’ppas*, *subpas* sta per ‘chiglia’. Per cui il termine russo potrebbe continuare benissimo una voce del sostrato finnico.³⁵

In tutta la vastissima area delle lingue slave il semantema ‘piroga, tronco scavato’ si esprime con altre voci, affini alle slovene *čòln* e *drevak/deblak* (Snoj 2003: 89–90, 97, 123).³⁶

Nelle regioni adriatiche settentrionali emergono due ipotetici fuochi d’irradiazione, ove un termine base *çop/zop-/zaup-* vanta attestazioni medievali: uno in Dalmazia (‘barca, ligno vel *zaupo*’ ad Arbe/Rab nel XVI secolo; Sella 1944: 633). Ed uno in Friuli sui passi dell’Isonzo (1371 *de transitu seu Zopo quod est super aqua Isontii*

---

30 Luogotenente alla Patria del Friuli, b. 59. Processi 1477–1478, fl ‘1478’, c. 230r >c. 231v. (ASVe). Il termine *àra* (‘canale’ in zone paludose), diffuso nelle Basse del Veneto e del Friuli, deriva dal latino *area*, che ha avuto un’evoluzione complessa, qui non sintetizzabile.

31 Portato a termine dal governo austriaco a fine ‘800.

32 Erano quattro i passi con traghetto nel basso Isonzo: Fogliano, Cassegliano, Pieris e Isola (quest’ultimo di importanza solo locale).

33 *S’ingiavin fur dal zoc ju zopolèz* ‘si ricavano dal ceppo d’albero le piroghe’, nell’Eneide di Virgilio nella traduzione in friulano goriziano settecentesco del Bosizio (Bosizio: 17, riportato in NP: 1320).

34 In Pleteršnik (1894: 109), *čopa*.

35 In quell’area erano attestati i gruppi etnici Vepsi e Ciudi, di lingua finnica.

36 La prima voce, panslava, deriva da una nota base indoeuropea ed indicava in origine un ‘tronco segato, abbattuto; le ultime due voci insistono sul semantema ‘tronco d’albero’, esattamente come il fr. *çop*.

super locum qui dicitur de Foglano).³⁷ Altri toponimi friulani e alto-veneti con apparente affinità sono molto meno sicuri poiché vi concorrono basi simili di valenza semantica differente: *Zoppola*-Pn (di antica attestazione³⁸), *Zupignes* di Tramonti di Sopra-Pn, *Zupigne* di Timau-Ud, *Zoppè* (Bl, Tv) ecc.³⁹

Da notare che in un registro medievale cividalese (*Libro degli anniversari* del convento di S. Domenico) troviamo un *Nicolaus Çuparius* per l'anno 1337 (Scalon II, 19: 687): forse era il nome «di mestiere» di persona o famiglia impegnati nella costruzione di queste imbarcazioni arcaiche.

Come abbiamo visto i due centri dove si rintracciano le attestazioni più antiche e semanticamente sicure ('piroga')⁴⁰ sono situati nel basso Friuli orientale e in un'isola della Dalmazia centrale, dove probabilmente si parlava ancora l'antica lingua dalmatica. Mentre le attestazioni dello sloveno triestino *čupa* non vanno oltre il sec. XIX, così che si è portati a pensare ad un prestito dall'antico dialetto ladino di Trieste. Nel friulano con la scomparsa degli ultimi esemplari di piroghe durante il sec. XVIII anche il termine è stato dimenticato.⁴¹ Ma il significato base di 'tronco, ceppo' lo ritroviamo ancora in alcune voci agrarie e rustiche del Friuli e del Veneto settentrionale ed orientale: fr. *ciòp* 'ceppo' (NP: 1471), fr. *zòbare* 'ceppaia... grosso pezzo di legno rinsecchito', fr. *zòpare* 'pezzo grosso tagliato dal ciocco' (NP: 1676, 1677),⁴² fr. *zupiel* 'sorta di zoccolo' (NP: 1327), pavano antico *zuoppo* 'ceppo', *zopello* 'zoccolo' (Prati EV: 210; Paccagnella: 894), veneto moderno *zopèla/sopèla* 'zocchetto, ciabatta rustica'.⁴³

37 1356 *navicula seu zopo...*; 1371 *de transitu seu Zopo...*; 1393 *transitum sive zopum super aqua Usoncij*; XV sec. *Zopi* (STC 15; di Prampero: 60; Puntin 2010: 199; NP: 1320).

38 1103 *Zaupola*, 1186 *de Zaupolis* (Petris 2014: 87). Mancando importanti corsi d'acqua in zona, secondo il Petris il top. *Zoppola* (fr. *Sòpula*) rimanderebbe al fr. *ciàup* 'truogolo' (in origine ligneo, NP: 142).

39 Zompicchia di Codroipo-Ud (fr. *Çupicje*) e Zoppitta di Reana-Ud (*Çumpite*) potrebbero continuare un antico personale sloveno *Zopic* (*Çopik) attestato in carte medievali friulane. Altri (soprattutto i microtoponimi agrari) si spiegheranno con friulano e panveneto *zòpe/zòpa/sòpa/thòpa* 'zolla'.

40 Nel Veneto l'uso delle piroghe è naturalmente attestato in fonti medievali, ma la *Cronaca Altinate* del sec. XI ha il termine *monosolum* (< lat. *monoxylus*) o quello generico di 'tronco cavo' (*in lignis caveis, in caveis lignorum*; *Cronaca* I: 194).

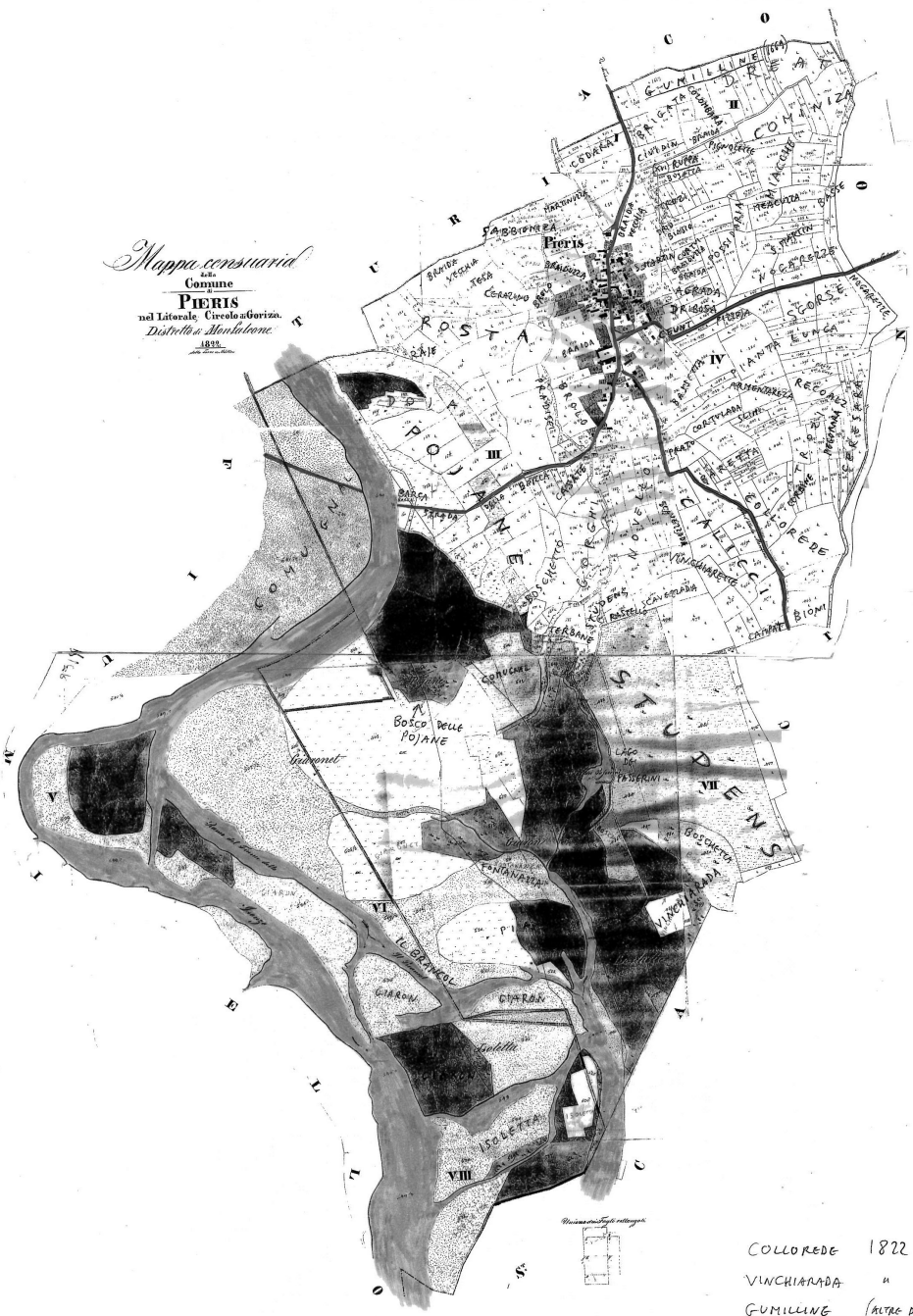
41 In documenti e scritti dei secoli XVII e XVIII si registrano queste tre forme: *zoipo* (*zòipo), *zopul* (*zòpul) e *zopolet* (*zopolèt).

42 Probabile evoluzione di un diminutivo *zòpula (< *zòpura), come fr. *àlbare* ('pioppo bianco') da lat. *albula*.

43 In origine questi termini potevano aver indicato in alcune zone gli zoccoli arcaici consistenti in un legno incavato (come le *dàlminis* carniche). Ma col passare dei secoli e la scomparsa di questo vecchio tipo di calzatura, ha finito per denominare in molte aree del Veneto anche zoccoli aperti e piani e addirittura ciabatte rustiche e simili. Dalla calzatura proviene forse anche il cognome veneto e friulano *Zuppel*.

Mappa censuaria
 del Comune
PIERIS
 nel Littorale Circolo agrario.
 Distretto di Montebone.
 1838.

COLLOREDE 1822
 VINCIARADA "
 GUMILLINE (ALTRA DATA)

Tornando alla base che emerge chiaramente dalle attestazioni più antiche, **zau*p-/*zop- e mancando appigli nella lingua latina,⁴⁴ sembra plausibile l'ipotesi di una voce prelatina.⁴⁵ Diffusa specialmente nella *Venetia* orientale e nella vicina *Dalmatia*, questa voce sarebbe passata al latino provinciale e poi adattata variamente nei continuatori romanzi ed in quelli sloveni adriatici.

Fonti primarie⁴⁶

Congregazioni Religiose Soppresse, (Abbazia di) Moggio (ASUd = Archivio di Stato di Udine).

Cronaca Altinate (in latino, di Anonimo di *Altinum*)

Le note di Guglielmo da Cividale (1314–1323); Gianni Luca (a cura di) (2001)

Luogotenente alla Patria del Friuli – b. 32, *Processi 1462/1464*, c. 100r; b. 59, *Processi 1477–78*, fl. '1478', cc. 230–31; b. 273, *Ducali 1483–1492*, c. 192r & v.; b. 88, *Processi ed Investiture, 1489–1490* (ASVe = Archivio di Stato di Venezia).

SAC = Schedario Antroponimico di G.B. Corgnali (in Biblioteca Civica di Udine «Joppi»)

STC = Schedario Toponomastico di G.B. Corgnali (in Biblioteca Civica di Udine «Joppi»)

Fonti secondarie

NP = *Il Nuovo Pirona Vocabolario friulano*, 1992

P 2005 = Puntin M., *Slovinci na tržiškem Teritoriju – Obdobje med 7. in 17. Stoletjem*, 2005.

P 2010 = Puntin M., *Dei nomi dei luoghi. Toponomastica storica...*, 2010

Bibliografia

BILLY Pierre-Henri (2011) *Dictionnaire des noms de lieux de la France*. Saint Etienne: Editions Errance.

DAPIT, Roberto (1998) *Aspetti di cultura resiana nei nomi di luogo, 2.* (Area di Oseacco e Ucea.) Padova: CLEUP.

DI PRAMPERO Antonino (1882) «Glossario Geografico Friulano, dal VI al XIII secolo.» *Atti del Regio Istituto Veneto di Scienze Lettere e Arti*, serie V, voll. VII–VIII, 1–236

GIANNI, Luca (a cura di) (2001) *Le note di Guglielmo da Cividale (1314–1323)*. Udine: Istituto Pio. Paschini, Udine.

---

44 Qui si escludono etimologie fondate su lat. *cūpa* o lat. volgare *cōpa* ('botte') o su lat. *cymba* ('barca'), come proposto in passato da certi autori. I passaggi morfologici non sono assolutamente plausibili.

45 Forse da una radice *tsaup- ('tronco, ceppo'). Per una ampia discussione: Pellegrini (1992).

46 L'autore dell'articolo è debitore per alcune informazioni e per i risultati di alcune recenti ricerche d'archivio (in Archivio di Stato di Venezia) a Carlo Mucci e Diego Mauchigna.

- KRANZMAYER, Eberhard (1956–58) *Ortsnamenbuch von Kärnten*. I–II. Klagenfurt: Geschichtsvereines für Kärnten.
- KRONSTEINER, Otto (1981) *Die Alpenslawischen Personennamen*. Wien: Österreichische Gesellschaft für Namenforschung. (Sonderreihe, 2.)
- MERKÛ, Pavle (1996) «Predkrščanska slovenska osebna imena v Trstu (1307–1406).» In: J. Kos et al. (a cura di), *Brižinski spomeniki*. Ljubljana: SAZU, ZRC SAZU, 451–455.
- MERKÛ, Pavle (2001) «La datazione dei toponimi slavi in Friuli: problematiche e ipotesi.» In: *Atti del 14° Congresso internazionale di Studi sull'alto medioevo «Paolo Diacono e il Friuli altomedioevale (secc.VI–X). (Cividale del Friuli – Bottenicco, 24–29 settembre 1999)*. Spoleto: Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 697–712.
- PACCAGNELLA, Ivano (2012) *Vocabolario del pavano (XIV–XVII secolo)*. Padova: Esedra.
- PELLEGRINI, Giovan Battista (1992) *Studi di etimologia, onomasiologia e di lingue in contatto*. Alessandria: Edizioni dell'Orso.
- PETRIS, Nerio (2014) *Stradis*. S. Vito al Tagliamento. (Quaderni Zoppolani, 12.)
- PIRONA, Giulio Andrea/Ercole CARLETTI/Giovanni Battista CORGNALI (1992) *Il Nuovo Pirona Vocabolario friulano*. Seconda edizione con Aggiunte e correzioni riordinate da Giovanni Frau. Udine: Società Filologica Friulana.
- PLETERŠNIK, Maks (a cura di) (1894–95) *Slovensko-nemški slovar*. I–II. Ljubljana: Knezoškofijstvo.
- PRATI, Angelico (1968) *EV – Etimologie venete*. Opera postuma a cura di Gianfranco Folena e Giovan Battista Pellegrini. Venezia/Roma: Istituto per la collaborazione culturale.
- PUNTIN, Maurizio (2005) «Slovinci na tržiškem Teritoriju. Obdobje med 7. in 17. stoletjem.» In: V. Klemše (ur.), *Slovinci v Laškem Cenni storici sulla comunità slovena nel Monfalconese*. Tržič/Gorica: SKŠRD, 15–60.
- PUNTIN, Maurizio (2009) «La prima colonizzazione slava del Friuli nella toponomastica.» *Dom*, nn. 17, 18, 19, 20, 21, p. 3.
- PUNTIN, Maurizio (2010) *Dei nomi dei luoghi. Toponomastica storica del territorio di Monfalcone e del comune di Sagrado*. Gradisca: Centro Leopoldo Gasparini.
- SCALON Cesare (a cura di) (2008) *I Libri degli Anniversari di Cividale del Friuli* I–II. Roma/Tavagnacco (Ud): Istituto Storico Italiano per il Medio Evo/Istituto Pio Paschini.
- SELLA Pietro (1944) *Glossario latino italiano. (Stato della Chiesa-Veneto- Abruzzi)*. Città del Vaticano, Roma: Biblioteca Apostolica Vaticana.
- SNOJ, Marko (2003) *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Modrijan.
- TOPLIKAR Giovanni/Sergio TAVANO (a cura di) (2005) *I Santi Canziani nel XVII Centenario del loro martirio – Sveti Kancijani ob 1700-letnici mučeništva*. Ronchi dei Legionari: Consorzio Culturale del Monfalconese.
- TORKAR, Silvo (2007) «Toponim Preserje in slovansko-romansko prepletanje pripon -jane in -anum.» In: S. Torkar et al. (a cura di), *Merkujev zbornik*. Založba ZRC, 481–492.

- VOLPI LISJAK, Bruno (2004) *Prvo slovensko plovilo in drevaki. Prispevek k etnologiji in vprašanju etnogeneze Slovencev*. Mladika: Trst.
- WIESFLECKER, Hermann Paul (1949/1952) *Die Regesten der Grafen von Görz-Tirol, Pfalzgrafen in Kärnten*. I–II. Innsbruck: Wagner.

Riassunto

PIERIS E BEGLIANO: VILLAGGI MEDIEVALI DEL BASSO ISONZO DALL'INCERTA IDENTITÀ

L'autore ha studiato a fondo, a cominciare dagli anni '90, la toponomastica e l'antica antroponomia del Territorio di Monfalcone. Dopo la pubblicazione della II edizione dell'opera (P 2010) le ricerche sono continuate e hanno sempre confermato quei primi risultati. In pratica questo angolo sud-orientale del Friuli rientrò almeno fino a tutto il sec. XV nella *Slavia submersa*, con una maggioranza di abitanti slavofoni ed una minoranza parlante un dialetto friulano che si situava morfologicamente fra quello centrale e le antiche e scomparse parlate friulaneggianti di Trieste e Muggia. Nell'articolo si ripresentano brevemente molti nomi di persone e di luoghi di Pieris e Begliano (oggi Comune di S. Canzian d'Isonzo), con alcuni nuovi dati emersi ultimamente: per esempio sull'attuale località Isola Morosini (nel sec. XV *Otoch*) che apparteneva in età medievale all'Abbazia benedettina di Moggio. Viene rivista anche l'etimologia del nome della località di *Begliano*, lasciata in sospeso nei lavori precedenti fra l'opzione predialistica romana (**Bellius*) e quella paleoslava (**Beljan* o **Beljani*); assegnando questo toponimo allo strato linguistico slavo.

Bisogna distinguere però questo strato sloveno medievale da uno successivo, rappresentato essenzialmente da nomi e soprannomi di persone immigrate nel Monfalconese fra la fine del sec. XV e il sec. XVII. Gente di origine balcanica (*sclabonus sive bisiacus*) che fuggiva dalle invasioni turche ed entrava in un angolo di Friuli soggetto a Venezia.

I tre villaggi erano vicini all'antico traghetto (*zopum*) di Pieris sul fiume Isonzo e la parte finale dell'articolo è dedicata alla discussione sull'etimo del termine friulano *çòp/zòpul* 'piroga' (slov. dial. *čupa*), su cui era intervenuto uno scrittore di Trieste proponendo un'origine slovena. L'autore dell'articolo mostra invece come non si possa facilmente disgiungere il termine *çop/zop* da tutta una trafila di voci, ben attestate nell'area romanza del nord-est italiano (compresa la lingua dalmatica oggi estinta). Voci che sembrano tutte gravitare attorno al semantema "ceppo, legno scavato" e che potrebbero in ultima analisi essere di lontana origine prelatina.

Parole chiave: bel ('bianco'), bežják (abitante del Monfalconese), isola, Isonzo (fiume), zop ('piroga')

Abstract
PIERIS AND BEGLIANO:
MIEVEAL SETTLEMENTS OF THE LOWER SOČA OF UNCERTAIN
IDENTITY

The author has studied in depth, starting from the 90s, the place names and the ancient anthroponymy of the Monfalcone area (the old *Ultraisoncium* 'beyond the Isonzo river'). After the publication of the second edition of his monograph, the research continued and confirmed the initial results. In practice this South-eastern corner of Friuli came back at least until the end of the 15th century to *Slavia Submersa*, with a majority of the inhabitants Slovene speaking and a minority speaking a Romansh language that ranged morphologically between the central Friulian and the old Romansh dialect of Trieste. The article presents some new data on the three neighbouring countries of the old ferry (*zopum*) Pieris on the *Isontium* river; and a discussion of the etymologies of the toponym Begliano (assigned permanently to the Slavic layer) and the Friulian term *çop/zòpul* 'pirogue' (Slovene dialect *čupa*), giving more emphasis here for Romance origin.

Keywords: white, beziák ('inhabitant of district of Monfalcone'), island, Isonzo (river), zop (Friulian word: 'pirogue')

Povzetek
PIERIS IN BEGLIANO: SREDNJEVEŠKI NASELJI OB SPODNJI SOČI Z
NEJASNO IDENTITETO

Od 90. let prejšnjega stoletja dalje se avtor poglobljeno ukvarja s krajevnimi imeni in s starimi antroponimi območja okoli Tržiča (Monfalcone), znanega tudi kot *Ultraisoncium* 'območje onkraj reke Soče'. Po objavi druge izdaje monografske predstavitve tematike so se raziskave nadaljevale in večkrat potrdile začetne rezultate. Ta jugovzhodni del Furlanije je bil dejansko vsaj do konca 15. stoletja ponovno vključen v ozemlje, znano kot *Slavia Submersa* (nekdanje slovansko ozemlje), kjer je večina prebivalcev govorila slovensko, manjšina pa alpsko romansko narečje, ki je bilo v oblikoslovnem pogledu med osrednjo furlanščino in alpskim romanskim narečjem v Trstu in Miljah. V članku avtor na kratko ponovno razpravlja o številnih osebnih in krajevnih imenih, ki jih nademo v Pierisu in Begliano (danes v občini Škocjan ob Soči) in navaja nekaj nedavno odkritih podatkov, npr. v zvezi s krajem Isola Morosini (v 15. stoletju *Otoch*), ki je v srednjem veku spadal pod benediktinsko opatijo v Možacu.

Avtor prikazuje nekaj novih podatkov o treh sosednjih vaseh ob rečnem prehodu (*zopum*) v Pierisu na reki Soči in razpravlja o etimologiji toponima Begliano, ki mu pripisuje slovanski izvor, in furlanskega izraza *çop/zòpul* 'čupa', ki pa naj bi izhajal iz romanske osnove. Ponovno pretresa tudi etimologijo imena kraja *Begliano*, ki je v

doslejšnjih raziskavah ostala nedorečena, kot mogoči pa sta se ponujali dve razlagi: po prvi naj bi ime izhajalo iz romanskega osebnega imena (*Bellius), po drugi pa iz staroslovanskega (*Beljan ali *Beljani). Po avtorjevem mnenju je izvor imena treba iskati v slovanski jezikovni plasti. To slovensko srednjeveško plast pa je treba razločevati od mlajše plasti, ki jo predstavljajo predvsem imena in vzdevki oseb, priseljenih na tržiško območje med koncem 15. stoletja in 17. stoletjem. Gre za ljudi balkanskega izvora (*sclabonus sive bisiacus*), ki so bežali pred Turki in se naselili v koščku Furlanije, ki je bil pod beneško oblastjo.

Omenjene tri vasi so bile blizu rečnega prehoda (*zopum*) v Pierisu na reki Soči in zadnji del prispevka se ukvarja z izvorom furlanskega izraza *çòp/zòpul*, glede katerega je neki tržaški avtor predlagal, da je slovenskega izvora. Iz pričujočega članka pa je razvidno, da ni mogoče zlahka ločevati med izrazom *çop/zop* in vrsto drugih besed, ki so dobro izpričane na romanskem območju italijanskega severovzhoda pa tudi v danes izumrlem dalmatskem jeziku. Vse te besede so povezane s pomensko osnovo 'drevak, izdolben kos lesa' in bi lahko bile daljnega predlatinskega izvora.

Ključne besede: bel, Bezják (prebivalec Tržiča in okolice), otok, Soča (reka), zop (čupa)

OLD ROMANCE PLACE NAMES IN EARLY SOUTH SLAVIC AND LATE PROTO-SLAVIC SOUND CHANGES¹

1 INTRODUCTION

The article analyses Old Romance geographical names borrowed and integrated into early South Slavic. The late Proto-Slavic sound changes which were still operative during the first Romance-Slavic language contacts after the settling of the Slavs in the Balkan Peninsula, the Pannonian Basin and eastern Alps in the second half of the 6th century and the beginning of the 7th century will be categorized and chronologically ordered with the help of Romance-Slavic substitutional phonology.

1.1 Slavic migration to the Balkan Peninsula, the Pannonian Basin and the eastern Alps

The most likely answer to the Proto-Slavic homeland question seems to be the so-called North-Carpathian theory, which argues rather convincingly that the homeland of the Slavs should be placed to the North of the Carpathian Mountains, i.e. the North-Carpathian basin. The approximate borders of this language community would be the upper course of the Dniester and Vistula rivers in the West, the Pripyat river in the North, and the middle course of the Dnieper in the East (Gimbutas 1971: 80; Udolph 1979: 619–623). It is generally believed that the Slavic migration towards the North-East, North-West and South-West should be placed at around 500 AD. This migration wave did not include a south-eastern movement, however. As can be predicted, the colonization of the new territory resulted in more or less direct contact with the different non-Slavic languages.

The Slavs began their south-western move towards the eastern Carpathians together with the Avars. They reached the Balkan Peninsula, the Pannonian Basin and the eastern Alps in the 6th century AD. In the southern part of the Balkans they first came into contact with Greek, while in the rest of the Balkans, the Pannonian plain and the eastern Alpine region they encountered the Old Romance stratum. As far as the eastern Alps are concerned, the 8th century was dominated by the equally extensive interaction

---

* Oddelek za slavistiko/Department of Slavic Languages, Filozofska fakulteta, Aškerčeva 2, 1000 Ljubljana, Slovenia; matej.sekli@ff.uni-lj.si

1 A more comprehensive account of the Slavic language contact with the non-Slavic idioms is presented in Šekli 2014: 201–300. For the Slovene version of the article cf. Šekli 2015.

with Old High German (Old Bavarian), while the Hungarian-Slavic contacts in the Pannonian Basin are not older than the 9th century AD.

The Slavs settled the newly conquered territories of South-Eastern Europe in the second half of the 6th century. At the start of the 7th century, during the rule of Gregory the First (590–604 AD), the colonization wave had already reached as far as the Adriatic coast (Kos 1955: 44–49). During the colonization of the Romance/Romanized territory several place names were borrowed into Slavic from the Romance speaking population, primarily but not exclusively those of the near coastal area. These integrations usually involve the adoption of Romance names for the strategically more prominent geographical objects such as larger rivers and urban settlements.

1.2 Balkan Romance vs. Alpine Romance

At the time of the Slavic occupation of the south-eastern part of the Romance linguistic area the Slavs conquered the territory to the north of the Romance-Greek language border also known as the Jireček line. Note that Latin inscriptions of the Balkan provinces reach in the south the ancient towns of *Ulpiana/Ulpianum* (8 km to the south of present-day Priština), *Scupi* (4 km to the north-east of present-day Skopje city centre), *Naissus* (present day Niš in Serbia) and *Remesiana* (present-day Bela Palanka in Serbia), in *Thracia Superior*, and a number of ancient settlements around the Danube delta in *Thracia Inferior* (Solta 1980: 64–65).

By the time of the earliest Slavic-Romance contacts (6th century AD) two clearly distinguishable Old Romance geolects had already developed from Vulgar Latin, i.e. North-West Romance (the predecessor of Alpine, North-Italic or Gallo-Italic, Gallic and Iberian Romance) and South-East Romance (the direct ancestor of Balkan Romance and Central-South Italic Romance). The distinguishing isogloss dividing the two dialects runs vertically through the Apennine Mountains, following the so-called La Spezia–Rimini line, and horizontally through present-day Koper/Capodistria, Solkan and Villach/Bejlag.²

The defining characteristics of South-East Romance are the preservation of Latin voiceless stops in voiced environment (i.e. between vowels or between a vowel and a resonant) and the loss of final *-s*, while the diametrically opposed situation is true of North-West Romance: lenition (voicing → spirantization → loss) of Latin voiceless stops in voiced environments and the preservation of Latin final *-s*. Examples: Lat. *Asg rota(m)* ‘wheel’ > Standard Italian *ruota*, Romanian *roată* vs. Friulian *ruede*, Venetian Italian *roda*, *rioda*, Sardinian *roda*, Catalan *roda*, Spanish *rueda*, Portuguese *roda*, Old French *rode* > French *roue*; Lat. 2sg pres. ind. *cantās* ‘you sing’ > Friulian *cjantis*, Sardinian *cantas*, Catalan *cantes*, Spanish *cantas*, Portuguese *cantas*, Occitan *cantas*, French *chantes* vs. Standard Italian *canti*, Romanian *cântî*; Lat. Apl *rotās* ‘wheels’ > Friulian *ruedis*, Sardinian *rodas*, Catalan *rodes*, Spanish *ruedas*, Portuguese *rodas*,

2 However, Trieste/Trst and Gail/Zilja lie to the west of the Koper/Capodistria–Solkan–Villach/Bejlag isogloss but clearly display the phonetic characteristics typical of South-East Romance (Balk. Rom. *Tergeste → Sl. *Тѣрзѣстѣ; Balk. Rom. *Gīla → Sl. *Зіла).

Occitan *rodas*, Old French *rodes* > French *roues* vs. Standard Italian *ruote*, Romanian *roți*) (Wartburg 1950: 32; Skubic 1989: 97, 100).

On the other hand, the Koper/Capodistria–Solkan–Villach/Beljak isogloss separates the two linguistic areas with a different set of reflexes for plain velars **k*, **g* before front vowels. Accordingly, Slavic substitutions **č*, **ž* normally occur to the west of this line (Lat. Asg *cīvitāte(m)* ‘town’ > Rom. **Kēvetāte* > Alp. Rom. **Čevēdāde* (> Friulian *Cividāt*) → Sl. **Čv̌v̌daď* > dial. Sln. (Natisone/Nadiža) *Čavdād* ‘a city in Friuli; Standard Sln. *Čedad*, Friulian *Cividāt*, Italian *Civiale*’; Lat. Asg *silice(m)* ‘hard stone, rock, flint’ → Asg **silicētū(m)* ‘where hard stone, rock, flint is’ > Rom. **Seleşkētū* > Alp. Rom. **Seleşgēdu* > **Seleşžēdu* → Sl. **Šlb̌žiď* > dial. Sln. (Soča/Isonzo) *Sužid* ‘a place in the Upper Soča Valley’). The reflexes **c*, **z*, which are the outcomes of the second Slavic palatalization of velars (cf. 2.6), are only found to the east of the isogloss.³

In the south, Slavic came into direct contact with both Balkan Romance (Lat. *acētum* ‘vinegar’ > Rom. **akētū* > Balk. Rom. **akētū* → PSl. **okbť* > **ocbť* ‘vinegar’) and Alpine Romance (Lat. Asg *cruce(m)* ‘cross’ > Rom. **krōke* > Alp. Rom. **krōge* > **krōže* → PSl. **križb* ‘cross’). The borrowing of common and proper names therefore progresses from both sources. Note that if the Old Romance source has no voiceless stops occurring in a voiced environment and/or no **k^E*, **g^E* sequences (e.g. Lat. Apl *Kalendās* ‘first day of the month’ > Rom. **kalendās* → PSl. **kolēda* ‘New Year, celebration of the New Year’), the distinction between the two sources is not always easily disambiguated.

2 LATE PROTO-SLAVIC SOUND CHANGES

The following were late Proto-Slavic sound changes (listed in approximate chronological order): loss of final consonants, simplification of consonant clusters, development of prothetic consonants, first regressive palatalization of velars, simplification of *j*-clusters, delabialization of rounded vowels (umlaut), monophthongization, second regressive palatalization of velars, the rise of nasal vowels (nasalization), progressive palatalization of velars, delabialization of **ū₁* > **y*, labialization of **a* > **o*, reduction of vowels (**i*, **u* > **b*, **b̌*) (Shevelov 1964: 187–390; Šekli 2014: 201–300). The majority of these sound changes were still operative at the time of the earliest Romance-Slavic language contacts, but some postdate the earliest phases of lexical and toponymic borrowing.

2.1 Simplification of consonant clusters

The Old Romance consonant cluster **ps* correspondes by South Slavic **s*: Rom. **ps* → Sl. **s* (Lat. *Apsarum* > Balk. Rom. **Apsaru* → Sl. **Osorb* > Čak. *Osòr* ‘a town on

3 For a discussion of the phenomenon cf. Skok 1926: 386; Ramovš 1926/27: 154–155, 160–165; Šturm 1927: 45–47, 1928: 22–24; Grad 1958, 1969; Skubic 1989: 101; Furlan 2002: 32–33. See Repanšek 2014 for a recent reappraisal of the data.

the island of Cres’; Lat. **Sampsichum* > Balk. Rom. **Sampsiku* → Sl. **Sqsъkbъ* > Čak. *Sšusak* ‘an island in the Gulf of Kvarner’). This seems to confirm the fact that the Proto-Slavic simplification of consonant clusters was still an ongoing process at the time of the borrowing: PS. **ps* > **s*.

2.2 Development of prothetic consonants

The integrated word-initial **ū-* nearly always generates a prothetic consonant **v-* in South Slavic: Rom. **ū-* → Sl. **uū-* > **vy-* (Lat. *Utinum* > Alp. Rom. **Ūdenū* (> Friulian *Udin*) → Sl. **(V)ydbъnbъ* > Dial. Sln. *Vidən* ‘a city in Friuli; Standard Sln. *Videm*, Friulian *Udin*, Italian *Udine*).⁴ This means that at the time of the borrowing the development of the Proto-Slavic prothetic **u-* in front of word-initial high back vowels **ū-* and **u-* was not yet completed: PS. **ū-*, **u-* > **uū-*, **uu-* > **vy-*, **vb-*.

2.3 Simplification of j-clusters

Proto-Slavic palatal consonants **C'* are systematically substituted for Old Romance consonant clusters **Cj*: Rom. **Cj* → Sl. **C'* (Lat. *Durachium* > Balk. Rom. **Dorākju* → Sl. **Dъračъ* > Štok. *Dráč* ‘Durrës, a city at the Adriatic coast in Albania’; Lat. **Plagia* (← Greek *πλάγιος* ‘oblique, inclined’) > Balk. Rom. **Plāgia* → Sl. **Plaža* > Čak. *Plàža* ‘a town on the island of Hvar’; Lat. *Arsia* > Balk. Rom. **Arsja* → Sl. **Orša* > Čak. *Ràša* ‘a river in Istria’; Lat. *Carnium* > Balk. Rom. **Karnju* → Sl. **Korňbъ* > Sln. *Kránj* ‘a town in the Gorenjska/Upper Carniola region’; Rom. **Castelliōne(m)* > Balk. Rom. Asg **Kasteljōne* → Sl. **Kostbъlunъbъ* > Čak. *Košljun* ‘a small island in the Punat Bay on the island of Krk’; Lat. *Tragurium* > Balk. Rom. **Tragūriju* → Sl. **Trogyrbъ* > Čak. *Trogir* ‘a town in Southern Dalmatia’). The Proto-Slavic simplification of *j*-clusters evidently took place *after* the borrowing of these place names into South Slavic.

2.4 Delabialization of rounded vowels (umlaut)

Slavic appears to have delabialized all rounded vowels of the *u*-type after palatal consonants and *r*:⁵ Rom. **C'O/*rO* → Sl. **C'E/*rE* (Lat. *Iūdaeus* ‘Jude’ > Rom. **Žūdēus* (?) → Sl. **Žydbъ* > **Židъ* ‘Jude’ (> OCS *Žid-inъ* ‘Jude’); Lat. *crux* ‘cross’, Asg *crucem* > Rom. **krōke* > Alp. Rom. **krōge* > **krōže* → PS. **kryžbъ* > **križbъ* ‘cross’ (> OCS *križbъ* ‘cross’). Among the place names which further attest to such a process there is, for instance, the exonym Sl. **Rimъ* ‘Rome’ (Lat. *Rōma* > Rom. **Rōma* → Sl. **Rymъ* > **Rimъ* (> OCS *Rimъ*)).

4 From the lexical fond cf. Lat. *hortus* ‘garden’ > Balk. Rom. **ortu* → Sl. **(v)brtbъ* ‘garden’ (> OCS **vrbtbъ*, Sln. *vrt*).

5 It is less probable that the forms such as **križbъ* and **Rimъ* reflect early (7th–8th) South-Slavic phonology. Accordingly, the Proto-Slavic **y* would have been decentralized rather early in the south (cf. Bezlaj 1995: 180). However, the phonetic distinction between **y* and **i* in South Slavic is still present in the second half of the 9th century by Old Church Slavic (863–885) and the subsequent merger cannot in fact be earlier than the second half of the 10th century as evidenced by the Freising Monuments (972–1039 AD).

2.5 Monophthongization

Proto-Slavic tautosyllabic sequences **oj*, **ov* are substituted for the corresponding Old Romance diphthongs **aj*, **au*: Rom. **ajC*, **auC* → Sl. **ojC*, **ovC* (Lat. **Laurentium* > Balk. Rom. **Laurentiu* > **Laurenču* → Sl. **Lovrěčb* > Čak. *Lovrěč* ‘a town in Istria’; Lat. **Tauriana* > Balk. Rom. **Tauriāna* → Sl. **Tovřanb* > Štok. *Tovrljan* ‘a river in the vicinity of Niš’).⁶ This phenomenon attests to the likelihood of the integration of the place names largely postdating monophthongization.

2.6 Second regressive palatalization of velars

Notably, Old Romance velar stops **k*, **g* before front vowels were not integrated into South Slavic as **č*, **ž*, but as **c* and **z*: Rom. **k^E*, **g^E* → Sl. **c*, **z* (Lat. *Celeia* > Rom. **Kelēia* > Balk. Rom. **Kelēia* → Sl. **Celjje* > Sln. *Célje* ‘a town in the south of the Štarijska region’; Lat. *Crexi* (written as Greek *Κρέψα*) > Balk. Rom. **Kresu* ≥ **Kersu* (after metathesis **re* ≥ *er*) (> Dalmatian **Kerso* → Italian *Cherso*) → Sl. **Cersb* > NW Čak. *Crēs* ‘an island in the Gulf of Kvarner’; Lat. *Centōna* > Balk. Rom. **Kentōna* → Sl. **Cetyna* > Štok. *Cètina* ‘a river in Southern Dalmatia’; Lat. *Asg Cīvitāte(m)* > Balk. Rom. **Kēvetāte* → Sl. **Cьbьtatb* > Štok. *Cāptat*, *Cāvttat* ‘a town in Southern Dalmatia’; Balk. Rom. **Gīla* → Sl. **Zīla* > Sln. *Zilja* ‘a river in the eastern Alps; Germ. *Gail*’; Lat. *Genta* > Balk. Rom. **Genta* → Sl. **Zęta* > Štok. *Zeta* ‘a river in Montenegro’). These data indirectly provide important evidence in support of the hypothesis that by the time of extensive Romance-Slavic language contacts the first regressive palatalization of velars had already been concluded but that the second Slavic regressive palatalization of velars was still an ongoing change (evidently in front of all (new) front vowels).

2.7 Rise of nasal vowels

The South Slavic reflexes of the Old Romance sequences **ENC*, **ONC* systematically appear as **eC*, **oC*: Rom. **ENC*, **ONC* → Sl. **eC*, **oC* (Lat. *Parentium* > Balk. Rom. **Parentiu* > **Parenču* → Sl. **Poręčb* > Čak. *Porěč* ‘a town in Istria’; Lat. *Carantanum* > Balk. Rom. **Karantānu* → Sl. **Korętanb* > Sln. *Korořan* ‘Carinthia’). Note, however, that strictly speaking these equations only prove that during the integration of such sequences into South Slavic the latter must surely have had nasal elements, but it is not entirely clear whether these nasal elements should be interpreted as bi-phonemic sequences **ENC*, **ONC* or rather as already fully developed nasal vowels **eC*, **oC*.

2.8 Progressive palatalization of velars

Old Romance **k*, **g* after front vowels were reflected in South Slavic as **c* and **z*, respectively: Rom. **E^k*, **E^g* → Sl. **c*, **z* (Lat. *Longaticum* > Balk. Rom. **Longāteku*

6 One possible exception is Lat. *Poetovio* > Balk. Rom. **Petoūiu* → Sl. **Pbtujb* > Sln. *Ptūj*. It is probable that the Slavs encountered this place name earlier than the names of other settlements on the Adriatic coast and elsewhere in the Balkans.

→ Sl. **Logatъcъ* > Sln. *Logatъcъ*; Lat. *Serdica* > Balk. Rom. **Serdeka* → Sl. **Serďъcъ* > CS *Srěďъcъ* (an old denomination of present-day Sofia)). It seems likely that these sequences were borrowed before the Slavic progressive palatalization of velars took place.

2.9 Delabialization of **ū₁* > **y*

Slavic **y* is normally substituted for Old Romance **ū*: Rom. **ū/*ō* → Sl. **y* (Lat. **Alluvium* > Balk. Rom. **Allūvju* → Sl. **Olybъ* > Čak. *Olīb* ‘an island in the Zadar archipelago’; Lat. **Glemōna* (ca. 610 in *Glemona*) > Alp. Rom. **Gļemōna* (> Friulian *Glemone*) → Sl. **Gļьmynъ* > Dial. Sln. *Gumín* ‘a town in Friuli; Standard Sln. *Gumin*, Friulian *Glemone*, It. *Gemona*’; Lat. *Salōna* > Balk. Rom. **Salōna* → Sl. **Solynъ* > Čak. *Solīn* ‘a town in Southern Dalmatia’). This type of substitution clearly points to the fact that the Proto-Slavic process of delabialization of **ū₁* towards **y* postdates the earliest Romance-Slavic language contacts.

2.10 Labialization of **a* > **o*

Old Romance **a* is matched by South Slavic **o*: Rom. **a* → Sl. **o* (Lat. *Aquilēia* > Alp. Rom. **Agolēja* (> Friulian *Aolèe* > *Olèe* arch.) → Sl. **Ogьlějъ* > Sln. *Oglěj* ‘a town in Friuli’; Lat. *Capra* > Balk. Rom. **Kapra* → Sl. **Koprъ* > Sln. *Kópər* ‘a town in Istria’; Lat. *Cattarum* > Balk. Rom. **Kattaru* → Sl. **Kotorъ* > Štok. *Kòtor* ‘a town in Montenegro’). The typically Slavic sound change **a* > **o* clearly reflects a later, Common Slavic process.

2.11 Vowel reduction of **i, *u* > **ь, *ъ*

Old Romance **e, *o* are reflected as Slavic **ь, *ъ*: Lat. **i/*e, *u/*o* > Rom. **e, *o* → Sl. **ь, *ъ* (Lat. *turris* ‘tower’ → Balk. Rom. **Tōrre* → Sl. **Tьrъ* > Čak. *Tār* ‘a town in Istria’; Lat. *Muccurum* > Balk. Rom. **Mōkkōru* → Sl. **Mьkьrъ* > Čak. *Makār* ‘a town in Southern Dalmatia’; Lat. Asg *Tergeste(m)* > Balk. Rom. **Tērgeste* → Sl. **Tьrзьstъ*, Gsg **Tьrзьsta* > Sln. **Tərzəst* > *Tərst*, Gsg **Tərzsta* > *Tərsta* ‘a coastal town in Northern Istria; Italian *Trieste*’; Lat. Asg *Pingente(m)* > Balk. Rom. **Pēngente* > **Pēlgente* (with dissimilation **n–n* > *l–n*) → Sl. **Bьlзєtъ* > Dial. Sln. (Istria) *Buzet*, Čak. *Buzet* ‘a town in Istria’; Lat. *Ad Portulam* > Balk. Rom. **Adpōrtōla* → Sl. **Opьrtьlъ* > Čak. *Oprtalj* ‘a town in Istria’; Lat. **Curicum* (← gr. *Κούρικον*) > Balk. Rom. **Kōrēku* → Sl. **Kьrьkъ* > Čak. *Kr̕k* ‘an island in the Gulf of Kvarner’). The Proto-Slavic vowel reduction of the type **i, *u* > **ь, *ъ* surely is a much later process.

2.12 Liquid metathesis

Old Romance sequences **CaRC, *CeRC* (where **R = *r, *l*) are reflected as Slavic */*CoRC, *CeRC/ [*CaRC, *CeRC]*: Rom. **CaRC, *CeRC* → Sl. */*CoRC, *CeRC/ [*CaRC, *CeRC]* (Lat. *Arba* > Balk. Rom. **Arba* → Sl. **Orbъ* > Čak. *Rāb* ‘an island in the Gulf of Kvarner’; Lat. *Albanta* > Balk. Rom. **Albanta* → Sl. **Olbьtъ* > Sln. *Lābot* (860 *ad Labantam*) ‘a town in the Jauntal/Podjuna Valley in Southern Carinthia/Koroška, Germ. *Lavamünd*’; Lat. **Carsum* > Balk. Rom. **Karsu* → Sl. **Korsъ* > Sln.

Kräs ‘a region in the Slovene coastal area’; Lat. *Scardōna* > Balk. Rom. *Skardōna → Sl. *Skordynь > Čak. *Skradīn* ‘a town in Central Dalmatia’; Lat. *Syrmiūm* > Balk. Rom. *Sermiūm (?) → Sl. *Sermь > Štok. *Srijêm*, *Srêm* ‘a region to the east of the Croatia region of Slavonia’; Lat. *Melita* > Balk. Rom. *Melta → Sl. *Melь > Štok. *Mljèt* ‘an island in Southern Dalmatia’). The analysed material unambiguously points to the fact that liquid metathesis followed in the wake of the first Slavic-Romance contacts.

3 CONCLUSION

The analysis of Old Romance place names integrated into early South Slavic shows that the majority of the late Proto-Slavic sound changes were still in progress at the time of the first Old Romance-Slavic language contacts. On the other hand, Slavic substitutions *c, *ʒ and *ovC for the Romance sequences **k^E*, **g^E* and *avC, respectively, point to the fact that two characteristic processes, i.e. the first regressive palatalization of velars and monophthongization, had already been completed. The progression of the remaining set of late Proto-Slavic (or better Common Slavic) sound changes was either contemporary with the oldest integrations or it may have postdated the earliest Romance-Slavic contacts altogether.

(Balkan) Romance		(Proto-)Slavic	Examples
*ps	→	*s	Rom. * <i>Apsaru</i> → Sl. * <i>Osorъ</i>
*ū	→	*vy	Rom. * <i>Ūdenu</i> → Sl. *(V) <i>ydbъnъ</i>
*kī	→	*č	Rom. * <i>Dorākju</i> → Sl. * <i>Dъračъ</i>
*gī	→	*ž	Rom. * <i>Plāgja</i> → Sl. * <i>Plaža</i>
*sī	→	*š	Rom. * <i>Arsja</i> → Sl. * <i>Orša</i>
*nī	→	*ń	Rom. * <i>Karnju</i> → Sl. * <i>Korńъ</i>
*lī	→	*l̑	Rom. * <i>Kastelīōne</i> → Sl. * <i>Kostъlunъ</i>
*rī	→	*ř	Rom. * <i>Tragūrju</i> → Sl. * <i>Trogyřъ</i>
*C'ū	→	*C'i	Rom. * <i>Žūdēus</i> (?) → Sl. * <i>Židъ</i>
*rō	→	*ri	Rom. * <i>Rōma</i> → Sl. * <i>Rimъ</i>
*auC	→	*ovC	Rom. * <i>Laurentju</i> → Sl. * <i>Lovrečъ</i>
*k ^E	→	*c ^E	Rom. * <i>Keleja</i> → Sl. * <i>Celbje</i>
*g ^E	→	*z ^E	Rom. * <i>Gila</i> → Sl. * <i>Žila</i>
*ENC	→	*eC	Rom. * <i>Parentju</i> → Sl. * <i>Poręčъ</i>
*ONC	→	*oC	Rom. * <i>Karantānu</i> → Sl. * <i>Korqtanъ</i>
*ikV	→	*ьcV	Rom. * <i>Longātiku</i> → Sl. * <i>Loqatъcъ</i>
*ū/*ō	→	*y	Rom. * <i>Allūvju</i> → Sl. * <i>Olybъ</i>
*a	→	*o	Rom. * <i>Kapra</i> → Sl. * <i>Kopъ</i>
i > *e	→	*ь	Rom. * <i>Koreku</i> → Sl. * <i>Kъrbkъ</i>
u > *o	→	*ъ	Rom. * <i>Torre</i> → Sl. * <i>Tъrbъ</i>
*(C)aRC	→	*(C)oRC	Rom. * <i>Karsu</i> → Sl. * <i>Korsъ</i>
*CeRC	→	*CeRC	Rom. * <i>Melta</i> → Sl. * <i>Meltъ</i>

Table 1: Late Proto-Slavic sound changes through the prism of Old Romance place names borrowed into early South Slavic.

Literatura

BEZLAJ, France (1976, 1982, 1995, 2005, 2007) *Etimološki slovar slovenskega jezika*.

I–V. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik ZRC SAZU.

BOČEK, Vít (2009) “Hláskové substitute v nejstarších romanismech ve slovanských jazycích.” *Studia etymologica Brunensia* 6. 59–65.

BOČEK, Vít (2010) *Studie k nejstarším romanismům ve slovanských jazycích*. *Studia etymologica Brunensia* 9. Praha: Lidové noviny.

- FURLAN, Metka (2002) "Predslovanska substratna imena v slovenščini." *Jezikoslovni zapiski* 8/2, 29–35.
- GIMBUTAS, Marija (1971) *The Slavs*. London: Thames and Hudson.
- GREENBERG, Marc L. (2000) *A Historical Phonology of the Slovene Language*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- GRAD, Anton (1958) "Contribution au problème de la sonorisation des consonnes intervocaliques latines." *Linguistica* 3/2, 33–40.
- GRAD, Anton (1969) "Importance de quelques toponymes slovènes pour la géographie linguistiques romane." *Actes du Xe Congrès de Linguistique et Philologie Romanes (Strasbourg, 1962)* III. Paris, 1176–1184.
- HOLZER, Georg (1995) "Die Einheitlichkeit des Slavischen um 600 n. Chr. und ihr Zerfall." *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 41, 55–89.
- HOLZER, Georg (2007) *Historische Grammatik des Kroatischen: Einleitung und Lautgeschichte der Standardsprache*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- KOS, Milko (1955) *Zgodovina Slovencev od naselitve do petnajstega stoletja*. Ljubljana: Slovenska matica.
- RAMOVŠ, Fran (1926/27) "O prvotnih južsl. substitucijah za balk.-lat. *k, g* pred *e, i*." *Južnoslovenski filolog* VI, 153–165.
- RAMOVŠ, Fran (1936) *Kratka zgodovina slovenskega jezika* I. Ljubljana: ZRC SAZU.
- REPANŠEK, Luka (2014) *Keltski prežitki v slovenski toponimiji: Prispevek k metodologiji preučevanja. Doktorska disertacija*. Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani. 280 pp.
- SHEVELOV, George Y. (1964) *A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- SKOK, Petar (1926) "Zur Chronologie der Palatalisierung von *c, g, qu, gu* vor *e, i, y, j* im Balkanlatein." *Zeitschrift für romanische Philologie* 46, 385–410.
- SKUBIC, Mitja (2002, ¹1988) *Romanski jeziki*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, Oddelek za romanske jezike in književnosti.
- SKUBIC, Mitja (⁴2007, ¹1989) *Uvod v romansko jezikoslovje*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, Oddelek za romanske jezike in književnosti.
- SNOJ, Marko (²2003, ¹1997) *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Modrijan.
- SNOJ, Marko (2009) *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Modrijan, Založba ZRC.
- SNOJ, Marko, GREENBERG, Marc L. (2012): "O jeziku slovanskih prebivalcev med Donavo in Jadranom v srednjem veku (pogled jezikoslovcev)." *Zgodovinski časopis* 66/3–4. 276–305.
- SOLTA, Georg Renatus (1980) *Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- ŠANJEK, Franjo (ed.) (2003) *Povijest Hrvata. 1. Srednji vijek*. Zagreb: Školska knjiga.
- ŠEGA, Agata (1998) "Contributo alla conoscenza dei latinismi e romanismi antichi in sloveno." *Linguistica* 38/2, 63–85.

- ŠEGA, Agata (2007) "Nekaj ugotovitev o glasovnih značilnostih vulgarnolatinskih predlog za starejše latinizme in romanizme v slovenščini." *Jezikoslovni zapiski* 13/1–2, 397–408.
- ŠEGA, Agata (2013) "Quelques pistes pour l'investigation des traces des premiers contacts linguistique slavo-romans dans la toponymie slovène." *Linguistica* 53/1, 17–29.
- ŠEKLI, Matej (2009) "On Romance-Alpo-Slavic substitutional accentology: the case of the pre-Slavic masculine substrate place names in Slovene." In: Th. Olander/J. H. Larsson (eds.), *Stressing the past: papers on Baltic and Slavic accentology*. Amsterda: Rodopi, 145–160. (Studies in Slavic and general linguistics, 35.)
- ŠEKLI, Matej (2012) "Notranja delitev neprevzetega in prevzetega besedja v praslovanščini." In: P. Stankovska, M. Wtorkowska, J. Pallay (eds.), *Individualna in kolektivna dvojezičnost*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, Oddelek za slavistiko. 369–381. (Slavica Slovenica, 1.)
- ŠEKLI, Matej (2013) "Metodologija določanja plasti mlajših romanizmov v slovenščini." *Jezikoslovni zapiski* 19/2, 291–315.
- ŠEKLI, Matej (2014) *Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov 1: Od praindoevropsčine do praslovanščine*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
- ŠEKLI, Matej (2015) "Staroromska zemljepisna imena v južni slovanščini in pozno-praslovanške glasovne spremembe." *Philological Studies* 13/1. 333–343.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar (2005) *Toponimija hrvatskoga jadranskog prostora*. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga.
- ŠTIH, Peter, SIMONITI, Vasko (2009) *Na stičišču svetov: Slovenska zgodovina od prazgodovinskih kultur do konca 18. stoletja*. Ljubljana: Modrijan.
- ŠTURM, Fran (1927) "Refleksi romanskih palataliziranih konzontanov v slovenskih izposojenkah." *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 6, 45–85.
- ŠTURM, Fran (1928) "Romanska lenizacija medvokaličnih konzontanov in njen pomen za presojo romanskega elementa v slovenščini." *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 7, 21–46.
- TEKAVČIĆ, Pavao (1970) *Uvod u vulgarni latinitet*. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu.
- UDOLPH, Jürgen (1979) *Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen: Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven*. Heidelberg: (ar) Winter Universitäts Verlag.
- VON WARTBURG, Walther (1950) *Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume*. Bern: Francke.

Summary
OLD ROMANCE PLACE NAMES IN EARLY SOUTH SLAVIC
AND LATE PROTO-SLAVIC SOUND CHANGES

The analysis of Old Romance geographical names in early South Slavic confirms that the majority of late Proto-Slavic sound changes were still operative in the period of the earliest Old Romance-Slavic language contacts in the Balkan Peninsula and eastern Alps from the second half of the 6th century and the beginning of the 7th century onwards. Phonetic substitutions of the type Rom. **k^E*, **g^E* → Sl. *c, *ʒ (Balk. Rom. *Kersu → Sl. *Cersъ, Balk. Rom. *Gīla → Sl. *Žīla) and Rom. *auC → Sl. *ovC (Balk. Rom. *Laurentiu > *Laurenču → Sl. *Lovręčъ) point to the fact that the first palatalization of velars as well as the monophthongization of the inherited diphthongs were no longer among the ongoing processes. All other late Proto-Slavic sound changes were either still operative or only took place after the borrowing. This is confirmed by the relative chronology of the following set of Romance-Slavic correspondences: simplification of consonant clusters: Rom. *ps → Sl. *s (Balk. Rom. *Apsaru → Sl. *Osorъ), development of prothetic consonants: Rom. **ū-* → Sl. **uū-* > **vy-* (Alp. Rom. *Ūdenū → Sl. *(*V*)*ydbnъ*), simplification of *j*-clusters: Rom. *Cj → Sl. **C'* (Balk. Rom. *Arsja → Sl. *Orša), delabialization of *ō after *r: Rom. *rō → Sl. *ry > *ri (Rom. *Rōma → Sl. *Rymъ > *Rimъ), second regressive palatalization of velars (see above Sl. *Cersъ, *Žīla), rise of nasal vowels: Rom. *ENC, *ONC → Sl. *ęC, *oC (Balk. Rom. *Parentiu > *Parenču → Sl. *Poręčъ, Balk. Rom. *Karantānu → Sl. *Korętanъ), progressive palatalization of velars: Rom. **k^E*, **g^E* → Sl. *c, *ʒ (Balk. Rom. *Longāteku → Sl. *Lęgatъcъ), delabialization of *ū₁ > *y: Rom. **ū/*ō* → Sl. *y (Balk. Rom. *Allūvju → Sl. *Olybъ), labialization of *a > *o: Rom. *a → Sl. *o (Balk. Rom. *Kapra → Sl. *Koprъ), vowel reduction of *i, *u > *ъ, *ь: Rom. *ę, *o → Sl. *ъ, *ь (Balk. Rom. *Koreku → Sl. *Kъrbkъ, Balk. Rom. *Torre → Sl. *Tъrbъ).

Keywords: Old Romance geographical names, Old Romance, South Slavic, Proto-Slavic, Proto-Slavic sound changes

Povzetek
STAROROMANSKA ZEMLJEPISNA IMENA V ZGODNJI JUŽNI
SLOVANŠČINI IN POZNOPRASLOVANSKE GLASOVNE SPREMEMBE

Glasoslovna analiza staroromanskih zemljepisnih imen v zgodnji južni slovanščini potrjuje, da je bila večina poznopraslovanskih glasovnih sprememb v času najstarejših romansko-slovanskih jezikovnih stikov na Balkanskem polotoku in vzhodnih Alpah v drugi polovici 6. stoletja in v začetku 7. stoletja še vedno v teku. Glasovni substituciji tipa rom. **k^E*, **g^E* → sl. *c, *ʒ (balk. rom. *Kersu → sl. *Cersъ, balk. rom. *Gīla → sl. *Žīla) in rom. *auC → sl. *ovC (balk. rom. *Laurentiu > *Laurenču → sl. *Lovręčъ) potrjujeta, da starejša regresivna (prva) palatalizacija velarov in monoftongizacija diftongov nista bili več v teku. Vse ostale poznopraslovanske glasovne spremembe pa so

ali bile v teku ali pa je do njih prihajajo po prevzemanju, kar potrjujejo naslednje romansko-slovanske glasovne substitucije, in sicer poenostavitve soglasniških sklopov: rom. *ps → sl. *s (balk. rom. *Apsaru → sl. *Osořb), nastanek protetičnih drsnikov: rom. **ū-* → sl. **ū-* > **vy-* (alp. rom. *Ūdenu → sl. *(*V*)*ydbnb*), jotacija: rom. *C_i → sl. **C'* (balk. rom. *Arsja → sl. *Orša), preglas *ō v položaju z *r*: rom. *rō → sl. *ry > *ri (rom. *Rōma → sl. *Rymb > *Rimb), mlajša regresivna (druga) palatalizacija velarov (prim. zgoraj sl. *Cersb, *Žiła), nazalizacija: rom. *ENC, *ONC → sl. *εC, *oC (balk. rom. *Parentju > *Parenču → sl. *Porečb, balk. rom. *Karantānu → sl. *Korčtanb), progresivna (tretja) palatalizacija velarov: rom. **^Ek*, **^Eg* → sl. *c, *z (balk. rom. *Longāteku → sl. *Lōgatbcb), delabializacija of *ū₁ > *y: rom. *ū/*ō* → sl. *y (balk. rom. *Allūvju → sl. *Olyb), labializacija *a > *o: rom. *a → sl. *o (balk. rom. *Kapra → sl. *Koprb), redukcija *i, *u > *b, *b: rom. *ε, *o → sl. *b, *b (balk. rom. *Koreku → sl. *Krbkb, balk. rom. *Torre → sl. *Tbrb).

Ključne besede: staroromanska zemljepisna imena, stara romanščina, južna slovanščina, praslovanščina, praslovanske glasovne spremembe

СЛОВ'ЯНСЬКО-СХІДНОРОМАНСЬКА ВЗАЄМОДІЯ В ГІДРОНІМІЇ БАСЕЙНУ ДНІСТРА: ОРИГІНАЛЬНІ НАЗВИ ТА СТРУКТУРНО АДАПТОВАНІ УТВОРЕННЯ

Українська Наддністрянщина належить до тих історично-культурних ареалів, у межах яких у різні часи (доісторичні й історичні) відбувалися мовні контакти слов'ян із неслов'янськими етнічними угрупованнями (переважно індоєвропейськими). Природно, що така міжмовна (міждіалектна) взаємодія позначилася на словникові місцевого населення – як на його апеллятивному, так і на онімному складникові (передусім на системі різних власних географічних назв, зокрема гідронімів – найстійкіших у часі *nomina propria*). Лінгвістичне дослідження гідронімікону Дністра на діахронному рівні уможливило виділення в його складі утворень, сформованих унаслідок українсько-румунських і українсько-молдавських контактів. Вони представлені в різних частинах басейну Дністра – верхній, середній і нижній. У верхній і середній течіях Дністра, що охоплюють Прикарпаття, фіксуємо назви, які виникли в результаті українсько-румунської та українсько-молдавської (в межах Буковини) взаємодії. Поява румунських мовних елементів у цьому регіоні зумовлена волоською колонізацією Східних Карпат. Це було тривале в часі переміщення пастухів-волохів із центральних районів Трансільванії на північ Карпат, що завершилося в XVII ст. у Моравії (Клепикова 2007: 309). Дослідники цього питання неодностайні щодо встановлення початку цієї міграції. Так, Й.О. Дзендзелівський уважав, що вона почалася приблизно в XI ст. і продовжувалася в XIII–XVI ст. (Дзендзелівський 1959: 112). М.А. Мохов початкову дату розселення волохів пов'язував із XII ст. (Мохов 1978: 83–84), Ю.В. Шевельов і Г.П. Клепикова – із XIII ст. (Шевельов 2002: 988; Клепикова 1976: 25), К.Ф. Герман – із серединою XIV ст. (Герман 2010: 38). Очевидно, що переміщення волоського населення зі свого трансільванського осідку не могло початися раніше другої половини XI ст. Історія свідчить, що переселення волохів спричинив натиск угорського етносу, який наприкінці XI ст. розширив свій вплив на східні території (Еремія 1990: 21). Розбіжність у колі дослідників щодо датування початку міграції волохів на північний схід викликана, напевно, тим, що вони (дослідники) брали до уваги різний час проникнення східних романців на давньоукраїнські терени – раніше на Закарпаття, трохи пізніше (через карпатські

* 01001, Київ, вул. М. Грушевського, 4, Інститут української мови, к. 608; sviatoverb@ukr.net

перевали) у Прикарпаття. Важливо, що наслідком цієї колонізації була українсько-румунська міжмовна і міжкультурна взаємодія, яку сьогодні відбивають контактні українські закарпатські, гуцульські, покуто-буковинські і наддністрянські діалектні ареали (Удлер 1976: 28). Українсько-східнороманські мовні контакти відбувалися і в Нижній Наддністрянщині. Тут також відзначені як румунські, так і молдавські (переважно) мовні впливи. Історія мовно-культурних взаємин українців і молдаван у цьому регіоні сягає кінця XIV ст. Саме в цей період молдавани освоюють межиріччя Пруту й Дністра (Сергиевский 1946: 338). Молдавська експансія на ці й прилеглі землі тривала і в наступні століття. Особливої інтенсивності переселення молдаван зі своєї етнічної території на лівобережжя Нижнього Дністра набуває в 2-й пол. XVIII ст., спричинене політикою Російської імперії, яка заохочувала переселенців на відвойовані від турків території (Тучинський 2007: 33). Отже, східнороманські запозичення в словникові українців Нижньої Наддністрянщини також історично зумовлені.

У сфері нашої уваги в пропонованому дослідженні гідроніми, у структурі яких відбиті східнороманські мовні елементи – цілісні лексеми, основи, афікси, а також назви гідрооб'єктів (генетично слов'янські, тюркські), адаптовані до східнороманської мовної системи.

Кількісно найбільшу групу назв у дністерському гідроніміконі із східнороманськими формальними ознаками становлять утворення, що постали способом онімізації відповідних географічних апелятивів (а також загальноновживаних лексем на позначення розміру, форми чи інших якісних ознак гідрооб'єкта) або трансонімізації суміжних топонімів (мікротопонімів, оронімів), похідних від лексем із переважно географічною семантикою. Ці слова (загальні назви) слід кваліфікувати як прямі запозичення в тих українських діалектах (буковинських, гуцульських, закарпатських, наддністрянських, степових), які безпосередньо контактували зі східнороманським мовним середовищем. Проілюструємо викладені міркування конкретними прикладами. У басейні Нижнього Дністра зафіксовано назву р. *Гирла* (вп. в оз. Катлабуг; Ізмаїльськ. р-н Одеськ. обл.; СГУ 1979: 131), що виникла лексико-семантичним способом на основі апелятива *гирла*, запозиченого зі східнороманських мов, пор. румун. *gîrlă* 'потік, відгалуження річки' (Герман 1973: 11). Споріднені власні географічні назви відзначені на Буковині¹ – мікротопонім *Гирла* (Чеховський 1996: 196), у Румунії топонім *Gîrla* (Jordan 1963: 120) й Молдові – гідронім *Гырла* (Еремия 1970: 60–61). Гідронім *Гермін* (б., бас. Дністра; с. *Гермону* Котовськ. р-ну Одеськ. обл. (СГУ 1979: 130); як *Гермон*, л. Тилігулу, бас. Дністра; Зеленко, Касім 1999а: 91) утворений на базі укр. діал. *germín*, *gиртóну* (у множині) 'яри, вибоїни' (ЕСУМ 1: 509), одеськ. *гиртón* 'назва частини села на горах, вибоїнах' (СУГО 2011: 52) < молд. *хыртон* 'вибоїна', румун. *hirtop* 'т. с.' (ЕСУМ 1: 509; Павлюк 1969: 77–78).²

1 Східнороманський внесок у буковинську топонімію досить значний, найповніше проявився в період XVI–XVIII ст. (Карпенко 1973: 214).

2 У слов'янському топоніміконі органічні назви на зразок укр. *Вермін* (бас. Дністра; с. Яблуниця Надвірнянськ. р-ну Івано-Франківськ. обл.; СГУ 1979: 98) < *вертѣн* 'печера; непрохідна ущелина; провалля; балка з болотом' < псл. *vьrtьrь (ЕСУМ 1: 35).

У гідроніміконі Дністра зафіксовано чимало романізмів, семантика основ яких мотивована різними ознаками (форма, розмір, смак, запах тощо). Назва б. *Ларга* (л. Кучургану л. Турунчука л. Дністра; Одеськ. обл.; ГНП 1981: 56) – результат української фонетичної адаптації молд. *ларгэ* ‘широка’ (ГНП 1981: 56–57) зі зміною молд. *э* > укр. *а* (Удлер 1967: 179), пор. ще топонімі паралелі: буковин. р. *Ларга* (л. Пруту л. Дунаю; Чернівецьк. обл.; СГУ 1979: 310), румун. топонім *Larga* (Jordan 1963: 114). Гідронім *Миндра* (б., л. Кошарки, пр. Кучургану л. Дністра; Одеськ. обл.; ГНП 1981: 62) < молд. *миндрэ* ‘гарна’ з дальшою зміною кінцевого молд. *э* > укр. *а*. Назва р. *Сарата* (вп. в лиман Сасик між рр. Прут і Дністер; смт *Сарата* Одеськ. обл.; СГУ 1979: 487) – адаптована на українськомовному ґрунті прикметникова форма від молд. *сэрат* ‘солоний’ – дериват із суфіксом *-ат-* (щодо інших утворень гідронімного рівня з цим формантом пор., наприклад, назву р. *Аленгата* в бас. Серету < молд. *ален-* ‘поволі’; Карпенко 1973: 23) від іменника *сарє* ‘сіль’ (Сергиевский 1946: 343). Топонімі аналоги поширені як в українських регіонах зі значним східнороманським мовно-культурним впливом – гідроніми *Сарата* в бас. Пруту (Івано-Франківськ. і Чернівецьк. обл.; СГУ 1979: 487), так і на території Румунії: численні топоніми *Sărata Baniului, La Sărata, Sărata-Coman, Poiana Sărata* та ін. (Jordan 1963: 125–126). З огляду на словотвірну структуру гідроніма *Сарата* й ареал споріднених утворень на території Румунії малопереконливою видається гіпотеза Р.М. Козлової про слов’янське походження назви *Сарата* < псл. **saratъ* < **sar-* < і.-е. **ser-* ‘текти, рухатися’. За версією дослідниці, молд. *сэрат*, румун. *sărat* – запозичення зі слов’янських мов (Козлова 2006: 205–206). Назва рр. *Стрімба* (1) л. Ворони п. Бистриці-Надвірнянської п. Бистриці п. Дністра; поч. у м. Надвірна; нп *Стрімба*, Лісна Тарновиця, Перерісль, Камінна та ін. Надвірнянськ. р-ну; Нижній Березів Косівськ. р-ну; 2) пр. Люшецького л. Свічі п. Дністра; с. Новошин Долинськ. р-ну Івано-Франківськ. обл.; СГУ 1979: 533). У цьому ж регіоні зафіксовано також ороніми *Стрімба* < місцевого *стрімба* ‘стрімка гора’ (Габорах 2008: 368), що може вказувати на вторинність гідроніма *Стрімба* стосовно відповідного ороніма. Однак ознака ‘крива’, відбита в румун. *strimb* ‘кривий’ (Hgabec 1950: 74, 139), може свідчити і про первинність гідроніма, як, до речі, вважав О.М. Трубачов (Трубачев 1968: 263), пор. у цьому контексті типологічно споріднені укр. гідроніми з основою *Крив-* у різних регіонах (СГУ 1979: 283–287).

У прикарпатській частині бас. Дністра відзначено ряд гідронімів, що виникли способом трансонімізації ідентичних назв орооб’єктів. Вони мотивовані відповідними географічними апелятивами. З цього приводу зауважимо, що східнороманські елементи в словникові населення досліджуваного регіону, крім інших тематичних груп, досить часто представлені в лексиці на позначення об’єктів гірського ландшафту. Це зумовлено тим, що географічна номенклатура безпосередньо характеризувала природне середовище перебування пастухів-волохів (Десницкая 2004: 302). Так, на відоронімне походження гідроніма *Грун* (потч., л. Стрия; с. Верхне Висоцьке Турківськ. р-ну Львівськ. обл.; Магіїв 1999: 18) вказує географічний апелятив *грун* ‘горб’, ‘горб на схилі гори’, який має фонетичний

варіант *грунь* ‘вершина гори’, ‘гірський хребет’, ‘гора, покрита лісом’ (Марусенко 1968: 225). Цю лексему вважають запозиченням із румунської мови (ЕСУМ 1: 606; Gołąb 1959: 300–307; Клепикова 1972: 93–94, 106). Щодо варіантності *z/r* у *грун(ь)/грунь*, то вона може свідчити про два періоди запозичення цього слова з румунської: 1) давніший (до XIII ст.), коли іншомовне *g* в українських (карпатських) і словацьких діалектах перейшло в *z*, *h*; 2) пізніший: іншомовне *g* було засвоєне в контактних із румунським середовищем українських діалектах як чуже й передавалося фонемою *r* (Gołąb 1959: 304–305). Очевидно, що укр. (карпат.) *грун(ь)* було запозичене зі східнороманських говорів ще до XV ст., оскільки після цього періоду, як зазначає Р.Я. Удлер, румунське *ñ* > *j* Удлер (1976: 31). Відомі також спроби з’ясувати походження карпатського оротерміна *грунь* і на слов’янському ґрунті (Герман 1973: 11; Куркина 1979: 53; Карпенко 2005: 19–20). Основним аргументом прихильників слов’янської генези лексеми *грунь* було її поширення в різних слов’янських мовах, зокрема в несуміжній із українськими карпатськими говорами російській, а також широкий ареал (понад 200) похідних топонімів у слов’янських Карпатах. Однак ареальний чинник не завжди вказує на питомість того чи іншого апелятива на певній території. Щодо гідронімів *Грунь*, відзначених на Лівобережній Україні, а також на території Росії (WRG I: 532–533), то ці назви постали на основі оротерміна *грунь*, перенесеного на лівий берег Дніпра внаслідок переселення українців із Прикарпаття в XIV–XV ст. (Стрижак 1965: 178–192). Етимологічний аналіз апелятива *грун(ь)* дає більше підстав уважати його румунізмом (< лат. **grunium* (Удлер 1976: 31) > рум. *grun* ‘свиняче рило’ (Gołąb 1959: 307), яке перейшло у сферу географічної термінології, набувши метафоричного значення ‘пагорб, узгір’я’,³ пор. ще топоніми *Grunjul* < *grunj* ‘шматок землі, брила’ на території Румунії; Iordan 1963: 30), аніж зближувати з псл. **grōda* (Герман 1973: 11). Викладене вище схиляє до думки, що географічний апелятив *грун(ь)* поширився в Східних Карпатах унаслідок волоської колонізації (Gołąb 1959: 306). Назва пот. *Магура* (п. Сигли п. Опору п. Стрия п. Дністра; с. Либохора Сколівськ. р-ну Львівськ. обл.; Матіїв 1999: 44) – трансонімізована форма суміжного ороніма *Магура* (с. Опорець Стрийськ. р-ну Львівськ. обл.; ОАІУМ) < географічного апелятива *магура* ‘висока гора’ (Марусенко 1968: 236) < румун. *măgură* ‘гора, височина, горб’ (ЕСУМ 3: 356), пор. ще топоніми *Мэгура* на території Молдови (Сергиевский 1946: 348) < молд. *мэгурэ* ‘гора, горб’ (ЕСУМ 3: 356).

В основі ряду топонімів, твірних для дністерських гідронімів, виокремлюємо лексеми, які з огляду на свою семантику характеризують не гірський рельєф, а місцевий тополандшафт. Гідронім *Сéкуль* (пот., пр. Рожанки п. Опору п. Стрия п. Дністра; с. Верхня Рожанка Сколівськ. р-ну Львівськ. обл.; СГУ 1979: 493) Я. Рудницький виводив від румун. *secul* ‘сухий’ (Рудницький 1962: 77). Однак таке пояснення неостаточне з погляду мотивації апелятивної семантики основи наведеної назви. На це вказує, зокрема, інше значення апелятива *секуль*, пор. молд. *секуль* ‘вік, століття’ (МРС 1961: 566) ~ ‘старий’. Очевидно, назва гідрооб’єкта

3 Стосовно схожого переосмислення семантики (частина тіла → географічне поняття) пор. псл. **rъть* ‘рот, дзьоб’ → ‘мис, виступ’ (ЕСУМ 5: 127).

Секуль вторинна щодо суміжного ороніма (пот. *Секуль* починається на схилі гори *Секуль*; SG X: 421), пор. ще споріднену назву пот. *Secul* у бас. р. Сучави (SG X: 421; р. *Сучава* тече в Україні (на Буковині) та Румунії), типологічно співвідносні стосовно мотивації ознакою ‘старий’ карпатські ороніми *Старá*, *Старій* (Габорак 2008: 360). Гідронім *Чербуль* (пот., п. Лімниці п. Дністра; с. Ясень Рожнятівськ. р-ну й смт Долина Івано-Франківськ. обл.; СГУ 1979: 603) Р.М. Козлова етимологізує в колі споріднених, на її думку, назв, як-от: блр. *Чербы*, рос. *Чербышева* – ойконіми, виокремлюючи в них спільну основу *Черб-* < псл. *čьrb- < і.-є. *(s)ker- ‘гнути, згинати’ (Козлова 1997: 125). На наш погляд, основа гідроніма *Чербуль* генетично не пов’язана з основою *Черб-* згаданих білоруського і російського ойконімів. Уважаємо, що гідронім *Чербуль* слід аналізувати в місцевій топонімній системі, у якій представлено також оронім *Чербуль* – дериват від рум. *cerb* ‘олень’ (Габорак 2010: 494), оформлений суфіксом-артиклем чол. р. *-ул(ь)*.⁴ На підтримку такої етимології наведемо українські прикарпатські ороніми відповідники з основою *Олен(ь)*: *Оленіяця*, *Олєнячий камінь* (Габорак 2008: 265).

Кількісно меншу групу, порівняно з відапелятивними і відтопонімними гідронімами східнороманського походження в бас. Дністра, становлять назви гідрооб’єктів, похідні від молдавських (румунських) власних особових назв. Здебільшого такі гідроніми позначали невеликі об’єкти, сигналізуючи про належність території, де вони локалізовані, певному власникові. Частина цих назв зазнала словотвірної адаптації на слов’янському ґрунті, на що вказує присвійний суфікс *-ов-* у їхньому складі. Інші гідроніми ілюструють східнороманську дериваційну модель, у якій присвійність може виражатися без характерних афіксів. Гідроніми *Дегусарове* (гирло, що з’єднує оз. Драган із Турунчуком л. Дністра; Одеськ. обл.; ГНП 1981: 29) < антропоніма *Дегусар* – фонетично адаптована форма від молд. *Декусарэ* (ГНП 1981: 29), *Драган* (оз. між Дністром і Турунчуком; поблизу с. Яськи Одеськ. обл.; ГНП 1981: 36) < антропоніма *Драган* < молд. *Дрэгану* (ГНП 1981: 36). У деяких дністерських гідронімах посесивність виражена східнороманськими формантами *-ул*, *-оя*, наприклад: *Дикул* (оз. між Миколаєвим і Арсівським гирлами Турунчука л. Дністра; біля с. Незавертайлівки Одеськ. обл.; ГНП 1981: 29) < антропоніма *Діку* + *-ул*, *Цуцуроя* (б., л. Липецької п. Тилігулу між рр. Дністер і Пд. Буг; Одеськ. обл.; Зеленко, Касім 1999: 101) < антропоніма *Țuțura* (Зеленко, Касім 1999: 101), оформленого суфіксом *-оая* > *-оя* в присвійно-відносній функції.

У кожному багатокультурному регіоні взаємодія різних мовних (діалектних) систем проявляється у взаємовпливах на різних структурних рівнях – фонетичному, лексичному, морфологічному. Яскравою ілюстрацією такого лінгвоконтактування є апелятивний і онімний словники. Щодо гідронімів і топонімів, то вони, входячи в поліетнічнмовну топонімну систему такого ареалу, зазнають фонетичної, морфологічної і словотвірної адаптації своєї структури до місцевих назв. У регіоні бас. Дністра виділяємо три групи гідронімів, у структурі яких у різній ком-

4 Означальний артикль *-ул(ь)* – органічний формант у складі румунських мікротопонімів, відзначених в Українських Карпатах (Обручар 2007: 40).

бінації поєдналися слов'янський, східнороманський і тюркський мовні (діалектні) елементи. Першу групу формують назви гідрооб'єктів із румунськими (молдавськими) твірними основами, оформлені слов'янськими афіксами. Це здебільшого суфікси *-ець*, *-ка*, *-ськ-*, які або підсилюють ознаку, виражену твірною основою, або вжиті в релятивній функції. Гідронім *Пантірець* (пот., л. Дурнинця п. Гропенця л. Бистриці-Надвірнянської л. Бистриці п. Дністра; тече в уроч. *Пантері*; с. Зелена Надвірнянськ. р-ну і с. Розтоки Косівськ. р-ну Івано-Франківськ. обл. (СГУ 1979: 411), пол. форма *Panterec*; SG VII: 846) утворений суфіксальним способом від контактного мікротопоніма *Пантері*: *Пантірець* < *Пантері* + *-ець*. Мікротопонім *Пантері*, а також споріднені ороніми *Пантір* (с. Бистриця Надвірнянськ. р-ну; сс. Микуличин Яремчанськ. м/р, Білі Ослави Надвірнянськ. р-ну), *Пантіреши* (сс. Брустури, Шепіт Косівськ. р-ну Івано-Франківськ. обл.) мають румунський етимон – географічний апелятив *panță* ‘схил, спад, укіс’ (Габорак 2008: 271). У гідронімі-словосполученні *Томна́тицький Звір* (пот., пр. Лужанки, бас. Дністра; с. Лужки Долинськ. р-ну Івано-Франківськ. обл.; СГУ 1979: 568) привертає увагу (в контексті порушеної проблематики) агрибутив *Томна́тицький* – дериват із суфіксом *-ськ-* (зі значенням відносності) від суміжного ороніма *Томнатик* < румун. *tomnatic* ‘осінній’ (Hrabec 1950: 167). Семема ‘осінній’ характеризувала поняття ‘гірське (осіннє) пасовище’, пор. ще споріднені відтопонімні гідроніми *Томна́тик* у бас. Серету й Тиси (СГУ 1979: 568). Гідронім *Кримпу́лька* (б., л. Карабану л. Кошарки л. Дністра; Одеськ. обл.; ГНП 1981: 53) має топонімну паралель – назву с. *Кримпу́лька* (Фрунзівськ. р-н Одеськ. обл.). Аналіз морфемної структури цих назв дає змогу виділяти основу *Кримпул(ь)*, ускладнену суфіксом *-ка*. Етимологію твірного *кримпул(ь)* допомагає з'ясувати лексика східнороманських мов, як-от молд. *крьмпей* ‘обривок’ (MPC 1961: 323) < *крьмп-*, значення якого, очевидно, мотивоване дією *рвати*. З огляду на це семантику твірного *кримпул(ь)* < *кримп* + *-ул(ь)* відновлюємо як *‘балка з обривистими берегами’, пор. споріднений щодо такої мотивації апелятив укр. *обрів* ‘стрімкий берег’ (Марусенко 1968: 238–239). У цьому разі ойконім *Кримпу́лька* вторинний стосовно відповідного гідроніма.

До другої групи належать гідроніми, що сформувалися на слов'янському мовному ґрунті, але зазнали структурної (фонетичної і словотвірної) адаптації з боку контактних румунської і молдавської мов. Назва р. *Булата* (л. Кайнари л. Реуту п. Дністра; кол. Сороцьк. пов. Бессарабськ. губ.; WRG I: 226) має варіант *Болата* (Еремия 1990: 74), промовистий щодо встановлення етимології потамоніма. Малоймовірний зв'язок річкової назви *Булата* з укр. *була́т* ‘гартована сталь, шабля’ (ЕСУМ I: 289) чи молд. *була́т* ‘бондарський ніж’ (MPC 1961: 96) через логічну неузгодженість понять ‘вода (течія, річка)’ і ‘сталь (виріб із сталі)’. На наш погляд, первісний гідронім *Болата* (*Булата* < *Болата* внаслідок лабіалізації *o > u* під впливом попереднього губного) – романізована форма від укр. *болото* < псл. *bolto, тобто *Болата* – фонетично видозмінений слов'янський (український) гідронім на території Молдови. Гідронім *Зборшо́ра* (р., л. Збори л. Болохівки л. Сівки п. Свічі п. Дністра; с. Збора Калуськ. р-ну Івано-Франківськ. обл.; СГУ 1979: 209) О.М. Трубачов відносив до назв із східнороманським оформленням,

виділяючи в ньому суфікс *-шора* (Трубачев 1968: 159). Таке пояснення, правильне за своєю суттю, потребує все-таки певного уточнення й доповнення. По-перше, формант *-шора* (вказував на зменшену ознаку) функціонує як у молдавській, так і в румунській мові (румун. *-șoara*; Vrabie 2001: 81; Думін 1969: 157). У топонімії Прикарпаття в межах Івано-Франківщини помітний саме румунський вплив, а не молдавський. Тому некоректно виділяти в прикарпатській назві *Зборшора* молд. формант *-шора*. По-друге, твірною основою гідроніма *Зборшора* є контактна назва р. *Збора*, яку, на противагу М.М. Габоракові (пояснює *Збора* від румун. *zbiera* ‘ревіти’; Габорак 2010: 174), вважаємо онімізованою формою від апелятива *збір* (> *збора* внаслідок узгодження номена *збір* з родовою назвою *річка*) < *сьборь ‘річка, яка збирає воду’, пор. споріднений гідронім *Збір* у бас. Верхн. Дністра на Львівщині (СГУ 1979: 209). Назва р. *Реуцель* (п. Реуту п. Дністра; варіант *Реуцел*; Еремия 1970: 63) виникла внаслідок трансформації первісного *Рэутулуй* (Еремия 1970: 63) з дальшими фонетичними змінами на ґрунті молдавської мови. *Рэутулуй* – утворення з демінутивним суфіксом *-луй* від слов’янського за походженням гідроніма *Реут*, в основі якого архаїчний (у нейотованій формі) дієприкметник теп. часу *реутъ* (пор. рос. діал. *реут* ‘стара назва дзвону’; Фасмер III: 476) < псл. *revqъ (Трубачев 1968: 220) < *revQ, **r’uti*.

У складі третьої групи аналізуємо гідроніми з генетично тюркськими (татарськими) основами, словотвірно оформленими в східнороманському мовному оточенні. Назва пот. *Кайнарулуй* (нижче Ботни п. Дністра; с. *Кайнари* кол. Бессарабськ. губ.; WRG II: 189–190) співвідносна із суміжним ойконімом *Кайнари* і гідронімом *Кайнара* (р., п. Ботни п. Дністра; WRG II: 189), що дає підстави кваліфікувати гідронім *Кайнарулуй* як утворення з молд. демінутивним суфіксом *-луй* від тюркського за походженням гідроніма *Кайнара*. На це вказують як етимологічно споріднені гідроніми в межах Центральної України – рр. *Кайнар*, *Кайнара* в бас. Пд. Бугу (СГУ 1979: 228), так і на тюркськомовних теренах: рр. *Кайнар* у Киргизії, Казахстані й Туреччині (Мурзаев 1984: 241–242). Наведені потамоніми постали лексико-семантичним способом від географічного апелятива тюрк. *кайнар* ‘джерело’ (Мурзаев 1984: 241–242) < д.-тюрк. *qajnar* ‘річка, що вирує’ (ДС 1969: 407–408). Гідронім *Кулишора* (р., пр. Кули л. Реуту п. Дністра; кол. Бельцьк. пов. Бессарабськ. губ.; WRG II: 603) похідний за допомогою східнороманського суфікса *-шора* (див. вище) від контактного гідроніма *Кула*. О.М. Трубачев етимологізував цю назву у зв’язку з тюрк. *kul* ‘рука’ (Трубачев 1968: 139), не розкриваючи деталей мотивації семантики гідронімооснови *Кул*. Погоджуємося з дослідником щодо тюркської генези назви *Кула*, але вважаємо, що її етимон слід пов’язувати не з тюрк. *kul* ‘рука’, а з тюрк. *кула* ‘сповзати, перестрибувати’, ‘кидати донизу’, ‘сковзати, плисти’ (Радлов II: 968) на позначення характерних ознак течії гідрооб’єкта. Менш імовірний зв’язок гідроніма *Кула* з тюрк. *кула* ‘жовто-сірий’, ‘гнідий’ (про масть коня) (Радлов II: 967), оскільки цей прикметник вживається на позначення масті коней, а не кольорового відтінку води чи берегового ґрунту, наприклад: *кула ат* ‘буланий кінь’, *курт кула* ‘гнідий кінь із сірими плямами’ (Радлов II: 967–968).

У бас. Дністра відзначено також гідроніми, які не мають однозначної етимології. З одного боку, їх можна кваліфікувати як романізми, а з другого – як давні слов'янізми або ж тюркізми. І в першому, і в другому випадках ці назви гідрооб'єктів зазнали, напевно, адаптації своєї структури до топонімної системи того мікроареалу, у якому відбувалося їх становлення. Назва б. *Реїна* (п. Чорної Долини, бас. Дністра; Одеськ. обл.) відзначена в «Атласе новоприобретенной области от Порты Оттоманской и присоединенной к Екатеринославскому наместничеству» (близько 1791 р.) у формі *Реина* (ГНП 1981: 72). На думку авторів «Гідронімії Нижнього Подністров'я», гідронім *Реїна/Реина* може відбивати неповний запис молд. *реынноит* 'відновлений' (ГНП 1981: 72). Таке пояснення малопереконливе з огляду на: 1) гіпотетичність неповного запису молд. *реынноит* як *реын-* і утворення на базі цього структурного елемента гідроніма *Реїна*; 2) незрозумілість мотивації семантики гідронімооснови *Реїн-* ознакою 'відновлена'. Принаймні таке тлумачення доонімного змісту назви гідрооб'єкта не підтверджують споріднені потамоніми. У зв'язку з цим гідронім *Реїна*, якщо це, звичайно, графічно не спотворена назва, можна етимологізувати як даній слов'янізм у бас. Нижнього Дністра, припускаючи його постання з псл. **rějina* (< **rějati* 'штовхати, гнати', пор. д.-рус. *рѣяти* 'штовхати, розштовхувати, відганяти'; ЕСУМ 5: 98). Голосний *e* в корені гідроніма *Реїна* (псл. **ě* > укр. *i*, за винятком деяких діалектів) можна пояснити або впливом російської мови (гідронім зафіксовано в російському джерелі), у якій **ě* > *e*, або фонетичною адаптацією на східнороманському ґрунті, пор. гідронім *Ренескурт* у бас. Нижнього Дністра, перший компонент якого *Рене-* Ю.О. Карпенко виводив від д.-рус. *рѣнь* 'мілина, низький берег' > *рен-* у східнороманському мовному середовищі ще до переходу *ъ* > *i* в українській мові (Карпенко 1986: 38). Таким чином, *Реїна* (*Реина*) < **rějina* на позначення швидкої течії річки. З огляду на зазначене припускаємо, що в минулому балка *Реїна* була річкою зі швидкою течією. Етимологічний зв'язок гідроніма *Реїна* з рос. діал. *реина* 'шибениця' (СРНГ 35: 43) малоімовірний із семантичних міркувань. Гідронім *Саполій* (пот., л. Мизунки л. Свічі п. Дністра; Івано-Франківськ. обл. (СГУ 1979: 487); варіанти *Sapolei*, *Sopolei*; SG X: 305) з погляду структури можна трактувати як східнороманський (румунський) за походженням. На це вказує як етимологічно незрозуміла на слов'янському ґрунті основа *Сапол-/Сопол-* (зв'язок зі слов'янською лексикою, похідною від основи **sopěl-* (пор. укр. діал. *сопілка* 'місце, яке не замерзає') < **sopěti* 'сопіти' (ЕСУМ 5: 535) малопереконливий через структурно-фонетичні причини), так і поширеність у східнороманському топоніміконі утворень із суфіксом *-iŷ/-ia* (Думін 1969: 157). Формально гідронімооснову *Сапол-* можна порівнювати з румун. *sapă* 'мотика; обкопування, прополювання', точніше із суфіксально розширеною формою *sapăliga* 'мотика, кирка' (РУС 1964: 408), відновлюючи імовірну семантику ***'потік із перекопаним річищем', пор. споріднені укр. гідроніми *Перекін* у бас. Середн. Дністра, Тиси, Тетерева, *Перекóпана* в бас. Дніпра (СГУ 1979: 416). Однак така етимологія, як слушно зауважує М.М. Габора, неостаточна (щоправда, автор не пропонує альтернативного пояснення; Габора 2010: 405). На думку, В.Е. Орла, прикарпатський гідронім *Саполій* – це

назва з трансформованою структурою, що розвинулася з первісного **sqpolьje* > рос. діал. *суполье* ‘сусіднє поле’, пор. ще споріднений пол. гідронім *Sapolna* (Орел 1993: 159). Таке пояснення можливе, проте потребує певної аргументації. По-перше, слід пояснити, чому псл. *q* > *o* в префіксальному **sq-* (у такому разі базова форма *Сополій*). По-друге, з’ясувати причини реалізації *-ьj-* > *-ий-*. Рефлексія *q* > *o* можлива, якщо припускати деетимологізацію основи і зближення її з якимось зовні схожим словом, пор., наприклад, гідронім *Соболь* у бас. Дністра, який О.М. Трубачов зводив до псл. **sqbol-* < **bolto* (Трубачев 1968: 263). У разі еволюції гідроніма *Сополій* із **Суполье* важко визначити таку співзвучну лексему. Фонетична зміна *-ьj-* > *-ий* могла відбутися під впливом східнороманських утворень із суфіксом *-ий* (див. вище). М.М. Габорах фіксує для гідроніма *Сополій/Сополій* також варіант *Санотей* (Габорах 2010: 405), що уможливорює й іншу етимологію цієї назви – як видозміненої на східнороманському ґрунті форми від укр. *Сонім* (пор., наприклад, гідронім *Сонім* – пот., п. Стрия п. Дністра; с. *Сонім* Сколівськ. р-ну Львівськ. обл.; СГУ 1979: 521) < *Соноть* < псл. **sopotъ* ‘джерело, струмок’ (Трубачев 2003: 141). Назву р. *Скиноса* (л. Когильника, вп. в лиман Сасик між рр. Прут і Дністер; Одеськ. обл.; варіанти *Скиноаса*, *Скинос*; СГУ 1979: 507) М.В. Сергієвський відносив до генетично молдавських гідронімів (Сергиевский 1946: 335), не розкриваючи, щоправда, її етимона. А. Єремія також пояснював цю назву на східнороманському мовному ґрунті, пов’язуючи її з молд. *скин* < *стин* ‘колючка; чортополох’ (Єремія 1970: 68). Таке тлумачення базоване, очевидно, на діалектній фонетиці молдавської мови, у якій відбито субституцію *к* < *к’* < *п* (Удлер 1967: 179). Однак східнороманська етимологія гідроніма *Скиноса* неостаточна, оскільки його можна аналізувати і як адаптовану в молдавськомовному оточенні давнішу тюркську (ногайську) назву гідрооб’єкта *Эски-Онус* (Харьюков 1974: 42) > *Скинос* (див. вище варіант *Скинос*), пристосовану до утворень із фіналлю *-оасэ* – показник жін. р. щодо форм на *-ос*, пор., наприклад, молд. *петрос* (чол. р.) – *петроасэ* (жін. р.; МРС 1961: 461). Топонім *Эски-Онус* слід розглядати в колі структурно споріднених кримськотатарських назв із першим компонентом *eski* ‘старий’: м. *Eski Qirim* (*Старий Крим*), сс. *Eski-Алікеч*, *Eski-Джабач* та ін. (Бушаков 2003: 104).

Етимологічний аналіз гідронімів басейну Дністра, сформованих унаслідок східнороманського впливу на словник місцевого українського населення Прикарпаття й Нижньої Наддністрянщини та прилеглих територій, дав змогу виокремити сім структурно-семантичних типів назв гідрооб’єктів: 1) гідроніми, мотивовані відповідними східнороманськими апелятивами з географічною семантикою, а також загальноновживаними лексемами, що характеризують форму гідрооб’єкта, кольоровий відтінок води, берегового ґрунту тощо: *Балта*, *Бульбонія*, *Бурбонія*, *Брезой*, *Бряза*, *Гирла*, *Гертін*, *Гладиш*, *Лак*, *Ларга*, *Миндра*, *Пуцита*, *Сарата*, *Скурта*, *Сальча*, *Стримба*, *Тятра*, *Фонтан*, *Фрасине* та ін.; 2) відтопонімні гідроніми: *Барабой*, *Грун(ь)*, *Кетрос*, *Кетроса*, *Магура*, *Секуль*, *Тусуль*, *Царилунга*, *Чербуль*, *Шептередюр* та ін.; 3) відантропонімні гідроніми (мотивовані східнороманськими особовими назвами): *Боборязове*, *Гарасимос*,

Гингурянове, Дегусарова, Драган, Жікулова, Кантемир, Катирева, Пражелова, Рапанова, Ставрова, Темуш, Цуцуроя та ін.; 4) гідроніми зі східнороманськими твірними основами, оформленими слов'янськими афіксами: *Копачанка, Кримпулька, Пантирець, Пугайна, Томнатицький (Звір), Царинка* та ін.; 5) генетично слов'янські назви гідро- і суміжних топооб'єктів, структурно (фонетика, морфологія, словотвір) адаптовані на східнороманському мовному ґрунті: *Болата, Броничара, Зборшора, Корманул, Крухля, Реуцель* та ін.; 6) генетично тюркські гідроніми (топоніми), на формальній структурі яких позначився східнороманський мовний вплив: *Кайнарулуй, Кулишора, Козлита* та ін.; 7) етимологічно неоднозначні гідроніми: *Прадина, Реїна, Саполій, Скиноса*. Результати дослідження цих гідронімів уможливають такі висновки: 1) значна частина аналізованих назв постала на базі прямих запозичень східнороманських (румунських і молдавських) мовних елементів у контактних українських говорах Карпатського регіону (здебільшого буковинських і гуцульських) й межиріччя Пруту й Нижнього Дністра. Це своєрідні лексико-семантичні інновації в місцевій (переважно слов'янській у прикарпатській частині Дністра) топонімній системі, джерелом яких стало східнороманське мовне середовище; 2) ряд гідронімів можна кваліфікувати як гібридні, у структурі яких відбиті слов'янські й східнороманські мовні елементи або генетично тюркські й східнороманські; 3) у складі цілісного гідронімікону бас. Дністра відсоток східнороманських і адаптованих на східнороманському ґрунті назв незначний (близько 150), хронологічні межі становлення яких можна окреслити в прикарпатській частині Дністра періодом XIII–XVIII ст. (до XIII ст. у цьому регіоні компактних зон поширення румунської мови не було; Шевельов 2002: 988), у межиріччі Пруту й Нижнього Дністра – кін. XIV – XVIII ст.

Література. Джерела

- БУШАКОВ, Валерій (2003) *Лексичний склад історичної топонімії Криму*. Київ: Ін-т сходознавства.
- ГАБОРАК, Мирослав (2008) *Назви гір і полонин Івано-Франківщини. Словник-довідник. Вид. 2-ге, доп., уточн.* Івано-Франківськ: Місто НВ.
- ГАБОРАК, Мирослав (2010) *Гідронімія Івано-Франківщини. Етимологічний словник-довідник. Вид. 2-ге, доп., переробл., уточн.* Івано-Франківськ: Місто НВ.
- ГЕРМАН, Костянтин (1973) «Оронимы-карпатизмы в украинских говорах Северной Буковины.» У: *Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.): Тезисы докл. и сообщ.*/Отв. ред. С.Б. Бернштейн. Москва: Наука, 10–11.
- ГЕРМАН, Костянтин (2010) «Українсько-романські міждіалектні взаємини в говірках Буковини.» У: *Діалектологічні студії. 9: Запозичення та інтерференція*/ред. П. Гриценко, Н. Хобзей. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 36–44.

- ГНП (1981) *Гідронімія Нижнього Подністров'я*/Ред. Ю.О. Карпенко. Київ, Одеса: Вища школа.
- ДЕСНИЦКАЯ, Агния (2004) «Балканизмы в лексике языков карпатского ареала.» В: Десницкая А.В. *Сравнительное языкознание и история языков (изд. 2-е, испр.)*. Москва: Едиториал УРСС, 295–317.
- ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Йосип (1959) «Вівчарська лексика говорів Закарпатської області.» У: *Доповіді та повідомлення Ужгородського держ. ун-ту. Серія філологічна. №4*. Ужгород: В-во Ужгородськ. нац. ун-ту, 107–112.
- ДС (1969) *Древнетюркский словарь*/В.М. Наделяев и др. Ленинград: Наука.
- ДУМІН, Богдан (1969) «До топонімії Українських Карпат.» У: *Питання географії Українських Карпат. Географічний збірник № 9*. Львів: Львів. держ. ун-т ім. І. Франка, 155–161.
- ЕРЕМІЯ, Анатолій (1970) *Нумэ де локалитэць. Студіу де топонимие молдовеняскэ*. Кишинэу: Штиинца.
- ЕРЕМІЯ, Анатолій (1990) *Географические названия рассказывают. – 2-е изд., перераб. и доп.* Кишинев: Штиинца.
- ЕСУМ (1982–2012) *Етимологічний словник української мови: В 7 т./Ред. О.С. Мельничук. Т. 1–6*. Київ: Наукова думка.
- ЗЕЛЕНКО, Лариса, КАСІМ, Галина (1999) «Словник гідронімів верхньої частини басейну Тилігулу.» У: *Записки з ономастики. Вип. 1/Ред. Ю.О. Карпенко*. Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 92–104.
- ЗЕЛЕНКО, Лариса, КАСІМ, Галина (1999а) «Гідронімія нижньої частини басейну Тилігулу.» У: *Записки з ономастики. Вип. 3/Ред. Ю.О. Карпенко*. Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 88–103.
- КАРПЕНКО, Юрій (1973) *Топонімія Буковини*. Київ: Наукова думка.
- КАРПЕНКО, Юрий (1986) «Проблема древнерусских гидронимов в бассейне Нижнего Днестра.» У: *Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах/Ред. В.В. Німчук*. Київ: Наукова думка, 34–40.
- КАРПЕНКО, Юрій (2005) «Етнічна історія Українських Карпат за даними гідронімії та оронімії.» У: *Студії з ономастики та етимології. 2005/Ред. В.П. Шульгач*. Київ: Академперіодика, 63–79.
- КЛЕПИКОВА, Галина (1972) «О карпатоукраинской терминологии горного ландшафта.» У: *Карпатская диалектология и ономастика/Ред. Г.П. Клепикова*. Москва: Наука, 51–117.
- КЛЕПИКОВА, Галина (1976) «Функционирование и генезис пастушеской терминологии в славянских говорах Карпатского ареала (на украинском диалектном материале).» У: *Карпатский сборник: Труды Междунар. комисии по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей*. Москва: Наука, 22–26.
- КЛЕПИКОВА, Галина (2007) «Межъязыковое влияние в Карпато-Балканском ареале.» У: *Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект/Ред. Т.И. Вендина*. Москва: Инст. славяноведения РАН, 301–350.

- КОЗЛОВА, Раиса (1997) *Структура праславянського слова (Праславянське слово в генетическому гнезді)*. Гомель: Гомельський гос. ун-т ім. Ф. Скорини.
- КОЗЛОВА, Раиса (2006) *Славянська гідронимія. Праславянський фонд. Т. IV*. Минск: ІООО «Право і економіка».
- КУРКИНА, Любов (1979) «Названня горного рельєфу (на матеріалі южнославянських мов)» У: *Етимологія. 1977*/Ред. О.Н. Трубачев. Москва: Наука, 39–54.
- МАРУСЕНКО, Татяна (1968) «Матеріали к словарю українських географічних апелятивів (названня рельєфів)» У: *Полесьє: Лінгвістика. Археологія. Топоніміка*/Ред. Н.И. Толстой, В.В. Мартынов. Москва: Наука, 206–255.
- МАТІЇВ, Микола (1999) *Словник гідронімів басейну ріки Стрий*. Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво.
- МРС (1961) *Молдавско-русский словарь*/А.Т. Борщ и др. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.
- МОХОВ, Николай (1978) *Очерки истории формирования молдавского народа*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.
- МУРЗАЕВ, Эдуард (1989) *Словарь народных географических терминов*. Москва: Мысль.
- ОАІУМ *Ономастичний архів Інституту української мови НАН України*. Київ
- ОБРУЧАР, Аліна (2007) «Мікротопонімія Українського Потисся у її взаєминах з ономастикою суміжних ареалів» У: *Науковий вісник Чернівецького ун-ту. Слов'янська філологія*/Наук. ред. Б.І. Бунчук. Вип. 356–359. Чернівці: Чернівецьк. нац. ун-т, 36–41.
- ОРЕЛ, Владимир (1993) «Гидронимия славяно-восточнороманского пограничья: бассейн Днестра.» У: *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988–1990*/Отв. ред. В.В. Иванов. Москва: Наука, 156–166.
- ПАВЛЮК, Е. (1969) «Українсько-молдавська взаємодія в географічній термінології на Буковині.» У: *IV Республ. ономастична конференція: Тези*/Відп. ред. К.К. Цілуйко. Київ: Наукова думка, 76–78.
- РАДЛОВ, Василий (1893–1911) *Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- РУДНИЦЬКИЙ, Ярослав (1962) *Географічні назви Бойківщини (вид. 2-ге)*. Вінніпег: Накладом УВАН.
- РУС (1963) *Румунсько-український словник*. Бухарест: Учбово-педагогічне в-во.
- СГУ (1979) *Словник гідронімів України*/Ред. А.П. Непокупний та ін. Київ: Наукова думка.
- СЕРГИЕВСКИЙ, Максим (1946) «Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории.» У: *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 4*. Москва: Изд-во АН СССР, 333–350.
- СРНГ (1966–2013) *Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46*/Ред. Ф.П. Филин и др. Москва, Ленинград, Санкт-Петербург: Наука.
- СТРИЖАК, Олексій (1965) «Полтавсько-слобожанські ґруні.» У: *Територіальні діалекти і власні назви*/Ред. К.К. Цілуйко. Київ: Наукова думка, 178–192.

- СУГО (2011) *Словник українських говорів Одещини*/Ред. О.І. Бондар. Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова.
- ТРУБАЧЕВ, Олег (1968) *Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этнолическая интерпретация*. Москва: Наука.
- ТРУБАЧЕВ, Олег (2003) *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования (изд. 2-е, дополн.)*. Москва: Наука.
- ТУЧИНСЬКИЙ, Віталій (2007) *Молдавани Півдня України з найдавніших часів до початку ХХ ст.* Вінниця: О. Власюк.
- УДЛЕР, Рубин (1967) «Инфлуенце речипроче молдо-украинене ын райоанеле перифериче.» У: *Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения*/Ред. С.Г. Бережан и др. Кишинев: Штиинца, 170–179.
- УДЛЕР, Рубин (1976) «Значение восточнороманского языкового элемента в ‘Общекарпатском диалектологическом атласе’.» У: *Общекарпатский диалектологический атлас. Лингвистические и этнографические аспекты*/Ред. С.Б. Бернштейн. Кишинев: Штиинца, 27–36.
- ФАСМЕР, Макс (1964–1973). *Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV*/Перевод с нем. О.Н. Трубачева. Москва: Прогресс.
- ХАРЮКОВ, А. (1974) «Татаро-ногайская топонимия Буджака (Советская Придунайщина).» У: *Питання ономастики Південної України: Доповіді та повідомлення V Міжвуз. ономастичної конференції (Миколаїв, травень 1974 р.)*/Відп. ред. К.К. Цілуйко. Київ: Наукова думка, 40–43.
- ЧЕХОВСЬКИЙ, Ігор (1996) *Мікротопонімія Чернівецької області в історичному аспекті*/Дисертація наук. ступеня канд. істор. наук. Чернівці.
- ШЕВЕЛЬОВ, Юрій (2002) *Історична фонологія української мови*/Перекл. з англ. С. Вакуленко, А. Даниленко. Харків: Акта.
- GOŁĄB, Zbigniew (1959) «Karpacki grun.» У: *Onomastica. R. V. Z. 2*, 293–309.
- HRABEC, Stefan (1950) *Nazwy geograficzne Huculszczyzny*. Kraków: Pol. Akad. Umiejętności.
- IORDAN, Jorgu (1963) *Toponimia Rominească*. București: EARPR.
- SG (1880–1902) *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów Słowiańskich. T. I–XV*. Warszawa: Nakł. F. Sulimierskiego, W. Walewskiego.
- VRABIE, Emil (2001) *Etimologii românești și străine*. București: Editura Univers Enciclopedic.
- WRG (1961–1969) *Wörterbuch der Russischen Gewässernamen*/Begr. von M. Vasmer. Bd. I–V. Berlin, Wiesbaden: Otto Harrasowitz.

Аннотація
СЛОВ'ЯНСЬКО-СХІДНОРОМАНСЬКА ВЗАЄМОДІЯ В ГІДРОНІМІЇ
БАСЕЙНУ ДНІСТРА: ОРИГІНАЛЬНІ НАЗВИ ТА СТРУКТУРНО
АДАПТОВАНІ УТВОРЕННЯ

У пропонованій статті досліджено гідроніми басейну Дністра, у структурі яких відбиті східнороманські мовні елементи – цілісні лексеми, основи, афікси, а також назви гідрооб'єктів (генетично слов'янські, тюркські), адаптовані до східнороманської мовної системи. Особливу увагу акцентовано на кількісно найбільшій групі назв із східнороманськими формальними ознаками, що постали способом онімізації відповідних географічних апелятивів (а також загальноживаних лексем на позначення розміру, форми чи інших якісних ознак гідрооб'єкта) або трансонімізації суміжних топонімів (мікротопонімів, оронімів), похідних від лексем із переважно географічною семантикою. На підставі етимологічного аналізу східнороманського фрагмента дністерського гідронімікону зроблено висновок, що тривалі українсько-молдавські й українсько-румунські взаємини позначилися не лише на східнороманських запозиченнях в апелятивний словник української мови, але й на становленні топонімікону в ареалі басейну Дністра, найбільшою мірою в його нижній частині. Щоправда, відсоток східнороманських і адаптованих на східнороманському ґрунті гідронімів незначний (близько 150), хронологічні межі становлення яких можна окреслити в прикарпатській частині Дністра періодом XIII–XVIII ст., у межиріччі Пруту й Нижнього Дністра – кін. XIV – XVIII ст.

Ключові слова: волоська колонізація, географічний апелятив, гідронім, етимологія, українсько-молдавські та українсько-румунські контакти, фонетична, морфологічна, семантична адаптація структури гідронімів

Abstract
SLAVIC AND EASTERN ROMANCE INTERACTION IN THE HYDRONYMY
OF THE DNIESTER RIVER BASIN

The article describes Slavic and Eastern Romance language contact in the Dniester river basin. We investigate the etymology of the hydronyms that have Eastern Romance (Romanian and Moldavian) language elements in their structure. We analyze how water bodies' names (Slavic and Turkic) were adapted in the Eastern Romance linguistic system. It should be stressed that the number of Eastern Romance names as well as names which were adapted to Eastern Romance in the composition of hydronymy the Dniester river basin is insignificant (about 150). The chronological boundary of the formation of these names in the Carpathian part of the Dniester basin is the period from the thirteenth to the eighteenth centuries and the fourteenth to the eighteenth centuries for the area between the Prut and the Lower Dniester.

Keywords: hydronymy, the Dniester, Slavic and Eastern Romance language interaction, Wallachian colonization of Eastern Carpathians

Povzetek

SLOVANSKO-VZHODNOROMANSKI MEDSEBOJNI VPLIV V HIDRONIMIJI DNESTRA: IZVIRNA IMENA IN STRUKTURNO ADAPTIRANE TVORJENKE

V prispevku so obravnavani hidronimi porečja Dnestra, ki v svoji strukturi odražajo vzhodnoromanske jezikovne prvine: celotni leksemi, osnove, afiksi, obenem pa tudi imena vodnih objektov (genetsko slovanska, turko-tatarska), prilagojena vzhodnoromanskemu jezikovnemu sistemu. Posebna pozornost je posvečena največji skupini imen z vzhodnoromanskimi formalnimi značilnostmi, ki so nastala z onimizacijo ustreznih geografskih apelativov (pa tudi splošno rabljenih leksemov za zaznamovanje velikosti, oblike ali drugih kakovostnih značilnosti vodnega objekta) ali s transonimizacijo bližnjih toponimov (mikrotoponimov, oronimov), izpeljanih iz leksemov s pretežno geografsko semantiko. Na podlagi etimološke analize vzhodnoromanskega fragmenta dnestrskega hidronimikona je ugotovljeno, da so se dolgotrajni ukrajinsko-moldavski in ukrajinsko-romunski stiki odrazili ne le na vzhodnoromanskih izposojenkah v apelativnem fondu ukrajinskega jezika, temveč so vplivali tudi na oblikovanje toponimikona v porečju Dnestra, še zlasti v njegovem spodnjem delu. Delež vzhodnoromanskih in na vzhodnoromanski podlagi adaptiranih hidronimov resda ni velik (okrog 150 enot), kronološke meje njihovega nastanka pa je v prikarpatskem delu Dnestra mogoče postaviti v obdobje 13.–18. stoletja, v medrečju Pruta in Spodnjega Dnestra pa med koncem 14. in 18. stoletjem.

Ključne besede: hidronimija, Dnester, slovanski in vzhodnoromanski jezikovni stiki, vlaška kolonizacija vzhodnih Karpatov

DEUTSCH-SLAWISCHER SIEDLUNGS- UND SPRACHKONTAKT IM GEBIET ZWISCHEN SAALE UND NEISSE – VORGESTELLT AN AUSGEWÄHLTEN ORTSNAMEN (SIEDLUNGSNAMEN)

1. UNTERSUCHUNGSGEBIET

Saale und Elbe bilden im wesentlichen die westliche Begrenzung des ehemals kompakten altsorbischen Sprachgebietes.¹ Im Norden schließt das Altsorbische an das Altpolabische,² im Osten und Südosten an das Polnische und Tschechische an.

Für die Sprache der aus mehreren Stämmen bestehenden slawischen Siedler wird als verallgemeinernder Terminus *Altsorbisch* verwendet, obwohl für die Zeit der Besiedlung der Gebiete zwischen Saale/Elbe im Westen und Neiße (genauer Bober [poln. Bóbr]/Queis [poln. Kwisa]) im Osten eher von altsorbischen Dialekten zu sprechen ist.³ In diesem Sinne des Terminus *Altsorbisch* sind auch die für die Ortsnamen (ON) rekonstruierten altsorbischen (aso.) Grundformen sowie ihre appellativischen und anthroponymischen Ableitungsbasen zu verstehen.

---

* Industriestrasse 36, 04299 Leipzig, Deutschland; ingebily@t-online.de

- 1 Zu den Grenzen des altsorbischen Sprachgebietes vgl. Eichler (1965: 13–35), Mucke (1904) und Schuster-Šewc (1977a). – Aus archäologischer Sicht sind besonders die Untersuchungen Herrmanns (1986, 1988) zu vergleichen.
- 2 Vgl. Trautmann (1948–1956, 1950²) sowie Bathe/Fischer/Schlimpert (1970, 1971). Weiterhin sei auf eine Karte hingewiesen, die die sorbisch-polabische Sprachgrenze zeigt, vgl. in: J. Herrmann (Hg.) (1985), Kap. „Sprachen und Dialekte“, von Ernst Eichler und Teodolius Witkowski, S. 52, Abb. 14.
- 3 Zur Stellung des Altsorbischen innerhalb des Slawischen, besonders des Westslawischen und seiner Weiterentwicklung bis hin zur heutigen dialektalen Gliederung des Ober- und Niedersorbischen sind besonders die Untersuchungen von Schuster-Šewc (1991, 1972, 1982, 1977b, 1994b) zu vergleichen, weiterhin die Arbeit von Schaarschmidt (1998) und der Sorbische Sprachatlas sowie Studien von Michalk (1981–1982/1994: Podział gwar łuzickich), Mětsk (1960), Taszycki (1928), Stieber (1934, 1956), Lehr-Splawiński (1949) und Furdal (1961). – Auf der Grundlage umfangreichen Namenmaterials sind die Arbeiten E. Eichlers (besonders 1965, 1977b, 1981) zu nennen, weiterhin W. Wenzels (1996: besonders 157ff.), außerdem H. Popowska-Taborskas (1965) und auch die *Encyklopädie Polskie nazwy własne. Encyklopedia*: darin die Ausführungen Jerzy Dumas unter der Überschrift „Pogranicze zachodnie“, 401–425, besonders 415ff. die Abschnitte: „Pogranicze polsko-dolnołużyckie“; außerdem „Pogranicze śląsko-górnołużyckie, śląsko-czeskie i śląsko-niemieckie“.

Die Stellung des Altsorbischen innerhalb des Slawischen, besonders des Westslawischen,⁴ soll hier nicht näher beleuchtet werden. Dies gilt ebenfalls für die Besonderheiten der lautlichen Entwicklung des Altsorbischen im Vergleich zum (Spät-)Urslawischen. Die sorabistische Forschung schlägt für den Zeitraum vom 11.–12. Jh. als Terminus Altobersorbisch und Altniedersorbisch, vom 13.–16. Jh. Mittelobersorbisch und Mittelniedersorbisch und vom 16. Jh. bis zur Gegenwart Neuobersorbisch und Neuniedersorbisch vor.⁵

Nach phonologischer, namentypologischer und semantisch-lexikalischer Analyse der Namen und unter Berücksichtigung der Forschungsergebnisse von Siedlungsgeschichte⁶ und Archäologie⁷ können für das altsorbische Untersuchungsgebiet slawische Orts-, Gewässer- und Landschaftsnamen als Ergebnis der slawischen Besiedlung des Gebietes seit dem 6./7. Jh., d.h. zum Ende der Völkerwanderungszeit, nachgewiesen werden. Die in den Raum zwischen Saale/Elbe und Bober [poln. Bóbr]/Queis [poln. Kwisa] einwandernden slawischen Stämme⁸ kamen in ein Gebiet, das nicht völlig von germanischen Stämmen verlassen war.

Im 7. Jh. reichte das Siedlungsgebiet der Germanen im Osten nur noch bis zur unteren Saale (Brachmann 1978: 167f., 87, Schmidt 1992), was auch durch die Verbreitung von Ortsnamen bestätigt wird, denn stellt man unter den frühesten Ortsnennungen des Mittelbegebietes, d.h. des nordwestlichen Teils des altsorbischen Sprachraumes, die Verbreitung von Slavica und Nicht-Slavica gegenüber, so sind letztere, bis auf wenige Ausnahmen, fast ausschließlich auf die Altsiedelgebiete im westlichen Teil des Mittelbegebietes begrenzt.⁹ Es wird davon ausgegangen, dass in der 2. Hälfte des 8. Jh. die Saale im großen und ganzen zur Grenze zwischen Sorben und den westlich von ihnen siedelnden Sachsen, Thüringern und Franken wurde.¹⁰

---

4 Der Terminus *westslawisch* wird hier eher im geographischen Sinne gebraucht, vgl. Schuster-Šewc (1998: besonders 43f.).

5 Vgl. Schuster-Šewc (1994a: besonders 208) und Rudolf Jenč, Rezension zu Eichler/Walther 1975, in: *Lětopis A* 25 (1978), 95–103.

6 Vgl. Walther (1960/1993, 1962/1993, 1967/1993, 1971, 1985²/1993, 1987, 1989, 1997b), *Geschichte der Sorben* und Jerzy Strzelczyk (1980).

7 Vgl. Grimm (1960), Brachmann (1968, 1978: 167f.), Herrmann (1968, 1981) und Gringmuth-Dallmer (1988: hier auch Anm. 14). Herklotz (1988: 310) betont, dass der „Eythraer Brunnenfund [...] zweifelsohne mit zum frühesten slawischen Fundniederschlag auf sächsischem Boden“ gehört und „für seine Datierung das ausgehende 6. und das 7. Jahrhundert in Anspruch genommen werden“ kann, „wobei man den Jahrzehnten um 600 den Vorzug geben möchte“.

8 Zu den Stammesnamen vgl. Eichler (1966/1985).

9 Vgl. Bily (1997 und ebenda die Karte S. 85).

10 Vgl. Grimm (1958: 51); weiterhin: Herrmann (Hg.) (1985): Abb. 102, S. 213: Fränkische und slawische Burgen im 8./9. Jh.

2. ORTSNAMEN (SIEDLUNGSNAMEN) ALS HINWEIS AUF SIEDLUNGS- UND SPRACHKONTAKT

Ortsnamen (Siedlungsnamen) können Hinweise auf Siedlungs- und Sprachkontakt geben. Dies belegen eine ganze Reihe von Merkmalen, so:

1. Unterscheidende Bestimmungswörter

In einer Reihe sogen. – evtl. ethnischer – Doppelsiedlungen mit gleichem Namen weisen die historischen Belege auf eine spätere Differenzierung durch unterscheidende Bestimmungswörter hin, vgl. z.B. die nachfolgenden Ortsnamen:

Großmöhlaus/Kleinmöhlaus: 1200 de utroque Mulaw, ab 1547/49 mit unterscheidendem Bestimmungswort in den historischen Belegen des ON *Kleinmöhlaus*: vgl. u.a. 1547/49 *Lutke Mohle* (Bily 1996: 268f.) oder

Cattau (im 13. Jh. *Großcattau*)/ON †*Kleincattau*: 973 Koteuii, 1145 Catouua ii, 1159 de duabus villis Cathua, 1205 Catowe *maior*, Catowe *minor* (Bily 1996: 209).

Das unterscheidende Bestimmungswort *Klein-* steht „überwiegend für den ehemals von Slawen besiedelten Ort“ (Naumann 1986: 177).

2. Parallele Namengebung mit zeitweiliger Mehrnamigkeit

Diese begegnet z.B. in der Überlieferung aus dem Jahre 1285 (*Pawilstorf*, que olim *Wizlawindorf* vocabatur) des ON *Deutsch-Paulsdorf* (sw. Görlitz, oso. Němske Pawlecy; vgl. weitere Belege: 1377 Paulstorf, 1406 Pawilsdorf) (Eichler/Walther 1975: 222, Hist. ONB Sachsen 2: 157f.).

Hier wird der Beweis für ein zumindest zeitweiliges Nebeneinander einer deutschen und einer slawischen anthroponymischen Ableitungsbasis eines Ortsnamens geliefert.

3. Umbenennung¹¹

In den historischen Belegen der Ortsnamen dokumentierte Umbenennung, die mit zeitweiliger Mehrnamigkeit der Siedlungen einhergeht, wird als Folge einer Besetzung mit deutschen Siedlern interpretiert, vgl. z.B. die Ortsnamen:

†*Zitow/Wohlsdorf*, w. Köthen: 989 (F. von 1482) villa Zitowe/986 de Walestorpe (Bily 1996: 408, 394) und

†*Niprodewitz*/†*Hohndorf* IV, s. Trossin, sw. Dommitzsch: 1219 villa olim Niprodewiz [...] nunc Hagendorph dicta (Bily 1996: 284, 197).

4. Übersetzung

Auf slawisch-deutsche Kontakte kann aus der Entwicklung der Belege des ON *Naundorf* I, nō. Dessau: (1159 Nuzedele et Nimiz) geschlossen werden. Nach 1159 wurden die Orte *Nausedele* und *Nimiz* zusammengelegt, wobei die deutsche Übersetzung des Namens *Nausedele* (‘neue Siedlung’) als neuer Name diente, vgl. die späteren Belege des Ortsnamens: 1339 Nyendorp, 1359 Nygendorp (Bily 1996: 276).

¹¹ Zu weiteren Beispielen vgl. Eichler/Walther (1986).

5. Benennungsparallelismus¹² im deutsch-slawischen Kontaktgebiet

Hierzu sind z.B. die *Kemnitz*-Namen mit aso. *kameń ‘Stein’ als Ableitungsbasis und entsprechende deutsche Namen wie *Stein*, *Steina*, *Steinbach*, *-berg* (Hist. ONB Sachsen 1: 141–142, 479 und 2: 455–457) zu vergleichen.

6. Scheinbare sekundäre semantische Verankerung (SSSV)¹³

Darunter wird sekundäre Angleichung eines altsorbischen Ortsnamens an Elemente der Superstratsprache, des Deutschen, verstanden. Diese Besonderheit ist gelegentlich bei der Übernahme altsorbischer Namen ins Deutsche zu beobachten, vgl. z.B. den folgenden Ortsnamen:

Maxdorf, nw. Köthen: 1166 (PN) Makecherve, 1402 Machstorff, 1563 Magkstorf, Makstorf, aso. Grundform **Makočěrv-*. Die heutige Namensform *Maxdorf* beruht auf scheinbarer sekundärer semantischer Verankerung (SSSV) mit Anlehnung an den deutschen PN *Max* und Angleichung an die deutschen genetivischen Ortsnamen mit dem Grundwort *-dorf* (Bily 1996: 260f., Eichler Slaw. ON 2: 171).

7. Namenpaare

Obersorbisch-deutsche bzw. niedersorbisch-deutsche Namenpaare (Eichler/Walther 1978: 107–123, Körner 1993: 91–109, Eichler 1976) als Ergebnis des slawisch-deutschen Sprachkontaktes, des jahrhundertelangen Zusammenlebens, vor allem des gemeinsamen Landesausbaus von Sorben und Deutschen, trifft man noch heute in der Lausitz. Diese Namenpaare werden gewöhnlich in drei Gruppen eingeteilt und klassifiziert als:

7.1. Lautlich gebundene Namenpaare

Hierzu gehört der größte Teil der ursprünglich altsorbischen Ortsnamen, die sich bis heute in eingedeutschter und in ober- bzw. niedersorbischer Lautung erhalten haben. Dabei kann der Grad der phonologischen Integration verschieden sein, vgl. u.a. die Ortsnamen: dt. *Weißenberg*/oso. *Wóspork* und dt. *Reichenbach*/nso. *Rychbach*.

7.2. Semantisch gebundene Namenpaare

Dies sind oft Übersetzungen, vgl. z.B. die Ortsnamen: dt. *Berg*/oso. *Hora* und dt. *Hohenbrück*/nso. *Wusoki Most*. Zu vergleichen ist hierzu auch der Gewässername: dt. *Klosterwasser*/oso. *Klōšterska woda*.

7.3. Freie Namenpaare

Bei dieser Gruppe gibt es keine phonologische und auch keine semantische Beziehung zwischen dem deutschen und dem ober- bzw. niedersorbischen Namen, vgl. z.B. die Ortsnamen: dt. *Hochkirch*/oso. *Bukecy* und dt. *Spremberg*/nso. *Grodsk*.

---

12 Vgl. Hans Walther (1997a).

13 Vgl. dazu ausführlich Hengst, in: Christoph/Eichler/Hengst/Šrámek (1984: 27, 44, 32) sowie Hengst (1978).

8. Unterscheidende Zusätze

Unterscheidende Zusätze wie *Wendisch-*, *Windisch-* oder *Deutsch-* weisen ebenfalls auf deutsch-slawischen Siedlungs- und Sprachkontakt hin, z.B. *Wendisch-/Deutsch-* in den folgenden Ortsnamen: *Deutschenbora*, ö. Nossen: 1197 Boris de Zbor, [...], 1282 Fredericus de Bor, 1336 Bor *teutunicum*, 1378 *Duczenbor* und *Wendischbora*, nö. Nossen: 1334, 1336 Bor *slavicum*, 1354 *Wyndyschin* Boyr (Eichler/Walther 1966: 40, Hist. ONB Sachsen 1: 92–93).

9. Mischnamen (Hybride)

Von den Kontakten zwischen Slawen und Deutschen und sicher auch von einer zumindest teilweisen Zweisprachigkeit der Bewohner mit fortschreitender deutscher Besiedlung zeugen nicht zuletzt die slawisch-deutschen bzw. deutsch-slawischen Mischnamen (Hybride) des ehemals altsorbischen Kontaktgebietes.¹⁴ Folgende Wortbildungstypen (Strukturtypen) von Mischnamen (Hybriden) sind im Untersuchungsgebiet belegt:

9.1. Slawisch-deutsche Mischnamen

9.1.1. *Strukturtyp*: zweigliedriger slawischer Vollname + deutsches Grundwort (= Typ *Bogomilsdorf*)

Beispiel: ON †*Bomsdorf*, s. Thießen, nö. Roßlau: 1315 Bomstorp, 1317 Bomelstorp, PN *Bogomil als Ableitungsbasis des Ortsnamens (Bily 1996: 130, Atlas, Heft 2, 2003, S. 86–97, Bily 2004).

9.1.2. *Strukturtyp*: slawischer Kurzname + deutsches Grundwort

Beispiel: ON *Lautendorf*, nnw. Großhain: 1284 *Lubotendorf*, PN **L'ubota* als Ableitungsbasis des Ortsnamens (Eichler/Walther 1966: 159, Hist. ONB Sachsen 1: 567).

Dieser Wortbildungstyp ist in den Strukturtypen zum Slawischen Onomastischen Atlas (SOA) nicht vertreten. Die bisher vorhandene Literatur wird im Atlas altsorbischer Ortsnamentypen, Heft 5, 2004, S. 211–212 genannt. Zu vergleichen sind besonders die Studien von Horst Naumann (1964) und Elke Saß (MischN).

9.2. Deutsch-slawische Mischnamen

Strukturtyp: deutscher Personennamen + slawisches ortsnamenbildendes Suffix *-ici* bzw. *-ovici* (= Typ *Arnoltici*)

Beispiel: ON *Arntitz*, w. Lommatzsch: 1296 *Arnolticz*, PN *Arnolt* als Ableitungsbasis des Ortsnamens (Eichler/Walther 1966: 15, Hist. ONB Sachsen 1: 24).

Dieser Wortbildungstyp wird in den Strukturtypen zum Slawischen Onomastischen Atlas (SOA) unter Nr. 370 und Nr. 371 aufgeführt. Die bisher vorhandene Literatur fasst der Atlas altsorbischer Ortsnamentypen, H. 5, 2004, S. 202–203 zusammen. Zu vergleichen sind auch hier besonders die Arbeiten von Horst Naumann (1964) sowie Elke Saß (MischN).

---

14 Vgl. Naumann (1963, 1964, 1986), Reiser (1968), Saß (1986, 1993, MischN), Sperber (1967b: 661, 1967a: 315), Walther (1978/1993, 1980, 1978/1993: 52, 1971: 111), Witkowski (1964: 47) und Gringmuth-Dallmer (2002).

Es sei ebenfalls auf die Erfassung der Literatur¹⁵ zu den slawisch-deutschen wie auch den deutsch-slawischen Mischnamen im Atlas altsorbischer Ortsnamentypen aufmerksam gemacht. Ein eigener Teil der Bibliographie zu diesem Atlas (Atlas, Heft 5, 2004: 183–213) ordnet die deutsche und internationale namenkundliche Literatur nach Strukturtypen slawischer Ortsnamen und erfasst dabei die Literatur zu weiteren, im Atlas bisher noch nicht behandelten Wortbildungstypen, darunter auch von Mischnamen.

3. SCHLUSSBEMERKUNGEN

– Siedlungskontakt bringt zwangsläufig Sprachkontakt mit sich, der in „mannigfaltige[n] Formen der Zweisprachigkeit“ (Zientara 1975: 340) zu Tage tritt.

– Geographische Namen, so auch die Namen von Siedlungen, erlauben „Rückschlüsse auf längst vergangene Zustände des Lebensraums wie auch der Lebensgewohnheiten der Namengeber“ (Bauer 1995: 11).

– Eigennamen bilden eine wichtige Quelle sowohl für die Aufhellung der Geschichte der Besiedlung wie auch ethnischer, sprachlicher und sozialer Verhältnisse, denn historische Siedlungsprozesse fanden ihren Niederschlag u.a. in historischen Belegen von Namen. Die historischen Belege wie auch die Ableitungsbasen und Benennungsmotive der Ortsnamen des altsorbischen Kontaktgebietes enthalten eine Vielzahl von Zeugnissen slawisch-deutscher Kontinuität.¹⁶

– Der slowenische Forscher Sergij Vilfan (1975: 567) verbindet in seiner Studie zur deutschen Kolonisation nordöstlich der oberen Adria die Siedlungs- und Rechtsgeschichte mit wirtschaftlichen und sozialhistorischen Gegebenheiten und betont, wie schon an anderer Stelle seiner Arbeiten (Vilfan 1968), den Wert sprachwissenschaftlicher Erkenntnisse auch für siedlungshistorische Untersuchungen (Vilfan 1975: 568).

– Dass nicht nur die Siedlungsnamen, sondern auch Flurnamen für die Erhellung historischer Siedlungsprozesse bedeutsam sind, unterstreicht Sergij Vilfan in seiner Untersuchung zur deutschen Kolonisation nordöstlich der oberen Adria. „Bei der Gegenüberstellung der slowenischen und der deutschen Siedlung einer engeren Gegend, ja sogar eines Dorfes, können die Flurnamen wertvolle Dienste leisten. Blaznik¹⁷ hat an mehreren Beispielen gezeigt, daß in früh vollkommen slowenisierten deutschen Sprachinseln das Vorkommen von Flurnamen deutschen Ursprungs einigermassen im Verhältnis zur einstigen relativen Stärke der deutschen Siedler steht.“ (Vilfan 1975: 569).

---

15 Atlas, Heft 5, 2004: Typ *Arnoltici* S. 202–203, Typ *Bogomilsdorf* S. 209–211, Typ slawischer Kurzname + deutsches Grundwort S. 211–212.

16 Aus der umfangreichen Literatur zum slawisch-deutschen Sprachkontakt im altsorbischen Gebiet kann hier lediglich eine kleine Auswahl genannt werden, vgl. u.a. Eichler (1977c), Hengst (1990a, 1990b, 1991, 1992a, 1992b), Sperber (1997), Walther (1968, 1986/1993).

17 Blaznik (1953: mit einer Karte des prozentualen Anteils deutscher Flurnamen auf S. 167). Die Flurnamen werden ebenfalls in anderen Lokalstudien desselben Autors behandelt, vgl. Blaznik (1928: 48–49).

– Hans Walther (1978/1993: 51f.) betont: „Die Volkssprache hat die Struktur der Fremdnamen bei längerem Kontakt zweifellos erkannt und morphematisch entsprechend in das eigene Sprachsystem bzw. Namenssystem integriert. [...] In vielen Fällen mag längere Zeit eine Art Konkurrenz zwischen der bloß phonematischen Adaptionsform und der phonemisch-morphematischen hybriden Adaptionsform eines Fremdnamen bestanden haben, die schriftliche Überlieferung läßt das zuweilen erkennen. Freilich können sich solche Vorgänge auch schon vor dem Beginn der schriftlichen Überlieferung abgespielt haben und keinen Reflex in dieser mehr hinterlassen haben. Siedlungsgeschichtliche Schlüsse aus den Hybridformen zu ziehen, bedarf größter Zurückhaltung. Falsch wäre es, hinter den Mischbildungen ohne weiteres auch Mischdörfer mit etwa gleichgroßem dt. und sorb. Bevölkerungsanteil sehen zu wollen. Die Bildungsweise einer solchen Hybridform dürfte darüber mehr Aufschluß geben.“ Walther (1978/1993: 52) geht davon aus, dass die slawisch-deutschen Mischnamen, d.h. der Typ *Bogumilsdorf*, eher von deutscher Bevölkerung vergeben wurden, der Typ *Arnoltici* eher auf sorbische Sprecher deutet. Und er unterstreicht weiterhin die Notwendigkeit einer Einbeziehung auch der Flur- und Personennamen einer Gemeinde.

– Horst Naumann (1986: 180) stellt zu den deutsch-slawischen Kontakterscheinungen, die sich u.a. auch in Siedlungsnamen manifestiert haben, fest: „Die Gesamtentwicklung verläuft ganz eindeutig in Richtung integrierender Sprache. Diese von Frings für den germanisch-romanischen Kontaktraum differenziert nachgewiesene Tendenz gilt gleichermaßen für das Gebiet, in dem Slawen und Deutsche miteinander lebten und arbeiteten.“

Abkürzungen

aso.	altsorbisch
dt.	deutsch
lat.	lateinisch
nso.	niedersorbisch
ON	Ortsname
oso.	obersorbisch
PN	Personenname
poln.	polnisch

Literatur

ATLAS (2000–04) *Atlas altsorbischer Ortsnamentypen. Studien zu toponymischen Arealen des altsorbischen Gebietes im westslawischen Sprachraum I–V*. Hg. von Ernst Eichler. Unter der Leitung von Inge Bily, bearb. von Inge Bily/Bärbel Breitfeld/Manuela Züfle. Stuttgart: Verlag der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, in Kommission bei Franz Steiner Verlag.

- BAUER, Gerhard (1995) „Namenforschung im Verhältnis zu anderen Forschungsdisziplinen.“ In: Ernst Eichler/Gerold Hilty/Heinrich Löffler/Hugo Steger/Ladislav Zgusta (Hg.), *Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik*. 2. Teilband. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 11.1) Berlin/New York, 8–23. [Darin: 4. Namenforschung und Geowissenschaften, 11–12.]
- BATHE, Max/Reinhard E. FISCHER/Gerhard SCHLIMPERT (1970) „Zur sorbisch-polabischen Sprachgrenze zwischen Elbe und Saale.“ In: Rudolf Fischer/Ernst Eichler (Hg.), *Beiträge zum Slawischen Onomastischen Atlas. Theodor Frings zum Gedächtnis* (= Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 61, 2). Berlin, 109–121.
- BATHE, Max/Reinhard E. FISCHER/Gerhard SCHLIMPERT (1971) „Die sorbisch-polabische Sprachgrenze und das Problem der Entnasalierung im 10. bis 12. Jahrhundert.“ In: Teodolius Witkowski (Hg.) *Forschungen zur slawischen und deutschen Namenkunde* (= Deutsche Akademie der Wissenschaften. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik 55). Berlin, 32–39.
- BILY, Inge (1996) *Ortsnamenbuch des Mittelbegebietes* (= Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte 38). Berlin: Akademie Verlag.
- BILY, Inge (1997) „Zur Typologie der ältesten Belege slawischer Ortsnamen im Mittelbegebiet.“ In: *Onomastica XLII*, 81–93.
- BILY, Inge (2004) „Slawisch-deutsche Mischnamen des Typs *Bogomilsdorf* im altsorbischen Gebiet.“ In: Ana Isabel Boullón Agrelo (Hg.), *Novi te ex nomine. Estudos filológicos ofrecidos ao Prof. Dr. Dieter Kremer*. A Coruña, 351–369.
- BLAZNIK, Pavel (1928) *Kolonizacija Selške doline*. (Diss.). Ljubljana: Leonova družba.
- BLAZNIK, Pavel (1953) „Kolonizacija in kmetsko podložništvo na Sorškem Polju.“ *Razprave. Razred za filološke in literarne vede = Dissertationes. Classis I, Historia et sociologia*, 141–276.
- BRACHMANN, Hansjürgen (1968) „Zur spätslawischen Zeit im Mittelbe-Saale-Gebiet.“ *Zeitschrift für Archäologie* 2, 23–49.
- BRACHMANN, Hansjürgen (1978) *Slawische Stämme an Elbe und Saale. Zu ihrer Geschichte und Kultur im 6. bis 10. Jahrhundert – auf Grund archäologischer Quellen* (= Schriften zur Ur- und Frühgeschichte 32). Berlin: Akademie Verlag.
- CHRISTOPH, Ernst Michael/Ernst EICHLER/Karlheinz HENGST/Rudolf ŠRÁMEK (Red.) (1984) *Sprachkontakt im Wortschatz – Dargestellt an Eigennamen. Thesen und Diskussionsbeiträge zum Internationalen Symposium „Eigennamen im Sprachkontakt“ des Wissenschaftsbereiches Namenforschung an der Sektion Theoretische und Angewandte Sprachwissenschaft vom 16.–17. November 1982*. Leipzig.
- EICHLER SLAW. ON (1985–2009) EICHLER, Ernst (Band 4 unter Mitarbeit von Erika WEBER) *Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße. Ein Kompendium I–IV*. Bautzen: Domowina-Verlag.

- EICHLER, Ernst (1965) *Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neiße*. (= Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 19.) Berlin: Akademie Verlag.
- EICHLER, Ernst (1966 [1985]) „Völker- und Landschaftsnamen im altsorbischen Gebiet.“ *Lětopis A* 13 (1966), 1–30. [Nachdruck in: E. Eichler. *Beiträge zur deutsch-slawischen Namenforschung (1955–1981)*. Leipzig, 123–152.]
- EICHLER, Ernst (1976) „Sprachkontakte im Lichte der Onomastik.“ *ONOMA* XX, 128–141.
- EICHLER, Ernst (1977a) „Morphematische Ausgleichsprozesse in der toponymischen Integration.“ *Kwartalnik Neofilologiczny* 24, 217–222.
- EICHLER, Ernst (1977b) „Zur historischen Lautentwicklung des Obersorbischen im Lichte der Toponomastik.“ *Linguistische Arbeitsberichte der Sektion Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft der Karl-Marx-Universität Leipzig* 16, 120–122.
- EICHLER, Ernst (1977c) „Zur Typologisierung onomastischer slawisch-deutscher Sprachkontakte.“ In: *Commentationes linguisticae et philologicae Ernesto Dickenmann lustrum laudenti quintum decium*. Heidelberg, 57–64.
- EICHLER, Ernst (1981) „Die sprachgeschichtliche Stellung des Altsorbischen im Lichte der Onomastik.“ *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 20, 83–91.
- EICHLER, Ernst/Hans WALTHER (1966) *Die Ortsnamen im Gau Daleminze. Studien zur Toponymie der Kreise Döbeln, Großhain, Meißen, Oschatz und Riesa. I. Namenbuch*. (Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 20.) Berlin: Akademie Verlag.
- EICHLER, Ernst/Hans WALTHER (1975) *Ortsnamenbuch der Oberlausitz. Studien zur Toponymie der Kreise Bautzen, Bischofswerda, Görlitz, Hoyerswerda, Kamenz, Löbau, Niesky, Senftenberg, Weißwasser und Zittau. I. Namenbuch*. (Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 28.) Berlin: Akademie Verlag.
- EICHLER, Ernst/Hans WALTHER (1978) *Ortsnamenbuch der Oberlausitz. Studien zur Toponymie der Kreise Bautzen, Bischofswerda, Görlitz, Hoyerswerda, Kamenz, Löbau, Niesky, Senftenberg, Weißwasser und Zittau. II. Namen und Siedlungskunde*. (Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 29.) Berlin: Akademie Verlag.
- EICHLER, Ernst/Hans WALTHER (1986) „Ortsnamenwechsel im Elbe-Saale-Gebiet. Wandlungen der Siedlungsstrukturen und ihre Auswirkungen auf die Siedlungsnamen.“ In: Rudolf Schützeichel (Hg.), *Ortsnamenwechsel*. Bamberger Symposium. 1. bis 4. Oktober 1986 (= Beiträge zur Namenforschung. Beiheft. 24). Heidelberg, 147–154.
- FURDAL, Antoni (1961) *Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego*. Wrocław: Ossolineum.
- GESCHICHTE DER SORBEN (1977) Gesamtdarstellung. Gesamtdredaktion Jan Šořta/Klaus J. Schiller/Martin Kaspar/Frido Měřšk. Bd. 1. Jan Brankačk/Frido Měřšk: *Von den Anfängen bis 1789*. Bautzen: Domowina-Verlag.

- GRIMM, Paul (1958) *Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwälle der Bezirke Halle und Magdeburg*. Berlin: Akademie Verlag.
- GRIMM, Paul (1960) „Archäologische Beiträge zur Siedlungs- und Verfassungsgeschichte der Slawen im Elbe-Saale-Gebiet.“ In: H. Ludat (Hg.), *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder*. In Verbindung mit Herbert Jankuhn/Walter Schlesinger/Ernst Schwarz. Gießen, 15–26.
- GRINGMUTH-DALLMER, Eike (1988) „Siedlungsarchäologische Beobachtungen zur Namengebung im slawisch-deutschen Kontaktgebiet zwischen Elbe und Oder/Neiße.“ In: E. Eichler/H. Walther (Hg.), J. Schultheis (Red.), *Onomastica Slavogermanica XVII*. (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 71, 4). Berlin, 21–31.
- GRINGMUTH-DALLMER, Eike (2002) „Siedlungsarchäologische und -historische Bemerkungen zu den sogenannten Mischnamen.“ In: R. Aurig/R. Butz/I. Grässler/A. Thieme (Hg.), *Im Dienste der historischen Landeskunde. Beiträge zur Archäologie, Mittelalterforschung, Namenkunde und Museumsarbeit vornehmlich in Sachsen. Festgabe für Gerhard Billig zum 75. Geburtstag, dargebracht von Schülern und Kollegen*. Beucha, 61–75.
- HENGST, Karlheinz (1978) „Sekundäre semantische Motivierung slawischer Lehnnamen im Deutschen.“ *Namenkundliche Informationen* 33, 25–33.
- HENGST, Karlheinz (1990a) „Namenforschung, slawisch-deutscher Sprachkontakt und frühe slawische Sprachstudien im Elbe-Saale-Grenzraum.“ In: E. Eichler (Hg.), *Onomastica Slavogermanica. XIX. Hans Walther zum 70. Geburtstag*. (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 73, 2). Berlin, 105–115.
- HENGST, Karlheinz (1990b) „Slawisch-deutscher toponymischer Integrationsprozeß und soziolinguistische Differenzierung.“ *Studia Onomastica VI. Ernst Eichler zum 60. Geburtstag*. (Namenkundliche Informationen. Beiheft 13/14). Leipzig, 97–105.
- HENGST, Karlheinz (1991) „Namenschichten und Namenüberlieferung.“ In: E. Eichler (Hg.), *Probleme der älteren Namensschichten*. (Beiträge zur Namenforschung. Beiheft 32). Heidelberg, 59–66.
- HENGST, Karlheinz (1992a) „Aussagen zum frühmittelalterlichen Landesausbau im Pleiße-Mulde-Gebiet aus linguistischer Sicht.“ In: H. Brachmann/H.-J. Vogt (Hg.), *Mensch und Umwelt. Studien zu Siedlungsausgriff und Landesausbau in Ur- und Frühgeschichte*. Berlin, 229–235.
- HENGST, Karlheinz (1992b) „Slawische Sprachstudien im Mittelalter im sächsisch-thüringischen Raum.“ *Zeitschrift für Slawistik* 37, 397–406.
- HERKLOTZ, Lothar (1988) „Altslawischer Brunnenfund bei Eythra, Kr. Leipzig.“ In: H.-J. Vogt (Hg.), *Archäologische Feldforschungen in Sachsen. Fünfzig Jahre Landesmuseum für Vorgeschichte Dresden*. (Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Beiheft 18). Berlin, 307–311.
- HERRMANN, Joachim (1968) *Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft der slawischen Stämme zwischen Oder/Neiße und Elbe*. Berlin: Akademie Verlag.

- HERRMANN, Joachim (1981) *Zwischen Hradschin und Vineta. Frühe Kulturen der Westslawen*. Leipzig: Urania-Verlag.
- HERRMANN, Joachim (Hg.) (1985) *Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch*. Neubearbeitung. Berlin: Akademie Verlag.
- HERRMANN, Joachim (1986) „Germanen und Slawen in Mitteleuropa.“ In: id., *Wege zur Geschichte*. Hg. von Bernhard Tesche. Berlin, 310–336.
- HERRMANN, Joachim (1988) „Das Ende der Völkerwanderungszeit: Slavische Wanderungen und die germanisch-slavischen Siedlungsgrenzen in Mitteleuropa.“ In: V. Setschkareff/P. Rehder/H. Schmid (Hg.), *Ars Philologica Slavica. Festschrift für Heinrich Kunstmann*. (Sagners slavistische Sammlungen, 15). München, 184–190.
- HIST. ONB SACHSEN (2001): *Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen I–III*. Hg. von E. Eichler/H. Walther. Bearb. von E. Eichler/V. Hellfritzsch/H. Walther/E. Weber. Berlin: Akademie Verlag.
- KÖRNER, Siegfried (1993) *Ortsnamenbuch der Niederlausitz. Studien zur Toponymie der Kreise Beeskow, Calau, Cottbus, Eisenhüttenstadt, Finsterwalde, Forst, Guben, Lübben, Luckau und Spremberg*. (Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 36.) Berlin: Akademie Verlag.
- LEHR-SPLAWIŃSKI, Tadeusz (1949) *Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym (głosownia i fleksja)*. Wydanie trzecie. Kraków: PAN.
- MĚTŠK, Frido (1960) „Verschiebung der deutsch-sorbischen Sprachgrenze in den meißnischen Ämtern Großenhain und Mühlberg von 1500 bis zum Erlöschen der sorbischen Sprache.“ *Die Welt der Slaven* 5, 155–190.
- MICHAŁK, Frido (1981–1982 [1994]) „Die mundartliche Gliederung der sorbischen Sprache.“ *Makedonski jazik* 32–33, 495–508. [Nachdruck in: F. Michałk: *Studia o języku łużyckim/Studije k serbskej řeči/Studien zur sorbischen Sprache*. Warszawa 1994, 182–200.]
- MUCKE, Ernst (1904) „Die Grenzen des sorbischen Sprachgebiets in alter Zeit.“ *Archiv für slavische Philologie* XXVI, 543–559.
- NAUMANN, Horst (1963) „Mischnamen in Nordostbayern und angrenzenden Gebieten.“ In: T. Witkowski (Red.), *Slawische Namenforschung. Vorträge auf der II. Arbeitskonferenz der Onomastischen Kommission beim Internationalen Slawistenkomitee in Berlin vom 17.–20.10.1961*. Berlin, 88–94.
- NAUMANN, Horst (1964) „Die ‚Mischnamen‘.“ R. Fischer (Red.), *Materialien zum Slawischen Onomastischen Atlas*. Bearbeitet von E. Eichler/H. Naumann/H. Walther. (Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 108, 6.) Berlin, 79–98.
- NAUMANN, Horst (1986) „‚Mischnamen‘ als Beispiel für den Sprachkontakt.“ In: W. Fleischer/R. Große/G. Lerchner (Hg.), *Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache 6. Theodor Frings zum Gedenken*. Leipzig, 172–180.

- POLSKIE NAZWY WŁASNE. ENCYKLOPEDIA (1998) Pod red. Ewy Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa–Kraków: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, Instytut Języka Polskiego PAN.
- POPOWSKA-TABORSKA, Hanna (1965) *Dawne pogranicze językowe polsko-dolnołużyckie (w świetle danych toponomastycznych)*. Wrocław–Warszawa–Kraków: Ossolineum.
- REISER, Manfred (1968) „Mischnamen in den Kreisen Greiz und Zeulenroda.“ *Wissenschaftliche Zeitschrift des Pädagogischen Instituts Erfurt-Mühlhausen* 5, 45–51.
- SASS, Elke (1986) „Von echten altsorbischen Vollnamen gebildete onymische Hybride im altsorbisch-deutschen Berührungsgebiet.“ *Namenkundliche Informationen* 50, 23–32.
- SASS, Elke (1993) „Slawisch-deutsche Mischnamen im altsorbischen Sprachraum als Quelle für die Erschließung altsorbischer Vollnamen.“ In: W. Wenzel (Hg.), *Anthroponymica Slavica. Vorträge der I. Internationalen Konferenz zur slawischen Anthroponomastik. Leipzig, 17.–18. Dezember 1991*. (Namenkundliche Informationen. Beiheft 17.) Leipzig, 103–110.
- SASS, Elke (MischN): *Mischnamen im ehem. altsorbischen Sprachgebiet*. (Mskr.).
- SCHAARSCHMIDT, Gunter (1998) *The Historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian languages*. (Historical phonology of the Slavic languages, 6.) Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.
- SCHMIDT, Berthold (1992) „Thüringer–Franken–Sachsen–Slawen. Gesellschaftliche Veränderungen vom 6. bis 8. Jahrhundert in Mitteldeutschland.“ *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* 75, 313–323.
- SCHUSTER-ŠEWC, Heinz (1972) „Das altsorbische Sprachgebiet und seine sprachliche Stellung im Rahmen des Westslawischen.“ *Lětopis* B 19, 203–222.
- SCHUSTER-ŠEWC, Heinz (1977a) „Das altsorbische Dialektgebiet und seine sprachliche Stellung im Rahmen des Westslawischen. In: J. Brankač/F. Měšk (Hg.), *Geschichte der Sorben. Bd. 1: Von den Anfängen bis 1789*. Bautzen: 25–29.
- SCHUSTER-ŠEWC, Heinz (1977b) „Die Sprache der Lausitzer Sorben und ihre Stellung im Rahmen der slawischen Sprachen.“ *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 30, 10–27.
- SCHUSTER-ŠEWC, Heinz (1982) „Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen.“ *Lětopis* A 29, 113–140.
- SCHUSTER-ŠEWC, Heinz (1991) *Das Sorbische und der Stand seiner Erforschung*. Berlin. (Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 131, 5.)
- SCHUSTER-ŠEWC, Heinz (1994a) „Die Ortsnamen der Niederlausitz und sorbische Sprachgeschichte.“ *Zeitschrift für Slawistik* 39, 205–225.
- SCHUSTER-ŠEWC, Heinz (1994b) „Lužiska serbščina – jedna abo dvě řeči. (Problematika a staw diskusije).“ *Lětopis* 44, 149–159.

- SCHUSTER-ŠEWIC, Heinz (1998) „Die späterslawischen Innovationen und ihre Widerspiegelung in der Isoglossenstruktur des Sorbischen. (Ein Beitrag zur Dialektologie des Späterslawischen).“ *Lětopis* 45, 31–50.
- SORBISCHER SPRACHATLAS (1965–1996) *Sorbischer Sprachatlas I–XV*. Bearb. von H. Faßke/H. Jentsch/S. Michałk. Bautzen: Domowina-Verlag.
- SPERBER, Wolfgang (1967a) *Die slawischen Flurnamen des Kreises Kamenz. (Ostteil)*. (Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 18.) Berlin: Akademie Verlag.
- SPERBER, Wolfgang (1967b) „Namenkunde und Zweisprachigkeit.“ *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität Berlin* 16, 659–663.
- SPERBER, Wolfgang (1997) „Mehrfachentlehnungen im Verlaufe des deutsch-sorbischen Sprachkontakts.“ *Lětopis* 44, 110–124.
- STIEBER, Zdzisław (1934) *Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich*. Kraków: Ossolineum.
- STIEBER, Zdzisław (1956) *Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich*. Warszawa: Ossolineum.
- STRUKTURTYPEN (1988): *Strukturtypen der slawischen Ortsnamen. Strukturtypy slovanské oikonymie*. Im Auftrage der Subkommission für den Slawischen Onomastischen Atlas. Hg. von E. Eichler und R. Šrámek (Namenkundliche Informationen. Sonderheft). Leipzig: Karl-Marx-Universität.
- STRZELCZYK, Jerzy (1980) „Der slawische Faktor im Lichte schriftlicher Quellen der Geschichte Mitteldeutschlands vom 6. bis 8. Jahrhundert.“ *Lětopis B* 27, 135–148.
- TASZYCKI, Witold (1928) „Stanowisko języka łużyckiego.“ In: *Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski*. II. Kraków, 127–138.
- TRAUTMANN, Reinhold (1948–1956) *Die Elb- und Ostseeslawischen Ortsnamen*. I–III. Berlin: Akademie Verlag.
- TRAUTMANN, Reinhold (1950²) *Die slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins*. Berlin: Akademie Verlag.
- VILFAN, Sergij (1968) *Rechtsgeschichte der Slowenen*. (Grazer Rechts- und Staatswissenschaftliche Studien, 21.) Graz: Leykam-Verlag.
- VILFAN, Sergij (1975) „Die deutsche Kolonisation nordöstlich der oberen Adria und ihre sozialgeschichtlichen Grundlagen.“ In: W. Schlesinger (Hg.), *Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. Reichenau-Vorträge 1970–1972*. (Vorträge und Forschungen, 18). Sigmaringen, 567–604.
- WALTHER, Hans (1960) „Slawische Namen im Erzgebirge in ihrer Bedeutung für die Siedlungsgeschichte.“ *Beiträge zur Namenforschung* 11, 29–77. [Nachdruck in: Walther (1993), 243–291.]
- WALTHER, Hans (1962) „Zur Auswertung namenkundlichen Materials für die Siedlungsgeschichte.“ In: *Leipziger Abhandlungen zur Namenforschung und Siedlungsgeschichte I*, 313–318. [Nachdruck in: Walther (1993), 95–100.]
- WALTHER, Hans (1967 [1993]) „Ortsnamenchronologie und Besiedlungsgang in der Altlandschaft Daleminze.“ In: R. Fischer (Hg.), E. Eichler/H. Walther/J. Schultheis (Red.), *Onomastica Slavogermanica III*. (Abhandlungen der Sächsischen Akademie

- der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 58, 4.) Berlin, 99–107. [Nachdruck in Walther (1993), 307–317.]
- WALTHER, Hans (1968) „Mehrnamigkeit von Siedlungen als sprachsoziologische Erscheinung.“ *Leipziger namenkundliche Beiträge* II. (Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 113, 4). Berlin, 19–28.
- WALTHER, Hans (1971) *Namenkundliche Beiträge zur Siedlungsgeschichte des Saale- und Mittelbegebietes bis zum Ende des 9. Jahrhunderts*. (Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 26.) Berlin: Akademie Verlag.
- WALTHER, Hans (1978 [1993]) „Zur Typologie der sogenannten ‚Mischnamen‘ (onymischen Hybride).“ *Namenkundliche Informationen* 33, 43–58. [Nachdruck in Walther (1993), 343–358.]
- WALTHER, Hans (1980) „Zur Problematik, Typologie und Terminologie der sogenannten ‚Mischnamen‘ (onymischen Hybride).“ In: Th. Andersson/E. Brylla/A. Rostvik (Hg.), *Ortnamn och Sprakkontakt. NORNA-Symposium Uppsala 1978*. Uppsala: NORNA, 143–162.
- WALTHER, Hans (1985² [1993]) „Die Ausbreitung der slawischen Besiedlung westlich Elbe/Saale und Böhmerwald.“ In: J. Herrmann (Hg.), 36–44. [Nachdruck in Walther (1993), 293–306.]
- WALTHER, Hans (1986 [1993]) „Zur Chronologie und Stratigraphie der frühmittelalterlichen Siedlungsnamentypen im Unteren Pleißenland.“ In: E. Eichler/H. Walther (Hg.), J. Schultheis (Red.), *Onomastica Slavogermanica XV*. (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 71, 2). Berlin, 37–53. [Nachdruck in Walther (1993), 325–341.]
- WALTHER, Hans (1987) „Die historischen Grundlagen für slawisches Sprachgut im Deutschen.“ *Studia Onomastica V*. (Namenkundliche Informationen, Beiheft 11.) Leipzig, 6–16.
- WALTHER, Hans (1989) „Landnahme und Stammesbildung der Sorben (um 600 bis 929).“ *Geschichte Sachsens*. Hg. von Karl Czok. Weimar, 59–83.
- WALTHER, Hans (1993) *Zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte Sachsens und Thüringens. Ausgewählte Beiträge 1953–1991*. Leipzig: Zentralantiquariat.
- WALTHER, Hans (1997a) „Benennungsparellismus bei der Eindeutschung des Altsorbengebietes um Leipzig im hohen Mittelalter.“ In: K. Hengst/D. Krüger/H. Walther (Hg.) unter Mitarbeit von I. Bily, *Wort und Name im deutsch-slavischen Sprachkontakt. Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden*. Köln/Weimar/Wien, 555–569. (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen, N. F. 20.)
- WALTHER, Hans (1997b) „Siedlungsregression, Siedlungsverlust und sie begleitender Namenwandel. Beispiele aus dem sächsischen Raum.“ In: U. John/J. Matzerath (Hg.), *Landesgeschichte als Herausforderung und Programm. Karlheinz Blaschke zum 70. Geburtstag*. (Quellen und Forschungen zur sächsischen Geschichte, 15). Stuttgart, 177–188.

- WENZEL, Walter (1996) „Anthroponomastische Beiträge zur sorbischen historischen Lautlehre.“ In: H. Faßke/E. Wrocławska (Hg.), *Z historii języków łużyckich. Zbiór studiów*. (Język na pograniczach, 18). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 157–169.
- WITKOWSKI, Teodolius (1964) *Grundbegriffe der Namenkunde*. Berlin: Akademie Verlag.
- ZIENTARA, Benedykt (1975) „Die deutschen Einwanderer in Polen vom 12. bis zum 14. Jahrhundert.“ In: W. Schlesinger (Hg.), *Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. Reichenau-Vorträge 1970–1972*. (Vorträge und Forschungen, 18). Sigmaringen, 333–348.

Resümee

DEUTSCH-SLAWISCHER SIEDLUNGS- UND SPRACHKONTAKT IM GEBIET ZWISCHEN SAALE UND NEISSE – VORGESTELLT AN AUSGEWÄHLTEN ORTSNAMEN (SIEDLUNGSNAMEN)

Saale und Elbe bilden im Wesentlichen die westliche Begrenzung des ehemals kompakten altsorbischen Sprachgebietes. Im Norden schließt das Altsorbische an das Altpolabische, im Osten und Südosten an das Polnische und Tschechische an.

Eigennamen bilden eine wichtige Quelle sowohl für die Aufhellung der Geschichte der Besiedlung wie auch ethnischer, sprachlicher und sozialer Verhältnisse, denn historische Siedlungsprozesse fanden ihren Niederschlag u.a. in historischen Belegen von Namen. Diese Belege wie auch die Ableitungsbasen und Benennungsmotive ebenso wie die phonologischen und morphologischen Merkmale der Namen des altsorbischen Kontaktgebietes enthalten eine Vielzahl von Zeugnissen deutsch-slavischer Kontinuität. Auf der Grundlage umfangreicher Studien zu Ortsnamen stellt der Beitrag ausgewählte Beispiele vor.

Im ehemals altsorbischen Kontaktgebiet können Ortsnamen (Siedlungsnamen) und ihre historische Überlieferung Hinweise auf Siedlungs- und Sprachkontakt geben. Dies belegen eine ganze Reihe von Merkmalen, so z.B.:

1. Unterscheidende Bestimmungswörter
2. Parallele Namengebung mit zeitweiliger Mehrnamigkeit
3. Umbenennung
4. Übersetzung
5. Benennungsparellismus im deutsch-slavischen Kontaktgebiet
6. Scheinbare sekundäre semantische Verankerung (SSSV)
7. Namenpaare
8. Unterscheidende Zusätze
9. Mischnamen (Hybride)

Schlüsselwörter: deutsch-slavisch, altsorbisch, Siedlungskontakt, Sprachkontakt, Siedlungsnamen

Abstract
GERMAN-SLAVIC SETTLEMENT AND LANGUAGE CONTACT
IN THE REGION BETWEEN THE RIVERS SAALE AND NEISSE –
PRESENTED ON THE BASIS OF SELECTED PLACE NAMES

The rivers Saale and Elbe mark the western border of the former compact Old Sorbian region. In the north Old Sorbian borders on Old Polabian, in the East and Southeast on Polish and Czech. Proper names are an important source both for shedding light on the history of settlement as the underlying ethnic, linguistic and social context, since the processes of historical settlement are reflected in the historical documentation of place names. The historical documentation of place names, their derivation and the reasons for the naming of places as well as the phonological and morphological features of proper names of the Old Sorbian contact region contain numerous traces of the Slavic-German continuity. The article, which is based on extensive studies of place names, presents some selected examples.

In the Old Sorbian region a number of features of place names and their historical documentation provides indications of German-Slavic contact in settlement and language, for example:

1. Distinct determining words in place names,
2. Parallel name giving with the result of temporary parallel names for the same place,
3. Name changes in the historical documentation,
4. Translation of place names,
5. German-Slavic parallelism in the underlying motives for place names,
6. Secondary assimilation of an Old Sorbian place name to an element of the superstrate language (German),
7. German-Slavic place name doublets,
8. Distinct added elements,
9. German-Slavic and Slavic-German hybrid names.

Keywords: German-Slavic, Old Sorbian, settlement contact, language contact, place names

Povzetek
NEMŠKO-SLOVANSKI STIK V KRAJEVNIH IMENIH IN JEZIKU PREBIVAL-
STVA MED REKAMA SOĽAVO (SAALE) IN NISO (NEISSE)

Reki Soľava in Laba predstavljata skrajno zahodno mejo nekdanjega strnjenega starolužiškega območja. Na severu stara lužiščina meji na staro polabščino, na vzhodu in jugovzhodu pa na poljščino in češčino.

Lastna imena so pomemben vir spoznavanja zgodovine naseljevanja kot tudi etničnih, jezikovnih in družbenih okoliščin, saj se v zgodovinski dokumentaciji, povezani z imeni, odražajo procesi zgodovine naseljevanja. Zgodovinska dokumentacija o

imenih, njihovi izpeljavi, poimenovalni motivaciji, kot tudi fonoloških in morfoloških značilnostih lastnih imen na območju starolužiških stikov vsebuje številne elemente, ki kažejo na slovansko-germansko kontinuiteto. Članek, ki temelji na obširnih raziskavah o krajevnih imenih, predstavlja nekaj izbranih primerov, ki ponazarjajo slovansko-nemški stik na obravnavanem starolužiškem območju, kjer številne lastnosti krajevnih imen in zgodovinska dokumentacija v zvezi z njimi kažejo na germansko-slovanske naselitvene in jezikovne stike, npr.:

1. razlikovanje med določevalnimi besedami v krajevnih imenih;
2. vzporedna poimenovanja, katerih rezultat so začasna vzporedna imena za isti kraj;
3. spreminjanje imena v zgodovinskih virih;
4. prevodi imen;
5. germansko-slovanske vzporednice pri motivaciji poimenovanj;
6. sekundarna asimilacija starolužiškega krajevnega imena v element superstratnega jezika (nemščine);
7. germansko-slovanske imenske dvojnice;
8. razlikovalni dodani elementi;
8. germansko-slovanska in slovansko-germanska hibridna imena.

Ključne besede: nemško-slovansko, stara lužiška srbščina, naselitveni stiki, jezikovni stiki, krajevna imena

ČESKO-NĚMECKÉ KONTAKTY VE SVĚTLE ANTOPONYMIE ČESKÝCH ZEMÍ¹

Česko-německé vztahy a jejich důsledky lze sledovat v dějinách českých zemí již od samých počátků české státnosti (9. – 10. stol.), a to jak v oblasti hospodářské a politické, tak kulturní, společenské i jazykové. V této studii ukážeme, jak se česko-německé kontakty odrážely v antroponymii českých zemí² (především v repertoáru křestních jmen) v průběhu 12. – 20. století.³ Je třeba zdůraznit, že hlavní prameny výzkumu, administrativní texty obsahující osobní jména, neuvádí údaje o národnosti obyvatel a že německá podoba antroponyma (křestního jména i příjímí,⁴ např. *Johann Schuster*) není jednoznačným svědectvím o jazykové příslušnosti pojmenovávaného, neboť zápisy administrativního charakteru bývaly často prováděny německými písaři, kteří mnohdy křestní jména poněmčovali (*Jan* > *Johann*) a sémanticky průzračná česká příjímí dokonce překládali (*Švec* > *Schuster*). V případě smíšených sňatků volili snoubenci někdy příjímí české, jindy německé a tyto skutečnosti se promítaly i do volby křestních jmen pro jejich děti; podrobněji Beneš (1998). Proto se při sledování jmen německy mluvících obyvatel soustředíme na ty oblasti českých zemí, kde bylo německé etnikum v převaze, a z jejich antroponymií pouze na osoby s nečeskou podobou křestního jména (*Peter*, *Petrus*) a německým příjímím (*Schwarz*).

1 OBDOBÍ ČEŠTINY 1000–1300⁵

Z hlediska historického představuje 10. – 13. stol. složité období postupně se formujícího českého státu, který se ve 13. stol. zapojuje do evropského kulturního a politického dění (především střeoevropského). Jednotící rámec pro všechny národy západní poloviny Evropy tvořila římskokatolická církev: spojovala středověkou společnost do

* Filozofická fakulta, Ústav českého jazyka, Arna Nováka 1/1, 602 00 Brno, Česká republika; pleskalo@phil.muni.cz

- 1 Studie vznikla v rámci projektu Nový encyklopedický slovník češtiny online – GAP406/11/0294.
- 2 Termínem antroponymie je označován soubor antroponym v určitém jazyce, na určitém území a v určité době. – V našem případě se jedná o soubor antroponym obyvatel českých zemí v průběhu 12. – 20. stol.
- 3 Antroponymický materiál česky mluvících obyvatel čerpáme z monografie Pleskalové (2011).
- 4 Jako příjímí bývá označováno doplňkové neoficiální jméno, a to nedědičné, nezávazné a nestálé.
- 5 K periodizaci vývoje antroponym viz Pleskalová (2011).

jednoho celku a do jisté míry „legalizovala“ funkci státních institucí. Její mnišské řády vyjadřovaly dobové ideály zbožnosti a šířily úctu k papežství jako instituci nadřazené místním biskupským autoritám. S tímto poselstvím pak mniši pronikali na různá území bez ohledu na suverenitu feudálních vrchností. Z uvedeného vyplývá, že české země měly se svými sousedy, zejména německými, hojné kontakty (podrobněji Beneš 1998, 1: 29–33; Rada/Vaníček et al. 1992: 19–97). – Z hlediska jazykového šlo o období, kdy v českých zemích plnila funkci kulturního jazyka latina. První české písemné památky, zpočátku nesouvislé (tj. jednotlivá slova, především antroponyma a toponyma, později části vět a souvětí), pocházejí ve větší míře až od poloviny 12. stol. Od té doby přibývá písemností, zejména administrativních listin a listů, a s nimi se zvyšuje počet antroponym vypoovídajících o obyvatelích českých zemí. I když údaje o jejich „národnosti“ schází (mnohdy máme k dispozici pouze jméno), poskytuje náš materiál dostatek důkazů o tom, že repertoár antroponym užívaný českými obyvateli vykazuje podobné rysy s repertoárem jmen německých příchozích: je to jednak stejný základní repertoár přejatých jmen (viz dále), jednak oficiální jednojmennost: každý člověk byl na veřejnosti identifikován jediným oficiálním jménem (*Erkenbertus*, *Buguslav*⁶), od konce 12. stol. často provázeným zpřesňujícím doplněním (*Slavoň archidiaconus*, *Engelbertus archidiaconus Bechinensis*) nebo (spíše až od 13. stol.) přijímím (*Wilhelmus de Dúbravic*, *Bohuslaus de Horka*); citováno podle Pleskalové (2011: 38, 41).

Antroponymie český mluvícího obyvatelstva se skládá ze dvou stejně závažných částí: **1. Jména domácí**, tj. českého, popř. praslovanského původu: Jsou tvořena na základě čtyř obecně platných pojmenovacích motivů antroponym: vyjadřují charakteristiku pojmenovávané osoby na základě některé její vlastnosti (*Dobrek* 'dobrý člověk'), činnosti (*Modlík* 'kdo se modlí'), vztah k jiné osobě, bohu (*Bogumil* 'bohu milý', *Vítovic* 'syn Vítův'), vztah k místu (*Podles*). V návaznosti na praslovanštinu se jména tvořila antroponymizací apelativ (často šlo o jména metaforická nebo metonymická: *vlk* > *Vlk*), prefixací (*Podgrad*), sufixací (*Budiš* < *Budivoj*) a kompozicí (*Váceslav*, později *Václav* 'více slavný').

2. Jména přejatá: Jména německá pronikala do českých zemí v důsledku četných česko-německých politických, hospodářských a společenských kontaktů. Již od 10. stol. je přinášely německé manželky Přemyslovců a jejich početný doprovod (*Kunhuta*, manželka Václava I.). Proto někteří Přemyslovci dostávali německá jména (např. v průběhu 11. – 12. stol. *Konrád I. Brněnský* a jeho synové *Oldřich a Litold*, *Ota Olomoucký* a jeho syn *Ota*) nebo si je připojovali k českému (*Přemysl I. Otakar*). V návaznosti na tyto skutečnosti pronikala německá jména také do šlechtických rodů (*Oldřich z Hradce*, *Jindřich z Rožmberka*). Na rozšíření německých jmen se dále podíleli němečtí rytíři, mniši a církevní hodnostáři, např. mnozí kněží dostávali při vysvěcení německá jména (sv. Vojtěch převzal jméno svého učitele Adalberta). Příliv německých jmen vrcholí na konci 13. stol., kdy v rámci velké vnější (německé) kolonizace přichází německy mluvící kolonisté a jejich prostřednictvím se šíří německá jména i do vrstev neurozených: z české země se tak stává země dvou národů se všemi důsledky. Je však

6 Při citaci jsou jména uváděna v té podobě, jakou mají v příslušném historickém pramenu nebo v odborné literatuře.

třeba zdůraznit, že němečtí příchozí (měšťané i sedláci) netvořili homogenní skupinu, a to ani po stránce jazykové (mluvili různými dialekty). Brzy se sblížili se svým okolím, ztotožnili se s českou státností a podíleli se na výstavbě země české i moravské jako její plnoprávní obyvatelé (Rada/Vaniček et al. 1992, I: 83–86). Tyto skutečnosti odráží také antroponymie českých zemí, neboť hojný výskyt německých antroponym je jejím význačným rysem. K nejčastěji užívaným německým jménům té doby patří především *Conradus* (*Cunradus*), *Heinricus*, dále *Albertus* (*Adalbertus*), *Arnoldus*, *Bertholdus*, *Fridericus*, *Gotfridus*, *Hermanus*, *Marquardus*, *Otto*, *Odalricus* (*Ulricus*, *Oldrich*). Druhým, neméně významným zdrojem přejatých antroponym bylo křesťanství. Při jeho šíření přicházela do českých zemí – stejně jako tomu bylo v celé západní polovině Evropy – **křesťanská/církevní jména řeckého, latinského a hebrejského původu**. Užívání těchto jmen se zpočátku omezovalo jen na kláštery a duchovenstvo, ale s rostoucím vlivem mnišských řádů zasáhla české země již ve 13. stol. první vlna křesťanských jmen včetně kultu svatých. Světci se stávají ochránci národa, různých povolání a také těch osob, které nosí jejich jméno. Začínají se prosazovat jména světecká, zatímco jména domácí, pohanská (*Nemoj*, *Črnoch*, *Vlk* apod.) ustupují. Patronem českého národa se stal sv. Václav a jeho zásluhou se české jméno *Václav* stalo světeckým a zařadilo se v českých zemích mezi nejčastěji užívaná jména církevní. Důležité místo mezi oblíbenými svatými zaujímal ještě babička sv. Václava sv. Ludmila a sv. Vojtěch. K nejčastěji užívaným světeckým jménům patří v první řadě *Johannes* (*Jan*) a *Petrus* (*Petr*), dále *Andreas*, *Georgius* (s českou podobou *Jurík*), *Stefanus*, *Theodoricus*, *Martinus*, *Paulus*, *Jacobus* (podrobněji Pleskalová 2011: 29–36).

Antroponymie německy mluvícího obyvatelstva: Přestože historické prameny té doby o jazykové příslušnosti pojmenovávaných mlčí, není pochyb, že řada přejatých jmen, která byla zaznamenána v soudobých písemnostech týkajících se českých zemí, patří německým příchozím – šlechtě a duchovenstvu (např. víme, že církevní komunity byly vícenárodní). Jména neurozených lidí byla doložena v této době jen vzácně. Obě etnika (české i německé) spojovalo křesťanské náboženství a s ním i stejná křesťanská jména. Z uvedeného vyplývá, že základní repertoár přejatých jmen církevních i jmen německých byl v obou skupinách obdobný⁷ (o tom svědčí např. jména olomouckých měšťanů; podrobněji Spáčilová 2011a: 103).

2 OBDOBÍ 1300–1500

Etapu hospodářského rozmachu vystřídal po roce 1380 dlouhé období hospodářského úpadku. Tehdy zasáhla Království české rozsáhlá morová epidemie, která způsobila zvláště ve městech prudký úbytek obyvatelstva a s ním změnu jeho národnostní skladby. Německé etnikum, které ve velkých městech do té doby převažovalo, utrpělo značné ztráty a na jejich místo nastoupilo české etnikum přicházející z vesnic či málo významných městeček. Tato migrace vedla k výraznému počestění měst, ale jen v Čechách. Na Moravě a ve Slezsku si německy mluvící obyvatelstvo udržovalo převahu

7 Viz výše Antroponymie česky mluvícího obyvatelstva.

nadále (podrobněji Beneš 1998, I: 31–34). Hospodářský pokles konce 14. stol. ještě více prohloubila husitská revoluce a následné boje o český trůn, které byly ukončeny až v letech 1478–1479. – Národnostní situace je výsledkem předchozího vývoje. V mnohých oblastech českých zemí se na počátku 14. stol. prosadil českoněmecký bilingvismus. I přes pozdější regionální národnostní výkyvy zůstává německé etnikum pevnou součástí obyvatelstva českých zemí. Vedle latiny se v tomto období začaly ve větší míře uplatňovat také němčina a čeština, a to i v textech administrativní povahy. S upevňováním pozic českého obyvatelstva v Praze a ostatních husitských městech se v 15. stol. začala prosazovat v městském úřadování čeština. Některé administrativní písemnosti byly dokonce překládány do češtiny, a to včetně jejich vlastních jmen, ale existovaly i opačné případy, kdy byly české záznamy (včetně proprií) překládány do němčiny (podrobněji Rada/Vaníček et al. 1992, I: 98–202). Jak české, tak německé etnikum hojně užívalo ve funkci křestních jmen (a později i příjmí) formální hypokoristika (*Henc* < *Heinrich*, *Beneš* < *Benedikt*; podrobněji Spáčilová 2011a: 106–110; Pleskalová 2011: 66–69) a tento trend pokračoval i v dalším období.

Antroponymie český mluvícího obyvatelstva: Ve funkci oficiálních jmen začínají převládat **jména přejatá** (příp. jejich **hypokoristika**), a to jak **německá**, tak **církevní** (tj. řeckého, hebrejského a latinského původu), avšak **jména domácí** (včetně jejich hypokoristik) ještě zcela vytlačena nejsou. V soudobém listinném materiálu vystupují ve funkci oficiálního jména např. jména *Bohuslav*, *Branislav*, *Dluhomilus*, *Hlaváč*, *Jaroš*, *Mladota*, *Protivoj*, *Vlček* a ženská jména *Příba*, *Sudka*, *Vojslava* (podle Pleskalové 2011: 64–65), ovšem jména vyjadřující charakteristiku pojmenovávané osoby či vztah k místu (*Šedivec*, *Mazal*, *Hradecký*) už mezi nimi téměř nejsou; takto motivovaná antroponyma se totiž přesouvají do sféry neoficiálních pojmenování, stávají se příjímím nebo přezdívkou a slouží jako druhé, doplňkové jméno, které bývá stále častěji připojováno ke jménu oficiálnímu (*Martin Malý*). Tyto dvojice – spolu s dvojicemi oficiální jméno + nepropriální zpřesňující doplnění (*Mikuláš mlynář*) – vytvářejí základnu, na níž byla postupně budována dvoujmenná antroponymická soustava (křestní jméno + příjímí). Tato dvoujmennost je prozatím neoficiální, neboť příjímí je jméno nezávazné, nedědičné, nestálé, a vztahuje se většinou jen k mužským zástupcům rodin.

S šířením křesťanství se do funkce oficiálních jmen dostávala antroponyma, která byla dávana při křtu, tedy **jména křestní**. Jejich repertoár představuje plynulé pokračování vývoje antroponym z předchozího období: jeho typickými rysy jsou úbytek domácích jmen a nárůst jmen přejatých: německých (v důsledku česko-německých kontaktů) a církevních (v souvislosti s druhou vlnou křesťanských jmen pronikající ve 14. stol. do českých zemí). Nejčastěji užívaným mužským jménem té doby je *Johannes* (*Johann*, *Jan*),⁸ druhé místo zaujímá *Nicolaus* (*Mikuláš*) a o třetí se dělí jména *Petrus* (*Peter*, *Petr*) a *Venceslaus* (*Václav*, *Wenzel*). Vedoucí čtveřici tedy tvoří **jména církevní**, světecká, z nichž *Venceslaus* je českého původu a v antroponymii českého etnika hraje významnou roli. Poměrně hojně užívaná jsou též církevní jména *Andreas* (*Ondřej*),

8 Podle použitého jazyka mají jména podobu latinskou, německou nebo českou: např. jméno něm. původu *Ulrich* má lat. podobu *Ulricus* a čes. *Oldřich*. Jména jsou dokládána v různých variantách; z nich pro ilustraci vybíráme ty nejčetnější.

Jacobus (Jakub, Jakob), Martinus (Martin), Mathias (Matyáš, Matěj), Michael (Michal), Paulus (Paul, Pavel), Stephanus (Stephan, Štěpán). Zastoupena jsou také jména *Bartoloměj (Bartholomeus), Tomáš (Thomas), Jiřík (Georgius, Georg), Filip (Philippus)*. Nejčastěji užívaná ženská jména jsou *Margaretha (Markéta), Katherina (Kateřina), Elisabeth (Eliška), Dorothea (Dorota)*, méně častá jsou *Klára (Clara), Ludmila, Magdalena a Jana (Johanna)*.

Jména německá tvoří rovněž významnou a stabilní část repertoáru křesťných jmen. K poměrně často užívaným patří *Albert (Albrecht), Bernard (Bernhart), Dietrich (Děřířich), Fredericus (Fridrich, Bedřich), Henricus (Heinrich, Jindřich), Hermanus (Hermann, Heřman), Konrád (Conrad, Kunrád), Ulricus (Ulrich, Oldřich)*. Mezi častěji užívanými ženskými jmény nebylo žádné německého původu.⁹

Antroponymie německy mluvícího obyvatelstva se i v tomto období shoduje v základních rysech s antroponymii českého etnika a tím dokazuje, jak jsou obě komunity těsně propojené. Nejužívanějším křesťným jménem je *Johannes* v různých podobách (*Johann, Hans, Jan, Hensel*), o druhé a třetí místo se dělí *Nicolaus* a *Petrus (Peter)*, poté následují poměrně často užívaná jména *Michael (Michel), Jacobus (Jacob), Andreas (Andres), Martinus (Martin), Mathias (Matthäus)* a *Wenceslaus (Wenzel, ojedinele Waczlaw)*, nevýznamnější české církevní jméno, jehož nositeli jsou však i v německém prostředí většinou asi Češi. V různé míře a v závislosti na situaci v jednotlivých regionech jsou užívaná další církevní jména, jako např. *Thomas, Paulus, Franciscus (Franz, Frank), Steffanus (Steffan, Stephan), Georg (Georgius)*. Ze jmen německých jsou poměrně častá antroponyma *Henricus (Heinrich), Albertus (Albert, Albrecht), Hermannus (Hermann), Ulricus (Ulrich)*, méně častá jsou jména *Conradus, Dytmar, Otto, Wilhelm* atd. Nejčastější ženská jména jsou církevní jména *Margaretha, Anna, Katharina, Elisabeth, Dorothea*, ostatní antroponyma, např. německého nebo českého původu (*Kuna, Hedwig, Ludmilla*), jsou spíše ojedinelá.¹⁰

V antroponymii německého etnika bylo preferováno dvoučlenné pojmenování, tj. křesťné jméno/formální hypokoristikum + příjmi/přezdívká (Beiname, Übername) – *Nicolaus dictus Schuster*, popř. křesťné jméno + dědičné jméno rodiny (Familiename) – *Petrus Eberhart*, a to i na venkově (Spáčilová 2004; Pleskalová 2011: 87–90). Je tedy pravděpodobné, že německé vyspělejší pojmenovací zvyklosti a zkušenosti s evidencí obyvatel se staly vzorem po obdobné zápis v českém prostředí.

3 OBDOBÍ 1500–1786

Z hlediska historického jde o rozsáhlé a složité období, jehož vylíčení zdaleka přesahuje rámec této studie (podrobněji viz např. Rada/Vaniček et al. 1992, I: 203–303; Bělina/

9 Všechna výše uvedená jména jsou v českých zemích užívaná až do 18. stol., ovšem s různým kolísáním dobovým a místním, takže jejich definitivní pořadí podle četnosti jejich výskytu sestavit nelze. Toto tvrzení platí pro všechny soubory užívaných jmen v této studii uvedených. Podrobněji Pleskalová (2011: 63–66).

10 Prameny: Horčička (1896); Müller (1929); Schlesinger (1892); Spáčilová (2011a: 103–104); Spáčilová (2011b: 427–430).

Rak et al. 1992, II: 11–56). Pro antroponymii té doby je důležitý fakt, že první příslušník „cizí“, tj. habsburské dynastie byl uveden na český trůn v r. 1526 a od té doby až do r. 1918 byly české země nedílnou součástí většího státního celku se všemi důsledky, k nimž patřil také příliv cizinců (urozených i neurozených), a to především Němců (Beneš 1998: 34–51). – Z hlediska vývoje antroponymie českých zemí je však tato etapa českých dějin pojímána jako jeden celek, neboť jejím nejvýraznějším rysem je neoficiální dvoujmennost (v rámci německého etnika jde již o poměrně stabilní dvoujmennost), která byla definitivně ukončena patentem Josefa II. z 1. 11. 1786, nařizujícím obyvatelům dědičných zemí přijmout stálé příjmení. Pro židovské obyvatelstvo vešlo toto nařízení v platnost od 1. 1. 1788 (Pleskalová, 2011: 94–95).

Antroponymie český mluvících obyvatel: Typickým rysem je neoficiální dvoučlenné jméno (křestní jméno + příjmení), které se postupem doby prosazuje a ustaluje, takže před r. 1786 měl téměř každý mužský zástupce rodiny toto dvoučlenné, poměrně ustálené jméno (*Martin Šimek*). Nedospělé děti a ženy nadále zůstávaly při identifikaci vázány na otce či manžela (*Anna dcera Hanušova, Anna manželka Šimkova, ale i Anna Šimkova*).

Repertoár mužských jmen se do r. 1720 nijak podstatně nemění, obsahuje především jména oblíbená v předchozích obdobích. **Nejužívanějším křestním jménem** v českých zemích nadále zůstává *Jan (Johannes, Johann)*, velmi časté bývá v některých regionech i jméno *Jiří (Jiřík, Georg, Jíra)*. **Mezi často užívaná jména patří** *Martin (Mertl), Václav (Wenzl, Vaněk), Pavel (Paul), Matěj (Mates), Matyáš (Mathias), Jakub (Jakob), Havel, Matouš, Ondřej (Andreas, Vondra), Jindřich (Heinrich, Jindra), Tomáš (Thomas, Tomeš), Vít (Vít), Daniel (Daněk), o něco méně jsou zastoupena antroponyma *Petr, Mikuláš (Nicolaus, Niklas), Šimon, Štěpán (Steffan), Urban, Bartoloměj (Bárta, Bartl), Vavřinec (Lorenc, Vávra), Řehoř (Gregor, Říha), Valentin, Blažej (Blažek), Bedřich, Karel, Adam, Marek, Kliment, Michal (Michael), Kryštof, Tobiáš (Dobiáš), Kašpar, Lukáš (Lucas, Lukeš), Zikmund (Sigmund), Bernard, Vojtěch*. Jméno *František* se častěji vyskytuje v podobě *Franz*, a to většinou v oblastech, kde sídlili i Němci.*

3.1 Repertoár ženských jmen do roku 1720

K nejoblíbenějším patří *Anna, Kateřina, Dorota* a od druhé poloviny 17. století je v některých oblastech patrný nárůst jména *Marie*, a to patrně – vedle svěřence Marie Magdaleny – již jako důsledek cílevědomě pěstovaného mariánského kultu. Často užívaná jsou antroponyma *Ludmila (Lidmila), Magdalena (Mandalena), Alžběta (Elisabeth), Markéta (Margareta, Margita, Margeta, Markyta), Kunhuta (Kuna), Zuzana (Zuzka), Mariana, Apolena, Barbora, Salomena, o něco méně jsou zastoupena jména *Alina, Justina, Uršula (Voršila), Regina, Marta, Polyxena, Johana, Maruše, Františka*.*

Tento základní soubor mužských a ženských křestních jmen doplňuje množství sporadicky užívaných antroponym různého původu (např. *Ambrož, Benjamin, Ctibor, Florián, Jeroným, Jonáš, Augustina, Juliana, Lukrécie*) a společně vytváří pestrý a bohatý repertoár křestních jmen, který se v jednotlivých oblastech – podle konkrétních podmínek – mírně obměňuje. Např. mnohá ze jmen považovaných v celouzemním mě-

řítku za málo užívaná či sporadická mohla z různých příčin dosáhnout v některých regionech vyššího výskytu. Výběr křestních jmen je totiž řízen určitými pojmenovacími motivy a míra jejich uplatnění závisí na konkrétní situaci v dané oblasti. Např. Holá (2009: 191) zjistila, že za nadprůměrnou oblibou jména *Karel* ve vsi Janovice stojí místní primas téhož jména, který býval vyhledávaným kmotrem, po němž děti obvykle dostávaly jméno. Nově narozeným dětem byla také často volena jména podle patrona místního kostela nebo příslušného regionu (*Wolfgang* na Klatovsku).

3.2 Křestní jména v 18. století

Repertoár těchto jmen prošel v 18. století výraznými změnami. Vyvolaly je 1) zvýšený kult P. Marie a sv. Josefa (jméno *Ježíš* je dodnes v České republice tabu), 2) kanonizace nových svatých a jejich propagace církevními řády (František Xaverský, Jan Nepomucký, Karel Boromejský, Antonín Paduánský, Terezie atd.), 3) využití těchto jmen v Habsburském rodu (*Marie, Terezie, František, Josef, Karel...*). Dříve užívaná křestní jména sice nezanikla, užívala se dále (byla podporována rodinnou tradicí, různými aktuálními potřebami a místními zvyklostmi), ale v popředí stála již nová jména, označovaná jako barokní; podrobněji Šmilauer (1974: 20–25); Pleskalová (2011: 97–107).

3.3 Mužská jména

K nejoblíbenějším jménům patří v první řadě *Jan (Johannes, Johan, Hans)*, jehož popularita byla podpořena kanonizací Jana Nepomuckého (1729), dále *Josef, František (Franz), Václav (Wenzl)* jako patron českých zemí, v některých oblastech má vysokou četnost též *Antonín (Anton)*. Mezi **běžně užívaná** se řadí *Jakub (Jakob), Matěj, Jiří, Karel, Šimon, Kašpar, Martin, Ondřej, Vojtěch, Tomáš, Matouš, Michal, Ignác, Dominik, Petr, Adam, Bartoloměj, Pavel, Daniel, Leopold, Joachim, Vavřinec (Lorenc)*.

3.4 Ženská jména

Nejvíce oblíbená jsou jména *Marie, Anna, Kateřina*, často užívaná jsou antroponyma *Barbora, Josefa, Dorota, Magdalena, Františka, Eva, Terezie, Alžběta, Ludmila*, **poměrně častá** jsou *Markéta, Rozina, Zuzana, Jana (Johana), Veronika*.

Tento základní repertoár mužských i ženských křestních jmen doplňuje řada antroponym užívaných jen sporadicky (viz např. Beneš 1998, I). Dodejme, že mezi oblíbenými jsou pouze dvě jména německého původu (*Karel, Leopold*), zato tři jména domácí – česká (*Václav, Vojtěch, Ludmila*).

3.5 Antroponymie německy mluvících obyvatel

Vyvíjí se ve stejných podmínkách jako antroponymie českého etnika, proto v ní od začátku 18. stol. zaujímají čelné místo jména barokní (viz výše). Antroponyma, která patřila k oblíbeným jménům v 17. století., sice z užívání nevyšla (jejich zásluhou je repertoár křestních jmen nadále pestrý), ale jejich četnost klesla. Např. Spáčilová

(2011a) uvádí, že v Olomouci byl v **16. – 17. stol.** nejoblíbenějším mužským jménem *Johann*, na druhém místě byl *Georg* a po něm následovala antroponyma *Martin*, *Mathias/Matthäus*, *Jacob*, *Wenzel*, *Valentin*, *Andreas*, *Paul*, *Christoph*. Méně častá, ale dokládána z celého zkoumaného území byla jména *Albrecht*, *Andreas*, *Elias*, *Fridrich*, *Gregor*, *Hans* (< *Johannes*), *Casper*, *Urban*, *Wenzel* (viz např. Rozprýmová 2007; Kloudová 2011). Z ženských jmen se nejvíce uplatňovala *Anna*, dále *Barbara*, *Magaretha*, *Marina*, *Katharina* (podle Spáčilové, 2011b: 428)¹¹. – Jak v českém, tak v německém prostředí mohly děti dostat při křtu dvě jména: *Jan Václav*, *Johann Adolf*, *Anna Marie*.

V 18. století došlo v repertoáru křestních jmen k výrazným změnám. Také v německém prostředí ovlivňovaly výběr těchto jmen kult P. Marie a sv. Josefa, jména nových světců a fakt, že mnohá z nich volili i Habsburkové (Josef II., Marie Terezie, Karel VI. atd.), ovšem antroponyma užívaná v 17. století se uplatňovala nadále.

4 OBDOBÍ 1786–1945

Během tohoto rozsáhlého období prošly české země složitým hospodářským, politickým a společenským vývojem (podrobněji např. Bělina/Rak 1992: 11–101; Pleskalová 2011: 134–138). Do r. 1945 žili Češi a Němci v těsném kontaktu, který byl upevňován četnými smíšenými sňatky. Tyto skutečnosti se odrazily i v antroponymii českých zemí (Beneš 1998: 52–58). Obě etnika spojovalo dvoučlenné oficiální pojmenování, které bylo závazné pro všechny obyvatele včetně žen a dětí (*Antonín Kmoch*, *Marie Löschnerová*), a zpočátku též společný základní repertoár křestních jmen, v němž zaujímal přední místo jména barokní a který obsahoval širokou škálu křestních jmen užívaných v 17. – 18. století. V 19. století sice obě etnika nadále preferovala barokní jména, ale v ostatních jménech se začala od sebe odlišovat. Od počátku českého národního obrození (1770) pronikala do repertoáru křestních jmen Čechů stále častěji jména slovanského původu jako výraz národního uvědomění (*Jaroslav*, *Bohumil*, *Božena*), zatímco Němci užívali mnohem častěji než Češi četná jména původu německého (*Wilhelm*, *Rudolf*, *Adolf*). S postupným prosazováním češtiny do různých oblastí veřejného života vzrůstala u Čechů obliba jmen slovanských a jména německého původu pozvolna ustupovala do pozadí. Vznik samostatného českého státu v r. 1918 pozici češtiny významně posílil a díky prestiži národního jazyka přečkala čeština období německé okupace (1939–1945) beze škod. Ovšem v těchto pro Čechy těžkých dobách popularita německých křestních jmen klesala a v r. 1945 zanikla zcela. Těsné česko-německé kontakty skončily v roce 1945 vyhoštěním Němců z ČR. Negativní postoj k německým jménům sice postupně slábl, ale ani v druhé polovině 20. století nebyla v ČR německá jména častá. Většinou se udržovala v důsledku rodinné tradice (otec a syn mají jméno *Karel*).

11 Oblíbenost zde uvedených jmen potvrzuje řada dalších studií a monografií, např. Beneš (1998) nebo diplomové práce věnované analýze antroponym doložených v některém ze soudobých historických pramenů, např. Rozprýmová (2007) nebo Kloudová (2011); podrobněji Pleskalová (2011: 96).

Naše tvrzení dokládá následující antroponymický materiál z českých zemí. V letech **1786–1840** patřila podle Šmilauera (1950: 174–175) k nejužívanějším jménům v českých zemích antroponyma *Josef, Jan, František, Václav, Antonín, Anna, Marie, Barbora, Kateřina, Františka*. V období **1840–1900** obliba barokních jmen trvá, ale zároveň se u Čechů začínají prosazovat také jména národní. Z mužských jmen se vedle jména *Václav* často uplatňují *Jaroslav, Ladislav, Miroslav, Vladimír, Zdeněk*. Podle pražských adresářů z let 1859, 1896 patří mezi pět nejužívanějších jmen českých obyvatel *Josef, Jan, František, Václav, Antonín* (Šmilauer 1974: 25). Doskočil (1941: 25) potvrdil vysokou oblibu těchto mužských jmen a připojil pět nejoblíbenějších jmen ženských, a to *Marie, Františka, Josefka, Antonie, Teresie*, zatímco předtím hojně užívaná jména *Kateřina, Dorota, Barbora* v polovině 19. století ustupovala. Bohuš (2011: 109, 118) ukázal, že němečtí obyvatelé Olomouce upřednostňovali jednak jména barokní, jednak jména německého původu. Uvádí pořadí prvních patnácti mužských i ženských jmen doložených k r. 1880: *Josef, Johan, Franz, Karl, Anton, Wilhelm*, méně častá *Rudolf, Alois, Eduard, Adolf, Julius, Ferdinand, Heinrich, Leopold, Moritz*; *Marie, Anna, Theresia, Francisca, Josefa, Antonia*, méně častá *Emilie, Julie, Katharina, Johanna, Josefina, Rosa, Aloisie, Wilhelmine, Hermine*. Pro období **1901–1950** jsou přesvědčivé dva důkazy: Šmilauer (1974: 25–26) představil na základě jmen v pražském adresáři z let 1937–1938 nejužívanější křestní jména té doby: *Josef, František, Václav, Antonín, Karel*; *Marie, Anna, Božena, Františka, Josefa*. Puš (2010: příloha) uvádí křestní jména užívaná v Olomouci k r. 1910: nejčetnější jsou *Josef, Johan*, poměrně častá *Karl, Rudolf, Franc*, méně častá *Alois, Adolf, Otto, Anton, Eduard* atd.; nejvíce se uplatnila jména *Marie, Anna*, ostatní byla – vzhledem k bohatě zastoupeným prvním dvěma jménům – spíše ojedinelá: *Josefina, Theresie, Emilie, Franziska, Rosa* atd.

Diachronní pohled na česko-německé vztahy s ohledem na antroponymii českých zemí odhalil jejich nejzávažnější důsledky ve sféře antroponym. 1) Společný základní repertoár křestních jmen, v němž zaujímala významné místo jednak církevní jména (např. *Johannes/Johann/Jan*), jednak jména německá (např. *Henricus/Heinrich*), u českých mluvčích obyvatel hojně užívaná do konce 18. stol. Naopak v německém prostředí byla akceptována – ovšem jen v malé míře – nejvýznamnější církevní jména česká (*Václav/Wenzel, Ludmila, Vojtěch*). 2. Vyspělejší způsob identifikace osoby pomocí dvoučlenného jména (*Franz Schuster*), preferovaný německy mluvícími obyvateli již od 14. stol., podpořil a zároveň uspilil zavádění dvoujmennosti v českém prostředí (*Jiřík Kohout*).

Prameny

HORČIČKA, Adalbert (ed.) (1896) *Urkundenbuch der Stadt Aussig bis zum Jahre 1526*. Prag: in Commission bei H. Dominicus Buchhandlung.

MÜLLER, Aug. (ed.) (1929) *Quellen- und Urkundenbuch des Bezirkes TeplitzSchönau bis zum Jahre 1500*. Prag: Druck und Verlagsanstalt, Ges. M. B. H., Teplitz-Schönau.

SCHLESINGER, Ludwig (ed.) (1892) *Urkundenbuch der Stadt Saaz bis zum Jahre 1526*. Leipzig und Wien: in Comission bei F. A. Brockhaus.

Literatura

- BĚLINA, Pavel/Jiří Rak et al. (1992) *Dějiny zemí Koruny české II*. Praha: Paseka.
- BENEŠ, Josef (1998) *Německá příjmení u Čechů I, II*. Ústí na Labem: Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem.
- BOHUŠ, Marek (2011) *Deutsche Personennamen in Olomouc im Jahre 1880*. Olomouc: Disertační práce, FF Univerzity Palackého v Olomouci.
- DOSKOČIL, Karel (1941) „Náčrt dějin českých jmen křesťanů.“ In: Václav Davídek/Karel Doskočil et al., *Česká jména osobní a rodová*. Praha: Rodopisná společnost, 49–69.
- HOLÁ, Pavla (2009) „Křesťanští jména na Klatovsku v 18. století.“ *Acta onomastica* 50, 189–195.
- KLOUDOVÁ, Martina (2011) *Antroponyma v matrice farního úřadu Horní Branná (1661–1666)*. Brno: Magisterská diplomová práce, FF Masarykovy univerzity Brno.
- PLESKALOVÁ, Jana (2011) *Vývoj vlastních jmen osobních v českých zemích v letech 1000–2010*. Brno: Host, Masarykova univerzita.
- PUŠ, Ivan (2010) *Olmützer Volkszählungslisten vom Jahre 1910 als Quelle der Vornamen. Ein Beitrag zur Analyse der Vornamen der deutschen Bürger in der Stadt Olmütz*. Olomouc: Bakalářská diplomová práce, FF Univerzity Palackého v Olomouci.
- RADA, Ivan/Vratislav VANÍČEK et al. (1992) *Dějiny zemí Koruny české*. I. Praha: Paseka.
- ROZPRÝMOVÁ, Jitka (2007) *Antroponyma v chrlickém lánovém rejstříku (1674)*. Brno: Magisterská diplomová práce, FF Masarykovy univerzity Brno.
- SPÁČILOVÁ, Libuše (2004) „Das älteste Olmützer Stadtbuch als anthroponymische Quelle.“ In: H. J. Behr/I. Lisový et al. (eds.), *Deutschböhmisches Literaturbeziehungen. Germano-Bohemica*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 287–306.
- SPÁČILOVÁ, Libuše (2011a) „Weibliche Namen in der Stadt Olmütz bis 1650.“ In: I. Fiala-Fürst/J. Čmerno (eds.), *Amici amico III*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 421–434.
- SPÁČILOVÁ, Libuše (2011b) „Männliche Rufnamen in der Stadt Olmütz bis 1650.“ In: M. Kováčová/J. Meier et al. (eds.), *Deutschslawische Kontakte – Geschichte und Kultur*. Košice: Filozofická fakulta UPJŠ v Košiciach, 95–114.
- ŠMILAUER, Vladimír (1950) „Křesťanští jména v Sobotce 1780–1848.“ *Časopis pro moderní filologii* 33/4, 174–175.
- ŠMILAUER, Vladimír (1974) „Úvodem.“ In: František Kopečný, *Průvodce našimi jmény*. Praha: ČSAV, 9–29.

Resumé
ČESKO-NĚMECKÉ KONTAKTY
VE SVĚTLE ANTROPONYMIE ČESKÝCH ZEMÍ

Diachronní pohled na česko-německé vztahy s ohledem na antroponymii českých zemí odhalil jejich nejzávažnější důsledky ve sféře vlastních jmen osobních. 1) Byl to především společný základní repertoár křesťanských jmen, který se vytvářel v těsném kontaktu česky mluvících obyvatel s německými přichozími a pod sjednocujícím vlivem římskokatolické církve. V něm zaujímal významné místo jména církevní (např. *Jan/Johannes/Johann*, *Nicolaus/Mikuláš*, *Petr/Peter/Petrus*, *Margaretha/Markéta*, *Katharina/Kateřina*) a jména německá (*Henricus/Heinrich*, *Albertus/Albert/Albrecht*, *Ulricus/Ulrich*), u česky mluvících obyvatel užívaná ve větší míře jen do konce 18. stol. Naopak v německém prostředí byla akceptována – ovšem jen v malé míře – nejvýznamnější církevní jména česká (*Václav/Wenzel*, *Ludmila*, *Vojtěch*). 2. Vyspělejší způsob identifikace osoby pomocí dvoučlenného jména (křestní jméno + příjímí, později dědičné příjmení – *Johannes Schwarz*), který preferovalo německy mluvící obyvatelstvo českých zemí již od 14. stol., ovlivnil a zároveň uspil zavádění dvoujmennosti v českém prostředí (*Jan Kohout*), ovšem jen u mužských zástupců rodiny. – Tyto těsné českoněmecké kontakty skončily po druhé světové válce v r. 1945 vyhoštěním Němců z České republiky. Od té doby jsou v ČR křestní jména německého původu spíše ojedinělá, udržují se většinou jen rodinnou tradicí (otec *Karel*, syn *Karel*, podobně *Jindřich*, *Oldřich* a další).

Klíčová slova: antroponyma, čeština, němčina, kontakty

Abstract
CZECH-GERMAN RELATIONSHIPS IN RELATION TO
THE ANTHROPNOMY OF THE CZECH LANDS

A diachronic analysis of Czech-German relationships in relation to the anthroponymy of the Czech lands has revealed that the most significant effect of the contact can be seen in the domain of personal names. First, a common inventory of Christian names formed as a result of the close contact of the Czech-speaking population with the newly arrived German-speaking population and under the unifying influence of the Roman Catholic church. Important parts of the inventory were formed by names relating to the church (e.g. *Jan/Johannes/Johann*, *Nicolaus/Mikuláš*, *Petr/Peter/Petrus*, *Margaretha/Markéta*, *Katharina/Kateřina*) and by German names (*Henricus/Heinrich*, *Albertus/Albert/Albrecht*, *Ulricus/Ulrich*), used more frequently by the Czech-speaking inhabitants only until the end of the 18th century. On the other hand, the most significant Czech names related to the church were – although to a small extent – accepted within the German community (*Václav/Wenzel*, *Ludmila*, *Vojtěch*). Second, a more sophisticated way of identifying a person by using a two-element name (a Christian name and complementary anthroponym, later on a hereditary surname – *Johannes Schwarz*),

preferred by the German speaking inhabitants of the Czech lands already since the 14th century, influenced and also speeded up the introduction of the two-name system in Czech community (*Jan Kohout*), although only in the case of male representatives of families. The close Czech-German contacts ended after World War II in 1945 by the expulsion of Germans from the Czechoslovakia. Since then, names of German origin occur in the Czech Republic only scarcely, mostly as a family tradition (a father named *Karel*, a son named *Karel*, similarly *Jindřich*, *Oldřich* etc.).

Keywords: anthroponyms, Czech, German, contacts

Povzetek

ČEŠKO-NEMŠKI STIKI V LUČI ANTROPONIMIJE ČEŠKIH DEŽEL

Diahroni pogled na češko-nemške stike z ozirom na antroponimijo čeških dežel je razkril najpomembnejše ugotovitve na področju osebnih lastnih imen. 1. Predvsem je obstajal skupni osnovni nabor krstnih imen, ki se je izoblikoval v tesnem stiku češko govorečih prebivalcev z nemškimi prišleki in pod povezovalnim vplivom rimsko-katoliške cerkve. V njem so zavzemala pomembno mesto cerkvena imena (npr. *Jan/Johannes/Johann*, *Nicolaus/Mikuláš*, *Petr/Peter/Petrus*, *Margaretha/Markéta*, *Katharina/Kateřina*) in nemška imena (*Henricus/Heinrich*, *Albertus/Albert/Albrecht*, *Ulricus/Ulrich*), ki so bila v rabi pri češko govorečih prebivalcih v večji meri le do konca 18. stol. Nasprotno so bila v nemškem okolju sprejeta – resda le v manjši meri – najpomembnejša češka cerkvena imena (*Václav/Wenzel*, *Ludmila*, *Vojtěch*). 2. Razvitejši način identifikacije oseb s pomočjo dvodelnega imena (krstno ime + vzdevek, pozneje dedni priimek – *Johannes Schwarz*), ki ga je najraje uporabljalo nemško govoreče prebivalstvo čeških dežel že od 14. stol., je vplival in obenem pospešil uvedbo dvoimenskosti v češkem okolju (*Jan Kohout*), resda le pri moških zastopnikih družine. – Ti tesni češko-nemški stiki so se končali po drugi svetovni vojni l. 1945 z izgonom Nemcev iz Češke republike. Odtlej so v ČR krstna imena nemškega izvora le osamljena, ohranjajo se večinoma le z družinsko tradicijo (oče *Karel*, sin *Karel*, podobno *Jindřich*, *Oldřich* in druga).

Ključne besede: antroponimi, češčina, nemščina, stiki

NEMŠKO-SLOVENSKI STIKI V SLOVENSKI TOPONIMIJI

0 Nemško-slovenski jezikovni stiki segajo že v 8. stol., obravnavali pa so jih številni jezikoslovci, med katerimi velja omeniti predvsem Primusa Lessiaka, Karla Štreklja, Jakoba Kelemina, Ivana Koštiála, Frana Ramovša, Franceta Bezlaja, Eberharda Kranzmayerja, Otta Kronsteinerja, Brigitte Mader, Heinza-Dietra Pohla, Georga Holzerja, Angelo Bergermayer in Huberta Bergmanna. Našteti raziskovalci so se zaradi pomanjkanja drugih pisnih virov za starejše razvojne faze slovenskega jezika naslanjali prav na zapise osebnih in zemljepisnih imen in s tem pripomogli k boljšemu razumevanju njihovega besedotvorja, procesov medjezikovne substitucije in adaptacije. V prispevku se obravnava osem slovenskih zemljepisnih imen, ki so nastala v medjezikovnem stiku, vendar pri treh to velja le za njihove nemške oblike.¹

1 Nemci so prevzeli in oblikoslovno adaptirali slovenska zemljepisna imena, pri čemer so Slovenci v večji ali manjši meri sprejeli te nemške oblike. Na ta pojav je svoj čas opozoril že Štrekelj (1906: 48), ko je pojasnil krajevno ime *Činžat* (nem. *Zinsat*) iz slovenskega apel. *senožet*, mi pa ga ponazarjamo na primerih krajevnih imen *Njiverce* in *Stoperce*. Nasproten primer slovenske adaptacije nemškega imena je *Vojnik*, ki je nastal s transpozicijo iz *Hoheneck* s pomenom 'visoko brdo' (Torkar 2011: 358).

Njiverce

Njiverce so vas v občini Kidričevo (do 1994 občina Ptuj), ki je še l. 1931 štela le 94 prebivalcev (PKLS 1997: 206), danes pa že okrog 700 (spletni vir 1). V historičnih virih je dobro izpričana, zapisi pa nam omogočajo zasledovanje razvoja oblike krajevnega imena: 1220–1230 *Glibatsdorf*, 1369 *Chniebatzdorf*, *Chniewestorf*, 1390 *Chniebotzdorf*, 1440 *Chnyerrczen*, *Gimberczen*, 1450 *Gnibercz*, 1461 *Gimbertz*, 1780 *Newerzen*, 1822 *Niwerzen*, windisch *Niverza*, FK 1824 *Niverzen* (k.o. Gerečja vas), 1883 *Niverce*, 1910 *Nivrce*, 1933 *Niverce*, 1937 *Njiverce*. Sodobne imenske oblike so: *Njiverce*, v *Njivercah*, *njiverski*, *Njiverčani* (Jakopin idr. 1985: 181).

Snoj (2009: 283) izvaja *Njiverce* kot »prvotno zelo verjetno *Njivarice« iz apel. *njivar, vendar je ta razlaga problematična zlasti glede na historične zapise. Če bi bila podstava toponima *njiva, ni mogoče pojasniti srednjeveških oblik z vzglasnim *g*-, ki se pri tej besedi sicer pojavlja v koroških narečjih, npr. rožansko *ñíwa* za 'njiva', tudi Megiser 1744 ima *gniva* in Gutsman 1789 (Ramovš 1924: 119), kar je gotovo pojav,

* Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU, Novi trg 4, 1000 Ljubljana, Slovenija; silvo.torkar@zrc-sazu.si

1 Za pripombe in nasvete pri korigiranju besedila se zahvaljujem kolegici prof. dr. Metki Furlan.

mlajši od 13. stol. Nasprotno je lažje pojasniti izgubo vzglasnega *g-* v mlajšem narečnem razvoju, npr. prekm. *něvka, něfka* za '*gnev*' (Bezljaj 1976–2007/I: 152).

Najstarejši zapis 1220–1230 *Glibatsdorf* omogoča domnevo, da je slovenska podstava toponima verjetno narečni apel. *glívec* '(goba) štorovka' (Pleteršnik) ali *glív-ci* [*g'li:fcí*] '(gobe) sivke' (Rajh 2010: 63), izpričan na Štajerskem (na Pohorju in v Prlekiji). V toponimiji tega območja sta izpričana še zaselka *Glivno* in *Glivnik* (TTN5), ki sta izpeljana iz narečnega apel. *glíva* 'štorovka' (Pleteršnik 2006: 217). Na ponemčenem Štajerskem srečamo tpn *Gleiming* (1150 *Glibenich*, 1272 *Glimnich*), ki ga izvajajo iz **Glivnik* (Lochner v. Hüttenbach 2008: 93, ANB 1989–2004/6: 417). Domnevati je mogoče, da sta bila apelativa *glíva* in *glívec* rabljena sinonimno in da se za nem. zapisom *Glibatsdorf* skriva slovenska oblika **Glívec*, ki pa je imela konkurenčno imensko obliko **Glivna vas*. Z asimilacijo *l-n > n-n* se je iz **Glivna vas* verjetno razvila oblika **Gnivna vas*. Zapisi 14. stol. (*Chniebatzdorf, Chniewestorf, Chniebotzdorf*) odražajo že prenarejeno vzporedno krajevnoimensko obliko **Gnívec*. Ker pogoja za nastanek *n* v **Glívec* ni, je treba predpostaviti vpliv disimilirane slovenske variante **Gnivna vas*. Iz oblike **Gnivna vas* je bilo najverjetneje izpeljano stanovniško ime **Gnivenci*, v tož. smeri **Gniveness*, ki je začelo nastopati v vlogi krajevnega imena, kot se je to marsikdaj dogajalo, npr. *Dragonja vas* (iz **Dražigojna vas*, 1527 *Drassiganawess*), ki je še 1822 izpričana z imenom *Dražence* (Schmutz 1822: 270). Zapisi 1440 *Chnyerrczen, Gimberczen*, 1450 *Gnibercz* odražajo imensko obliko **Gniverce*, ki je rezultat delnega glasovnega ponemčenja izglasja, primerljivega s tistim pri imenu *Stoperce* (iz **Stopence*). Dragoceni bi bili zapisi za 16. in 17. stol., iz katerih bi videli, kdaj je odpadel vzglasni *g-*. Pri poknjževanju imena so šele uredniki KLDB (1937) z vstavitvijo črke *-j-* izpeljali nedvoumno naslonitev na apel. *njiva*.

Stoperce

Po enakem modelu kot *Njiverce* je bilo najverjetneje tvorjeno tudi krajevno ime *Stoperce* v občini Majšperk (do leta 1994 občina Ptuj) z imenskimi oblikami: v *Stópercah, stóperški, Stóperčani* (Jakopin idr. 1985: 275). Ime je izpričano v zgodovinskih virih, začeniši z letom 1438: *Stamphendorf*, 1440 že *Stamphern*, 1448 *Stainpharren*, 1780 *Stupricza*, 1792 *Stopenzen*, nar. *Stopernce* (Žunkovič 1927: 75), FK 1825 *Stopperzen* (k.o. *Stoperce*), 1872 *Stoperce*, 1894 *Stoperci*, 1904 *Stoprce*.

Štrekelj (1906: 60) je rekonstruiral krajevno ime *Stoprce* kot **Stoparci*. Oblika na *-ce* (iz *-ci*) je po njegovem nastala iz **Stoparji* (iz apel. *stopar* 'kdor dela s stopami') pod vplivom bližnjih krajevnih imen na *-ci*. Toda ljubiteljski jezikoslovec Žunkovič je o tem imenu pozneje priobčil kratko imenoslovno črtico (Žunkovič 1927: 75), kjer je navedel pomemben zapis iz leta 1792: *Stopenzen*. Srednjeveška zapisa 1438 *Stamphendorf* in 1440 *Stamphern* po njegovem kažeta, da se je kraj prvotno imenoval *Stopno* (kar so Nemci prevedli v *Stamphen*), prebivalci pa *Stopenci*, kar so Nemci prevedli v *Stamphern*. V zapisu iz leta 1792 je ohranjena stara slovenska oblika *Stopenci*, medtem ko je današnje nar. *Stopernce* nastalo s križanjem med slovensko in nemško obliko. V bližini, pri Makolah, obstaja tpn *Stopno*, ki pa ni bil preveden v nemščino, saj je v 13. stol. zapisan s *Stopendorf*, v 19. stol. pa kar s *Stoppno*. Žunkovič

je na podlagi vseh historičnih zapisov prepričljivo ovrgel Štrekljevo rekonstrukcijo in dobro utemeljil svojo. Snój (2009: 396) kljub vsemu prevzema Štrekljevo razlago imena *Stoperce*, Žunkovičevo razlago pa brez komentarja podaja v drobnem tisku med opombami.

2 Nemci so krajevno ime adaptirali ali prevedli, medtem ko so Slovenci ohranili svojo imensko obliko, ki se je spreminjala v skladu z domačim glasovnim razvojem. Takšen primer predstavljata krajevni imeni *Vižmarje* in *Goriča vas*.

Vižmarje

Vižmarje so nekdanja vas, ki je od l. 1975 del Ljubljane. V zgodovinskih virih zasledimo zapise: 1283 *Geiselmansdorf*, 1385 *Geismanstorf*, 1421 *Geysmerstorf*, 1497 *Geissmannsdorf*, 1554 *Vsmariach*, *Vsmarich*, 1744 *Vifchmarie*, 1780 *Vismarie*, FK 1826 *Wischmarie*, 1843 *Vishmerje*, 1868 *Vižmarje*. Sodobne imenske oblike so: v *Vižmarjah*, *vižmarski*, *Vižmarčani*. Ime je prvi skušal razložiti Kelemina (1944: 393), Bezljaj (1965: 115) in Snój (2009: 461) pa sta njegovo razlago sprejela. Srednjeveški zapisi naj bi dokazovali, da je tpn izpeljan iz nem. atn *Gismar*, kar naj bi Slovenci z gorenjsko palatalizacijo vzglasnega *g*- glasovno adaptirali v **Jižmar*. Nato naj bi se zgodilo še zlepljenje predloga *v* z imenom. Tpn naj bi potemtakem predstavljal tožilnik množine od os. i. **Jižmar* (**Jižmarje*), skupaj s predlogom pa **Vjižmarje*. Ta razlaga se je izkazala kot malo verjetna, takoj ko je postalo jasno, da je v slovensko-nemškem jezikovnem stiku že od nekdanj prihajalo do substitucij slovanskega *v* z nemškim *g* (Torkar 2015: 279). O teh substitucijah nam pričajo stari zapisi slovanskih osebnih in krajevnih imen, ki so jih napravili nemški pisarji.

Že v leto 870 sega zapis *Sclagamar* za moravskega kneza *Slavomirja* (Miklošič 1860: 311). Vas *Schlammersdorf* pri Erlangenu na Bavarskem se v virih navaja 1050 kot *Slagamaredorf* in 1169 kot *Slagemarsdorf* (Schwarz 1960: 258). Nedvomno je tudi *Slagomerje*, staro ime za *Žahenberc* v o. Rogatec, nar. *Slagómarje*, rezultat nemške substitucije slovenskega imena **Slavomirje*, le da so ta nemški *g* prevzeli tudi Slovenci. Zapisi 1436 *Slagamer*, *Slogomer*, *Slugamer*, 1458 *Slungomer*, *Slugomor*, *Zlogomer*, 1489 *Slogomer*, 1780 *Zlagomarie* dokumentirajo substitucijo vsaj od 15. stol. dalje. Tudi vas *Visole* v o. Slovenska Bistrica z imenskimi oblikami *na Visolah*, *visolski*, *Visolčani* in s historičnimi zapisi 1265–1267 *Gyzubel*, 1454 *Gisuebel*, ok. 1500 *Gwesswbel*, *Gussublperg*, 1822 *Giessgiblberg*, windisch *Gissule*, ima že zgodaj izpričano substitucijo etimološkega slovenskega *v* z nemškim *g*. Če gre verjeti zapisu iz leta 1822, so občasno tudi Slovenci prevzeli nemški izgovor. *Vitomarci* v Slovenskih goricah nastopajo v starejših nemških zapisih kot *Witmarsdorf* in zlasti *Wittmansdorf*, enkrat samkrat (leta 1500) pa tudi *Gittmansdorf*.

Glede na dobro dokumentiran pojav substitucije *v* → *g* smemo zato nemške zapise 1421 *Geysmerstorf*, 1497 *Geissmannsdorf* jemati kot glasovno ponemčenje slov. imena **Višemirje* oz. substitucijo z najbližjim nemškim imenom na podlagi sozvočnosti. To nem. os. i. je bilo *Gis(al)mar* oz. *Gis(al)man*, pojav tovrstne substitucije pa je prikazal že Skok pri imenu *Radgona*, nem. *Radkersburg*, kjer so slovensko ime **Radegoj*

Nemci substituirali s svojim *Ratger* (Skok 1924: 44). V imenu *Vižmarje* je torej vsebovan slovanski atn **Vyšemirъ*. **Vyšemirъje* je dalo **Višmarje*, po zvenečnosti premeni pa *Vižmarje*. Ta tip premen (nezveneči glas + zvočnik) vidimo v hdn *Litožnik* < **Ljutošnik*, tpn *Kozmerice* < **Gos(t)merica* idr.

Atn **Vyšemirъ* in **Vyšel'ubъ* sta izpričana v 9. in 12. stol. na Štajerskem in Salzburškem (Kronsteiner 1975: 86–87), **Vyšemirъ* pa pri Čehih v 12. in 13. stol. (Pleskalová 1998: 145) in Poljaki v 13.–15. stol. (Malec 1971: 129). Toponimi iz atn **Vyšemirъ* so izpričani pri polabskih Slovanih (danes v Nemčiji): *Wismar* (1211 *Wissemer*, 1229 *Wyssemaria*, 1253 *Wismaria*) (Trautmann 1950: 166) in na Poljskem: *Wyszomierz*, pred vojno nem. *Wissmar* (Rospond 1983: 151) in *Wysmierzyce* (Malec 2003: 271). Ime *Wyszemir* se razlaga kot zloženka iz adverbialne oblike **vyše* k psl. **vyšъjъ* 'višji' (Vasmer 1986–1987/1: 378, Valčáková 2007: 23, 26) ali kot sr. sp. primerniške oblike **vyše* k psl. **vyšъjъ* 'višji' (Taszycki 1958: 59, ESSJa 1974–/2: 185)² in **mirъ* 'mir, sloga'. Toporov ob tem imenu navaja tudi frazem – uganko *Čto vyše mira?* (Toporov 1993: 61).

Goriča vas

Goriča vas je naselje v občini Ribnica. V virih se navaja 1241 *Weichartsdorf*, 1340 *Weychartes dorf*, 1436 *Weykerstorf*, 1780 *Goricha*, *Goricha Vass*, 1823 *Gorizhavaf*, rod. *Gorizhevaŕi* (Metelkovo gradivo), 1843 *Gorizha Vaf* (*Weikersdorf*), 1894 *Goriča vas*, nem. *Weikersdorf*. Sodobne imenske oblike so: v *Goriči vasi*, *goričevski*, *Goričevljani*. Slovenski jezikoslovci se s tem tpn doslej menda še niso ukvarjali, morda tudi zato, ker je videti preveč prozorno, izpeljano pač iz apel. *gorica*. Toda vsi starejši historični zapisi odražajo nemško verzijo imena, za katero se na prvi pogled zdi, da je polimorfno, torej brez medsebojne etimološke povezave s slovenskim. Vendar nam dva zapisa za tpn *Boričevo* v občini Novo mesto, namreč 1477 *Gorischew* in 1780 *Goriczhevo*, ki odražata občasno glasovno premeno vzglasnega *b-* v *g-*, pomagata pri spoznanju, da imamo tudi pri tpn *Goriča vas* opraviti z enako premeno (Torkar 2015: 281). *Goričo vas* smemo zato rekonstruirati kot **Boritj-ja vьsь*. Ime je izpeljano, enako kot *Boričevo*, le z drugim priponskim obrazilom, iz patronimika **Borič* (< **Boritjъ*), ta pa iz okrajšanega imena **Borъ* k atn **Borislavъ*. Nemci so prevedli osebno ime **Borič* v *Weichart* (< stvn. *Wighart* 'drzen borec'), v slovenskem narečju pa je pozneje prišlo do nepovratne premene vzglasja *b-* v *g-*.

Za slovensko adaptacijo nemške oblike pa gre verjetno pri hibridnem tpn *Vikrče* (v *Vikrčah*) pri Ljubljani, ki je v letih 1394 in 1436 zapisan kot *Weykers*, *Waikers*, nato 1754 *Vickerz*, 1776 *Weikersdorf*, 1780 *Vitercze*, *Witerza*, 1823 *Wikertsche*, 1843 *Vikerzhe* (Ramovš 1924: 264). Bezljaj (1977: 225, ponatis 2003: 572) ga sicer izvaja iz **vykrčъčane*, kar sprejema tudi Snój (2009: 454), vendar je zaradi odsotnosti množinskih oblik v starejših historičnih zapisih ta razlaga manj verjetna.

2 Vasmer, Valčáková in ESSJa sicer na navedenih mestih obravnavajo le dvočlenska atn **Večeslavъ* in/ali **Bol'eslavъ*, ki pa sta tvorjena po istem modelu kot **Vyšemirъ*.

3 Imena s podstavo iz enega jezika in priponskimi obrazili iz drugega so hibridna ali heteromorfnna imena. Ta tip imen je na Slovenskem razmeroma pogosten, npr. *Ruperče*, *Pirniče*, *Gunclje* (nemško osebno ime in slovensko obrazilo *-jb*) (Ramovš 1924: 264) ali *Prosnid*, *Jagnjed* (slovenska apelativna podstava in starofurlansko obrazilo *-ed*) (Torkar 2012: 695). V to kategorijo sodijo tudi krajevna imena *Vižinga*, *Ciringa*, *Temljine* in nemška oblika gorskega imena *Šmarna gora*, ki se glasi *Kallenberg*.

Vižinga in Ciringa

Spodnja in *Zgornja Vižinga* sta vasi v občini Radlje ob Dravi, ki skupaj štejeta nad petsto prebivalcev. V virih sta izpričani že od 12. stol.: 1161 *ad Fusingen*, 1193–1220 *Wosingen*, 1278 *Vevsing*, 1281 *Visingen*, 1305 *Vevsingen*, 1375 *Vising*, 1404 *in der Fising*, 1401–1432 *Fewsing*, 1458 *Feusing*, 1586 *Vising*, 1780 *Feisig*, 1825 *Ober Feising*, *Unter Feising* (k.o. Vižinga Zgornja, k.o. Vižinga Spodnja), 1873 *Gornja Vižinga*, *Spodnja Vižinga*, 1933 *Spodnja Vižinga*, *Zgornja Vižinga*. Sodobne imenske oblike so: *na Vižingi*, *vižinški*, *Vižinčani*.

V imenu *Vižinga* je mogoče prepoznati starejšo slovensko obliko **Višinje*, ki je po elipsi odnosnice *pol'e* nastala iz hpk **Vyšb* k atn **Vyšemirb*, **Vyšegojb* ipd. s svojilno-pridevniškim obrazilom *-inje* (< *-yn'i*), ali morda tudi **Višina*, izpeljanim iz istega hpk z zbirnim obrazilom *-ina*. Obliko *Visingen* so ustvarili nemški pisarji iz slovenskega imena **Višinje* (ali **Višina*) po vzoru nem. tpn na *-ingen* in *-ing*. Podobne primere zasledimo pri imenih *Bohinj* (v 11. stol. nem. *Bochingun*, *Bochingin* za **Bohynjb*), *Bitnje* (nem. *Vitingen*, *Veiting*, *Feichting* za **Bytina*), *Jarenina* (nem. *Jaringen*, *Jaring* za **Jarina*), *Nomenj* (nem. *Neuming* za **Čbrnomynjb*), reka *Mirna* (nem. *Neiringen* za **Nyrina*), češko *Bechyně* (nem. *Bechingen*, *Beching*) (Profous 1947–1960/I: 39). Na slovenskem jezikovnem ozemlju so nekdanja osebna imena s podstavo **Vyše-* oz. **Vyš-*vsebovana v zemljepisnih imenih *Vižmarje* (< **Vyšemirb*), *Višprije* (< **Vyšepribb*), *Višelnica* (< **Vyšb*), *Vižnica* (**Vyšbnica* < **Vyšb*).

Ciringa je vas v občini Kungota tik ob meji z Avstrijo. Predložna raba je *na Ciringi*, pridevniška oblika je *cirinški*, stanovniško ime ni izpričano. L. 1269 se pojavlja v virih kot *Zyerberg*, 1480 je zapisana še v obliki *Zirnickh*. Na Dolenjskem je več krajev z imenom *Cirnik*, v 13.–15. stol. pisanih *Cernik* (*Zernich*, *Cernich*, *Zernik*, *Zernikh* ipd.), zato verjetno smemo izhajati iz apel. *cer* 'vrsta hrasta'. Tu je bilo slovensko obrazilo *-nik* substituirano z nemškim *-ing*, kot se je to dogajalo na ponemčenem ozemlju današnje Spodnje Avstrije, npr. **Rudnik* (1160 *Rudnich*) je dal današnje *Reidling*, **Kamnik* (1308 *Gemmich*) pa današnje *Gaming* (Holzer 2001: 58, 88).

Temljine

Temljine so vas v srednjem delu Baške doline na Tolminskem, v neposredni sosesčini nekdanjega Nemškega Ruta, območja, ki so ga malo pred letom 1250 naselili tirolski kolonisti iz Innichna (Kos 1948: 17). V virih so izpričane: 1377 *villa de Telmino*, *villa de Telmine*, 1515 *Tulminih*, 1523 *Tumblinckh in die supp Graffenpach gehörig*, 1535

Tulmin, 1566, 1600, 1648 *Tamlin*, 1666 *Tulmineh*, *Tulmine*, 1780 *Tulmina*, *Tumlina*, FK 1822 *Tumlina* (k.o. Kneža). Sodobne imenske oblike so: *na Temljinah*, *temljánski*, *Temljáni* (prim. podobno tvorjenost pri tolminskem tpn *Péčine*: *na Péčinah*, *pečánski*, *Pečáni*). Na sosednjem Grahovem še poznajo tudi metatezirane oblike *Tel(j)mine*, *na Tel(j)mineh*. Krajevno ime *Temljine* je Kelemina (1951: 180) zaradi določene podobnosti srednjeveških historičnih zapisov povezoval s tpn *Tolmin* in ga s tem uvrščal v substratno plast.

Temljine je prvi skušal konkretnje besedotvorno razčleniti Snój (2009: 424). O tem imenu sicer pravi, da je nejasno in da se je, sodeč po najstarejših zapisih, razvilo iz edn. **Tьlml'ina* ali **Tьlml'ina*, kar verjetno izvira iz svojilnega prid. **Tьlml'ь* oz. **Tьlml'ь* k nekemu neznanemu os. i. Snój rekonstruiral os. i. *Tьlmъ, za katerega domneva, da je prevzeto iz rom. *Tolomeius (iz lat. *Ptolomaeus*), v katerem je drugi *o* odpadel po sinkopi. Prvotno slovansko **Tьlml'a vьsь* naj bi po univerbizaciji dalo **Tьlml'ina*, v rednem glasovnem razvoju **Teml'ina*, pozneje množinsko *Temljine*. Pri tej rekonstrukciji se naslanja na svojo razlago tpn *Gameljne* pri Ljubljani, ki ga izvaja iz *Gamljina, tega pa iz *Gamlja vas k domnevno slov. atn *Gam.

S spletno objavo srednjeveških in novoveških listin iz tolminske cerkvene zgodovine so postali dostopni številni novi podatki o posameznih osebnih imenih na Tolminskem iz tistega časa. V listini iz leta 1447 (Nazzi 2008: 332) sta tako omenjena domačina *Themuli et Jebač de Rutis* (*Temel in *Jebač iz Ruta). *Themulus* je polatinjeni zapis nem. imena *Thömel*, kar je nem. hpk od imena *Thomas* (Bahlow 1972: 88). Prim. še zapisa *Themle schneyder* za podložnika 1515 v Znojilah (rihtarija Rut) in *Peter Themel* za isto osebo 1523 (Torkar 2003: 106), priimek *Temlin* in že izumrle priimke *Temel*, *Temelj*, *Teml*, *Temle* (Bezljaj 1974: 634). Glede na prikazano besedotvorno razčlemba tpn *Temljine* in glede na stan. i. *Temljani* je povsem dopustno rekonstruirati to ime kot *Temljina, kar je videti poenobesedeno iz *Temlja vas, to pa izpeljano iz hpk *Temel. Tpn *Temljine* in s tem verjetno tudi naselje samo sta najverjetneje nastala šele v drugi polovici 13. stol., ko se je v Baški dolini z doselitvijo Tirolcev (malo pred l. 1250) opazno povečal nemški jezikovni vpliv (Torkar 2006: 96). To je bil tudi sicer na Slovenskem čas, ko so nastajala hibridna krajevna imena, v katerih je podstava nem. antroponim, izpeljava pa slovenska, npr. *Gameljne*, *Pirniče*, *Vikrče*, *Pokrče*, *Žoprače*, *Ruperče*. Zapisi *Telmine* poleg *Temline* in tudi narečna raba izkazujejo nihanje med predpostavljeno prvotno obliko *Temljina in metatezirano množinsko narečno obliko *Teljmine*.

Kallenberg, nem. ime za Šmarno goro

Šmarna gora, hrib v bližini Ljubljane, je v virih prvič izpričana leta 1296 kot *Sanctus Martinus sub Monte Sancte Marie*,³ medtem ko poznejši zapisi, začenši z letom 1314, hrib navajajo s starim slovenskim imenom **Holm: capellae beatae Mariae Virginis in monte qui dicitur Cholempersh*, 1341 *in monte Colempersh*, 1372 *vnder dem Chollenperg*,

3 Celotno ime označuje *Šmartno pod Šmarno goro*. V starejši literaturi se je kot prva omemba *Šmarne gore* zmotno navajal *Marienberch* v listini iz l. 1216, za katerega se je izkazalo, da se nanaša na *Marenberch*, danes Radlje ob Dravi, gl. Šilc 2015: 179.

1393 *auf dem Cholmperg*, 1403 *in Kallemburg*, 1411 *in monte Kollenperg*, 1419 *am Kollenpergk*, 1436 *vnder dem Kholnperg*, 1450 *an dem grossen Kollenperg*, 1453 *auf dem Kallenperg*, 1456 *Cholmperg*, 1475 *in monte Colemburg*, 1499 *in monte vulgariter nuncupato Collenpergk*, 1689 *auf dem Kohlenberge (na ſhemarne gore)*, 1744 *Kallenberg*, 1780 *Smarten Gora oder Gros Gallenberg*, 1826 *Grofs Gallenberg*. Tudi kraj Homec južno od Kamnika ima zapise 1238 *Chvlniz*, 1252 *Chvln*, 1256 *Kulmetz*, 1258 *Chumtz*, 1287 *Choumcz*, 1390 *vnder dem chlainen Chollenperg*, 1428 *Kollenberg*, 1490 *Klaine Comecz*, 1744 *Klein Kalenberg in Humez*, 1780 *Kl. Kalenberg*. Nemški pisarji so slovenskemu gorskemu imenu *Holm dodali še nemško oznako *Berg*, zato je nastala oblika *Cholemperg*, kasneje z disimilacijo *Kollenberg* in slednjič *Kallenberg*, s preosmišljenjem oz. naslonitvijo na prid. *kahl 'gol'*. Vsaj že geograf in zgodovinar Orožen (1901: 60) je, sklicujoč se na najstarejše zapise Šmarne gore, ugotavljal, da je njeno prvotno ime *Holm*, enako pa pozneje tudi avtorji KLDB (1937: 358) in Badjura (1953: 114),⁴ medtem ko Ramovš, Bezljaj in Snoj tem preosmišljanjem niso namenili pozornosti.

Seznam krajšav

atn	– antroponim, antroponimski
hpk	– hipokoristik, hipokoristični
tpn	– toponim
k.o.	– katastrska občina
o.	– občina
nem.	– nemški (-o)
os. i.	– osebno ime
psl.	– praslovanski (-o)
slov.	– slovenski (-o)
stvn.	– starovisokonemški
apel.	– apelativ
prid.	– pridevnik

Viri

- BEZLAJ, France (red.) (1974) *Začasni slovar slovenskih primkov*. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik.
- JAKOPIN, Franc idr. (1985) *Slovenska krajevna imena*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- KOS, Milko (1948) *Srednjeveški urbarji za Slovenijo. Zvezek drugi. Urbarji Slovenskega Primorja. 1. del*. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti.
- KLDB (1937) *Krajevni leksikon dravske banovine*. Ljubljana: Uprava Krajevnega leksikona dravske banovine.

⁴ Badjura k temu dodaja: Prav bi bilo, da ji njeno častitljivo staro ime vrnemo, saj je prav izrazit, šolski primer holma!

- METELKOVO GRADIVO (1823) Sezname krajevnih imen na Gorenjskem, Dolenjskem in v Beljaškem okrožju v nemščini in slovenščini, pripravljene za Metelka leta 1823, rokopisna zbirka NUK, MS 416.
- NAZZI, Faustino (2009) *Storia religiosa della Slavia Friulana dalle origini al 1920*, spletni vir: <http://fauna31.wordpress.com/storia-religiosa-della-slavia-friulana-dalle-origini-al-1920/>, razdelek <https://fauna31.files.wordpress.com/2011/02/distretto-di-tolmino-08.pdf>.
- OROŽEN, Fran (1901) *Vojvodina Kranjska*. I. Ljubljana: Matica Slovenska.
- PKLS (1997) *Priročni krajevni leksikon Slovenije*. Ur. M. Orožen Adamič, D. Perko, D. Kladnik. Ljubljana: DZS, Založništvo literature.
- PLETERŠNIK, Maks (2006) *Slovensko-nemški slovar*. I-II. Transliterirana izdaja. Ur. M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC.
- TTN 5 *Temeljni topografski načrt 1 : 5.000* (sezname imen). Geodetska uprava Republike Slovenije.
- SCHMUTZ, Carl (1822–1823) *Historisch Topographisches Lexikon von Steyermark*. I–IV. Gratz: auf Kosten der Verfasser.
- Spletni vir 1: <http://www.stat.si/KrajevnaImena/>

Literatura

- ANB (1989–2004) *Altdeutsches Namenbuch*. Die Überlieferung der Ortsnamen in Österreich und Südtirol von den Anfängen bis 1200. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- BADJURA, Rudolf (1953) *Ljudska geografija*. Terensko izrazoslovje. Ljubljana: Državna založba Slovenije.
- BAHLOW, Hans (1972) *Deutsches Namenlexikon*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag.
- BEZLAJ, France (1965) »Slovenski imenotvorni proces.« *Jezik in slovstvo* 10/4–5, 113–118. [Ponatis v: Bezljaj (2003/I), 289–294.]
- BEZLAJ, France (1976–2007) *Etimološki slovar slovenskega jezika*. I–V. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- BEZLAJ, France (1977) »O imenih Sneberje, Sostro in drugo.« *Jezik in slovstvo* 22/8, 225–227. [Ponatis v: Bezljaj (2003/I), 572–574.]
- BEZLAJ, France (2003) *Zbrani jezikoslovni spisi*. I–II. Ur. M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC.
- ESSJa (1974–2014–) *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. 1–39–. Под редакцией академика О. Н. Трубачева (1–32) и д. ф. н. А. Ф. Журавлева (33–39). Москва: Издательство »Наука«.
- KELEMINA, Jakob (1944) »Kozarje in Vižmarje.« V: N. Velikonja (ur.), *Zbornik zimске pomoči*. Ljubljana: Zimska pomoč, 392–393.
- KELEMINA, Jakob (1951) »Langobardski spomini pri Slovencih.« *Slavistična revija* 4/3–4, 177–196.

- KRONSTEINER, Otto (1975) *Die alpenlawischen Personennamen*. Wien: Österreichische Gesellschaft für Namenforschung.
- LOCHNER V. HÜTTENBACH, Fritz (2008) *Ortsnamen in der Steiermark. Zur Herkunft und Deutung von Siedlungs-, Berg-, Gewässer- und Flurbezeichnungen*. Graz: Leykam.
- MALEC, Maria (1971) *Budowa morfologiczna staropolskich złożonych imion osobowych*. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich/Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- MALEC, Maria (2003) *Słownik etymologiczny nazw geograficznych Polski*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- MIKLOŠIČ, Fran (1860) »Die Bildung der slavischen Personennamen.« *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe* 10. Wien, 215–330.
- PLESKALOVÁ, Jana (1998) *Tvoření nejstarších českých osobních jmen*. Brno: Vydavatelství Masarykovy univerzity.
- PROFOUS Antonín (1947–1960) *Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny*. I–V. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- RAJH, Bernard (2010) *Gúčati po antùjoško*. Gradivo za narečni slovar severozahodno-prleškega govora. Maribor: Filozofska fakulteta, Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike.
- RAMOVŠ, Fran (1924) *Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konzonantizem*. Ljubljana: Učiteljska tiskarna.
- ROSPOND, Stanisław (1983) *Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -jb*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- SCHWARZ, Ernst (1960) *Sprache und Siedlung in Nordostbayern*. Nürnberg: Verlag Hans Carl.
- SKOK, Petar (1924) »Tri etimologije.« *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 4, 38–46.
- SNOJ, Marko (2009) *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Modrijan/Založba ZRC.
- ŠILC, Jurij (2015) »Gradiščan na Šmarni gori, ki to ni bil. Listina s prvo omembo Zbilj iz leta 1216.« *Kronika* 63/2, 177–186.
- ŠTREKELJ, Karel (1906) »Razlaga nekterih krajevnih imen po slovenskem Štajerju. 1.« *Časopis za zgodovino in narodopisje* 3, 41–64.
- TASZYCKI, Witold (1958) »Najdawniejsze polskie imiona osobowe.« V: isti, *Rozprawy i studia polonistyczne. I. Onomastyka*. Wrocław/Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich/Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 32–148.
- ТОПОРОВ, Владимир (1993) *Топоров, Владимир Николаевич, »Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-).« V: Г. Г. Литаврин (odg. ur.), *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов*. Москва: Наука, 3–118.*
- TORKAR, Silvo (2003) *Zgodovinska antroponimija vzhodne Tolminske*. Magistrsko delo. Ljubljana.

- TORKAR, Silvo (2006) »Zemljepisna imena v zgornji Baški dolini.« V: S. Torkar/K. Kofol (ur.), *Baški zbornik. Alpski mladinski raziskovalni tabor Podbrdo 1992, 1993 in 1995*. Tolmin: Tolminski muzej, 95–106.
- TORKAR, Silvo (2011) »Rebusi v slovenski onomastiki.« *Slavica Tartuensia IX*. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков, 353–362.
- TORKAR, Silvo (2012) »Razpoznavanje slovenskih zemljepisnih imen.« *Slavistična revija* 60/4, 693–707.
- TORKAR, Silvo (2015) »Варианты форм с переходом $v > g$ и $b > g$ в словенской топонимии.« V: Е. Л. Березович, *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 279–282.
- TRAUTMANN, Reinhold (1950) *Die slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins*. Berlin: Akademie-Verlag.
- VALČÁKOVÁ, Pavla (2007) »Имена славянского происхождения в старославянских памятниках.« V: Б. И. Бунчук (znan. ur.), *Науковий вісник Чернівецького університету. Випуск 354–355. Слов'янська філологія. Збірник наукових праць*. Чернівці: "Рута", 23–28.
- VASMER, Max (1986–1987) Фасмер, Макс, *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. I–IV. Издание второе, стереотипное. Москва: Прогресс.
- ŽUNKOVIČ, Davorin (1927) »Krajevni imeni Stopence in Tezno.« *Časopis za zgodovino in narodopisje* 22, 75–76.

Povzetek

NEMŠKO-SLOVENSKI STIKI V SLOVENSKI TOPONIMIJI

V prispevku se obravnava osem slovenskih zemljepisnih imen, ki so nastala v medjezičnem stiku, vendar pri treh to velja le za njihove nemške oblike.

Nemci so substituirali ali samo adaptirali slovenska zemljepisna imena, pri čemer so Slovenci v večji ali manjši meri sprejeli nemške oblike svojih imen. Na ta pojav je svoj čas opozoril že Štrekelj, ko je pojasnil krajevno ime *Činžat* iz slovenskega apel. *senožet*, mi pa ga ponazarjamo na primerih krajevnih imen *Njiverce* in *Stoperce*. Nemci so krajevno ime adaptirali ali prevedli, medtem ko so Slovenci ohranili svojo imensko obliko, ki se je spreminjala v skladu z domačim glasovnim razvojem. Takšen primer predstavljata krajevni imeni *Vižmarje* in *Goriča vas*.

Imena s podstavo v enem jeziku in priponskimi obrazili v drugem so *hibridna* ali *heteromorfna* imena. Ta tip imen je na Slovenskem razmeroma pogosten, npr. *Ruperče*, *Pirniče*, *Gunclje* (nemško osebno ime in slovansko obrazilo *-jъ*) ali *Prosnid*, *Jagnjed* (slovenska apelativna podstava in starofurlansko obrazilo *-ed*). V to kategorijo sodijo tudi krajevna imena *Vižinga*, *Ciringa*, *Temljine* in nemška oblika gorskega imena *Šmarna gora*, ki se glasi *Kallenberg*.

Ključne besede: nemško-slovenski jezikovni stiki, slovenski toponimi, hibridna imena

Abstract
GERMAN-SLOVENE CONTACT IN SLOVENE TOPONYMY

The paper analyses eight Slovene toponyms which are the result of a language contact situation – with three of them, however, that only holds for their German counterparts.

Slovene speakers to a lesser or greater extent took over German substitutions and adaptations of Slovene toponyms. This phenomenon has already been noted by Štrekelj in his analysis of the place name *Činžat* as a derivation from the Slovene appellative *senožet*. We show this too in the case of the place names *Njiverce* and *Stoperce*. It also happened that German speakers adapted or translated a given toponym, while Slovene speakers preserved their own form of the name, which then changed in accordance with Slovene sound change laws. An case in point are the place names *Vižmarje* and *Goriča vas*.

Toponyms with a stem from one language and affixes from another are called *hybrid* or *heteromorphic* toponyms. The type is relatively common in the Slovene-speaking area, as exemplified by *Ruperče*, *Pirniče*, *Gunclje* (German proper names with the Slavic suffix *-jb*) or *Prosnid*, *Jagnjed* (Slovene appellative stems with the Old Friulian suffix *-ed*). This category also comprises the place names *Vižinga*, *Ciringa*, *Temljine* and the German counterpart of the Slovene oronym *Šmarna gora*, i.e. *Kallenberg*.

Keywords: German-Slovene language contact, Slovene toponyms, hybrid toponyms

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ ГИДРОНИМИИ БАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Названия рек и озер, сохраняющие остатки древних языков, остаются главным и зачастую единственным источником изучения этноязыковых ареалов, сложившихся в дописьменные эпохи. Древние народы отождествляются прежде всего с языком (даже если от этого языка остается всего лишь один единственный этноним) и открываются в языке (ср. показательное тождество др.-рус. *языкъ* ‘язык’ и ‘народ’). Археологические изыскания, открывающие ареалы беззвучных, «немых» материальных культур далекого прошлого, в данном отношении второстепенны, подчинены лингвистическим изысканиям. Тезис о приоритетности гидронимии в полной мере применим к изучению древнебалтийского языкового наследия на современной территории проживания славян. В данной статье мы сосредоточимся на собственно русской территории, а именно на регионах Европейской России (отдельно от смежных областей Украины и Белоруссии), которые тысячу и более лет назад были заселены балтами.

Ни один из русских регионов никогда не рассматривался в качестве даже гипотетического пространства прародины славян (в отличие, например, от украинско-белорусского Среднего Поднепровья и правобережья Припяти). Сегодня устоялась обоснованная концепция о том, что восточные славяне начали заселять будущие русские земли Поочья, Верхнего Поволжья, Ильмень-Волховского и Чудско-Псковского бассейнов не ранее второй половины I тыс. н. э. – уже после распада праславянского единства в VI в. На этих землях западной части Европейской России (т. н. средняя полоса России) пришельцы-славяне встретились с автохтонным населением трех главных этноязыковых групп: балтоязычные племена в центральной части среднерусской полосы, тюркоязычные народы к югу от балтов в зоне степей (булгары, хазары, сменившие там ираноязычных скифов и сарматов), европейско-финские народности к северу от балтов (прибалтийские финны) и к северо-востоку и востоку от балтов (волжские финны). За прошедшие 1300–1500 лет в среднерусской полосе славяне полностью ассимилировали всех балтов, прибалтийских финнов и большую часть волжских финнов, равно как освоили полосу южнорусских степей, тюрки-кочевники из которых «растворились» среди других народов.

* 173003 Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, Великий Новгород, Россия; vihn@mail.ru

Изложенный общий взгляд на этноисторические события в указанном хроно-топе, преобладающий сегодня в научном сообществе, утвердился сравнительно недавно. Историки и языковеды, опиравшиеся по преимуществу на древнерусские летописи и акты, либо вовсе не видели доисторического балтийского языкового элемента в Центральной России, либо совершенно недооценивали его, сводя все к поздним «литовским» следам или к летописной голяди. Начиная с историков конца XVIII–XIX в. (Татищева, Карамзина, Ключевского, Соловьева), традиционно больше внимания уделялось финскому элементу, о котором русская письменность сохранила множество разнообразных свидетельств и носители которого до сих пор живут на Русском Севере и в Среднем Поволжье. «Обыкновенно думают, что русские прибыли в свои древние поселения тогда, когда там жили финские племена, и заняли их, вытеснив, истребив, ассимилировав с собою финнов», - писал А. И. Соболевский (1924: 274). О вкладе же давно исчезнувших «русских» балтов появилась возможность говорить лишь тогда, когда географические названия смогли по достоинству оценить как важный исторический источник. Только опора на гидронимию позволила в должной мере уяснить древнебалтийское присутствие на русской территории, причем благодаря обнаружению все новых и новых гидронимических балтизмов, предполагаемый ареал «русских» балтов в трудах исследователей постепенно уплотнялся и постепенно расширялся к востоку, северу и отчасти к югу. Изучение лексических, апеллятивных балтизмов-заимствований в русском языке (из последних работ на эту тему см. Аникин 2005; Аникин 2014) в отношении древних этноязыковых ареалов дает очень обобщенную, «смазанную» картину, поскольку апеллятивы, в отличие от географических имен, обычно не прикреплены к точечным локусам. Кроме того, в русском языке апеллятивные балтизмы в подавляющем большинстве датируют временем не ранее XIII в. (не ранее эпохи Великого Княжества Литовского), более древних правдоподобных балтизмов (*дѣготь*, *дерѣвня*, *клеть*, диал. *áлес* ‘топкое, сырое место’, *перть* ‘баня’, *мѹма* ‘страшило’, ‘вошь’, *пѹсма* ‘пук, связка’ и др.) очень мало (Аникин 2014: 192).

Первым опытом изучения древней «русской Балтии» стала книга А. Л. Погодина (1901), в которой автор пишет о распространении балтийских племен в бассейне р. Оки, отмечая отдельные очевидные речные имена, оставленные ими в Поочье (*Уна*, *Жиздра*, *Нара* и др.). В 1923 г. К. Буга, исследовав немало литовских, белорусских и смоленских названий водоемов, пришел к выводу, что к началу восточнославянского расселения в VI в. н. э. балты (литовцы) занимали всю Белоруссию и сопредельную русскую территорию Смоленщины (верховья Днепра и Сожи), тогда как земли восточнее Белоруссии и Смоленщины были заняты мордвой – волжскими финнами (Buga 1923; Buga RR III: 493–550). А. И. Соболевский, опираясь в основном на сообщения древнерусских летописей, продлил пространство балтов от Белоруссии до Москвы. Вместе с тем он считал балтийское население в русских землях (восточную литву и голядь) сравнительно поздним; ошибочно анализируя гидронимы, он видит автохтонным населением среднерусской полосы, которое предшествовало восточным славянам,

не финнов, не балтов, а иранцев (скифов или сарматоскифов), распространявшихся с причерноморских степей в лесную полосу вплоть до Русского Севера (Соболевский 1924: 274–275). В начале 1930–х гг. М. Фасмер, на основе убедительной этимологизации нескольких десятков речных имен (*Лучеса, Водва, Угра, Жезмянка, Можайка, Истра, Вержа, Жукопа, Панея, Лемна, Желемья, Скобра, Дугна, Квань, Лоба, Скальба, Титва, Окча, Сороть* и др.), впервые доказал наличие заметного балтийского слоя, предшествовавшего славянскому, в центральных регионах России – в Смоленской, Псковской, Калужской, Московской, Орловской губерниях. Северная граница этого слоя была им проведена не севернее верхнего течения Волги, южная – примерно по широте между Орлом и Курском (Vasmer 1932; Vasmer 1933). Следующей этапной работой в изучении «русской» доисторической Балтии стала книга В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева (1962), посвященная гидронимии Верхнего Поднепровья. Правда, обследуемый в этой книге регион в основном приходится на территорию Украины и Белоруссии, а к России отходят лишь самые верховья Днепра и части бассейнов его крупных левосторонних притоков – Сожи, Десны и Сейма (Смоленская, Брянская и Курская области). Главная заслуга авторов в том, что они впервые выделили огромный, насчитывающий нескольких сотен единиц, массив водных имен, свидетельствующий о плотном заселении доисторическими балтами всего верхнеднепровского пространства, обрисовали примерный ареал балтийского этноязыкового слоя и его пересечения с пограничными финским и иранским слоями.

Книга 1962 г. интенсифицировала изучение субстратной гидронимии в странах Восточной Европы. Главный, определяющий вклад внес опять же В. Н. Топоров, поставивший задачу последовательного выявления древнебалтийского слоя на русских землях. Основное внимание он уделил бассейну Оки, прежде всего Верхнему Поочью и Подмосковью, а также Верхнему Поволжью, а с 1990–х гг. обратился также и к новгородско-псковским землям (многочисленные труды автора на гидронимическую тему перечислены в Завьялова, Цивьян 2014: 22–23). В своих содержательных статьях автор обстоятельно интерпретировал многие сотни русских гидронимических балтизмов. Гидронимические исследования Топорова отличаются широтой охвата исследуемых водных имен, обилием соотносимого с ними балтийского ономастического материала, глубиной и обстоятельностью этимологического анализа. Большинство трактовок водных имен в качестве балтизмов, изложенных в трудах этого автора, вполне убеждают, но, конечно, не все (что естественно при работе с столь большим массивом названий во многих регионах). Автор склонен трактовать вероятные балтизмы по максимуму и не всегда учитывает в достаточной мере следы не-балтийских языков (особенно языков прибалтийско-финских), данные русской диалектологии, вариантность и микросистемное окружение гидронимов. Как правило такие огрехи вскрываются только при тщательном внутрирегиональном (но не межрегиональном!) исследовании. Например, в статье (Топоров 1999) к вероятным гидронимическим балтизмам Новгородско-Псковского региона, среди прочих, отнесены *Валдайка, Вельгуя, Волдомица, Лидь, Луга, Мда, Мста, Оредеж, Реполка, Ситенка, Ситня,*

Тросна, Солоница, Болдырька, Деденька, Шлино, Шлина, Шлинец, Шлинка (с. 280–282). Однако часть гидронимов из данного перечня обнаруживает соответствия в Финляндии, Карелии, на Русском Севере и Северо-Востоке, где балты не жили (*Валдайка, Вельгуя, Волдомица, Лидь, Луга, Мда, Мста, Оредеж, Реполка*), некоторые являются очевидными фактами славянского происхождения (*Ситенка, Ситня, Тросна* – это многочисленные славянские имена речек, поросших *ситой* и *тростой, трестой*, т. е. водными растениями, *Солоница* соотносится с рус. диал. *солóной* ‘соленый’), другие объяснимы через русские названия прибрежных деревень (р. *Болдырька* названа по д. *Болдыри*: к прозвищу *Болдырь*, ср. русскую фамилию *Болдырев*; р. *Деденька* – по д. *Дедно*, буквально «Дедово»), либо через смежные гидронимы внутри одного водного бассейна (среди *Шлино, Шлина, Шлинец, Шлинка* только одно водное имя балтизм, остальные появились вторично, благодаря переносу этого балтизма).

Гидронимические изыскания приводили к периодическим ревизиям границ «русской» доисторической Балтии. Если К. Буга в начале 1920–х гг. не распространял балтийский слой за пределы русских верховьев Днепра, Сожи и Западной Двины (смоленские и торопецкие земли), то П. Дини, суммировав итоги работ перечисленных выше авторов, в обобщающем труде «Балтийские языки» (Дини 2002) обрисовал ареал балтизмов, сложившийся, по его мнению, в последние века до н. э. – первые века н. э.: на севере граница этого ареала начинается возле Риги и идет слабоволнистой линией на восток к оз. Селигер в истоках Волги, от Селигера на восток до юго-восточных окрестностей г. Тверь, далее поворачивает на юг, проходит по западному предместью Москвы к верховьям рек Оки и Сейма, затем поворачивает на юго-запад, к Киеву, проходит через северные окрестности Киева на запад к украинской Волини. Данная схема «максимального» ареала, сложившаяся в 1980–е гг., казалось, уже не изменится, так, А. Н. Топоров, имея в виду именно эту конфигурацию балтийского ареала, не продолжавшуюся далее правобережных притоков Верхней Волги, Верхнего и отчасти Среднего Поочья до Москвы, писал, что «к северу, востоку и югу нахождение надежных гидронимических балтизмов или очень сомнительно, или носит случайный характер» (Топоров 1988: 155). Однако очерченные ареальные границы стали пересматриваться в 1990–е гг., и к настоящему времени схема, обрисованная П. Дини, безусловно устарела.

Сначала самим же Топоровым был расширен за пределы Поочья южный фланг ареала, благодаря обнаружению нескольких десятков сравнительно достоверных балтизмов в верхнем течении Дона (*Дриска, Деготенка, Сосна, Доробинка, Пальня, Матыра, Ведуга, Скобенка, Малейка* и др.). Следовательно, границы балтийской гидронимии на данном участке «отодвигаются на 300–400 верст к югу» (Топоров 1997: 316).

Наряду с этим южным расширением, существенно пересматривалась восточная граница балтийского пространства. В ряде статей Ю. В. Откупщикова (1989; 2001; 2004) ареал гидронимических балтизмов от широты Москвы был отодвинут далеко на восток – до широты Нижнего Новгорода и Мордовии (до самых ни-

зовьев Оки и до верховий рек Мокши и Теши, нижних правобережных притоков Оки). Автор – признанный специалист в области индоевропейской этимологии, много занимавшийся и реконструкциями лексики балтийских языков и связями их со славянскими языками. Однако он редко обращался к собственно ономастическим исследованиям и, на наш взгляд, излишне прямолинейно использовал методику этимологизации нарицательной лексики в трактовке гидронимии. Разберем более подробно, можно ли доверять гидронимическим этимологиям Ю. В. Откупщикова. Очевиден тот факт, что множество нижнепоочских водных имен, совершенно без сомнений, коротко и безапелляционно прокомментированных автором как балтизмы, на самом деле допускают либо более приемлемые объяснения из славянских или финно-угорских языков, либо их «балтийскость» нуждается в более развернутых доказательствах. Заявив, что «этимологизация, базирующаяся только на апеллативной лексике, – малодоказательна» (Откупщиков 2004: 85), автор уповает на цельнолексемные попарные сопоставления современной гидронимии Литвы (редко Латвии) и Нижнего Поочья. Сравниваются изолированно взятые факты из регионов, отстоящих друг от друга более чем на тысячу километров, но игнорируются возможности сопоставления гидронимов с ономастическим и апеллативным материалом соседних смежных языков (волжскофинские, прибалтийско-финские) или родственных языков (русский). Практически не учитывается то обстоятельство, что предположительно родственные гидронимы двух совсем разных регионов – Литвы и Нижнего Поочья – должны были разнонаправленно изменить свой фонетический облик за прошедшие одну, две или три тысячи лет их сосуществования в различавшихся языковых средах: они фонетически удалялись не только от породивших их апеллативов (стремясь к т. н. «утрированной знаковости», по О. Н. Трубачеву), но и испытывали процессы фонетической и морфологической адаптации, субституции звуков в иноязычном окружении, иногда переосмысления и подгонки фонетических оболочек под иные апеллативы и др. Гидроним *Vad* р. в Нижнем Поочье сближен с *Vadas*, *Vada*, реки в Литве, хотя водные имена *Vad*, *Кузь-Вад*, *Лопьювад*, *Вадъэль*, *Вадма*, *Митя-Вад*, *Ваджерос*, *Вадыб* и т. п. широко распространены по Русскому Северо-Востоку и в Северном Поволжье (связывают с коми *vad* ‘озеро’). То же самое касается «балтизма» *Шакша* (автор сравнивает его с лит. *Šakšėlė*), но рядом есть марийск. *шокишо* ‘рукав реки’ (и там еще р. *Шокишовка*) или даже коми *шакша* ‘грязь’. Гидроним *Вилка* в бассейне Мокши приравнивается к лит. р. *Vilka* (: *vilkas* ‘волк’), но не принимается в расчет, что восточные славяне должны были адаптировать эту родственную основу в виде *Волк-*, равно как и то, что основа *Вил-* со значением ‘извилистый’ повсеместно повторяется в собственно русской гидронимии: *Вилея*, *Вилейка* (: рус. диал. *вилейка* ‘извилина’), *Вилица*, *Вилка*, *Вильня* и т.п. Нижнепоочское *Сарга* р. приравнивается к лит. *Sarg-upė*, лтш. *Sarg-upis* (возможно, к *sargas* ‘сторож’), но данное название скорее ожидалось бы с восточнославянским полногласным рефлексом (**Sarg-* > **Сорог-*) при том, что в некоторых других случаях автор этот полногласный рефлекс учитывает. В нижнепоочских *Артус*, *Киструс*, *Углус* видит морфологически не адаптированные

балтизмы-апеллятивы, с сохранением даже флексии (!) литовского адъектива (к лит. *artus* ‘близкий’, *kaistrus* ‘горячий’, *auglus* ‘пышный’ – о растительности) при том, что водные имена на *-us*, *-os* характерны для европейско-финского пространства. Названия рек *Роз*, *Старка*, самоочевидно совпадающие с рус. диал. *роз* ‘речной изгиб, мыс’, *ста́рка*, *ста́рица* ‘заглохшее речное русло’, автор, тем не менее, объединяет с лит. *Rag-upis* (: *ragus* ‘крутой’), *Stark-upis* (: *starkas* ‘судак’). Название р. *Нерль* объяснено по лит. *neris* ‘бобр’ (наряду с р. *Neris* в Литве), но в литовском это обозначение бобра (‘нырлящик’) более позднего происхождения сравнительно с *bebras*, *babras* при том, что широкое проявление древней основы *ner-* и в индоевропейском, и в финно-угорском этноязыковом пространстве давно уже доказано (ср. сев.-рус. *Неро*, *Нерехта*, *Нерома* и др.). Автор не учитывает этноисторического контекста: трактуя гидронимы на бывшей мерянской территории, название поочской р. *Мерка* он сближает не с этнонимом *меря*, а с лит. *merkti* ‘мочить, лить’ и с *Merke* р. в Литве; название поочской р. *Курша* сравнивает с западнобалтийским этнонимом *kuršis* ‘курши’ и р. *Kurš-upis*, хотя следы западнобалтийского народа куршей вряд ли стоит ожидать в столь отдаленном месте Поволжья неподалеку от Нижнего Новгорода. Особенно большую методическую ошибку делает Ю. В. Откупщиков в тех случаях, когда применяет принцип системности к анализу нижнепоочской гидронимии, а именно пытается этимологизировать поочскую гидронимию в рамках типовых балтийских словообразовательных моделей. Данный подход позволяет «поставить на поток» этимологизацию гидронимии, но при этом совершенно упускается из вида, что продуктивные балтийские модели, как правило, омонимичны славянским (русским) моделям, и не замечается, что на балтийский манер анализируются явно русские или (реже) финно-угорские названия. Так, учитывая продуктивность балтийского (литовского) суф. *-un(as)*, дающего регулярные производные (типа *tarka* ‘яма, пруд для вымачивания льна’ + *-un-* = *markinas* ‘сырой, влажный’), Откупщиков безоглядно подгоняет к данной модели множество нижнепоочских водных имен на *-ин*, *-инской* (например, ручьи, овраги и острова, называемые *Маркин*, *Алкин*, *Белин*, *Кунин*, *Лунин*, *Палкин*, *Шляпин*, *Лапин*, *Кишкин*, *Мишкин*, *Паршин*, *Щедрин* и др., *Мышкинской*, *Полутинской*, *Петинской* и др.), на *-инка*, *-енка* (реки *Шилинка*, *Юдинка*, *Арининка*, *Крупинка*, *Сусенка* и др.). С балтийским суф. *-ок* он мыслит гидронимы *Навалок* (= лит. *puovalus* ‘чистый’ + суф. *-ok-*), а также *Масток*, *Дубок*, *Валок*, *Ленок*, *Громок*, с балтийским суф. *-š-* рассматривает речные названия рек *Мокша*, *Лакша*, *Солодиша* и т.п., балтийский суф. *-oj-* видит в названиях рек *Грезная*, *Дерная*, *Лютая*, *Спорная*, *Талая* и т.п. Почти все перечисленные гидронимы без особого труда (и с явной необходимостью!) объяснимы на материале русской антропонимии и диалектной лексики, а некоторые имеют характерный исход *-киша*, *-кса* финно-угорских водных имен.

К сожалению, подобные трактовки крайне сомнительных «балтизмов» в работах Ю. В. Откупщикова имеют настолько массовидный характер, что не позволяют говорить о сколько-нибудь значимом проявлении балтийского гидронимического пространства в регионе Нижнего Поочья и Среднего Поволжья. Если ве-

речь данным фактам, то можно прийти к выводу, что в Нижнем Поочье гидронимия еще «более балтийская», нежели в Верхнем Поочье и Верхнем Поднепровье. Конечно, и в данном регионе, весьма удаленном от современной Прибалтики, вероятны находки гидронимических балтизмов, хотя бы в дисперсном состоянии, появившихся как результат рассеивания из более западных регионов, или даже оставленных разрозненными группами балтов. Но чем дальше мы отступаем от центра «русской» доисторической Балтии, тем более основательными должны быть доказательства, найдены пусть единичные, но безусловно надежные, «маячковые» балтизмы и абсолютно убеждающие калькированные названия, метонимически соотнесенные с балтизмами. Пока на сегодняшний день наличие балтийских следов в низовьях Оки и в Среднем Поволжье нами ставится под сомнение. Лишь немногочисленные следы (*Вобля, Дрисела, Дugna, Вепрея, Блиденка* и др.) изредка находят не далее восточных районов Московской области (примерно до широты места впадения р. Москвы в р. Оку).

Поиски древнебалтийского элемента далеко к востоку от Москвы вели и другие исследователи, но, на наш взгляд, без особых успехов. Балтийскую гидронимию в междуречье Оки и Волги искал Ф. И. Гордеев, у которого (гидронимы *Выша, Вясс, Карнай, Уфа, Штырма, Стерля* и др.) «многое ошибочно или малоубедительно» (Топоров 1972: 218). Б. А. Серебrenников (1957) без достаточных оснований высказывал предположение, что в Волго-Окском междуречье обитало древнее индоевропейское население с языком, близким к балтийскому. В. В. Напольских (2006), опираясь на выводы археологов об Именьковской культуре IV–VII в. н.э. в Среднем Поволжье – Нижнем Прикамье, выдвигает гипотезу об особом балто-славянском «именьковском языке» носителей данной культуры в Волго-Камском регионе. Гипотеза поддерживается примерно десятком слов в пермских языках данного ареала (обозначения ржи, спорыньи, гуся, гриба, горы и др.), которые автор считает заимствованными из особого «именьковского языка», хотя они допускают и иные этимологии. При этом местная топонимия и гидронимия не анализируется, а ведь именно этот источник, а не апеллятивные заимствования, и есть главный маркер древнего языка (диалекта) в любом регионе.

Начиная с 1990–х гг. подвергся существенному пересмотру северо-восточный фланг ареала «русской» Балтии. Работы Р. А. Агеевой (1989: 185–208), В. Н. Топорова (1995: 13–40; 1999: 276–285; 2001: 7–22) и В. Л. Васильева (2007; 2008) позволили отодвинуть доисторическую балтийскую границу от Южной Псковщины и правобережья Верхней Волги, какой она традиционно принималась по трудам М. Фасмера, К. Буги, А. И. Соболевского, на несколько сотен километров к северу – вплоть до Финского залива Балтийского моря. На сегодня эта северо-восточная граница представлена линией, которая отходит на восток от Финского залива немного севернее устья р. Луги, пересекает р. Волхов в среднем течении (севернее г. Чудово, в окрестностях г. Кириши), идет далее к г. Тихвин, г. Бокситогорск Ленинградской области и к западной границе Вологодской области, где поворачивает на юг и через среднее течение р. Мологи спускается к г. Бежецк и г. Кимры Тверской области (см. рис. 1). Проведенное нами обстоятель-

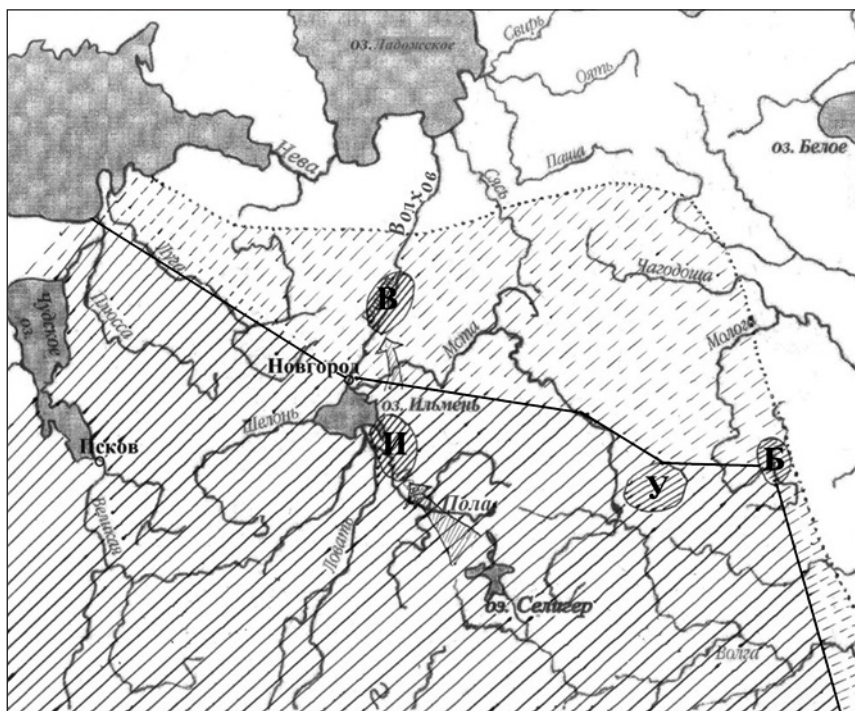

Рис. 1. Северо-восточный фланг ареала балтийской гидронимии.

- - схематизированная граница тах (максимального распространения на север, северо-восток и восток балтийской гидронимии)
- - условная линия min (количественного преобладания балтийского гидронимического элемента над финно-угорским)
- - преимущественный путь проникновения древних балтов на Ильмень и Волхов
- - выявленные балтийские анклавы (явные скопления балтийских названий):
Б – Бежецкий, **В** – Волховский, **И** – Ильменский, **У** – Удомельский

ное, «внутреннее» обследование Новгородско-Псковского региона выявило различную плотность гидронимических балтизмов в данном регионе смешанного финско-балтийского субстрата. На территории южнее условной линии г. Нарва – г. Луга – г. Новгород – г. Боровичи – г. Удомля – г. Бежецк гидронимические балтизмы по количеству и по надежности трактовок обыкновенно преобладают (иногда в несколько раз) над гидронимическими финнизмами. Севернее этой линии общий гидронимический фон становится преимущественно прибалтийско-финским. В разных субрегионах, связанных с бассейнами местных рек, бал-

тийский слой предстает с различной степенью очевидности, например, в верховьях р. Луги он более заметный, чем в бассейне р. Шелони, протекающей южнее, в бассейне р. Пола безусловно более плотный, чем в среднем и нижнем течении Ловати (до широты г. Холм). Выявлены несколько выраженных сгустков (анклавов) балтийской гидронимии: 1) на Волхове к северу от Новгорода, 2) в юго-восточных окрестностях оз. Ильмень, 3) в окрестностях Удомли, 4) в окрестностях Бежецка. Балтизмы связаны как с крупнейшими реками региона (*Ловать, Пола, Полисть, Полометь*, возможно, *Шелонь, Волхов*), так и с маленькими речками и ручьями длиной до десятка километров и озерами площадью несколько гектаров, помимо водоемов, встречаются балтийские названия селений (*Яжелбицы, Ловасицы, Вдаль, Цемена* и др.).

Максимальный восточнославянский ареал балтийской гидронимии в том виде, в каком он суммируется по заслуживающим доверия работам, отражен на рис. 2. Удельная плотность балтийского слоя на этом огромном пространстве, которое в несколько раз больше территории современных Латвии и Литвы, различна. Применительно к России балтийские названия вод наиболее выражены в верховьях Днепра, включая бассейн Сожи, верхние течения рек Великой, Ловати, бассейн р. Пола, верховья Волги (до Твери), Верхнее и Среднее левобережное Поочье со включением бассейна р. Москвы. Однако суждения об удельном весе балтизмов сугубо предварительны, ибо поиск их далеко не завершен и велся он разными авторами в разное время, не в сплошном порядке, а по отдельно взятым регионам. Разумеется, различен и возраст балтийских гидронимов в России. У отдельных имен он может, вероятно, достигать 4 тыс. лет и более ввиду того, что археологи прослеживают в среднерусской полосе следы индоевропейских культур с III–II тыс. до н. э. К эпохе бронзы, преимущественно ко II тыс. до н. э., относят культуры т. н. «шнуровой керамики», прежде всего фатьяновскую и среднеднепровскую, которые обычно связывают с протобалтийским населением, для эпохи железного века I тыс. до н. э. – конца I тыс. н. э. отмечают соотносимые с балтами «городищенские» культуры (штрихованной керамики, днепро-двинскую, юхновскую, верхнеокскую), балтийский компонент находят в дьяковской культуре (наряду с финским), равно как в более поздних культурах смоленско-полоцких и псковско-новгородских длинных курганов 2-й половины I тыс. до н. э. (Булкин, Герд, Лебедев, Седых 1999: 270–276). Конечно, вполне вероятно закрепление многих гидронимических балтизмов и во II тыс. н. э., учитывая, что балтоязычная голядь в Поочье фиксируется даже в XIII в., что часть западнорусских земель до XVIII в. была тесно связана с литовским (позднее польско-литовским) государством, что в XIX в. было немало переселенцев из Прибалтики на русские земли (например, во 2-й половине XIX в. многие латыши переселились в Псковскую и Новгородскую губернии).

Дальнейшее изучение балтийского слоя требует не столько уточнения границ его ареала, сколько верификации уже выявленных в этом ареале гидронимических балтизмов на степень достоверности их «балтийскости», а также поиска новых достоверных балтийских гидронимов (и – шире – топонимов). Для оптимиза-

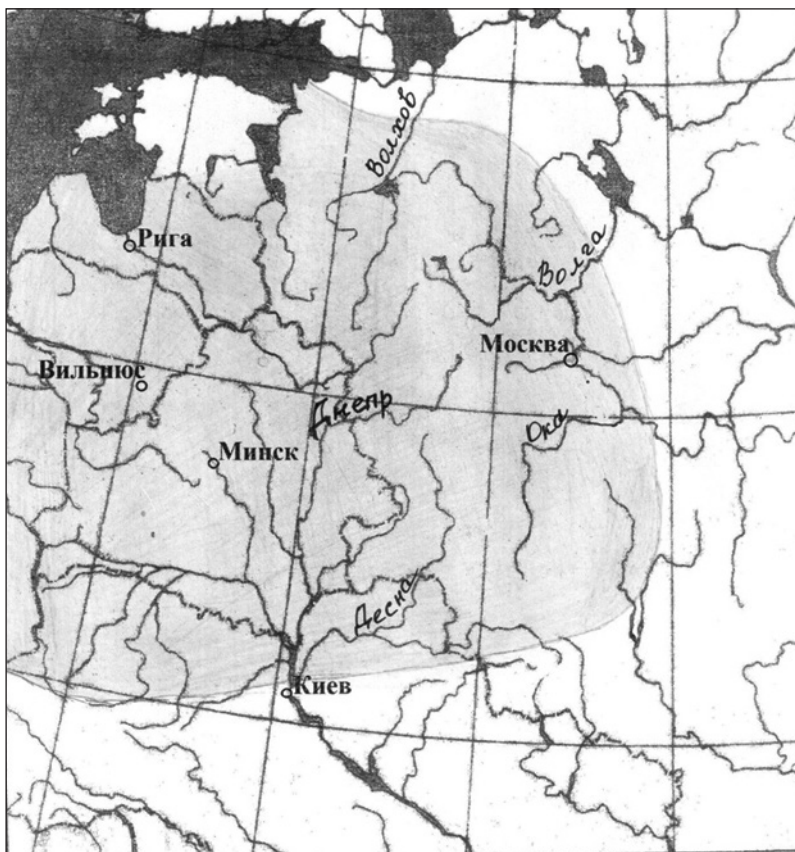

Рис. 2. Максимальный ареал балтийской гидронимии в восточнославянских землях.

ции общей методики определения балтизмов имеется пара возможностей, почти не реализованных на сегодняшний день.

Во-первых, сегодня необходим более широкий ареальный критерий. Для атрибуции гидронимии балтийского происхождения недостаточно наличия соответственных названий и апеллятивов в литовских, латышских, прусских землях, дополненных соответствиями в пределах показанного выше ареала; такая утвердительная «внутрибалтийская» атрибуция должна дополнительно подтверждаться отсутствием убедительных параллелей и эквивалентов за пределами балтийского ареала, к северу, востоку и югу от него, в пространственных субстратных ареалах древнего проживания финно-угров, иранцев и других народов, где балтов априори ожидать не стоит. Если обнаруживаются внешне допустимые соответствия одновременно в двух или трех непересекающихся этноисторических пространствах (например, в балтийском и финно-угорском), то такие факты неопределенной этноязыковой принадлежности не могут считаться убедительными балтизмами,

равно как и те факты, которые вообще пока не имеют ни надежно трактуемых связей, ни этимологии.

Во-вторых, не стоит увеличивать процент балтизмов за счет славянской топонимической архаики. В силу значительной близости славянского и балтийского языков в I тыс. н. э. многие водные имена проблематично дифференцировать на балтийские и славянские даже при очевидности их этимологии. Это прежде всего относится к слабо изученному слою позднепраславянских диалектизм, отраженных гидронимией. Но как правило глубокий всесторонний анализ тех названий, которые на первый взгляд вполне допускают балтийские трактовки, часто открывает новые возможности более убедительного объяснения их как славянских топонимических архаизмов. Например, водные имена *Березай*, *Бологое*, *Велья*, *Вельё*, *Вилейка*, *Велейка*, *Веретья*, *Веть*, *Витка*, *Водоса*, *Волма*, *Витьба*, *Выдерка*, *Дубна*, *Желонка*, *Колодея*, *Колтинка*, *Крупна*, *Линенка*, *Лопанка*, *Лоша*, *Лютейка*, *Меглинка*, *Орлинка*, *Песно*, *Плюсса*, *Полонка*, *Радча*, *Северка/Сиверка*, *Туренка*, *Тушемля*, *Уча*, *Черемнецкое*, *Черенка* и др., неоднократно повторяющиеся на Русском Северо-Западе и в других регионах и ранее объясненные или предварительно помеченные исследователями как балтизмы, оказалось предпочтительнее отнести к древнеславянскому слою (Васильев 2012: 616). Ничего не добавляет к изучению балтийского слоя также желание трактовать в качестве балтизмов (сильно обрусевших или переосмысленных) сравнительно поздние русские (древне-, старо- и современно-русские) названия, которые в подавляющем большинстве атрибутируются более надежно как славизмы, поскольку легко объясняются на славянском диалектном апеллятивном материале, многократно повторяясь в разных регионах России и других славянских стран.

Литература

- BUGA, Kazimieras (1923) «Upių vardų studijos ir aiščiau bei slavenu senovė.» *Tauta ir žodis*. 1, 1–44.
- BUGA, Kazimieras (1961) *Rinktiniai raštai*, 3. Vilnius: Politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- VASMER, Max (1932) «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme.» *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philos.-hist. Klasse)*, 3–32.
- VASMER, Max (1933) «Balten und Finnen im Gebiet von Pskov.» *Studi baltici* 3, 27–34.
- АГЕЕВА, Руфь А. (1989) *Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. Москва: Наука.
- АНИКИН, Александр Е. (2005) *Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке*. Новосибирск: Наука.
- АНИКИН, Александр Е. (2014) «Проблемы изучения балтизмов в русском языке.» В: *Сибирский филологический журнал* 4, 189–195.

- БУЛКИН, Василий А./Александр С. ГЕРД/Глеб С. ЛЕБЕДЕВ/Валерий Н. СЕДЫХ (1999) *Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России*. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петербургского ун-та.
- ВАСИЛЬБЕВ, Валерий Л. (2007) «Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли.» В: *Новгород и Новгородская земля: история и археология*. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 271–285.
- ВАСИЛЬБЕВ, Валерий Л. (2008) «О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе.» *Вопросы языкознания* 3, 76–94.
- ВАСИЛЬБЕВ, Валерий Л. (2012) *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. Москва: Рукописные памятники древней Руси.
- ДИНИ, Пьетро У. (2002) *Балтийские языки*. Москва: ОГИ.
- ЗАВЬЯЛОВА, Мария В./Татьяна В. ЦИВЬЯН (2014) «Balto-slavica в научном наследии В. Н. Топорова: перспективы.» В: *Балты и славяне: пересечения духовных культур*. Vilnius: Versmė, 13–31.
- НАПОЛЬСКИХ, Владимир В. (2006) «Балто-славянский компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э.» *Славяноведение* 2, 3–19.
- ОТКУПЩИКОВ, Юрий В. (1989) «Балтийские гидронимы Мордовии.» В: *Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия и памятники культуры»*. Москва: Наука, 67–68.
- ОТКУПЩИКОВ, Юрий В. (2001) «О балтийской гидронимии бассейна Оки.» В: Ю. В. Откупщиков, *Opera philologica minora (Античная литература. Языкознание)*. Санкт-Петербург: Наука, 363–365.
- ОТКУПЩИКОВ, Юрий В. (2004) «Древняя гидронимия в бассейне Оки.» В: *Балто-славянские исследования. XVI. Сборник научных трудов*. Москва: Индрик, 83–114.
- ПОГОДИН, Александр Л. (1901) *Из истории славянских передвижений*. Варшава.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, Борис А. (1957) «О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам.» *Труды Академии наук Литовской ССР*, А, 1 (2). Вильнюс.
- СОБОЛЕВСКИЙ, Алексей И. (1924) *Русско-скифские этюды*. Ленинград: Рос. Гос. Акад. тип.
- ТОПОРОВ, Владимир Н. (1972) «Baltica Подмосковья.» В: *Балто-славянский сборник*. Москва: Наука, 217–280.
- ТОПОРОВ, Владимир Н. (1988) «Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I.» В: *Балто-славянские исследования 1986*. Москва: Наука, 154–177.
- ТОПОРОВ, Владимир Н. (1995) «О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии»).» *Res Balticae* 1, 13–40.
- ТОПОРОВ, Владимир Н. (1997) «Балтийские следы на Верхнем Дону.» В: *Балто-славянские исследования 1988–1996*. Москва: Наука, 311–324.

- ТОПОРОВ, Владимир Н. (1999) «Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд).» В: *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина*. Москва: Русские словари, 276–292.
- ТОПОРОВ, Владимир Н. (2001) «К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII-XV веков).» *Res Balticae*, 7, 7–22.
- ТОПОРОВ, Владимир Н./Олег Н. ТРУБАЧЕВ (1962) *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. Москва: изд-во Академии наук СССР.

Аннотация

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ ГИДРОНИМИИ БАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В статье поднят широкий круг вопросов, связанных с отражением гидронимией России древнего присутствия балтов. Вся восточная половина обширного древнебалтийского этноисторического ареала приходилась на регионы Европейской России. Названия рек и озер – главный источник, позволяющий судить об их древнем расселении и некоторых особенностях их диалектного языка. Данная работа содержит обзор истории изучения гидронимии балтийского происхождения на территории России, включая критику отдельных предшествующих работ, и кратко освещает ряд вопросов, среди которых: 1) уточнение юго-восточных, восточных и особенно северо-восточных границ древнебалтийского ареала, 2) соотношение балтийского слоя с финским и иранским языковыми элементами, 3) отношение балтийской гидронимии к археологическим культурам, локализуемым в Европейской России, 4) оценка сравнительной плотности балтизмов по разным русским регионам, 5) оптимизация методики поиска и обоснования гидронимии балтийского происхождения. К статье приложены карты-схемы: 1) северо-восточного фланга ареала балтийской гидронимии, 2) максимального восточнославянского ареала балтийской гидронимии.

Ключевые слова: древнебалтийская гидронимия, российские регионы, этническая история балтов, ареал

Abstract

THE PROBLEMS OF STUDYING THE BALTIC ORIGINS OF HYDRONYMS ON THE TERRITORY OF RUSSIA

The article raises a wide range of issues related to the ancient presence of Balts in Russian hydronymy. The entire eastern half of the vast Old Baltic ethno-historical area overlapped with regions of European Russia. The names of rivers and lakes are the main source that allows to ascertain the extent of their ancient settlement as well as some features of their language. This paper provides an overview of the history of the

study of hydronyms of Baltic origin on the territory of Russia, including the criticism of certain previous works, and briefly highlights a number of issues, among which are: 1) the refinement of the South-eastern, Eastern and especially North-eastern borders of the Old Baltic range, 2) the correlation of the Baltic linguistic elements with the Finnish and the Iranian elements, 3) the relationship of Baltic hydronymy to archaeological cultures, localizable in European Russia, 4) the relative density of the Baltic stratum in different Russian regions, 5) the optimization of techniques related to searching and confirmation of Baltic water names. Maps are provided to show the North-eastern flank of the Baltic hydronymic areal and the maximum geographical extent of Eastern Baltic hydronymy.

Keywords: Old Baltic hydronymy, Russian regions, ethnic history of the Balts, areal

Povzetek

PROBLEMATIKA PROUČEVANJA HIDRONIMIJE BALTSKEGA IZVORA NA OZEMLJU RUSIJE

Članek se dotika širokega kroga vprašanj, povezanih z nekdanjo prisotnostjo Baltov, kot se kaže v hidronimiji Rusije. Celotna vzhodna polovica obširnega starobaltskega etnozgodovinskega areala je ležala na območju Evropske Rusije. Imena rek in jezer so glavni vir, ki omogoča sklepanje o njihovi nekdanji poselitvi in nekaterih posebnostih njihovega narečnega jezika. Pričujoča obravnava vsebuje pregled zgodovine raziskav hidronimije baltskega izvora na ozemlju Rusije, vključno s kritiko posameznih prejšnjih del, in na kratko osvetljuje vrsto vprašanj, med katerimi so: 1) določitev jugovzhodnih, vzhodnih in še zlasti severovzhodnih meja starobaltskega areala, 2) razmerje baltske plasti do finskega in iranskega jezikovnega elementa, 3) razmerje baltske hidronimije do arheoloških kultur, ki so lokalizirane v Evropski Rusiji, 4) ocena relativne gostote baltizmov po različnih ruskih območjih, 5) optimizacija metodike prepoznavanja in utemeljevanja hidronimije baltskega izvora. Članku sta priloženi shematični karti: 1) severovzhodnega krila areala baltske hidronimije, 2) maksimalnega vzhodnoslovankega areala baltske hidronimije.

Ključne besede: starobaltska hidronimija, ruske regije, etnična zgodovina Baltov, areal

Елена Л. Березович
Уральский федеральный
университет*

UDK 81'373.21(470-17)
DOI: 10.4312/linguistica.55.1.187-205

Анна А. Макарова
Уральский федеральный университет*

Ирма И. Муллонен
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН**

«ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ» НАЗВАНИЯ В РУССКОЙ И СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА И КАРЕЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСНОВ *ЧЕРТ-* И *HIISI-*)***

Статья посвящена контрастивному изучению разноязычной по происхождению «демонологической» топонимии, функционирующей на одной и той же территории, простирающейся от Белого моря, Онежского и Белого озер на западе до реки Пинеги на востоке⁵. Материал для исследования извлечен из полевых топонимических картотек Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) и Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск). Для анализа избраны названия, образованные от топонимических основ, которые наиболее продуктивны и репрезентативны для контактных языков (русского и субстратных) изучаемого региона.

В топонимии русского происхождения наиболее частотны названия, продолжающие праслав. **čьrt-*. *Черт*овы топонимы составляют около 80 % от

* Уральский федеральный университет (Ural Federal University), пр. Ленина, 51, ком. 306, 620083 Екатеринбург, Россия; berezovich@yandex.ru, toponimist@yandex.ru

** Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences), ул. Пушкинская, 11, 185910 Петрозаводск, Россия; mullonen@sampo.ru

*** Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)», проекта РГНФ № 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» (2014–2016). Авторы благодарят Т. Н. Бунчук (Сыктывкар), В. В. Напольских (Ижевск), Я. Саарикиви (Хельсинки) за ценные консультации, оказавшие помощь при подготовке статьи.

5 Иначе говоря, рассматривается топонимия Русского Севера в современных границах Архангельской и Вологодской областей и некоторых районов Ярославской и Костромской областей, граничащих с Вологодской областью; анализируются также русские по употреблению топонимы Республики Карелия.

всех «демонологических» имен в топонимиконе Русского Севера: другие названия, образованные от обозначений нечистой силы (в их основе апеллятивы *бес*, *бука*, *дьявол*, *жихарь*, *кикимора*, *леший*, *оборотень*, *русалка*, *сатана*, *скоморох*, *упырь*, *шайтан*), значительно уступают *чертовым* названиям по своей продуктивности (см.: Березович 2010: 14–57). Более того, эта основа по частотности превосходит любую другую топонимическую основу с сакральной (не только «демонологической») семантикой и существенно опережает следующую за ней основу **svēt-*: так, в топонимии Архангельской, Вологодской и северной части Костромской и Ярославской областей насчитывается 275 *чертовых* топонимов на 220 *святых*.

Что касается субстратной топонимии, то решено выбрать для анализа материал прибалтийско-финского субстрата, поскольку именно этот слой («верхний» для большей части Русского Севера) наиболее широко представлен и хорошо изучен. Кроме того, для исследования субстратных географических названий необходимо иметь сопоставимые материалы по живой топонимии родственных языков, что в наибольшей степени достижимо именно для прибалтийско-финского субстрата (имеются достаточно полные данные по собственно карельской и вепсской топонимии, а также факты финской). Другие субстратные слои, отмеченные на окраинах Русского Севера, изучены слабее; просмотр словарей и картотек свидетельствует о том, что для некоторых «живых» топонимических систем – например, коми, марийской, – модели номинации с использованием образа черта либо не характерны, либо недостаточно выявлены.

Какая конкретная основа наиболее репрезентативна для прибалтийско-финского материала? Список прибалтийско-финских наименований духов леса, поля, воды, дома и других строений весьма обширен, однако лишь немногие из них закрепились в топонимии. При этом перечень основ несколько разнится в западных и восточных прибалтийско-финских традициях: в западном списке в большей степени ощутимо скандинавское этнокультурное влияние. Среди названий мифологических персонажей, «отметившихся» в восточнофинской топонимии, обычно называют *hiisi*, *kekri*, *kyöpel*, *piru*, *lempo* (Nissilä 1962: 101; 1975: 91), одновременно обращая внимание на их малую продуктивность. Схожая ситуация и в Карелии: в картотеке, включающей более 100 тысяч топонимов этой территории, обнаружилось только несколько названий с основой *piru* ‘черт’ и *piessa* ‘бес’ (все в Беломорской Карелии): *Pirunsuari* ‘Чертов остров’ в оз. Куйтто со скалистыми берегами; *Pirukallio* ‘Чертова скала’ на оз. Латваярви, в которой глубокое, как колодец, ущелье; *Piessankorpi* ‘Бесов лес’ [Костомукш., Аконлакши], *Piessanvuara* ‘Бесова гора’ [Калев., Ювалакша] со скалистыми разломами. Единичными примерами представлена такая лексема, как карел. *lempo(i)*, вепс. *lemboi* ‘черт’, причем не на собственно прибалтийско-финской территории, а в виде субстрата в обрусевшем Обонежье: оз. *Малое/Большое Лембозеро* [Пудож., Авдеевская], залив *Лемба* [Конд., Викша-река].

На этом скудном фоне прибалтийско-финских топооснов, связанных с названием нечистой силы, выделяется своей активностью основа *hiisi-/hiite-*, восхо-

дящая к соответствующей лексеме *hiisi, his, hid, hitto* < *hiite, бытующей в ряде прибалтийско-финских языков – финском, эстонском, карельском, водском. Она хорошо известна и в топонимии на территории бытования указанных языков. В Финляндии известно более пятисот названий с основой *hiisi-/hiite-* (Koski 1967: 119–159), в Карелии их зафиксировано около полусотни. Сама лексема является в прибалтийско-финском языковом пространстве явно западным словом. Считается, что в водский она проникла относительно поздно из финского (SSA 1: 162). Единичные топонимные примеры в ареале вепсского расселения не позволяют убедительно реконструировать ее и в вепсских говорах.

Итак, наша задача – произвести сопоставительное исследование «демонологических» основ *hiisi-* и *черт-* в топонимии, обращая внимание на закономерности объектной соотнесенности соответствующих географических названий, их мотивации (и, по возможности, ее динамических изменений), лингвогеографической привязки.

1 РУССКИЕ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ ТОПОНИМЫ (ОСНОВА ЧЕРТ-)

Русский материал, учитываемый далее, включает данные по Архангельской, Вологодской областям и смежным с ними территориям Костромской и Ярославской областей. Он был большей частью подробно описан в (Березович 2010: 47–56). Настоящая статья основана на более представительном корпусе топонимов, дополняющем факты, которые изучались в названной работе (привлечены полевые материалы, собранные в 1999–2015 гг.), а при анализе материала избираются несколько иные аспекты.

Объектная соотнесенность. Среди *чертовых* топонимов (напомним, речь идет о 275 единицах) преобладают названия гидрообъектов (53 % от общего количества наименований): это болота, омуты, водовороты, рвы и ямы с водой; реки, текущие по глухим лесам или вытекающие из болот и имеющие темную воду; опасные пороги и перекаты; озера, считающиеся «бездонными», и т. п. 75 % топонимов приходится на обозначения ям (омутов, водоворотов), болот и глубоких озер.

На следующем месте по частотности – обозначения объектов хозяйственной деятельности (25 % от общего количества *чертовых* названий). Это наименования покосов, полей (на их долю выпадает 90 % топонимов этой группы), мостов, дорог, колодцев. Обычно это объекты, неудобные для обработки и опасные: лесные покосы (нередко кочковатые и сырые); неурожайные (каменистые, глинистые и т. п.) поля; отдаленные сельскохозяйственные угодья; места, изобилующие змеями; мосты с подгнивающими опорами; колодцы с загрязненной водой и т. п.

Далее следуют названия населенных пунктов (10 % от общего количества *чертовых* топонимов) – неофициальные ойконимы, обозначающие деревню или хутор, которые находятся в лесном или болотистом захолустье, далеко от путей сообщения, окружены неплодородными полями и пр. По сути, эту группу можно объединить с предыдущей – как названия «рукотворных» объектов, которые оце-

ниваются с точки зрения пригодности/непригодности для обработки человеком или проживания.

Отдельную группу составляют названия географических реалий, характеризующих ярко выраженные неровности рельефа (7 % от общего количества *чертовых* наименований). Из 20 названий 15 приходится на обозначения оврагов, а 5 – на обозначения гор.

Наконец, имеются наименования лесов и урочищ, представляющих собой, как правило, заброшенные сельскохозяйственные угодья (5 %).

На основе этого перечня можно выделить некоторые мотивационные закономерности. Во-первых, как *чертовы* воспринимаются формы отрицательного рельефа, обычно заполненные водой. Очевидно, «рельефность» можно связать с исходной семантикой основы. Для праслав. *čьrtь предполагается связь с *čersti, *čьrtq ‘рубить, резать, отделять’, при этом, по одной из мотивационных версий, *čьrtь понималось как «тот, кто роет» и обозначало подземного духа (ЭССЯ 4: 165–166). Данные топонимии высказываются в пользу этой версии; это подтверждается и на уровне словообразования (ср. многочисленные *черторои*), и на уровне лексической системности (ср. параллелизм топонимов типа *Чертовік* и *Ров*, приложимых к одному объекту), и на уровне мотивационных контекстов (аргументация приведена в: Березович 2010: 50–51). Нарытое чертом заполняется водой по разным причинам – как вследствие физико-географических условий местности (Русский Север изобилует болотами, глубокими озерами, ямами и пр.), так и вследствие того, что во многих районах России (и шире – в славянском мире) представления о чертях соотносятся прежде всего с водяными духами (Власова 2008: 536; Березович, Виноградова 2012: 522).

Во-вторых, *чертовы* места имеют отчетливо выраженную хозяйственную оценку: они либо непригодны для «окультуривания» (в первую очередь, кошения и пахоты), либо оно сопряжено с большими трудностями. Эта мотивационная линия, ярко проявляющая земледельческое мировосприятие, очевидно, возникла позднее, чем первая, но тесно с ней связана.

В-третьих, есть смысл говорить о собственно лингвистических обстоятельствах, определяющих мотивационное своеобразие *чертовых* топонимов. Среди них, на наш взгляд, просматривается внутригнездовая аттракция, которой подвергаются продолжения праслав. **čьrt-*, различные по исходной мотивации. Как известно, многие элементы гнезда **čьrt-* являются терминами подсечно-огневого земледелия (Куркина 2011: 57–62; ЭССЯ 4: 75–76, 161). К примеру, широко распространено в славянских языках слово *čьртеžь ‘подрезание коры’ → ‘участок леса, на котором произведено подрезание коры’ → ‘расчищенная из-под леса пашня’ (Куркина 2011: 59). Формы, наследующие *čьртеžь, встречаются в диалектной лексике и топонимии практически по всей изучаемой территории. Думается, что и некоторые другие топонимы, восходящие не собственно к *čьртеžь (названия типа *Чертіха*, *Чертіще*, *Чертішное*, *Чёртишное*, отмеченные неоднократно и обозначающие как поля, покосы, так и болота, озера, населенные пункты), изначально могли быть связаны именно с терминологией

подсечного земледелия. Однако в народном сознании такие названия неизбежно притягиваются к демонию *черт*, ср. примеры: д. *Черти́ха*: «Там такая лощина, и вытекает родник, и там находят чёртовы пальцы» [Вил., Якушино]; пок. *Черти́ха*: «Девчонка однажды потерялась. Нашли её на Чертихе. Она объяснила, что её унесла женщина в красном сарафане» [У-Куб., Никола-Корень]; ур. *Черти́ще*: «Худое место, чёртовое» [Мез., Дорогорское]. Притяжения наблюдаются даже для топонимических *чертежей*, имеющих, казалось бы, бóльшую «словообразовательную защиту» от них: бол. *Черте́ж*: «Видко, черти велись там, место сыроё» [Нейск., Брениха]. Органичность подобных притяжений обусловлена не только фонетически, но и семантически: лесные расчистки могли восприниматься как воистину *чертовы* места, поскольку их разработка стоила «адского» труда; они отвоёвывались у болот и лесов – и были окружены таким ландшафтом, особо «богатым» нечистой силой; почвы быстро истощались – и урочище становилось заброшенным, что тоже вписывается в народную концепцию демонического локуса (см.: Березович 2010: 54). Итак, можно предполагать внутригнездовую аттракцию-«перекодировку» в направлении земледельческий термин → демоним. Аналогом является гнездо **leð-*, в котором представлен термин подсечно-огневого земледелия *leðo: ‘terra inculta, участок, предназначенный под пашню’ → ‘пустошь, заброшенное поле’ → ‘место обитания нечистой силы’ → ‘нечистая сила’ (ЭССЯ 15: 46). Вероятно, «земледельческое» и «демоническое» значения могли быть связаны друг с другом не «цепочечной» логикой и не отношениями «перекодировки», а существовать как изначально неразрывный и синкретичный смысловой комплекс.

Наконец, упомянем и об еще одном собственно языковом моменте, определяющем мотивацию *чертовых* названий. Ощутима аттракция *чертов* ↔ *черный*, которая проявляется в том, что *чертовы* топонимы могут закрепляться как обозначения темных лесных уголков, бездонных озер, рек с грязной водой и т. п. (Березович 2010: 49).

Перейдем к изучению ареальной дистрибуции *чертовых* топонимов, которое осуществляется (по техническим причинам) для исследуемого топонимического массива за вычетом данных по Карелии. Топонимы с основой *черт-* фиксируются по всей территории, но есть зоны, где наблюдаются относительные пики и спады. Среди «пиковых» районов – часть вологодского Белозерья (9 *чертовых* названий в Белозерском районе, 10 – в Кадуйском), центральные районы Вологодчины (9 – Сокольский район, 8 – Харовский, 7 – Грязовецкий), зона, прилегающая к Великому Устюгу (7 – Великоустюгский район, 7 – Кичменгско-Городецкий, 7 – Никольский), восточные и северные районы Архангельской области (13 – Верхнетоемский район, 9 – Ленский, 8 – Пинежский). Относительные спады отмечены в топонимии следующих зон: Вытегорский район Вологодской области (0 *чертовых* топонимов, что выглядит странным на фоне «богатых» соседних районов – Белозерского и Кадуйского), восток Костромской области (0 – Октябрьский, Пыщугский районы, 1 – Павинский, Шарьинский), «крайние» восток и север Архангельской области (0 – Мезенский район, 2 – Лешуконский).

Вопрос о причинах указанных различий очень сложен. На активность *чертовой* топонимии влияет группа факторов; указать со всей определенностью ведущий фактор для каждой зоны практически невозможно. Перечислим их в качестве сугубо гипотетических и дающих гибкие сочетания друг с другом.

1. На поверхности лежит «ландшафтный» фактор. Легко предположить, что количество *чертовых* названий должно возрастать в топонимии тех зон, которые особенно богаты болотами, порожистыми реками, глухими лесами и т. п. Возможно, названный фактор наиболее явно «работает» для *чертовой* топонимии таких районов, как Ленский, Верхнетоемский, Пинежский.

2. Определенное влияние на систему топонимической номинации может оказывать такой фактор, как тип хозяйственной деятельности. В Мезенском и Лешуконском районах, являющихся скорее «охотничьими», чем «земледельческими», *чертовых* названий практически нет. «Охотничье» мировосприятие имеет иные прагматические доминанты, нежели земледельческое. Охотник воспринимает ландшафт вне оппозиции пригодности/непригодности для обработки – сенокосения, пахоты и т. п. Для него «проходим», по сути, любой участок территории. Это обстоятельство может снижать количество *чертовых* топонимов.

3. Следующая причина – распространенность на той или иной территории объектов культа, в первую очередь, христианского. Появление таких объектов (особенно крупных – церквей, монастырей) влечет за собой активизацию восприятия ландшафта как арены, где царит крестная сила, которая может взаимодействовать с нечистой. Важно также учесть время христианизации той или иной территории. Скажем, Вологодская область была христианизирована в целом раньше, чем Архангельская (Власова 1995), в ней больше церквей и монастырей, что имеет топонимическое следствие: на Вологодчине больше *святых* топонимов (4 на район Вологодской области против 3 на район в Архангельской). Особенно это касается центральной зоны Вологодчины: именно здесь было в наибольшей степени развито монастырское землевладение и проживало значительное количество монастырских крестьян.

Осмысление ландшафтной «святости» на уровне топонимии может приводить к появлению явных корреляций *святых* и *чертовых* названий. Ср. мотивационный контекст к паре топонимов *Святѣик – Чертовѣик* (озеро и вытекающая из него протока): «Озеро, говорят, Стефан Великопермский крестил, черти-то пошли со Святѣика да и нарыли всё, вот и назвали Чертовѣик» [Лен., Сойга] (о подобных корреляциях см. в: Березович 2010: 42–43, 55–56, 78). Но помимо эксплицитно выраженных оппозиций есть, вероятно, и имплицитные. В топонимии ряда территорий *чертовы* и *святые* названия неявным образом коррелируют, что выражается в наличии примерно равного количества тех и других названий: например, 7 *чертовых* – 7 *святых* [Холм.], 9 *чертовых* – 8 *святых* [Белоз.], 1 *чертово* – 1 *святое* [Сямж.], 0 *чертовых* – 1 *святое* [Мез.] и др. Таким образом, частотность *чертовых* топонимов в ряде случаев может зависеть от того, насколько актуален сценарий святости локуса (и борьбы крестной силы с нечистой) для той или иной территории. Возможно, сказанное следует принимать во внимание для

объяснения частотности *чертовых* топонимов в центральных и некоторых западных районах Вологодской области, где, как говорилось выше, было особенно много крупных церквей и монастырей.

В то же время в Вытегорском уезде Олонецкой губернии, по свидетельству историков, позиции христианской религии были наиболее слабыми (Власова 1995: 88). В русской топонимии этого района нет *святых* названий. Возможно, это повлияло и на отсутствие *чертовых* топонимов на этой территории (свою роль могло сыграть и отсутствие основы *hiisi-* в вепском языке, во многом формирующем картину языковых контактов в этом районе).

4. Если предшествующие факторы носили внеязыковой характер, то сейчас речь идет о факторе внутриязыковом. В тех зонах, где можно предполагать значительное иноязычное влияние на сложение русской топонимической системы, следует учитывать номинативные традиции контактного языка. Так, этот фактор значим для лешуконско-мезенской зоны, где сказывается сильнейшее влияние коми.

В языке коми обозначения нечистой силы в целом не обнаруживают особых номинативных ресурсов ни в топонимической, ни в апеллятивной системах (во фразеологических единицах, семантических и семантико-словообразовательных дериватах от демони́ма и т. п.). Ощутим контраст с русским языком, в котором слово *черт* (в меньшей степени *бес*) обладает исключительной активностью во вторичной номинации. Отсюда версия о том, что причина уменьшения количества *чертовых* названий в топонимии тех зон, которые контактируют с коми территорией, может быть сугубо ономаσιологической: номинативные традиции контактного языка, передающиеся русской топонимической системе.

5. Еще один номинативный фактор связан с явлением языкового табу. При всей активности *черта* во вторичной номинации, это слово в некоторых коммуникативных режимах, несомненно, подвергалось табуированию. Вероятно, механизм табуирования включался чаще всего в тех случаях, когда речь шла о страшных местах (в том числе «убиенных»). Фактор табу можно допустить «в общем виде», без привязки к определенной территории, поскольку невозможно установить, в каких зонах обсуждаемый механизм работал наиболее действенно. Стоит лишь предполагать, что в связи с обсуждаемым явлением тоже может сказаться контактное влияние (уже не на уровне механизма, а на уровне результата): причины низкой номинативной активности «чертей» в топонимии коми, вероятно, в какой-то мере коренятся в том, что у коми языческая традиция характеризуется высокой степенью сохранности – и явление табуирования представлено более масштабно, чем в русской номинативной системе.

6. Последний фактор тоже носит лингвокогнитивный характер. Широко известна архаичная традиция восприятия локусов в связи с «духами мест», при этом могут номинативно не различаться название локуса и имя *genii loci*. Эта традиция действует в различных языках, в том числе в славянских, ср. приведенное выше *ljad* (< *lędo/* *lęďb*). Но если в русском языке (и, кажется, в других славянских традициях) таких случаев относительно немного, то в финно-угорских данная модель гораздо более популярна, что может быть вызвано активностью соответству-

ющих верований. Показательны в связи с этим рассуждения Л. Н. Виноградовой, отмечающей, что состав духов-«хозяев» локуса наиболее детально разработан в поверьях русского населения европейского Севера: «Вопреки распространенному мнению, такая картина не является типичной для всех славянских традиций и не очевидно, что она отражает древнейшую общеславянскую основу. <...> высокая степень популярности локативных духов-“хозяев” у русских, со всей очевидностью, связана с влиянием финно-угорской мифологии, в которой этот класс демонов занимает первостепенное место» (Виноградова 2013: 501). Поскольку многие объекты топонимации воспринимаются как ландшафтные реалии и одновременно места проживания демонов, можно предположить, что при попадании слова с синкретичной «локативно-демонической» семантикой в топонимию «демонический» компонент попросту оказывается растворенным, особо не акцентированным. Возможно, здесь кроется дополнительное объяснение того, почему мезенско-лешуконская топонимия фактически избегает *чертовых* топонимов: в условиях активных языковых контактов русская топонимия оказывается лишенной возможности калькировать иноязычные «синкретичные» модели, поскольку у нее мало своих средств передачи подобной комплексной семантики.

Перейдем к анализу прибалтийско-финской топонимии.

2 ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ТОПОНИМЫ (ОСНОВА *HIISI*-)

Семантическое наполнение изучаемой лексики варьирует по языкам, что связано с историческими этапами в ее развитии. Анализ широкого прибалтийско-финского материала, прежде всего, финского и эстонского, показывает, что первоначально слово обозначало расположенное на возвышенности языческое кладбище, на котором проводились определенные обряды, связанные с культом предков (Koski 1967; 1970). Своеобразным алтарем, центром такого кладбища был большой приметный камень. Постепенно слово стало обозначать и выросшую на месте кладбища рощу (особенно в эстонской традиции), которая уже не обязательно ассоциировалась с кладбищем, но сохраняла память о культовом месте. С принятием христианства слово начинает приобретать негативные оттенки семантики: место языческого поклонения, расположенное в глуши. По мере укрепления христианства негативное наполнение расширяется: в частности, с этими местами в западнофинской традиции начинают связывать сюжеты о великанах и троллях, а в восточных говорах слово приобретает значение ‘черт, леший’. Эти перипетии высвечиваются в фин. *hiisi* ‘священная роща, место жертвоприношений; кладбище; хозяин леса, тролль’, эст. *his* ‘роща, кустарник’, *hiid* ‘великан’, карел. *hiisi* ‘ад; дьявол’ (SSA I: 162), ‘леший, водяной’ (KKS I: 264), в которых отражается, с одной стороны, семантика места, а с другой – населяющей его нечистой силы.

Какой или какие из обозначенных этапов в семантическом развитии слова *hiisi* отражены в топонимии? К сожалению, сведения об объектах, в названии которых представлена основа *hiis(i)/hiije-* < *hiit(e)-*, отрывочны. Тем не менее, анализ имеющихся материалов по территории карельского Приладжья говорит об

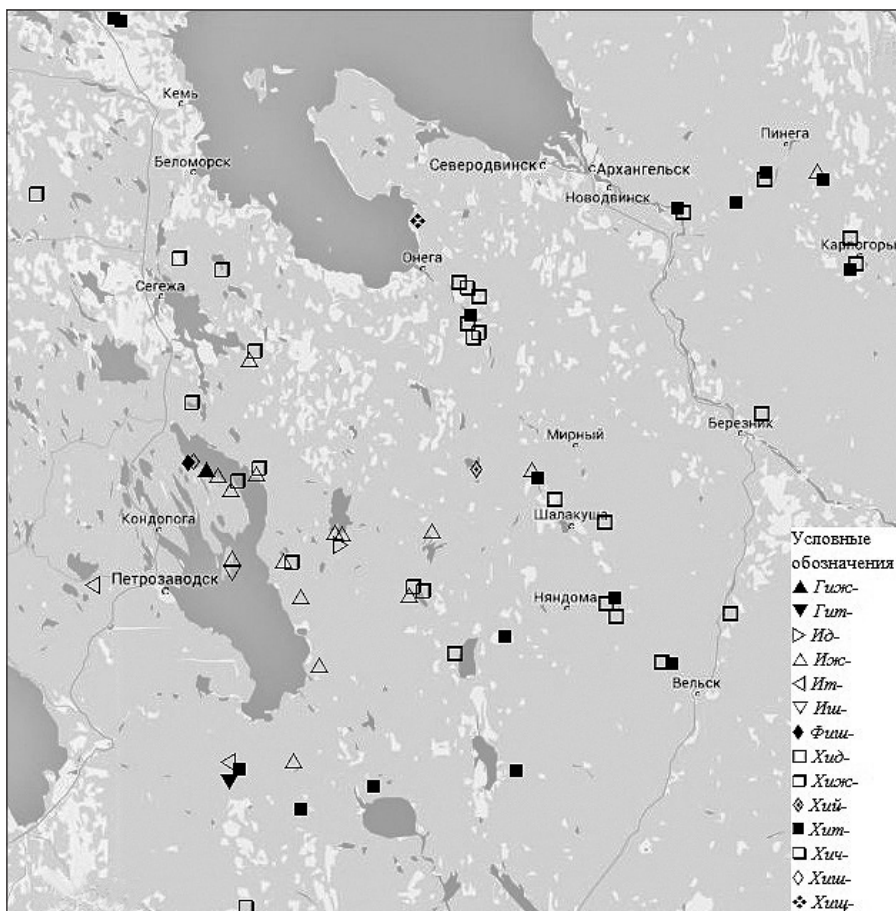
определенных приоритетах в выборе объектов для называния. Приладожье можно считать в какой-то мере эталонной территорией, поскольку здесь, в ареале формирования древнекарельского этноса, есть основания для поиска наиболее ранних мотивов использования топоосновы *hiisi-* в карельской традиции. В свою очередь, обращение к карельской традиции вызвано тем, что она, видимо, является наиболее вероятным источником модели с названной основой в субстратной топонимии Русского Севера. Оказалось, что основа продуктивна прежде всего в наименованиях гор, как правило, наиболее высоких, в окрестностях поселения, нередко с крутыми склонами и плоской вершиной: *Hiijen/mäk* (*hiijen-* < *hiiden : *hiisi*, *mäk* ‘гора, холм’), *Hiijen/vuor* (*vuor* ‘высокая гора’), *Hiis/vuori*, *Hiijen/kallio* (*kallio* ‘скала’) и др. Некоторые из них традиционно использовались как места, где водили хороводы, жгли костры в ночь на Иванов день, устраивали качели. Иногда к таким местам приурочены легенды о зарытых кладах или о колдунах. К этому разряду топонимов примыкают названия высоких каменистых мысов (*Hiisi/niemi*, *Hiijen/niemi*), имеющих крутые склоны. С ними также связаны традиции молодежных гуляний. Кроме того, они могли наводить страх на путников. Известно, например, что если путь большой церковной лодки, отвозившей жителей на воскресную службу в церковь в Сортавалу, пролегал мимо мыса *Hiisiniemi*, то женщин высаживали из лодки в заливе *Naislahti* ‘Женский залив’, и они шли к церкви по тропе, которая обходила мыс стороной (Mallat 2007).

Еще один принципиально важный признак мест, в названиях которых использована основа *hiisi-* – наличие больших камней, их нагромождений, скальных выходов. «Каменистость» присутствует и в многочисленных финских и эстонских сюжетах о великане Хийси, собиравшем камни в большие кучи, разбрасывавшем огромные глыбы по лесу или пытавшемся бросить такую глыбу на церковь. Такие одиночные большие камни называются *Hiidenkivi* ‘камень Хийси’ и являются культовыми. С «каменистостью», что не менее важно, связана, видимо, и одна из наиболее вероятных этимологий самого слова, возводящая его к скандинавскому истоку со значением ‘каменоломня, густой лес, пещера’ (SSA 1: 162).

Итак, в средневековой карельской традиции в Приладожье топооснова *hiisi-* маркировала прежде всего выделяющиеся в окрестностях поселения высоты (горки, высокие мысы) с крутыми каменистыми склонами. Она отмечена и в названиях отдельных приметных камней. Присутствие ее в наименованиях территориально смежных объектов – озер, озерных заливов, островов, болот и др. – носит, видимо, вторичный характер и обусловлено переносом по смежности. При этом в топонимии более восточных областей Карелии, осваивавшихся уже в новое время, с названиями возвышенностей – гор и высоких озерных мысов (*Hiizi/vuara*, *Hiid/niemi*, *Hiijen/niemi*), а также отдельных камней количественно явно соперничают озерные наименования (*Hiiz/järvi*, *Hiizi/lambi*), нередко названия островов (*Hiizi/suari*) и озерных заливов (*Hiiden/guba*, *Hiizi/lakši*). Видимо, такая ситуация связана как с постепенной утратой сакральной функции объектами *Hiisi*, так и с большей устойчивостью и сохранностью гидронимии. В значительной степени такова же топография объектов с вариантами основы *Хиж-*

Иж-/Хит- и в традиционно русской Карелии – Поморье и Восточном Обонежье, а также на Русском Севере.

Список русских по употреблению названий включает 47 топонимических гнезд (наименований смежных объектов, образованных от основы *hiisi-*), которые представлены на территории, тянущейся от Белого моря, Онежского и Белого озер на западе до реки Пинеги на востоке (см. карту). В подавляющем большинстве случаев это действительно гнезда названий смежных объектов, в которых в силу их древности, а также в связи с произошедшим на протяжении столетий, с одной стороны, разрушением, а с другой – разрастанием гнезда, сложно подчас выявить ядро, тот исходный топоним, на базе которого происходило формирование цепи названий смежных объектов.

Карта 1: Русские по употреблению названия, образованные от основы *hiisi-*, в топонимии Русского Севера и Карелии

При анализе этой субстратной топонимической ситуации логично опираться на те приоритеты названия, которые выявлены на собственно прибалтийско-финском материале, – маркировка топоосновой *hiisi-* в первую очередь камней, высоких мест, мысов. В нашем списке всего три названия камней, однако, с учетом того, что это микротопонимы, которые, как правило, неустойчивы во времени, они, очевидно, являются рудиментом более обширного и насыщенного ареала, разрушенного временем. К тому же, будучи простыми по структуре (*Хид*, *Хит*), они были явно ядерными, примарными для названий смежных природных и культурных объектов. Отголоски сакральной функции камня *Хит* (*Хид*, *Хидо*) отражает контекст: «Камень – страшной, страховище, страх какой» [Онеж., Поле]. 25 % всех названий списка – наименования гор, в подавляющем большинстве отмеченные на западе ареала – в Беломорье и Обонежье, что хорошо согласуется с их карельскими истоками. Такому генезису модели не противоречит и одна известная восточная фиксация – *Хидгора*, часть д. Покшеньга – на Пинеге, где выявлен целый ряд убедительных карельских следов в топонимии. Топооснова привязана к доминантным высотам, хорошо выделяющимся на местности, на которых нередко стояли деревни, православные часовни и церкви. Характерный пример – церковь преподобного Александра Свирского на *Хижгоре* – самой высокой точке южного Кенозерья. С другой стороны, они были известны и как места, связанные с нечистой силой. Такова *Ижгора* на острове Кижы в Заонежье, о которой в поверье середины XIX в. сказано: «...нечистая сила (лембои) везде водится, но ее любимые жилища на Ишь-горах и Мьянь-горах» (Рыбников 1991: 183). В этом же ряду сакральных мест – заонежская *Ижгора* ~ *Хижгора* [Медв., Толвуя], известная также под названием *Игримый Креж*.

Как и на собственно прибалтийско-финской территории, в субстратной топонимии с основой *Хиж-* продуктивны названия мысов (10 фиксаций с учетом топонимов с детерминантами *-наволок*, *-нема*, *-мень*, *-мина*). Ареально они тяготеют к северо-западной части региона – Обонежье и западные районы Архангельской области [Онеж., Плес., Нянд., Холм.], вписываясь в зону субстратной топонимии с карельскими корнями. Все перечисленные в списке мысы находятся в непосредственной близости к поселениям, на некоторых из них были часовни, многие известны как вторичные названия сельскохозяйственных угодий. В одной связке с названиями мысов и гор выступают наименования заливов (6 фиксаций), возникшие, видимо, в ходе переноса топоосновы на смежный объект.

Наиболее многочисленная группа (15 названий) – это наименования сельхозугодий – покосов и полей, при этом сам структурный облик топонимов и наименования смежных объектов в подавляющем большинстве случаев указывают на вторичность этих агронимов, привязанных, как правило, к мысам, камням, иногда озерам, в названиях которых использована топооснова *Хиж-/Хид-*. Очевидно, и озера (11 фиксаций), а также реки и ручьи (9 названий) являются звеньями в более или менее длинной цепи топонимов и появились в ходе переноса топоосновы с названия ядерного объекта по смежности: оз. *Хижозеро* (*Хижезеро*) в одном гнезде с *Хижгорой*, *Хичезеро* – с камнем *Хит*, оз. *Хитминское* – с мысом *Хитмина*, и т. д.

Названия болот (6 наименований) в смысле их первичности или вторичности классифицировать трудно, поскольку в 4 случаях из 6 они выступают самостоятельно, а не в составе гнезда. В отличие от русской топонимии, где *чёртовы болота* частотны, в прибалтийско-финской основа *hiisi-* маркирует иной рельеф местности. Болотистость и малая освоенность, характерная для всей территории Карелии, видимо, не была тем фактором, который вызывал негативную оценку местности. Возможно, сказывался промысловый характер ее освоения и использования. Нельзя исключать того, что на Русском Севере привязка топоосновы *Хиж-/Хит-* к болотам могла быть спровоцирована влиянием соответствующей русской *чертовой* модели.

Почему из всех наименований прибалтийско-финских мифологических персонажей, связанных с нечистой силой, практически только слово *hiisi* оказалось востребованным в топонимии? Возможно, потому, что его семантика изначально включала «местный» компонент: *hiisi* – это и место (родовое кладбище с каменным алтарем, священная роща, и т. д.), и населяющий его дух.

Какое значение многозначного *hiisi* отразилось в топонимии Русского Севера? Могло ли слово сохранять раннюю семантику ‘языческое кладбище’, ‘сакральное место’ или оно уже было вытеснено значением ‘нечистая сила’? По мнению М. Коски, на территории Финляндии, в том числе и в карельском Приладожье, места, в названиях которых присутствует основа *hiisi-*, перестали быть кладбищами уже в Средневековье, хотя еще длительное время сохраняли функцию культового места (Koski 1967: 221–226). Наши материалы, кажется, подтверждают, что некоторые отголоски семантики культового места еще сохранялись. Недаром в Пудожье и Кенозерье православные церкви и часовни ставились в местах с названием *Ижгора, Ижनावолок, Хижгора*. Видимо, функцию сакрального места отражают и два зафиксированных в списке названия кладбищ: *Хичирга* [Онеж., Вонгуда] и *Хичим* у гор. Бабаево. Если в средневековой западнофинской и эстонской традиции в окрестностях поселения, как правило, существовало два центра – христианская церковь и языческая гора Хийси, которые противопоставлялись друг другу, – то в карельской такого четкого противостояния не было, православная церковь наследовала традицию языческого «святого» места. Очевидно, католичество и лютеранство были более непримиримы к проявлениям язычества. Православие же допускало здесь синкретизм. К тому же, в XVI–XVII столетиях, когда происходило формирование карельской топонимии в Восточном Обонежье и Поморье и ее субстратизация, языческие представления были сильны, и те отрицательные коннотации, которые слово *hiisi* имеет в современных карельских говорах (‘ад; черт; леший; водяной’), на том этапе еще, видимо, не проявились в полную силу, т. е. субстратная топонимия отразила, по крайней мере, в части топонимов, более раннюю семантику лексемы – ‘сакральное место’.

С другой стороны, целый ряд контекстов – и в Карелии, и на Русском Севере – говорит о том, что в здешних топонимах уже возобладала вторичная пейоративная семантика. Эти места вызывали страх, они были известны как локусы, в кото-

рых живет нечистая сила. Показательно и то, что несколько топонимов с основами *piru* и *piessa* ‘черт’, которые известны в Карелии, маркируют нагромождение скал, скалистые ущелья, т. е. места, топографически идентичные тем, что маркированы основой *hiisi*-. Это наводит на мысль о возможных вторичных истоках *piru*- и *piessa*- в них – как семантически идентичных заменителей *hiisi*-, особенно с учетом того, что оба термина (*piru* под вопросом) являются относительно поздними заимствованиями в карельском. Отметим, что есть по крайней мере одно документальное свидетельство того, что люд. *hiž* (*hide*-) переводилось словом *бес*: карельская деревня *Hidniemi* (рус. *Гижино*) в XVI в. (1563) обозначена как «деревня над Бесовою головою на Бесовом ручью» (ПКОП 1930: 86). Показательна и топография ряда *чертовых* мест в Прионежье – регионе относительно недавнего карело-вепсского расселения: *Чертов Стул* – скалистый, отвесный берег Петрозаводской губы Онежского озера, в Заонежье скала *Чертовы Ворота* (*Железные Ворота*) [Шунг., Есина], *Чертова Тропа*, проходящая по дну скалистого ущелья [Шунг., Ажебнаволок]. При этом в топонимии Русского Севера *чертовы* топонимы практически не маркируют каменистые, скалистые возвышенности. Отсюда можно ставить вопрос о калькированном характере топоосновы *черт*- в перечисленных топонимах, в оригиналах которых, возможно, использовалась основа *hiisi*- с семантикой ‘нечистая сила’. В свое время на некую корреляцию топонимов с основами *Хид*- и *Черт*- обратил внимание А. К. Матвеев: около *Хидгоры* на берегу Мехреньги находится о-в *Чертов*, а каргопольская «высокая, заросшая густым еловым лесом и довольно мрачная *Хижгора* удивительно напоминает многочисленные Бесовы и Чертовы горы, которые автору приходилось наблюдать в различных районах нашей страны» (Матвеев 1976: 183–184).

Топооснова засвидетельствована на Русском Севере в целом ряде фонетических модификаций, для некоторых из них просматриваются ареальные предпочтения: *Хиж*- на северо-западе ареала, Онежско-Беломорском водоразделе; варианты с утраченным инициальным согласным (*Иж*-/*Ид*- и др.) – в Восточном Обонежье; в виде *Хид*- – преимущественно в центральной части ареала, особенно на р. Онеге; глухой вариант *Хит*- бытует на южной окраине ареала. При этом возможно сосуществование разных вариантов звучания в одном гнезде (*Хид* и *Хижестров*), вызванное, очевидно, особенностями самой исходной лексемы *hiisi*, имеющей в косвенных падежах основу *hiide*- (< *hiide-). А. К. Матвеев считал возможным связывать основу *Хид*- с древними прибалтийско-финскими диалектами Русского Севера. Глухой вариант *Хит*- мог, по его мнению, возникнуть на русской почве или восходить к прибалтийско-финским производным от *hiisi* типа *hitto* (Матвеев 2004: 76–78). Этимология лексемы до конца не установлена, для нее предлагались (под вопросом) как исконные (SKES: 74), так и скандинавские (SSA 1: 162) истоки. В целом ареал топоосновы на Русском Севере в значительной степени накладывается на территорию карельской экспансии XV–XVII вв. на восток. Это актуально и для вепсского этноязыкового ареала в Южном Обонежье, где зафиксировано достоверное карельское языковое и культурное наследие.

В этом контексте показательно практически полное отсутствие «демонологической» топоосновы в вепсской топонимии. Одна из причин в том, что в традиционной культуре вепсов сильны позиции язычества, и представители нехристианского пантеона не несут в полной мере того негативного содержания, которое вызывается христианскими воззрениями. Как следствие – не возникает номинативной базы для идентификации объектов с негативными характеристиками. Очевидно, этим же вызвано отсутствие корреляции «чертовых» и «святых» названий в карельской и вепсской топонимии, которое просматривается в русской системе именовании. Кстати, в финской и эстонской топонимии заметна на вепско-карельском фоне как большая активность «чертовых» топооснов, так и некоторое сопряжение «чертовых» и «святых» топонимов (Nissilä 1962; Koski 1967; 1970), что может быть вызвано более сильными и продолжительными по времени традициями христианства, причем в его западной, первоначально католической, форме, занимавшей более непримиримую позицию в отношении дохристианских верований, чем православие.

***

Сопоставительный анализ двух моделей, соприкоснувшихся в регионе Русского Севера, позволяет наметить некоторые моменты взаимовлияния и взаимопроникновения двух топонимических систем – русской и прибалтийско-финской.

▪ «Чертовы» топонимы представлены в обеих топосистемах, но в русской их частотность много выше, чем в карельской. При этом изучаемые основы *черт-* и *hiisi-* демонстрируют как исходную семантику основы (не «чертову»), так и собственно «демонологическую». Первоначальные значения в обоих случаях связаны с ландшафтом; вероятно, это обстоятельство обеспечивает приоритет основ *черт-* и *hiisi-* в ряду других «демонологических» основ, играющих незначительную роль в топонимической номинации. Можно думать, что в ряде случаев топонимы, образованные от указанных основ, имеют синкретичную семантику, фиксирующую неразрывность (преемственность) представлений о локусе и населяющих его демонах.

▪ Обе основы используются для называния мест, мало- или непригодных для хозяйственного использования. Оценка таких мест, очевидно, осуществляется с разных позиций. В русской традиции на первый план выдвигаются приоритеты аграрной культуры. В прибалтийско-финской они не столь очевидны. С учетом того, что основа привязана, в первую очередь, к труднопроходимым скалистым горам и в то же время непродуктивна, к примеру, в названиях болот, можно полагать, что за ней стоит взгляд на местность охотника-промысловика.

▪ Одним из факторов относительно малой продуктивности *чертовых* топонимов на западной, северо-восточной и южной окраине Русского Севера может быть воздействие финно-угорского субстрата, позиции которого сильны как раз на этих рубежных территориях. В свою очередь, в финно-угорской традиции слабое представительство этой модели может быть обусловлено относительно высокой степенью сохранности языческих традиций и более слабым влиянием христианства.

▪ Высвечиваются некоторые моменты взаимовлияния/взаимопроникновения моделей: на западной окраине Русского Севера основа *черт*- используется для называния гористых и скалистых мест, что несвойственно русской топонимии данной территории, но нормативно для прибалтийско-финской. В то же время на Русском Севере прибалтийско-финская основа *Хиж*- востребована в наименованиях болот, что может быть спровоцировано соответствующей русской моделью номинации.

Сокращения в названиях районов

Белоз. – Белозерский район Вологодской области
Вил. – Вилегодский район Архангельской области
Калев. – Калевальский национальный район Республики Карелия
Конд. – Кондопожский район Республики Карелия
Костомукш. – Костомукшский городской округ Республики Карелия
Лен. – Ленский район Архангельской области
Медв. – Медвежьегорский район Республики Карелия
Мез. – Мезенский район Архангельской области
Нейск. – Нейский район Костромской области
Нянд. – Няндомский район Архангельской области
Олонец. – Олонецкий национальный район Республики Карелия
Онеж. – Онежский район Архангельской области
Плес. – Плещеецкий район Архангельской области
Пудож. – Пудожский район Республики Карелия
Сямж. – Сямженский район Вологодской области
У-Куб. – Усть-Кубенский район Вологодской области
Холм. – Холмогорский район Архангельской области

Литература

- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (2010) *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: КомКнига.
- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л./Л. Н. ВИНОГРАДОВА (2012) «Черт.» Н. И. Толстой (Ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах, 5: С (Сказка) – Я (Ящерица)*. Москва: Международные отношения, 519–527.
- ВИНОГРАДОВА, Л. Н. (2013) «Перспективы изучения персонажей народной демонологии в общеславянском масштабе: Категория духов типа *genii loci*.» А. М. Молдован (Отв. ред.), *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. Москва: Древлехранилище, 486–504.
- ВЛАСОВА, И. В. (1995) «Население центральных районов Русского Севера (XII–XX вв.).» *Этнографическое обозрение* 2, 76–90.

- ВЛАСОВА, М. (2008) *Энциклопедия русских суеверий*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- КУРКИНА, Л. В. (2011) *Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка*. Москва: Азбуковник.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1976) «Топонимические этимологии. VIII.» *Советское финно-угроведение* 3, 182–186.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2004) *Субстратная топонимия Русского Севера, II*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Рыбников – РАЗУМОВА, А. П./И. А. РАЗУМОВА/Т. С. КУРЕЦ (Сост.) (1991) *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 3*. Петрозаводск: Карелия.
- ЭССЯ – ТРУБАЧЕВ, О. Н. (Отв. ред.) (1974–) *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–. Москва: Наука.
- KKS – VIRTARANTA, Pertti/Raija KOPONEN/Marja TORIKKA/Leena JOKI (ред.) (1968–2005) *Karjalan kielen sanakirja, 1–6*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- KOSKI, Mauno (1967) *Itämerensuomalaisten kielten hiisi-sanue: Semanttinen tutkimus: 1*. Turku: Turun yliopisto.
- KOSKI, Mauno (1970) *Itämerensuomalaisten kielten hiisi-sanue: Semanttinen tutkimus: 2*. Turku: Turun yliopisto.
- MALLAT, Kaija (2007) *Naiset rajalla. Kyöveli, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka ja Ämmä Suomen paikannimissä*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- NISSILÄ, Viljo (1962) *Suomalaista nimistöntutkimusta*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- NISSILÄ, Viljo (1975) *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö.
- SKES – TOIVONEN, Yrjö Henrik/Erkki ITKONEN/Aulis J. JOKI/Reino PELTOLA (ред.) (1955–1981) *Suomen kielen etymologinen sanakirja, 1–7*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- SSA – ITKONEN, Erkki/Ulla-Maija KULONEN (ред.) (1992–2000) *Suomen sanojen alkuperä: etymologinen sanakirja, 1–3*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Аннотация

«ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ» НАЗВАНИЯ В РУССКОЙ И СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА И КАРЕЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСНОВ ЧЕРТ- И HIISI-)

В статье производится сопоставительное исследование «демонологических» основ *hiisi-* и *черт-* в русской по употреблению топонимии Русского Севера (Архангельская, Вологодская области, прилегающие районы Ярославской и Костромской областей), а также Республики Карелия.

В топонимии русского происхождения наиболее частотны (80 % всех «демонологических» имен) названия с основой *чёрт-* < праслав. **čьrt-*. Места, названные «чер-

товыми» топонимами, обладают рядом общих признаков: часто это топообъекты отрицательного рельефа, обычно заполненные водой; хозяйственное освоение таких мест либо невозможно, либо значительно затруднено. Популярность основы *чёрт-* в топонимии поддерживается аттракцией к продолжениям **čьrtežь* ‘расчищенная из-под леса пашня’, а также может быть связана с архаичной традицией восприятия локусов в соотношении с «духом места». Факторами, способствующими увеличению количества *чёртовых* названий, являются особенности ландшафта (количество таких топонимов возрастает в зонах, богатых болотами, быстрыми реками, глухими лесами и т. п.); земледельческий тип хозяйственной деятельности; значительное количество церквей и монастырей. Факторы, снижающие продуктивность *чёртовой* номинации в топонимии, таковы: охотничий тип хозяйственной деятельности; номинативные традиции контактных языков (например, низкая продуктивность соответствующего слова в коми языке); языковое табу.

В прибалтийско-финской топонимии выделяется основа *hiisi-/hiite-* < **hiite*. *Hiisi* первоначально обозначало расположенное на возвышенности языческое кладбище, центром которого был большой приметный камень. Постепенно слово стало обозначать и рощу, выросшую на месте кладбища. По мере распространения христианства, в восточных говорах слово приобрело значение ‘черт, леший’. В субстратной топонимии Русского Севера наиболее вероятным источником данной модели является карельская традиция. В топонимии карельского Приладожья основа продуктивна прежде всего в наименованиях наиболее высоких гор в окрестностях поселения. Примерно четверть всех субстратных названий, имеющих основу *hiisi-*, также составляют наименования гор (большинство из них расположено на западе ареала – в Беломорье и Обонежье). Топооснова привязана к хорошо заметным на местности возвышенностям, где нередко стояли деревни, а также православные часовни и церкви. С другой стороны, они были известны и как места, связанные с нечистой силой. На Русском Севере топооснова засвидетельствована в нескольких фонетических модификациях: *Хиж-* на северо-западе ареала, на Онежско-Беломорском водоразделе; варианты с утраченным инициальным согласным (*Иж-/Ид-* и др.) – в Восточном Обонежье; *Хид-* – преимущественно в центральной части ареала, особенно на р. Онеге; *Хит-* – на южной окраине ареала. Существование разных вариантов на одной и той же территории (*Хид* и *Хижестров*), возможно, объясняется тем, что исходная лексема *hiisi* в косвенных падежах имеет основу *hiide-* (< **hiide-*). Ареал топоосновы на Русском Севере (от Белого моря, Онежского и Белого озер на западе до р. Пинеги на востоке) в значительной степени накладывается на территорию карельской экспансии XV–XVII вв. на восток.

Ключевые слова: топонимия, субстрат, русский язык, прибалтийско-финские языки, языковые контакты

Abstract

“DEMONOLOGICAL” ROOT ČERT- AND HIISI- IN RUSSIAN TOPONYMY OF THE RUSSIAN NORTH AND THE REPUBLIC OF KARELIA

The paper presents a comparative study of “demonological” root *čert-* and *hiisi-* in the currently used Russian toponymy of the Russian North (Arkhangelsk, Vologda regions, the surrounding areas of Yaroslavl, Kostroma regions), and the Republic of Karelia.

In the toponymy of Russian origin, the most frequent names are toponyms with the root *čert-* (80 % of “demonological” names), which continue Proto-Slavic **čьrt-*. The places named using *čert-* have a number of common features: often these are places with a negative relief, usually filled with water (names of water objects dominate in this type); the economic exploitation of *čert-* places is either impossible or extremely difficult. The popularity of the root *čert-* in toponymy is also supported by the use of **čьrtež* ‘cleared arable land’, and may be associated with the archaic tradition of the perception of a place in relation to the “spirit of the place”. There are certain factors which caused an increase of *čert-* toponyms: “landscape” (their number increases in the areas rich with swamps, rapid rivers, dense forests etc.); agricultural activity; a significant number of churches and monasteries. Factors mitigating the productivity of *čert-* toponyms are: hunting activity; the onomastic tradition of contact languages (e.g., low productivity of the corresponding word in Komi); linguistic taboos.

In Finnic toponymy the corresponding root is *hiisi-/hiite-*, which can be traced back to **hiite*. The popularity of the root in toponymy is connected with the semantics that originally included a “local” component. *Hiisi* was originally used for a pagan cemetery located on a hill, with a large conspicuous stone in the centre. Gradually the word came to mean a grove which developed on the site of the cemetery. With the spread of Christianity in the eastern dialects, the word acquired the meaning ‘devil’. The most likely source of the model in the substrate toponymy of the Russian North is the Karelian tradition. In the toponymy of Karelian Priladozhye, this root is used to denote primarily the highest mountains located near a settlement. About a quarter of the names with the root *hiisi-* in the substrate toponymy also denote mountains, most of them located in the west of the area, that is on the White Sea and in Obonezhye. This toponymic root referred to prominent heights in the territory where villages often stood, as well as Orthodox chapels and churches. On the other hand, they are known as places connected with impure force. This toponymic root is evident in the Russian North with different phonology: *Hiž-* in the north-west, on the Onega-White Sea watershed; forms with the loss of the initial consonant (*Iž-*, *Id-* et al.) in Eastern Obonezhye; *Hid-* mainly in the central area, especially on Onega; *Hit-* in the south. The coexistence of different variants in the same area (*Hid* and *Hižestrov*) reflected the fact that *hiisi* took the form *hiide-* (<* *hiide-*) in oblique cases. The whole area where the toponymic root occurs in the Russian North (from the White Sea, the Lake Onega and the White Lake in the west to Pinega in the east) largely corresponds to the territory of the eastward Karelian expansion in the fifteenth to seventeenth centuries.

Keywords: toponymy, substrate, Russian language, Finnic languages, language contact

»DEMONOLOŠKA« POIMENOVANJA V RUSKI IN SUBSTRATNI TOPONIMIJI
RUSKEGA SEVERA IN KARELIJE (NA GRADIVU OSNOV ČERT- IN HIISI-)

V članku je podana primerjalna raziskava »demonoloških« osnov *hiisi-* in *čert-* v toponimiji Ruskega Severa (Arhangeljska in Vologodska oblast z bližnjimi predeli Jaroslavske in Kostromske oblasti) in Republike Karelije, kot se uporablja v ruskem jeziku.

V toponimiji ruskega izvora so najbolj pogostna poimenovanja z osnovo *čert-* < psl. **čbrt-* (80% vseh »demonoloških« imen). Kraji, ki jih označujejo »hudičevi« toponimi, imajo več skupnih značilnosti: pogosto so to topografski objekti negativnega reliefa, navadno zapolnjeni z vodo; gospodarska osvojitvev takšnih krajev je bodisi nemogoča, bodisi dodobra otežena. Popularnost osnove *čert-* v toponimiji povečuje naslonitev na kontinuantne leksema *čbrtežb »orna zemlja, pridobljena z iztrebitvijo gozda«, lahko pa je povezana tudi z arhaično tradicijo dojemanja krajev glede na »duh kraja«. Dejavniki, ki vplivajo na povečanje števila *hudičevih* poimenovanj, so posebnosti pokrajine (število takšnih toponimov naraste na območjih, kjer je veliko močvirij, hitrih rek, neprehodnih gozdov ipd.); poljedelski tip gospodarske dejavnosti, precejšnje število cerkva in samostanov. Dejavniki, ki znižujejo produktivnost hudičeve nominacije v toponimiji, pa so: lovski tip gospodarske dejavnosti, nominativne tradicije jezikov v stiku (na primer, nizka produktivnost ustrezne besede v jeziku Komi), jezikovni tabu.

V pribaltsko-finski toponimiji izstopa osnova *hiisi-/hiite-* < *hiite. *Hiisi* je prvotno označevalo na vzpetini ležeče pogansko pokopališče, katerega središče je bil velik opazen kamen. Postopoma je beseda začela označevati tudi gozdlič, ki je zrasel na kraju, kjer je bilo prej pokopališče. S širjenjem krščanstva je beseda v vzhodnih govorih prejela pomen 'hudič, gozdni duh'. V substratni toponimiji Ruskega Severa je najbolj verjeten vir tega modela karelska tradicija. V toponimiji karelskega Priladožja (= območja ob jezeru Ladoga) je osnova poduktivna predvsem v poimenovanjih najvišjih vzpetin v okolici naselbine. Približno četrtnina vseh substratnih imen, ki vsebujejo osnovo *hiisi-*, prav tako predstavljajo poimenovanja vzpetin (večina od njih leži v zahodnem delu areala – v Belomorju in Obonežju). Topografska osnova se nanaša na dobro vidne vzpetine, kjer so marsikdaj stale vasi ali tudi pravoslavne kapele in cerkve. Po drugi strani so bila znana tudi kot kraji, povezani z zlimi duhovi. Na Ruskem Severu je ta topografska osnova izpričana v več fonetičnih različicah: *Hiž-* na severovzhodu areala, na Oneško-Belomorski razvodnici; variante z opuščenim vzglasnim soglasnikom (*Iž-/Id-*idr.) – v Vzhodnem Obonežju; *Hid-* – pretežno v osrednjem delu areala, zlasti ob reki Onegi; *Hit-* – na južnem robu areala. Soobstoj različnih variant na istem ozemlju (*Hid* in *Hižestrov*) je morda razložljiv z dejstvom, da ima izhodiščni leks *hiisi* v stranskih sklonih osnovo *hiide-* (< **hiide-*). Areal te topografske osnove na Ruskem Severu (od Belega morja, Oneškega in Belega jezera na zahodu do reke Pinege na vzhodu) se v precejšnji meri pokriva z ozemljem karelske širitve na vzhod v 15.–17. stol.

Ključne besede: toponimija, substrat, ruščina, finski jeziki, jezikovni stik

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА**

1. ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что современная Россия – страна со сложнейшей геополитической историей. Огромная ее часть, считающаяся ныне русской, в древности была заселена народами, которые генетически очень далеко отстоят и от восточных славян, и вообще от индоевропейцев.

Одно из первых упоминаний о теснейшем соседстве русичей с «чужими» народами содержится в «Повести временных лет» – самой ранней древнерусской летописи:

На Бѣлѣозерѣ сѣдять Вѣсь а на Ростовскомъ озерѣ Меря а на Клещинѣ озерѣ Мѣра же. а по Щцѣ рецѣ где потече в Волгу же Мурома ѡзыкъ свои и Черемиси свои ѡзыкъ. Морѣдва свой ѡзыкъ. се во токмо Словѣнескъ ѡзыкъ въ Русѣ. Поляне. Древлане. Новгородци. Полочане. Дреговичи. Сѣверѣ Бужане зане сѣдоша по Бугу послѣже Вельяне. а се сѣуть инни ѡзыци иже дають дань Русѣ. Чюдѣ. Меря. Вѣсь. Мурома. Черемисѣ. Морѣдва. Пермь. Печера. Ямь. Литва. Зимигола. Корсь. Нарова. Ливь. си сѣуть свой ѡзыкъ.»¹ [ПВЛ]

Из названных в этом летописном отрывке 14 народов – соседей и «даников» восточных славян – абсолютное большинство составляют финно-угорские народы, причем их перечень, фиксируемый «Повестью вре-

* Уральский федеральный университет (Ural Federal University), пр. Ленина, 51, 620083 Екатеринбург, Россия; nadia.nvlad2010@yandex.ru

** Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)».

1 В современном переводе: «На Белом озере живет весь, на Ростовском озере меря, на Клещине озере тоже меря. А по реке Оке, там, где она впадает в Волгу, живет мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, и мордва, говорящие на своих языках. Вот лишь кто славяне на Руси: поляне, древлане, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что жили по Бугу, а затем прозванные вольнянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы. Эти говорят на своих языках».

менных лет», далеко не полон. Более поздние летописные и иные источники называют в числе соседей русского населения такие финно-угорские народы, как *водь* (= совр.), *вогулы* (совр. *манси*), *вотяки* (совр. *удмурты*), *ижера* (совр. *ижорцы*), *зыряне* (совр. *коми*), *корела* (совр. *карелы*), *лопь* (совр. *саамы*), *остяки* (совр. *ханты*).²

Тем самым неудивительно, что на очень значительной территории современной России – в виде языковых и иных памятников – запечатлено древнее наследие целого ряда финно-угорских народов.

К сожалению, в рамках небольшой статьи невозможно осветить все проблемы, связанные с изучением этого богатейшего наследия. Поэтому мы представим вниманию читателя лишь небольшой «фрагмент», связанный с исследованием финно-угорского топонимического субстрата Русского Севера – территории, включающей ныне Архангельскую и Вологодскую области России. Изначально эта территория, на которой могли бы разместиться, например, две таких европейских страны, как Германия, была заселена различными финно-угорскими племенами, однако в течение последнего тысячелетия она полностью «обрусела», сохранив при этом мощный финно-угорский субстрат – в топонимии и диалектной лексике, а также, разумеется, в «неязыковых» сферах культуры.

Для историко-лингвистических исследований, связанных с Русским Севером, финно-угорский языковой субстрат особенно ценен в двух отношениях. Во-первых, он позволяет реконструировать древнюю «дорусскую» этническую карту очень значительной части России и – шире – Восточной Европы. Важнейшая роль в этой реконструкции принадлежит именно топонимии, поскольку она, в отличие от легко мигрирующей лексики, «прикреплена» к местности и позволяет более точно очерчивать границы былого расселения тех или иных народов. Во-вторых, огромное и разноязычное древнее финно-угорское наследие, хорошо сохранившееся на Русском Севере, в значительной мере может способствовать решению генеалогических проблем, связанных с семьей финно-угорских языков.

Соответственно, в данной статье наша задача – осветить уже имеющиеся результаты исследований субстратной топонимии Русского Севера, охарактеризовать их методику, обозначить наиболее существенные проблемы и видимые перспективы.

---

2 Кроме того, исторические документы отражают названия древних финно-угорских сообществ, дифференцированные по тому или иному признаку: *заволочская чудь*, *лопь дикая*, *сура поганая*, *тоймичи поганые*, *чудь белоглазая* и т. п.

2. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА РУССКОГО СЕВЕРА

Не будет преувеличением сказать, что задолго до рождения топонимологии как науки понимание глубокой связи между топонимией и древней историей было свойственно многим образованным гражданам России. Поэтому, если говорить точно, первый опыт осмысления культурно-исторической значимости топонимического субстрата, в том числе и севернорусского, принадлежит не профессиональным лингвистам, а краеведам и путешественникам. Так, еще в 1790 г. один из первых русских краеведов, житель Архангельска В. В. Крестинин писал: «Знать язык, из которого извлечены и присвоены в российский язык имена наших селений, рек и урочищ, необходимо, ибо сим способом открывается нам тот самый древний народ, который занимал нашу землю прежде славян» [Крестинин, 1790, 2]. С этим же пониманием, следуя «чувству истории», российские путешественники, оказываясь на Русском Севере, отводили в своих путевых журналах специальные страницы для записи «местных» географических названий, нередко сопровождая эти записи собственными этимологическими догадками. В то же время, конечно, эти первые попытки толкования финно-угорских субстратных топонимов, относящиеся к концу XVIII – началу XIX в., были не только весьма разрозненными, но и, как правило, в лингвистическом отношении «случайными» и наивными.

В течение XIX в. подступы к научному осмыслению финно-угорского топонимического субстрата Русского Севера формировались благодаря исследованиям И. Шёгрена [Sjögren, 1861], М. Кастрена [Castrén, 1862], Д. Европеуса [1868; 1874]. В их работах, прежде всего, получил начальное развитие принцип системности, столь необходимый при анализе топонимического материала. Это проявилось в привлечении к исследованиям весьма большого числа субстратных топонимов (до нескольких сотен), выявлении целого ряда частотных топооснов, детерминантов и формантов, схожих структурных топонимических типов. Вместе с тем этноязыковая и этноисторическая квалификация этих данных оставалась в работах исследователей XIX в. достаточно слабой. Этот же «минус» характерен и для исследований 1-й половины XX в., хотя их наиболее известные авторы – М. Фасмер [Vasmer, 1934; 1935; 1936; 1941] и Я. Калима [Kalima, 1919; 1935; 1944; 1946] – внесли в изучение российской топонимии и лексики финно-угорского происхождения очень весомый вклад. В частности, именно их усилиями были заложены многие важнейшие основы «профессиональной» этимологизации субстратных географических названий: строгий учет внутриязыковых исторических закономерностей, учет закономерностей звуковой и иной адаптации финно-угорских топонимов при их русском усвоении, картографирование показательных топонимических компонентов.

Новый акцент исследования севернорусского (и – шире – восточноевропейского) топонимического субстрата получили в работах А. И. Попова (1899–1973), который, будучи по специальности историком, являлся при этом настоящим энтузиастом изучения топонимии: как он считал, именно географические названия

служат порой едва ли не единственным источником реконструкции «белых пятен» этнической истории. А. И. Попов был глубоко убежден в том, что качественный анализ топонимии должен начинаться с ее качественного сбора, поэтому он особо подчеркивал важность привлечения к исследованиям не только современных материалов, но и многочисленных письменных памятников древнерусской эпохи: летописей, переписных книг, грамот и т. п. [Попов, 1947; 1965; и др.]. Кроме того, А. И. Поповым [1948] были даны первые «опытные» образцы микро-региональных исследований, которые в дальнейшем (см. раздел 3) стали одним из перспективных типов историко-топонимических работ.³

3. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ. РАБОТА УРАЛЬСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Под непосредственным влиянием исследований А. И. Попова начинал свою деятельность основатель самой крупной в России топонимической школы А. К. Матвеев (1926–2010).⁴ Организованное им в 1960-е годы и доныне существующее научное сообщество, базирующееся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета,⁵ имеет широкое признание и известно в научном мире как *уральская топонимическая школа*, *школа Матвеева*, а в последние годы – ввиду расширения проблематики – и как *уральская ономастическая школа*.⁶ Исторически сложилось так, что основным исследовательским «полигоном» школы, ее своеобразной «творческой лабораторией» стал именно Русский Север.

---

3 Более подробно об истории изучения топонимии Русского Севера см.: [Матвеев, 2001, 13–47].

4 Разумеется, в формировании научных интересов и научных позиций А. К. Матвеева сказались опыт очень многих предшественников. Кроме исследователей, названных в разделе 2, это Г. Шухардт, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, представители итальянской школы ареальной лингвистики и др., однако именно А. И. Попов стал для А. К. Матвеева главным «вдохновителем» почти полувековых топонимических «штудий» и неутомимой организаторской деятельности по сбору топонимии.

5 Уральский государственный университет, с 2011 г. – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, до сентября 1991 г. – Свердловск).

6 Этому во многом способствовали исследования «прямых» учеников А. К. Матвеева, а также учеников нынешнего (уже третьего) поколения школы, в работах которых – в различной степени и под различными углами зрения – анализ традиционного топонимического материала сочетается с анализом фактов других ономастических систем: этнонимии [Попова, 1999], антропонимии [Алабутина, 1989; Кабинина, 2012], коллективных прозвищ [Воронцова, 2002; 2011], астрономии [Рут, 1990; 2010], хронимии [Атрошенко, 2012; Атрошенко, Кривошапова, Осипова, 2015], прагмонимии [Горяев, 1999] и др. Эта широкая ономастическая проблематика обсуждается на регулярно проводимых школой международных конференциях, а также в журнале «Вопросы ономастики», основанном в 2004 г. по инициативе А. К. Матвеева.

Научно-методические принципы школы формировались и проходили проверку в первую очередь в трудах самого А. К. Матвеева, которому принадлежит более 200 работ по топонимии,⁷ а затем и в работах его многочисленных учеников. За более чем полувековую деятельность уральской топонимической школы ее исследования охватили колоссальную территорию России, включающую, кроме Русского Севера, также Пермскую область, Урал, частично Сибирь и ряд центральных российских регионов, в которых сохранился финно-угорский топонимический субстрат.

К настоящему времени методика школы разработана столь многосторонне, что ей может быть посвящена отдельная монография. В данной статье мы опишем эту методику сжато, назвав ряд ее принципиальных «позиций». Первые три из них касаются сбора материала, остальные – его анализа и интерпретации.

1) Максимально полный и качественный сбор топонимического материала.

В практике школы это, во-первых, означает, что ее исследования основываются на максимально широком круге топонимических источников – как современных (карты, справочники, путеводители и т. д.), так и исторических (летописи, писцовые книги, грамоты, разнообразные архивные документы). Во-вторых, полнота материала обеспечивается дюжей уже более 50 лет работой Топонимической экспедиции, которая, ежегодно выезжая в тот или иной район Русского Севера и опрашивая местное население, проводит сплошной полевой сбор топонимов.⁸ Огромную значимость этой экспедиционной работы вряд ли приходится доказывать, т. к. только в условиях сплошного полевого сбора возможно зафиксировать названия, которые в силу своего сугубо «местного» значения не отражены на картах и в других источниках.

2) Строгая паспортизация топонимического материала.

Эта методическая позиция уральской школы нацелена в первую очередь на то, чтобы исследователь располагал максимально точными сведениями о самих топонимах, а также владел иной информацией, необходимой при анализе. Для отражения этих данных каждый топоним фиксируется на отдельной карточке и – с элементами формализации – сопровождается рядом необходимых записей: фонетико-морфологические и семантические варианты (если есть), вид называемого объекта, географическая «привязка» (область, район, ближайший населенный пункт или водоем), фамилия сообщившего название информанта, год записи топонима. По возможности на карточке отражается и другая значимая информация: микросистемные связи топонима (они отражаются описательно и/или с помощью схематичных рисунков), количество его фиксаций, связанные с топонимом сооб-

7 Полная библиография трудов А. К. Матвеева опубликована в журнале «Вопросы ономастики» [2012, № 1 (12), с. 164–183].

8 Более подробно с историей и деятельностью Топонимической экспедиции Уральского университета можно познакомиться в книге «Вброд через реку времени» (Екатеринбург, 2011), изданной к 50-летию экспедиции.

щения местных жителей (предания, характеристика места, «народные» объяснения названия и т. п.).

В условиях полевого сбора сведения о каждом топониме обязательно уточняются у нескольких информантов, что получает отражение в виде ряда дублирующих и дополняющих друг друга карточек, снабженных взаимными отсылками.

3) Строгая систематизация всех имеющихся данных.

Эта необходимая для длительных и серьезных исследований основа создается в рамках уральской школы за счет непрерывной деятельности Топонимической лаборатории – особого подразделения, организованного в 1970-е годы по инициативе А. К. Матвеева. Благодаря многолетним усилиям сотрудников лаборатории, весь громадный топонимический материал, которым располагает школа и который постоянно пополняется (на сегодняшний день – более 1 000 000 единиц хранения), систематизирован в виде нескольких картотек. Субстратный финно-угорский материал при этом отграничен от исконно русского и систематизирован, во-первых, по топоосновам, а во-вторых, по финальным компонентам топонимов, для чего служит специальная картотека, поставленная по принципу «обратного алфавита». Она необходима потому, что в топонимии финно-угорского происхождения финальные компоненты, обычно представляющие собой географический термин или топонимический суффикс, проявляют очень высокую регулярность – тем самым «обратный алфавит» позволяет исследователю точнее видеть строение топонима (и целых классов топонимов) и, соответственно, надежнее интерпретировать те или иные субстратные географические названия. Отдельную картотеку составляют севернорусские топонимы, зафиксированные в «неэкспедиционных» источниках: письменных памятниках древнерусской эпохи и документах XVIII–XX вв., включающих карты, географо-статистические материалы, записи краеведов и путешественников, списки угодий колхозов, совхозов, лесничеств, и др.

В течение последнего десятилетия картотеки, которыми располагает уральская школа, переводятся сотрудниками лаборатории в формат электронной базы данных, что, безусловно, расширяет возможности интеграции усилий топонимистов, работающих в области изучения субстратной топонимии финно-угорского происхождения.

4) Соотнесение данных топонимии и диалектной лексики.

Необходимость этой позиции, которой строго следует уральская школа, обусловлена теснейшими связями между субстратной топонимией и субстратной диалектной лексикой, особенно – географической терминологией. Для того чтобы исследователь топонимии мог видеть и использовать эти связи, уральской школой ведется длительная работа по сбору севернорусской диалектной лексики. Этот сбор осуществляется главным образом в условиях экспедиции: ее участники, наряду с топонимами, обязательно – по специально разработанной методике – записывают «местную» лексику, которая затем организуется в виде отдельной алфавитной картотеки, насчитывающей ныне более 800 000 единиц хранения. Со временем эта работа превратилась в одно из самостоятельных направлений

деятельности школы, что позволило подготовить такое крупное лексикографическое издание, как многотомный «Словарь говоров Русского Севера». На стадии подготовки к изданию находится также лексикографическая работа О. А. Теуш, посвященная засвидетельствованной на Русском Севере исконно русской и субстратной географической терминологии.

5) Особое внимание к этнонимическим названиям.

Географические названия, образованные от этнонимов, далеко не всегда являются субстратными, однако на доэтимологическом этапе исследования они представляют собой значимые «ориентиры» научного поиска и в целом играют немалую роль в реконструкции древней картины расселения народов. Это обусловлено тем, что этнонимические топонимы возникают, как правило, на границах этнических зон – там, где для того или иного народа кончается «своя» земля и начинается «чужая». Поэтому в любом исследовании уральской школы таким топонимам уделяется особое внимание.

6) Выявление и анализ высокочастотных топонимических компонентов.

Эта составляющая методики школы обусловлена тем, что в любом языке на топонимический уровень проникает лишь определенная – относительно небольшая – часть лексики, равно как и ограниченное число словообразовательных элементов. При этом у каждого народа обычно имеются традиционно устоявшиеся, высокопопулярные топоосновы и форманты. Поэтому высокая частотность идентичных топонимических компонентов позволяет устанавливать своеобразные «центры» и ареалы, соответствующие местам древнего расселения тех или иных народов. Разумеется, при таком подходе определение подобных ареалов до некоторой степени гипотетично, что, с одной стороны, обусловлено близостью лексики родственных субстратных языков, а с другой стороны – явлениями межъязыковой омонимии.

7) Выявление этнодифференцирующих топонимических компонентов.

Эта позиция школы является одной из самых важных, поскольку она самым непосредственным образом связана с задачей реконструкции древней лингвоэтнической карты Русского Севера. Опыт уральской школы свидетельствует о том, что, несмотря на трудности, обусловленные близостью древней лексики субстратных финно-угорских языков, выявление некоторого корпуса этнодифференцирующих топонимических компонентов вполне возможно – по крайней мере для периода, соотносимого с последним тысячелетием, когда в субстратных финно-угорских наречиях Русского Севера уже обозначились фонетические и иные признаки обособления.

8) Картографирование этнодифференцирующих топонимических компонентов.

Лингвистические карты – обязательная часть любого исследования уральской школы, посвященного топонимическому субстрату. При этом в «творческой лаборатории» исследователя картографированию могут подвергаться самые разные языковые явления, однако в итоговой аргументации наиболее значимыми оказываются карты, на которых представлены выявленные в ходе исследования этно-

дифференцирующие топонимические компоненты: основы, детерминанты, форманты. Поскольку таких карт бывает достаточно много, в выводах исследования они – с соответствующими отсылками – либо описательно интерпретируются, либо обобщаются в виде заключительной лингвоэтнической карты (см., например, карту в разделе 4).

Говоря о методике уральской топонимической школы, отметим, что выше мы назвали лишь ее фундаментальные, проверенные временем и результатами многих исследований позиции. Их строго сформулированный ряд не означает, что в рамках школы не рождаются новые идеи. Поэтому уделим внимание и тем пока не названным направлениям научного поиска, в которых, по-видимому, заключены основные импульсы развития «субстратной линии» топонимической школы Матвеева. Часть их когда-то родилась в работах самого главы школы, но реализовалась спорадически или, возможно, была «отложена до лучших времен».

По отношению к финно-угорскому топонимическому субстрату Русского Севера и смежных территорий одним из подобных направлений следует считать микрорегиональные исследования. Их значимость и потенциал, обоснованные А. К. Матвеевым [1989], заключаются в том, что в рамках микрорегионального исследования, охватывающего сравнительно небольшую территорию,⁹ возможен очень тщательный, детальный анализ всего корпуса субстратных топонимов. На этой основе исследователь получает возможность более точно и подробно реконструировать древнюю лингвоэтническую карту изучаемого микрорегиона. На сегодняшний день самим А. К. Матвеевым и его учениками выполнен целый ряд подобных работ. В них территориально «охвачены» такие зоны Русского Севера, как низовья Северной Двины [Кабинина, 1997], бассейн нижнего течения Онеги [Матвеев, 2004], Архангельское Поморье [Киришева, 2006; Кабинина, 2011]; за пределами Русского Севера – бассейн уральской реки Чусовая [Иванова, 1993], северная часть горнозаводского Урала [Смирнов, 1997]. В качестве примера итоговой лингвоэтнической карты микрорегионального исследования приведем карту, составленную для Архангельского Поморья – территории, непосредственно примыкающей к побережью Белого моря [Кабинина, 2011, 310].

---

9 Микрорегион в понимании уральской школы – сравнительно небольшая территория, обладающая географической и историко-культурной целостностью. Это может быть, например, бассейн того или иного водоема, междуречье, административный район, гнездо деревень и даже отдельный населенный пункт.

Другим сравнительно новым направлением внутреннего развития уральской школы является осмысление и разработка семантико-типологических оснований этимологизации субстратных топонимов. Эта задача в целом является достаточно сложной, что обусловлено многими обстоятельствами.

Главным из них является то, что для надежной этноязыковой квалификации севернорусских субстратных топонимов необходимо их идеографическое соотнесение с топонимами собственно финно-угорских территорий. Однако, к сожалению, полная и подробная идеографическая классификация финно-угорской топонимии пока не осуществлена. Поэтому, предлагая те или иные этимологические решения для какого-либо топонима, исследователь севернорусского субстрата иногда вынужден действовать почти «вслепую», особенно в тех случаях, когда субстратный топоним отражает редкую, сугубо региональную или даже уникальную модель номинации.

Связанные с этим трудности до некоторой степени преодолеваются за счет выработанных в рамках уральской топонимической школы методов. Это, с одной стороны, метод семантического моделирования, а с другой стороны – метод анализа микросистемных топонимических отношений.

Метод семантического моделирования первоначально был предложен А. К. Матвеевым [1969; 1976]. Этот метод предназначен исключительно для исторически двуязычных территорий, подобных Русскому Северу, и основан на том, что в условиях тесных этноязыковых контактов и двуязычия должен быть достаточно выражен и своеобразный «топонимический параллелизм» – идентичность и/или сходство как высокочастотных, так и относительно редких русских и финно-угорских номинативных моделей. Поэтому одной из семантических основ этимологического анализа субстратных названий может служить идеографическая «сетка», составленная для собственно русских топонимов. Этот метод – на материале топонимии Архангельского Поморья – был тщательно проверен автором данной статьи. Он оказался достаточно эффективным, но в то же время показал, что семантическое моделирование чаще всего бессильно перед явлениями отражаемой в топонимии внутриязыковой и межъязыковой омонимии, свойственной родственным языкам, в том числе и финно-угорским [см. подробнее: Кабинина, 2011, 267–270].

Кроме того, как выяснилось, использование русской идеографической сетки не может разрешить проблемы, связанные с принципиальной «неэквивалентностью» языков: в нашем случае – русского языка и древних финно-угорских наречий Русского Севера. Это означает, что исследователь с «русским менталитетом», даже опираясь на хорошо построенную семантическую типологию родной топонимии, далеко не всегда может правильно уловить смысл, заложенный в то или иное субстратное название древними финно-угорскими номинаторами. Проблема осложняется еще и тем, что в части субстратных топооснов, по крайней мере в микротопонимии, отражены древние финно-угорские антропонимы, для которых, как и для отапеллятивных названий, сколь-либо полная типология пока не построена.

Частично – для отдельных названий – эта трудность «снимается» за счет а н а л и з а с и с т е м н ы х о т н о ш е н и й, в которых участвует топоним. Основы соответствующего метода были разработаны А. К. Матвеевым и Е. Л. Березович.

А. К. Матвеев, в частности, на множестве примеров показал, что субстратные финно-угорские топонимы Русского Севера на этапе двуязычия нередко подвергались калькированию – буквальному переводу на русский язык. При этом во многих случаях калькирование сопровождалось механизмами метонимии, т. е. приводило не к утрате исходного субстратного названия, а к образованию топонимической пары – разноязычной, но при этом внутренне связанной идентичным смыслом русской и финно-угорской топооснов (ср., например, «смежные» названия *Колкач* и *Угол* – при приб.-фин. *kolkka* ‘угол’ [Матвеев, 2004, 42]). Тем самым, внимательно изучая ближайшее русское окружение того или иного субстратного топонима, исследователь – разумеется, не всегда, а при определенном «везении» – может получить достаточно надежный семантический ключ к интерпретации интересующего его названия. Как уже отмечалось выше, именно с этой целью на экспедиционных топонимических карточках по возможности фиксируется информация о названиях, географически связанных с данным топонимом.

В несколько ином аспекте системные отношения в топонимии были исследованы Е. Л. Березович [1992; 2012], выявившей – хотя и главным образом на исконно русском материале – «перечень» наиболее частотных топонимических микросистем,¹⁰ образующихся обычно либо на основе бинарных оппозиций (*белый – черный, ближний – дальний, большой – малый*), либо на основе целых рядов семантически связанных тополексем (*березовый – осиновый – сосновый; первый – второй – третий, передний – средний – задний* и т. п.).

Как выяснилось в ходе дальнейших исследований школы, подобная системность свойственна не только исконно русской, но и субстратной топонимии Русского Севера [см.: Кабинина, 2013], что, безусловно, дает еще один семантический ключ к этимологической интерпретации части субстратных названий.¹¹ В качестве примера приведем озерную микросистему *Сомбозеро – Унаксозеро* (Архангельская область), которая на топографической карте выглядит следующим образом:

На представленном рисунке «верхний» объект носит название *Сомбозеро*, «нижний» – *Унаксозеро*; обе топоосновы, *Сомб-* и *Ун-*, встречающиеся и в дру-

---

10 Семантические микросистемы топонимов представляют собой пары или ряды географических названий, которые объединены разными типами отношений лексической системности; при этом смысловой связи топонимов соответствует пространственная смежность или соотнесенность географических реалий [Березович, 1992].

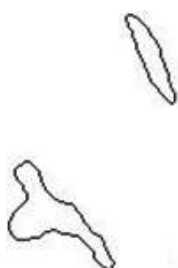
11 Вопрос о том, насколько широко метод анализа микросистемных отношений может применяться для субстратной (финно-угорской и иной) топонимии других российских регионов, пока остается открытым. В частности, на Русском Севере – в разных его зонах – степень микросистемности топонимов различна: она очень высока на более «северных» (архангельских) территориях, заселенных в прошлом прибалтийскими финнами и народами, близкими к саамам, но, как пока видится, гораздо ниже в более «южных» вологодских ареалах, где проживали другие финно-угорские народы. По всей вероятности, степень топонимической системности зависит от многих факторов – географического ландшафта, времени и условий освоения территории, а также от номинативных традиций осваивающих эту территорию народов.

гих топонимах Русского Севера,¹² довольно проблематичны с точки зрения их этимологической трактовки. Однако с учетом картографических данных, фактора системности и, в частности, того, что во многих других севернорусских микросистемах ярко выражена оппозиция «круглый» – «длинный»,¹³ топоосновы *Сомб-* и *Ун-* возможно достаточно уверенно связывать с приб.-фин. *sompa* ‘кольцо лыжной палки; обруч для крепления грузил невода’ [SSA, 3, 198] (в топонимии – метафорическое обозначение округлой формы объекта) и саам. *vuona*, *viõnn*, *vünn* ‘узкий и длинный залив (моря, озера)’; саам. > фин. *vuono* ‘то же’ [YS, 154; KKLS, 788; SSA, 3, 474].¹⁴

Своеобразным продолжением подобных «микросистемных» наблюдений является то, что в топонимии Русского Севера нередко фиксируются двучленные семантические оппозиции, образованные русским и финно-угорским названиями, которые связаны не отношениями калькирования, ведущими к идентичности топонимии, а отношениями «узкой» парадигматической соотнесенности. В качестве примера приведем две севернорусские озерные микросистемы, которые, будучи внутренне разноязычными, отражают общий тип номинации объектов – по их форме.

Микросистема
Вироозеро – Долгое

Микросистема
Вироозеро – Длинное

- 12 Топооснова *Сомб-* (на территориях карельского освоения также *Шомб-*) фигурирует в нескольких названиях севернорусских озер; основа *Ун-* – в названиях заливов *Уна* и *Уне-жма*, озера *Унозеро*. Компонент *-акс-* в приведенном нами примере (*Ун/акс/озеро*) является регулярным топоформантом, соотносимым в прибалтийско-финских языках с одним из суффиксов латива.
- 13 Вероятно, бинарные топонимические оппозиции, образуемые на основе лексем со значениями ‘круглый’ и ‘длинный’, представляют собой одну из универсалий высокого порядка, о чем свидетельствуют данные многих исследований [см.: Березович, 1992; Макарова, 2012; Муллонен, 2012а; Кабинина, 2013; и др.].
- 14 В данном случае, как и в других подобных примерах, нас не должно смущать различие языков-источников – прибалтийско-финского и саамского, поскольку, по-видимому, формирование многих семантических микросистем на Русском Севере происходило еще в «дорусскую» эпоху, в процессе взаимодействия различных финно-угорских языков.

На приведенных рисунках синонимичными русскими лексемами *длинный* и *долгий* названы озера вытянутой формы. Их соседями в обоих случаях являются озера, названия которых включают субстратную основу *Vup-*, причем подобное соседство наблюдается не только в этих двух примерах (мы просто выбрали их для иллюстрации), но и в ряде других – на Русском Севере, а также в Карелии [см.: Кабинина, 2013, 70].

Подобная устойчивая соотнесенность вряд ли может считаться случайной и позволяет – с опорой на картографический облик озер – толковать субстратную топоному *Vup-* на основе карел. *vierä, viärä, veärä* ‘кривой, изогнутый’ (о высокой частотности топонимической оппозиции «длинный» – «кривой» см. [Кабинина, 2013, 62]). Заметим, что такая трактовка, в нашем случае во многом основанная на анализе микросистемных отношений, находится в отношениях взаимной аргументации с этимологией, предложенной И. И. Муллонен для карельского исторического названия *Вирозеро* (ныне *Вырозеро*) [см.: Муллонен, 2008, 70]. Это тем более значимо, что финно-угорская топонима *Vup-*, долгое время считавшаяся загадочной, с чисто «словарных» позиций может толковаться и иначе.

Таким образом, метод анализа микросистемных отношений следует считать перспективным и – при дальнейшем углубленном изучении субстратной топонимии Русского Севера – способным привести к прояснению этимологии многих названий финно-угорского происхождения.

Завершая данный раздел, отметим, что работа уральской топонимической школы долгое время осуществлялась и продолжает осуществляться в тесном сотрудничестве как с другими научными центрами, так и с отдельными исследователями, которых интересует финно-угорский топонимический субстрат.

С точки зрения научно-методических позиций уральской школе в наибольшей степени «родственна» петрозаводская топонимическая школа, сложившаяся в 1980-е годы. Основным объектом ее исследований являются собственно карельская и вепсская топонимия, а также субстратная (саамская и иная) топонимия Карелии. Поскольку карелы, вепсы, саамы в прошлом составляли значительную часть населения Русского Севера, исследования петрозаводских коллег оказывают многолетнюю существенную поддержку работе уральской школы. С опытом карельских исследователей читатель может познакомиться по монографиям и статьям возглавляющей школу И. И. Муллонен [см., например: Муллонен, 1994; 2002; 2008; 2012б; и др.], а также ее коллег и учеников [см.: Мамонтова, 1982; Кузьмин, 2003; 2008; Карлова, 2007; Захарова, 2008; и др.].

Значительный вклад в изучение финно-угорского топонимического субстрата Русского Севера внесли исследователи, работающие самостоятельно, вне рамок каких-либо школ: А. Л. Шилов [1996; 1999; 2003; и др.], Я. Саарикиви [Saarikivi, 2006], Е. А. Хелимский [2006].

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ ДАННЫХ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В предшествующих разделах, говоря о севернорусском топонимическом субстрате, мы коснулись главным образом сущности и особенностей методики его исследования. Это не случайно, поскольку топонимастика – в целом относительно молодая наука, и богатейший методический опыт уральской школы – с теми или иными модификациями – может использоваться коллегами-топонимистами в будущих исследованиях. Кроме того, без столь пристального внимания именно к методике читателю вряд ли была бы понятна основа тех выводов, которые касаются как реконструкции древней лингвоэтнической карты Русского Севера, так и некоторых проблем, связанных с древней генеалогией финно-угорских языков.

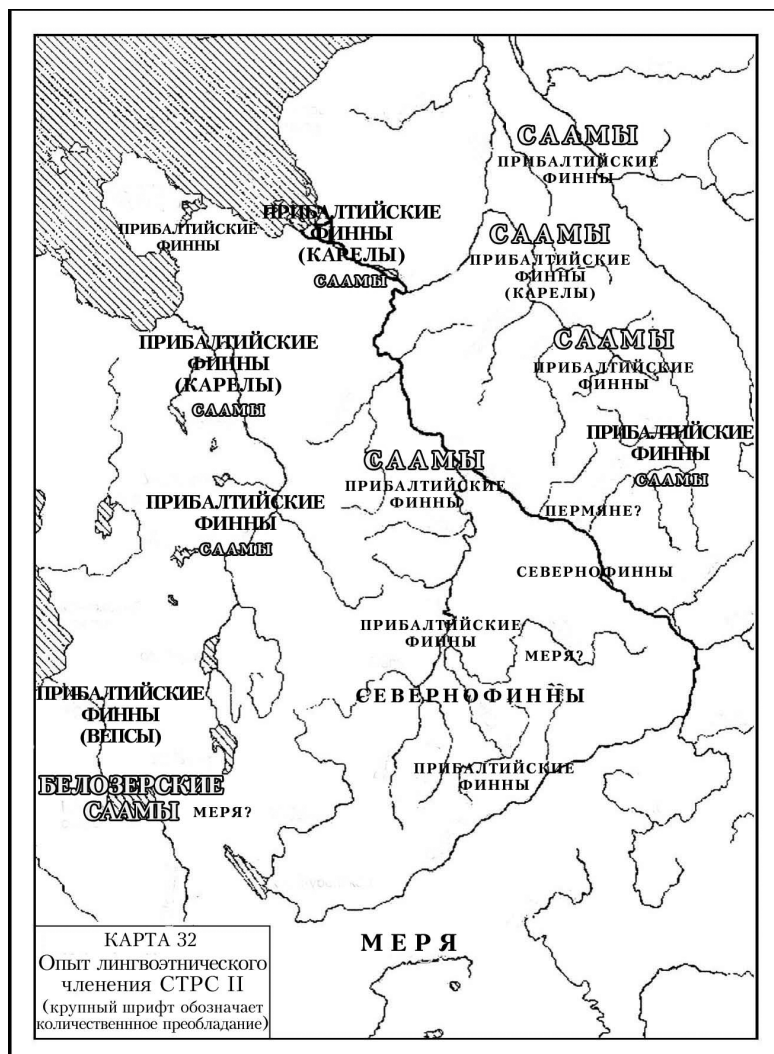
В представлении этих выводов автор не претендует на оригинальность, поскольку обобщающие исследования уже написаны и опубликованы – они принадлежат А. К. Матвееву [2004] и В. В. Напольских [2007].

Если, опираясь на эти работы, попытаться кратко изложить корпус основных результатов, то они заключаются в следующем.

1) В период, предшествующий обрусению древнего финно-угорского населения Русского Севера, наибольшая его часть, тяготеющая к северу и западу, была заселена прибалтийскими финнами и народами, близкими к саамам. В то же время в южной и юго-восточной частях региона проживали народы иных групп – меря и «севернофинны», родственные современным волжским финнам. Некоторые восточные участки Русского Севера хранят возможные следы былого пребывания древнепермского населения – см. ниже составленную А. К. Матвеевым лингвоэтническую карту [Матвеев, 2004, 330]:

2) Соглашаясь как с А. К. Матвеевым, так и с В. В. Напольских, следует подчеркнуть, что данная карта иллюстрирует главным образом «верхний» субстратный топонимический пласт и, соответственно, отражает сравнительно недавнюю, соотносимую с последним тысячелетием, картину расселения финно-угорских народов. И хотя в некоторых случаях исследователям удается доказательно выявлять факты субсубстратного характера, построение надежной, целостной стратиграфической карты Русского Севера, отражающей более глубокую древность, пока не представляется возможным. Для отдельных зон региона в высокой степени проблематично и разграничение «синхронных» топонимов, созданных носителями близкородственных языков – например, финского и карельского, карельского и вепского.

3) Ряд дискуссионных моментов, сопровождающих представленную лингвоэтническую карту, связан с некоторой условностью отдельных этнических именовании. Так, по-видимому, не совсем точным для части древнего финно-угорского населения Русского Севера является название *саамы*, поскольку, по все более укрепляющемуся мнению исследователей, севернорусские «саамы» вряд ли были прямыми предками современных саамов, на что указывает, в частности, более архаичное по сравнению с собственно саамским языком состояние «саам-

ских» диалектов Русского Севера. Чтобы разрешить эту проблему хотя бы терминологически, в современных исследованиях, касающихся Русского Севера и смежных территорий, все чаще используются определения *парасаамский* и/или *древнесаамский*.

4) Наконец, объективно обусловленным ограничением итоговой лингвоэтнической карты Русского Севера является то, что на ней невозможно представить те древние финно-угорские этнические группы, от которых остались слишком слабые или размытые временем топонимические следы. В том, что такие группы существовали, убеждены почти все исследователи, и полемика о «вымерших»

финно-угорских наречиях Русского Севера не затухает уже более полутора столетий. Впрочем, ситуация подобных «белых пятен» неизбежна практически для любого региона, имеющего достаточно древнюю историю освоения.

5) Что касается иных генеалогических вопросов, связанных с семьей финно-угорских языков, то данные севернорусской субстратной топонимии широко привлекаются для решения двух проблем – в топонимической литературе они обычно обозначаются как «саамская проблема» и «мерянская проблема». Связанные с ними дискуссии, ведущиеся уже несколько десятилетий как в России, так и в других странах, настолько жарки, многосторонни и глубоки – и при этом далеки от завершения – что для знакомства с ними представляется наиболее разумным отослать читателя к нескольким «специальным» аналитическим работам [см.: Хелимский, 2000; Матвеев, 2004; 2007; 2015; Напольских, 2007].

Сокращения

карел.	карельский язык
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
саам.	саамский язык
фин.	финский язык

Литература

- АЛАБУГИНА, Ю. В. (1989) *Календарные имена в топонимии Русского Севера*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- АТРОШЕНКО, О. В. (2012) *Русская народная хрононимия*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- АТРОШЕНКО, О. В., КРИВОЩАПОВА, Ю. А., ОСИПОВА, К. В. (2015) *Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь*/под ред. Е. Л. Березович. Москва: Аст-Пресс.
- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (1992) *Семантические микросистемы в русской топонимии*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (2012) «О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции в топонимии/*Материалы.*» II *Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»*. Часть I. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 69–71.
- Вброд через реку времени: 50 лет Топонимической экспедиции Уральского университета* (2011). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- ВОРОНЦОВА, Ю. Б. (2002) *Коллективные прозвища в русских говорах*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

- ВОРОНЦОВА, Ю. Б. (2011) *Словарь коллективных прозвищ: who is who по-русски*. Москва: Аст-Пресс.
- ГОРЯЕВ, С. О. (1999) *Номинативные интенции субъекта ономастической номинации: на материале русских прагмонимов*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- ЕВРОПЕУС, Д. П. (1868) «К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян.» *Журнал Министерства народного просвещения, том 139*, июль.
- ЕВРОПЕУС, Д. П. (1874) *Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей*. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- ЗАХАРОВА, Е. В. (2008) «Прибалтийско-финский субстрат в топонимии Колодозерья.» *Вопросы ономастики № 6*, 64–74.
- ИВАНОВА, Е. Э. (1993) *Топонимия среднего течения реки Чусовой*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- КАБИНИНА, Н. В. (1997) *Топонимия дельты Северной Двины*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- КАБИНИНА, Н. В. (2011) *Субстратная топонимия Архангельского Поморья*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- КАБИНИНА, Н. В. (2012) «Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Архангельского Поморья.» В: М. Э. Рут (ред.), *Язык и прошлое народа. Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РФ, профессора А. К. Матвеева*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 123–134.
- КАБИНИНА, Н. В. (2013) «Народная топонимическая геометрия (на материале названий озер Архангельской области).» *Вопросы ономастики № 2 (15)*, 60–90.
- КАРЛОВА, О. Л. (2007) «Ареальная дистрибуция -L-овой топонимической модели на территории Карелии.» *Вопросы ономастики № 4*, 34–44.
- КИРИШЕВА, Т. И. (2006) *Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- КРЕСТИНИН, В. В. (1790) *Начертание истории города Холмогор*. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- КУЗЬМИН, Д. В. (2003) *Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии*. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск.
- КУЗЬМИН, Д. В. (2008) «К вопросу об освоении Беломорской Карелии западнофинским населением (по данным топонимии).» *Вопросы ономастики № 6*, 47–57.
- МАКАРОВА, А. А. (2012) *Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- МАМОНТОВА, Н. Н. (1982) *Структурно-семантические типы микротопонимии ливви-ковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район)*. Петрозаводск: Издательство Карелия.

- МАТВЕЕВ, А. К. (1969) «Значение принципа семантической мотивированности при этимологизации субстратных топонимов.» *Этимология 1967: сборник научных трудов*. Москва, Наука, 192 – 200.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1976) «Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем.» *Вопросы языкознания № 3*, 58–73.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1989) «Субстратная микротопонимия как объект комплексного регио-нального исследования.» *Вопросы языкознания № 1*, 77–85.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2001) *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2004) *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2007) «К проблеме классификации языков субстратной топонимии Русского Севера.» *Вопросы ономастики № 4*, 14–27.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2015) *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть IV. Топонимия мерянского типа* (науч. ред. О. В. Смирнов). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (1994) *Очерки вепсской топонимии*. СПб.: Наука.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2002) *Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2008) *Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2012а) «Топонимические исследования в Карелии.» Устный доклад на семинаре кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета. Екатеринбург.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2012б) «Применение ГИС-технологий в топонимике.» В: *Материалы II Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»*. Часть I. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 124–125.
- НАПОЛЬСКИХ, В. В. (2007) «К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке.» *Арт № 4*, 88–127.
- ПВЛ – *Повесть временных лет* (в данной статье приведен ее фрагмент из Летописи по Лаврентьевскому списку, <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr01.htm>)
- ПОПОВ, А. И. (1947) *Из истории финно-угорских народностей. Часть I*. Дис. ... докт. ист. наук. Ленинград.
- ПОПОВ, А. И. (1948) «Топонимика Белозерского края.» *Ученые записки Ленинградского университета № 105. Серия востоковедческих наук, выпуск 2. Советское финно-угроведение*. Ленинград.
- ПОПОВ, А. И. (1965) *Географические названия (введение в топонимику)*. Москва – Ленинград: Наука.
- ПОПОВА, Э. Ю. (1999) *Этнонимия Русского Севера*. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

- РУТ, М. Э. (1990) *Звезды рассказывают о земле*. Свердловск: Издательство Уральского университета.
- РУТ, М. Э. (2010) *Словарь астрономов: звездное небо по-русски*. Москва: Аст-Пресс.
- СМИРНОВ, О. В. (1997) *Русская топонимия северной части горнозаводского Урала*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- «Список научных трудов А. К. Матвеева» (2012) *Вопросы ономастики* № 1 (12), 164–183.
- ХЕЛИМСКИЙ, Е. А. (2000) *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. Москва: «Языки русской культуры».
- ХЕЛИМСКИЙ, Е. А. (2006) «Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие.» *Вопросы ономастики* № 3, 38–51.
- ШИЛОВ, А. Л. (1996) *Чудские мотивы в древнерусской топонимии*. Москва: Реформ-Пресс.
- ШИЛОВ, А. Л. (1999) *Заметки по исторической топонимике Русского Севера*. Москва: Издательство «Наука и техника».
- ШИЛОВ, А. Л. (2003) «Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера).» *Вопросы языкознания* № 1, 109–118.
- CASTRÉN, M. A. (1862) «Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud.» *Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII*. SPb.
- KALIMA, J. (1919) «Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen.» *MSFOu.*, XLIV. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- KALIMA, J. (1935) «Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu dem westfinnischen geographischen Namen in Rußland.» *Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII. Doppelheft 1/2*. Leipzig.
- KALIMA, J. (1944) «Einige russische Ortsnamentypen.» *FUF XXVIII*. 1–3. Helsinki.
- KALIMA, J. (1946) «Über die Erforschung russischen Ortsnamen fremden Ursprung.» *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1945*. Helsinki.
- KKLS (1958) – ITKONEN, T. *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- SAARIKIVI, J. (2006) *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects*. Tartu: Tartu University Press.
- SJÖGREN, J. A. (1861) «Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch.» *Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-etnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII*. SPb.
- SSA (1992–2000) – ITKONEN, E. (ред.) *Suomen sanojen alkuperä. 1–3*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- VASMER, M. (1934) «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern.» *SPAV. Phil.-hist. Klasse, XVIII*. Berlin.
- VASMER, M. (1935) «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen.» *SPAV. Phil.-hist. Klasse, XIX*. Berlin.

- VASMER, M. (1936) «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland.» *SPAV. Phil.-hist. Klasse*, XX. Berlin.
- VASMER, M. (1941) «Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung.» *Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft 5*. Berlin.
- YS (1989) – LEHTIRANTA, J. *Yhteissaamelainen sanasto*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Аннотация

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье освещается ряд наиболее значимых вопросов, связанных с изучением богатейшего финно-угорского наследия, представленного в субстратной топонимии Русского Севера – территории, включающей ныне Архангельскую и Вологодскую области России. Автором даны краткий обзор почти двухсотлетней истории этого изучения и подробная характеристика современного состояния исследований. Основное внимание уделено методике этих исследований, сложившейся в рамках уральской топонимической школы, которая – в кругу других российских сообществ, занимающихся проблемами исторической топониматики – является самым крупным и наиболее авторитетным научным центром. При этом в статье охарактеризованы, с одной стороны, глубоко традиционные, проверенные временем и результатами многих исследований методические позиции школы, а с другой стороны – некоторые относительно новые методы, находящиеся в стадии разработки и апробации: в частности, метод семантического моделирования и метод анализа микросистемных топонимических отношений. В статье приводятся примеры лингвистических карт, иллюстрирующих результаты работы представителей уральской топонимической школы, а также схематичные рисунки, связанные с применением метода анализа микросистемных отношений в топонимии. Одна из представленных карт отражает лингвоэтническое членение всей территории Русского Севера на период, непосредственно предшествующий полному обрусению финно-угорского населения. В заключительном разделе статьи автором представлен обобщенный обзор научных результатов, к которым привели топонимические исследования, посвященные Русскому Северу. При этом подчеркивается, что этноязыковая картина, выявленная для этого региона на сегодняшний день, хронологически соотносима лишь с последним тысячелетием, тогда как более древняя картина пока не поддается реконструкции.

Ключевые слова: Русский Север, топонимия, финно-угорский субстрат, лингвоэтническая карта, уральская топонимическая школа

Abstract
PROBLEMS IN THE STUDY OF THE FINNO-UGRIC SUBSTRATE TO-
PONYMY OF THE RUSSIAN NORTH

The article highlights some of the most important issues related to the study of the rich heritage represented in the Finno-Ugric substrate toponymy of the Russian North – the territory including modern Arkhangelsk and Vologda regions of Russia. The author gives an overview of the almost two-hundred-year history of studies on the subject as well as a detailed description of the current state of research. Emphasis is placed on the research method developed by the Ural toponymic school, which – among other Russian communities dealing with historical toponymy – is the largest and most authoritative research centre. While the article uses the traditional, time-tested methodical positions of the scientific school which have been verified by the results of numerous studies, it also presents some relatively new techniques which are currently being developed and tested: in particular, the method of semantic modelling and the method of toponymic microsystem relations' analysis. The article gives examples of linguistic maps illustrating the research results of the Ural toponymic school's representatives and schematic drawings associated with the application of toponymic microsystem relations' analysis. One of the maps shows the ethno-linguistic division of the whole Russian North during the period which immediately preceded the complete Russification of Finno-Ugric population. In the final section of the article the author presents a generalized overview of the research results of the toponymic studies on the Russian North. It is emphasized that the linguo-ethnic picture identified for the region up to the present moment chronologically correlates only with the last millennium, since the more ancient position cannot yet be reconstructed.

Keywords: Russian North, toponymy, Finno-Ugric substrate, ethno-linguistic map, Ural toponymic school

Povzetek
PROBLEMI PROUČEVANJA UGRO-FINSKEGA TOPONIMIČNEGA
SUBSTRATA NA OZEMLJU RUSKEGA SEVERA

V članku je prikazana vrsta najbolj relevantnih vprašanj, povezanih s proučevanjem navdse bogate ugro-finske dediščine, izpričane v substratni toponimiji Ruskega Severa – ozemlja, ki danes obsega Arhangelsko in Vologodsko oblast Rusije. Avtorica podaja kratek pregled skoraj dvestoletne zgodovine tega proučevanja in podrobno oznako sodobnega stanja raziskav. Glavna pozornost je namenjena metodiki teh raziskav, ki se je izoblikovala v okviru uralske toponimične šole. Slednja je – v krogu drugih ruskih raziskovalnih skupin, ki se ukvarjajo z vprašanji historične toponomastike – največje in najuglednejše znanstveno središče. V članku je podana oznaka, na eni strani, globoko tradicionalnih metodoloških stališč šole, preizkušenih z rezultati številnih raziskav, na drugi strani pa nekaterih razmeroma novih metod, ki so še v stanju razvijanja in preizkušanja,

kot je metoda semantičnega modeliranja in metoda analize mikrosistemskih toponimičnih razmerij. V članku se navajajo primeri lingvističnih kart, ki ponazarjajo rezultate dela predstavnikov uralske toponimične šole, pa tudi shematične risbe, povezane z uporabo metode analize mikrosistemskih razmerij v toponimiji. Ena od predstavljenih kart prikazuje lingvoetnično členitev celotnega ozemlja Ruskega Severa v obdobju tik pred popolnim porusenjem ugro-finskega prebivalstva. V sklepnem delu članka avtorica predstavlja posplošen pregled znanstvenih rezultatov toponimičnih raziskav Ruskega Severa. Pri tem se poudarja, da je etnojezikovna slika, ugotovljena za to območje, kronološko vezana le na zadnje tisočletje, medtem ko starejše faze za zdaj ni mogoče rekonstruirati.

Ključne besede: Ruski Sever, toponimija, ugro-finski substrat, lingvoetnična karta, uralska toponimična šola

ODSLIK HRVATSKO-MAĐARSKIH DODIRA U HRVATSKIM PREZIMENIMA

1. UVOD

1.1. Ukratko o hrvatskim prezimenima i njihovu proučavanju

Hrvatski prezimenski počeci sežu u 12. stoljeće – prezimena prvi dobivaju pripadnici višega staleža u urbanim sredinama istočnojadranskoga područja, a slijedom vremena prezimenski val zahvaća i ostale dijelove Hrvatske. Tridentski koncil (1545. – 1563.) svojom odlukom vezanom uz obvezatnost vođenja matičnih knjiga, u koje se pojedinac upisuje osobnoimensko-prezimenskom formulom, pridonosi omasovnjivanju prezimenâ neovisno o staleškoj pripadnosti, prebivalištu i spolu njihovih nositelja. Jozefinskim patentom iz 80-ih godina 18. stoljeća prezimena postaju općeobvezujućom identifikacijskom oznakom svakoga pojedinca.

Hrvatska prezimena imaju prilično ustaljenu i prepoznatljivu strukturu, dosadašnjim istraživanjima utvrđena je njihova čestotnost i razmještaj. Pretežiti se dio hrvatskih prezimena temelji na leksemima slavenskoga podrijetla te na inojezičnim posuđenicama prilagođenim hrvatskomu jezičnom sustavu. Za popisa pučanstva 2001. registrirana su 113 192 prezimena, a na samome vrhu tablice čestotnosti bila su prezimena *Horvat* (22 225),¹ *Kovačević* (15 835), *Babić* (13 150), *Marić* (10 617) i *Novak* (11 396) (Maletić – Šimunović 2008: 115). Gotovo istovjetan poredak ostao je i deset godina poslije.²

U novije je vrijeme sve rašireniji trend dvostrukih prezimena među kojima dominiraju ona ženskih osoba koje udajom svoje djevojačko prezime proširuju suprugovim. Prema *Zakonu o osobnom imenu* prezime se može sastojati od više riječi te se obvezatno nasljeđuje od roditelja (imaju li roditelji različita prezimena, dijete dobiva prezime jednoga od njih ili obaju). Prema *Obiteljskome zakonu* pri sklapanju braka svaki od supružnika može zadržati svoje prezime, može ga zamijeniti supružnikovim ili pak proširiti supružnikovim sam izabirući poredak prezimenskih sastavnica.

Hrvatska su prezimenima predmetom bavljenja jezikoslovaca različitih profila. Polazeći od činjenice da je prezime kompleksan sociolingvistički znak, najsvestranije

* Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu; Ulica Ivana Lučića 3, HR-10000 Zagreb, Hrvatska; afrancic@ffzg.hr

1 Broj u zagradi označuje broj nositelja dotičnoga prezimena.

2 Prema podacima iz popisa stanovništva 2011., koje je objavio Državni zavod za statistiku, poredak prvih pet najčestotnijih prezimena bio je: *Horvat*, *Kovačević*, *Babić*, *Marić*, *Jurić*.
http://www.dzs.hr/Hrv/censuses/census2011/results/htm/h01_01_31/H01_01_31.html.

im pristupaju onomastičari – uzimajući u obzir jezične i izvanjezične čimbenike, nastoje proniknuti u njihovu etiologiju, dokazati vjerojatan poticaj njihove pojavnosti, iz njihova lika iščitati jezične značajke prostora na kojemu su nastala, vremena koje ih je oblikovalo te pomoću njih pratiti seobene putove njihovih nositelja.

Najopsežnije i najsadržajnije djelo o hrvatskim prezimenima napisao je Petar Šimunović (2006) koji je i suautorom troknjižja *Hrvatski prezimenik : Pučanstvo Republike Hrvatske na početku 21. stoljeća* (2008.) nastaloga na osnovi popisa pučanstva 2001. te autor mnogih radova manjega opsega u kojima s osobitim žarom i akribijom vrsnoga onomastičara opisuje i tumači prezimena kao „narodnosne spomenike našega pamćenja“, „pouzdanе poklade pučkoga poimanja stvarnosti“ i „svjedoke nacionalnoga protega u prostoru i vremenu“.

1.2. Hrvatski jezik kao jezik primalac u jezičnome posuđivanju s posebnim obzirom na hrvatsko-mađarske jezične dodire

Spletom različitih povijesnih, društvenih i geopolitičkih okolnosti hrvatski jezik od najranije svoje povijesti dolazi u doticaj s drugim jezicima, što rezultira jezičnim posuđivanjem. Posuđivalo se iz unutarjezičnih i izvanjezičnih razloga, bilo izravno iz jezika u kojemu je riječ nastala, bilo preko jezika posrednika, a potvrđeni su i primjeri kružnoga posuđivanja. Budući da do posuđivanja najčešće dolazi na leksičkoj razini, središnje mjesto u kontaktološkim istraživanjima imaju leksičke posuđenice. Izloženost utjecaju drugih jezika vrlo je rano rezultirala jezičnim purizmom (u početku implicitnim, od druge polovice 18. stoljeća i eksplicitnim) kojim se nastojala očuvati jezična samobitnost i prepoznatljivost kao oblik nacionalne samobitnosti. Zbog svjesne jezične politike usmjerene protiv nepotrebnih posuđenica samo je dio posuđenih leksema sastavnicom hrvatskoga standardnog jezika, a znatno veći broj njih sreće se u nestandardnojezičnim govorima, koji su lišeni purističkih zahtjeva.

Tijekom povijesti u hrvatski jezik ulaze brojni latinizmi, grecizmi, talijanizmi, germanizmi, turcizmi, bohemizmi, srbizmi... U posljednje je vrijeme hrvatski, kao i drugi jezici, pod snažnim naletom anglizama. Među posuđenicama koje u različitim vremenima i različitim intenzitetom ulaze u hrvatski jezik, nezaobilazan je i spomen hungarizama – posuđenica kojima je mađarski jezik izvornik ili posrednik.

Doselivši se u Panonsku nizinu (koncem 9. stoljeća), Mađari dolaze u doticaj s Hrvatima, a od 1102. do 1918. pripadnici obaju naroda žive u istoj državnoj tvorevini, što u sklopu Ugarsko-Hrvatskoga Kraljevstva što u okviru Habsburške Monarhije i Austro-Ugarske. Osamstoljetne državne, političke, crkvene i gospodarske veze rezultirale su (obostranim)³ jezičnim posuđivanjem. *Bunda, cipela, čipka, kečiga, korov, lopov; čardaš, gulaš, tokajac; fačuk, fela, japa, oblok, šor, fićfirić, mamlaz* – samo su neki od leksema mađarskoga podrijetla koji se i danas rabe u hrvatskome jeziku. Mađarski se javlja i u ulozu jezika posrednika, vrlo često između hrvatskoga i njemačkoga (npr. *beteg, frtalj, filir, herceg, huncut, perec, puška, roštilj, šaraf, šogor, vanjkuš*). Brojnost hungarizama u hrvatskome jeziku pokazuje da genetske (mađarski pripada uralskoj, a

3 U radu će se, u sklopu teme, govoriti samo o mađarskim posuđenicama u hrvatskome jeziku.

hrvatski indoeuropskoj jezičnoj porodici) i tipološke (mađarski je aglutinativan, hrvatski je flektivan jezik) razlike nisu bile znatnijom preprekom pri posuđivanju.

Hrvatsko-mađarski jezični dodiri isključivo su povijesni, a osobito su intenzivni od 13. do početka 17. stoljeća. Hungarizmi u navedenome razdoblju u hrvatski jezik ulaze u nekoliko valova zahvaćajući razne dijelove hrvatskoga područja i razne slojeve hrvatskoga leksičkog korpusa – među najranijim je posuđenicama kajkavska crkvena terminologija (npr. *(j)eretnik* ‘heretik’, *pišpek* ‘biskup’, *plibanuš* ‘župnik’, *prošecija* ‘procesija’, *templom* ‘crkva’), a u kasnijim razdobljima posuđuju se leksemi koji pripadaju značenjskome krugu svakodnevnoga života i njegova predmetnog svijeta (Žagar-Szentesi 2005: 52–53). U 19. stoljeću, „zbog rastućeg purizma utjecaj mađarskoga poprima ‘suptilniji’ oblik: umjesto izravnog preuzimanja (uz samo nužne prilagodbe) mađarskih oblika, tipičnijim se pokazuju prevedenice“ (Žagar-Szentesi 2009: 77).

Povijest proučavanja hrvatsko-mađarskih jezičnih dodira počinje petojezičnikom Fausta Vrančića *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et ungaricae* (Venecija, 1595.), sastavnica kojega jest „Vocabula dalmatica quae Ungari sibi usurparunt“.⁴ Od brojnih radova nastalih u novije vrijeme, čiji autori tematiziraju mađarske posuđenice u hrvatskome, opsegom i važnošću izdvajaju se *Ungarische Elemente im Serbokroatischen* Lászla Hadrovicsa (1985.) te *Ungarische Vorbilder der kroatischen Spracherneuerung* Istvána Nyomárkaya (1989).

Dosadašnja su istraživanja pokazala da najviše hungarizama u hrvatskome jeziku pripada prostorno ograničenomu, dijelektnom, odnosno regionalnom leksiku (npr. *oblok* ‘prozor’, *ašov* ‘štihača’, *beteg* ‘bolest’, *pajdaš* ‘prijatelj’, *jezero* ‘tisuću’, *čonta* ‘kost’, *falat* ‘komad’), nešto je manje arhaizma i historizama (npr. *orsag* ‘zemlja, država’, *harmica* ‘carina’, *flir* ‘sitni kovani novac’), još su rjeđi hungarizmi čija se uporaba veže uglavnom uz kolokvijalni stil (npr. *huncut* ‘prepredenjak, osoba spremna na sitne prijevare i nestašluke’, *fičfirić* ‘gizdelin, kicoš’), a tek mali broj njih sastavnicom je standardnoga jezika (Žagar-Szentesi 2005). Relativno mali broj hungarizama u standardnojezičnome leksiku⁵ dovodi se u vezu s činjenicom da državno zajedništvo s Mađarima nije bilo bezrezervno prihvaćano, što je rezultiralo otporom prema preuzimanju mađarskih riječi te uopće purističkim odnosom prema posuđenicama.

Što se tiče arealne zasvjedočenosti hungarizama, pretkazivo ih je najviše na hrvatskome sjeveru – duž čitavoga protega hrvatsko-mađarske granice – u kajkavštini i u štokavskim govorima slavonskoga dijalekta. Kudikamo je skromniji njihov udio u čakavštini, kamo su dospjeli kajkavskim posredništvom.

4 Istraživanje je pokazalo da je veliku većinu riječi Vrančić dobro uvrstio u mađarske kroatizme (npr. *brat*, *golub*, *kovač*, *petak*, *sloboda*, *sreća*, *subota*), ali da među njima ima i hrvatskih hungarizama (npr. *beteg*, *rusag*, *šišak*, *kadmen*, *kip*) (Meršić – Gulešić 1997; Gulešić 1998: 255).

5 Marija-Ana Dürriegl (1988) spominje ih četrdesetak, dok Milvia Gulešić (1998) drži da ih je znatno više napominjući „da je moguće odrediti samo približan, a ne i točan broj hungarizama u hrvatskome standardnom jeziku“.

1.3. Odras hrvatsko-mađarskih jezičnih dodira u hrvatskoj onimiji

Među 850 hungarizama što ih László Hadrovics u svojoj već spomenutoj monografiji *Ungarische Elemente im Serbokroatischen* popisuje, određuje im značenje, navodi brojne potvrde iz povijesnih pisanih izvora te etimološki raščlanjuje, 40 je imena. Dominiraju osobna imena (njih 27) – osim triju ženskih (*Ilona, Katalina, Oršola*), sva su ostala muška (*Andraš, Antal, Benedik, Bernad, Bertolom, Endre, Farkaš, Ferenc, Gabor, Gal, Imre, Ištók, Ištvan, Januš, Kelemin, Lacko, Lajuš, Laslo, Matijaš, Mihal(j), Miklouš, Pongrac, Šandor, Žigmund*). Imenske natuknice čini i devet etnonima (*Horvat, Lenđel, Mađar, Rac, Sekelj, Serečen, Španjol, Tot, Totar*) te tri toponima (*Egiptom, Erdelj, Siget*).

I letimičan pogled na suvremenu hrvatsku ojkonomiju pokazuje da su njezinim dijelom imena koja odaju vezu s jezikom sjevernih susjeda (npr. *Madžarevo, Madžari, Andraševac, Banfi, Daruvar, Hercegovac, Vukovar, Bjelovar, Varaždin, Laslovo, Brodski Varoš, Cetinski Varoš, Berek, Darda, Farkaševac, Harmica, Horvati, Hodošan, Čakovec*). Hungarizama ima i u imenima gradskih četvrti: Split ima svoj *Veli Varoš*, u Zagrebu je *Siget, Retfala* je jedna od osječkih gradskih četvrti, a među njegovim prigradskim naseljima nalaze se *Sarvaš* i *Tenja*... Hungarizmi su sastavnicom hrvatske mikrotoponimije (npr. *Mezova, Sigetec*), a mađarizirani likovi svetačkih imena, kojima se imenuje uglavnom starija populacija, mogu se čuti u neslužbenoj komunikaciji (npr. *Eržika, Feri, Gabor, Ilka, Imbra, Jandraš, Janoš, Joška, Karči, Mihalj, Pišta, Židor, Žofa, Žuža*), sastavnicom koje su i na hungarizmima temeljeni obiteljski nadimci (npr. *Bačekovi, Bedenekovi, Čordoševi, Feljetorovi, Kenjevorjevi, Loščijovi, Ljenartovi, Pekovi, Remušovi, Saboljecevi, Štvanekovi*) itd.

Osim spontanoga, iz međujezičnoga dodira proizišloga, unosa hungarizama u hrvatski jezik, povijest bilježi i nasilnu, političkim razlozima potaknutu, hungarizaciju. Npr. potkraj 19. stoljeća stubokom se mijenja onovremeni službeni međimurski ojkonomikon (npr. *Čukovec > Drávasiklós, Dekanovec > Dékánfalva, Dragoslavec Selo > Delejes, Jalšovec > Erzsébetlak, Knezovec > Gyümölcsfalva, Sveta Marija > Muraszentmária*). Nakon sloma mađarske vlasti, međimurskim se naseljima vraćaju njihova prvotna imena (Francić – Žagar-Szentesi 2008).

2. HRVATSKA PREZIMENA – SVJEDOCI HRVATSKO-MAĐARSKIH DODIRA

Bez pretenzija za iscrpnim popisom prezimena koja sadržavaju mađarski element a sastavnicom su hrvatskoga prezimenskog korpusa te detaljnom raščlambom svih aspekata posuđivanja i njihovih osvjeđenja, u radu će se u osnovnim crtama prikazati ta prepoznatljiva sastavnica hrvatskoga prezimenika. Prikaz će obuhvatiti podjelu na osnovne motivacijsko-semantičke skupine i navođenje odabranih primjera za svaku od njih te tvorbenu raščlambu također popraćenu ilustrativnim primjerima. Kao izvor građe poslužili su hrvatski prezimenici nastali na temelju popisa stanovništva sredinom 20. stoljeća (Šimunović – Putanec 1976) i početkom 21. stoljeća (Šimunović – Maletić 2008).

Prezimenske potvrde odaju različite stupnjeve prilagodbe hungarizama hrvatsko-mu jezičnom sustavu. Raspon tih prilagodbi jest od (rijetkih) potpuno neprilagođenih

leksema (npr. *Kocsis, Nagy, Szegedi, Szabo*), preko leksema iz kojih se iščitava grafijsko-fonološka prilagodba (npr. *Balaž, Čordaš, Erdelji, Mesaroš*), do tvorenic prepoznatljivim hrvatskim prezimskim sufiksima (npr. *Janošević, Katanec, Sabolčić, Vargek*). Katkad su potvrđene različite varijante istoga ishodišnog leksema (npr. *Biro, Birov; Paler, Palir; Szabo, Sabo, Sabol; Šipoš, Šipuš*). Varijantnost može, uz ostalo, biti posljedicom neprovedene transgrafemizacije ili različite transfonemizacije, varijantni leksemi mogu biti odrazom različitih stupnjeva razvoja mađarskoga vokalnog sustava, odnosno različitih razdoblja posuđivanja, a nije isključena ni svojevolutna intervencija zapisivača prezimena u ranijim razdobljima.

2.1. Motivacijsko-semantička klasifikacija prezimena

Polazeći od tradicionalne podjele prezimenske građe na četiri osnovne motivacijsko-semantičke skupine – koju je u hrvatskoj onomastici osobito popularizirao Petar Šimunović prikazujući ih kao odgovore na pitanja *čiji si, kakav si, otkud si i što si* – svekoliki prezimski korpus s očitom mađarskom sastavnicom dijeli se na:

a) prezimena od osobnih imena⁶

Antal, Antalašić, Antol, Antolić, Antolković, Jantolek (: Antal, Antonius); *Balaš, Balaško, Balaž, Balažin, Balažinec* (: Balász, Blasius); *Balent, Balentić, Balentović* (: Bálint, Valentinus); *Ferenc, Ferencić, Ferić, Ferko, Ferković* (: Ferenc, Franciscus); *Ištók, Ištvan, Ištvančić, Štvaneč* (: István, Stephanus); *Januš, Janušek, Janušić* (: János, Johannes); *Jeđut, Jeđut* (: Egyed, Aegidius); *Katalin, Katalinić* (: Katalin, Catharina); *Kelemen, Kelemenić* (: Kelemen, Clemens); *Lajoš* (: Lajos, Ludovicus); *Lukacs, Lukač, Lukačević, Lukačić* (: Lukács, Lucas); *Matjaš, Matjašec* (: Mátyás, Matthias); *Pal, Palfi* (: Pál, Paulus); *Pongrac, Pongračić* (: Pongrác, Pancratius); *Šandor, Šandorović* (: Sándor, Alexander)...

Osobna imena iščitana iz prezimskih likova pripadaju gotovo isključivo svetačkomu repertoaru. Građa svjedoči i o dominaciji muških osobnih imena u prezimskim osnovama, što je odsluk patrijarhalnoga ustroja društva.

b) prezimena od nadimaka

Balog, Balogović (: balog ‘ljevak’); *Barat* (: barát ‘prijatelj; redovnik’); *Barna* (: barna ‘smeđ’); *Čonka, Čonkaš* (: csonka ‘krnj, sakat’); *Feher, Fehir* (: fehér ‘bijel’); *Fekete, Feketić* (: feketé ‘crn’); *Kedveš* (: kedves ‘drag’); *Kiš* (: kis ‘malen; mlad’); *Kopas, Kopasić* (: kopasz ‘čelav’); *Nađ, Nagy* (: nagy ‘velik’); *Nađfej* (: nagy ‘velik’ + fej ‘glava’; ‘glavat; pametan’); *Šantalab, Šantavec* (: santa ‘šepav, hrom; šepavac’, láb ‘noga’); *Šarkanj* (: sárkány ‘zmaj’); *Šovanj* (: sovány ‘mršav’); *Vereš* (: vörös ‘crven’)...

6 Zbog ograničenoga prostora donose se samo odabrane prezimenske potvrde, tj. ne navode se prezimena tvorena od svih mađarskih likova osobnih imena koji se nalaze u hrvatskome prezimenu niti sva prezimena koja se dovode u vezu s istim osobnim imenom. Na prvome je mjestu u zagradi temeljni mađarizirani, a na drugome latinski (ili latinizirani) lik osobnoga imena. Ako je isto osobno ime ugrađeno u veći broj prezimskih likova, motivirajuće ime donosi se nakon posljednjega u nizu prezimena njime motiviranoga.

Među nadimačkim prezimenima uočljivi su uobičajeni doprezimenski nadimački sadržaji koji se znatnim dijelom odnose na tjelesne i karakterne osobine.

c) prezimena od etnika i etnonima

Belovari (: Belovár ‘Bjelovar’); *Bočakaj* (: Bocska); *Budimac, Budimčić* (: Budim); *Ceglédi* (: Cegléd); *Čanadi* (: Csanád); *Erdelji* (: Erdély); *Fehervari* (: Fehérvár), *Gadaneć* (: Gadány); *Horvat, Horvatek, Horvatić* (: Hrvatska); *Kanižaj* (: Kanizsa); *Kisegi* (: Kőszeg); *Mađar, Mađarević, Mađarić* (: Mađarska); *Murakezi* (: Muraköz ‘Međimurje’); *Ostrognaj, Ostrognjaj, Ostrogonac* (: Ostrogon); *Peči* (: Pécs), *Peštanac, Peštaj* (: Pešta); *Požgaj* (: Požega); *Segedi* (: Szeged); *Sigeti* (: Sziget); *Siladi* (: Szilád); *Šikloši* (: Siklós); *Šurdi* (: Surd); *Tolnaj* (: Tolna); *Ujlaki* (: Újlák)...

Prezimana etničkoga i etnonimskoga postanja svjedoče o migracijama do kojih je – u razdoblju formiranja prezimena, ali i u prezimenskome razdoblju – dolazilo na hrvatskome prostoru. Čestotnošću se izdvajaju prezimena nastala od etnika mađarske tvorbe (sufiksom *-i*, odnosno njegovom pohrvaćenom inačicom *-j* koja dolazi na ojkonijske likove vokalnih završetaka). Posebno mjesto u ovoj skupini prezimena zauzima poprezimenjeni etnonim *Horvat* (i izvedenice od njega nastale), najčestotnije hrvatsko prezime „rasprostranjeno isključivo na kajkavskom području, odnosno na području nekadašnje Slavonije“, gdje je u srednjovjekovlju narodno ime rijetko potvrđeno te „rano nastaju najbrojnija prezimena *Horvat*, i druga u vezi s njim, kao osvjedočenje pripadnosti njihovih nositelja hrvatskoj etniji i u očima njihovih sjevernih susjeda, koji su obliku prezimena *Horváth* dali svoj jezični biljeg“ (Šimunović 2006: 386).

d) prezimena od naziva zanimanja⁷

Biro, Birov, Birovčec (: bíró ‘sudac’); *Čordaš, Čordašić* (: csordás ‘pastir’); *Doboš, Dobošević* (: dobos ‘bubnjar’); *Dudaš, Dudašek* (: dudás ‘gajdaš’); *Eršek* (: érsek ‘nadbiskup’); *Feletar* (: feletar ‘kočijašev pomoćnik’); *Gazda, Gazdek, Gazdić* (: gazda ‘domaćin; posjednik, gospodar’); *Alasić, Alasović, Halas, Halasz* (: halász ‘ribar’); *Hegediš, Hegeduš, Hegedušić* (: hegedűs ‘violinist; guslač’); *Herceg* (: herceg ‘vojvoda; knez’); *Katana, Katančić, Katanec* (: katona ‘vojnika’); *Kedmenec* (: ködmön ‘kožuh’; ‘kožuhar’); *Kočiš* (: kocsis ‘kočijaš’); *Kuhta, Kuhtić* (: kuhta ‘kuharski pomoćnik’); *Mesaroš* (: mézsáros ‘mesar’); *Mešter, Meštrović* (: mester ‘majstor’); *Paler, Palir* (: paler, palir ‘građevinski poslovođa, nadglednik’); *Bandur, Pandur, Pandurević, Pandurić* (: pandúr ‘pandur, stražar’); *Pišpek* (: püspök ‘biskup’); *Sabo, Szabo, Sabol, Sabolčec, Sabolek* (: szabó ‘krojač’); *Sokač, Sokačić* (: szakács ‘kuhar’); *Šipoš, Šipuš, Šipušić* (: sípos, sípus ‘svirač’); *Vadas* (: vadász ‘lovac’); *Vajda, Vajdić* (: vajda ‘vojvoda’); *Varga, Vargec, Vargek, Vargović* (: varga ‘postolar’)...

7 U tu su skupinu uvršteni i nazivi koji se odnose na državnu te crkvenu hijerarhiju, položaj u društvu, titule, funkcije i sl. iako neki od njih sigurno nisu bili oznakom stvarnoga položaja/sluzbe njihovih prvih nositelja. Prezimana s nazivom predmeta u osnovi uglavnom se dovode u vezu s osobama koje ih izražuju (npr. *Kedmenec* < ködmön ‘kožuh’; ‘kožuhar’).

Nazivi zanimanja neizostavno su sastavnicom prezimenske građe, te ih, obilno zastupljene, nalazimo i među prezimenima temeljenim na mađarskim leksemima. Mnogi od njih potvrđeni su u hrvatskim jezikom pisanim starijim izvorima, a rijetki su dijelom aktivnoga rječnika govornika hrvatskoga jezika – većina ih je (uglavnom promjenom izvanjezične zbilje, tj. nestankom zanimanja njima nazvanih) prešla u kategoriju historizama.

2.2. Tvorbena klasifikacija prezimena

Iz tvorbene raščlambe izostavit će se hrvatskomu jeziku grafijski neprilagođena prezimena te prezimena tvorena prepoznatljivim mađarskim sufiksima (prezimenskim i etničkim). Ostala, kudikamo brojnija, prezimena tvorbeno se dijele na:

a) asufiksna prezimena

aa) nastala onimizacijom apelativnih leksema (npr. *Birov, Halas, Katana, Kuhta, Sokač*). Apelativi su u hrvatski jezik posuđeni u doprezimenske razdoblju, te su u vrijeme formiranja hrvatskih prezimena, ravnopravno s iskonskim hrvatskim apelativnim leksikom, sudjelovali u prezimenskoj (asufiksnoj i sufiksnoj) tvorbi.⁸ Dosadašnja istraživanja hrvatskoga povijesnog (Hadrovics 1985) i suvremenoga dijalektnog leksika (npr. Blažeka 2006, Jakšić 2015, Lipljin 2002) potvrđuju njihovu zasvjedočenost u apelativnome leksiku hrvatskih govora.

ab) nastala transonimizacijom osobnih imena (npr. *Balaž, Balent, Ferenc, Ištvan, Janoš, Kelemen, Matjaš, Pal, Pongrac*), **nadimaka** (npr. *Balog, Kiš, Kopas, Nađ, Šovanj, Vereš*) te **etnika i etnonima** (*Budimac, Horvat, Mađar, Ostrogonac, Peštanac*)

b) sufiksna prezimena

Ta su prezimena tvorena prepoznatljivim hrvatskim prezimenskim sufiksima. Oni uvijek dolaze na osnovu prilagođenu hrvatskomu jeziku.

-(č)ić *Antolić, Antolčić, Farkašić, Ištvanić, Janošić, Katalinić, Kelemenić, Lukačić, Pongračić, Žigmundić; Feketić, Kopasić; Čordašić, Gazdić, Hegedušić, Katančić, Lovasić; Budimčić, Mađarić, Horvatić...*

-ović/-ević *Antolković, Balentović, Janošević, Lukačević, Šandorović; Balogović; Hajduković, Meštović, Vargović; Mađarević...*

-ek *Antolek, Janošek; Dudašek, Husarek, Sabolek, Vargek; Horvatek...*

-(č)ec *Antolec, Matjašec; Birovčec, Katanec, Sabolčec, Vargec...*

Prezimenske tvorenice s hungarizmom u osnovi ni po čemu se ne razlikuju od ostaloga sufiksacijom nastaloga hrvatskog prezimenika – u tvorbi sudjeluju sve motivacijsko-semantičke skupine; najčešći prezimenski sufiksi jesu *-ić, -ović/-ević, -ec* i *-ek*; nerijetko se

8 Da su navedni leksemi bili posuđeni kao apelativi, dokazom su i (imeničke, pridjevske, glagolske) tvorenice od njih te sintagme čijom su sastavnicom (npr. *birov, birovina, birovski, mali birov; (h)alas, alasiti, halasina, alaski; katana, katanica, katančić, katanija, katanski; kuhta, kuhtić, kuhtić; sokač, sokačić, sokačic, sokačica, sokačija, sokačtvo, sokačnica, sokački, sokačka knjiga, sokačiti*; Hadrovics 1985).

istoj osnovi dodaju različiti sufixi (npr. *Sabolić, Sabolčić, Sabolec, Sabolčec, Sabolek*) čime se postiže razlikovnost prezimenskoga znaka, a to pak pridonosi preciznijemu označavanju imenovane osobe.

3. ZAKLJUČAK

U više od osam stotina godina dugoj zajedničkoj povijesti Hrvata i Mađara pretkazivo je dolazilo do jezične interferencije i obostranoga jezičnog posuđivanja kojemu preprekom nije bila genetska i tipološka različitost njihovih jezika. Posuđivalo se na apelativnoj i imenskoj razini. Brojni su hungarizmi i danas sastavnicom hrvatskoga nestandardnojezičnoga, mahom dijalektnoga, leksika, a dio njih ugrađen je u hrvatski prezimenski mozaik. Petrificirani u prezimenskim strukturama – nepromjenjivim, nasljednim i zakonom propisanim identifikacijskim oznakama – potonji su hungarizmi dijelom specifičnoga (imenskoga) standardnojezičnog leksika. Tako je npr. hungarizam *halas* (‘ribar’) dijalektizam te u mnogim organskim idiomima zastarjelica, a njegov homofonijski „prezimenski parnjak“ *Halas*, sveden na značenje ‘prezime’, sastavnicom je standardnojezične komunikacije.

Uočljiva prošaranost hrvatskoga prezimenika hungarizmima te njihova prisutnost i u ostalome dijelu hrvatske onimije, pozivom su na daljnja istraživanja kojima će se unijeti više svjetla u mozaik hrvatsko-mađarske dodire zasvjedočene imenima.

Literatura

I.

- BLAŽEKA, Đuro (2006) „Hungarizmi u govoru Goričana.“ *Suvremena lingvistika* 1, 1–27.
- DÜRRIGL, Marija-Ana (1988) „Hungarizmi u hrvatskom književnom jeziku.“ *Jezik* 35/4, 97–99.
- FRANČIĆ, Anđela/Orsolya ŽAGAR-SZENTESI (2008) „Međimurska ojkonomija na mađarski način.“ *Folia onomastica Croatica* 17, 59–80.
- GULEŠIĆ, Milvia (1998) „Još jednom o hungarizmima u hrvatskome standardnom jeziku.“ U: K. Gadanji (ur.), *VI međunarodni slavistički dani*, knj. 3/1. Sambotel/Pečuh: Hrvatski znanstveni zavod, 255–261.
- HADROVICS, László (1985) *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*. Köln/Wien: Böhlau Verlag.
- JAKŠIĆ, Martin (2015) *Rječnik govora slavonskih, baranjskih i srijemskih*. Zagreb: Dominović.
- LIPLJIN, Tomislav (2002) *Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora*. Varaždin: Garestin.
- MERŠIĆ, Žuža/Milvia GULEŠIĆ (1997) „Mađarski „dalmatizmi“ po Vrančiću.“ U: S. Blažetin (ur.), *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika*, knj. 2. Pečuh: Hrvatski znanstveni zavod, 220–223.
- NYOMÁRKAY, István (1989) *Ungarische Vorbilder der kroatischen Spracherneuerung*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

- Obiteljski zakon (2014) *Narodne novine* 75/14.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar (2006) *Hrvatska prezimena*. Zagreb: Golden marketing/Tehnička knjiga.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar/Franjo MALETIĆ (prir.) (2008) *Hrvatski prezimenik: Pučanstvo Republike Hrvatske na početku 21. stoljeća*. Zagreb: Golden marketing/Tehnička knjiga.
- ŠIMUNOVIĆ, Petar/Valentin PUTANEC (1976) *Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske*. Zagreb: Institut za jezik/Nakladni zavod Matice hrvatske.
- VULIĆ, Sanja (2012) „O imenici varoš u čakavštini, štokavštini i kajkavštini.“ *Čakavska rič* 1–2, 13–20.
- Zakon o osobnom imenu. *Narodne novine* 118/12.
- ŽAGAR-SZENTESI, Orsolya (2005) „Hrvatski u dodiru s mađarskim jezikom.“ U: L. Sočanac (ur.), *Hrvatski jezik u dodiru s europskim jezicima: prilagodba posuđenica*. Zagreb: Nakladni zavod Globus, 51–84.
- ŽAGAR-SZENTESI, Orsolya (2009) „Slavonski jezični prostor iz hungarološkog aspekta.“ U: A. Bilić (ur.), *Šokačka rič* 6. Vinkovci: Zajednica kulturno-umjetničkih djelatnosti Vukovarsko-srijemske županije, 69–84.

II.

- FERCSIK, Erzsébet/Judit RAÁTZ (2009) *Keresztnevek enciklopédiája: A leggyakoribb női és férfinévek*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- FILIPOVIĆ, Rudolf (1986) *Teorija jezika u kontaktu: uvod u lingvistiku jezičnih dodira*. Zagreb: JAZU/Školska knjiga.
- FRANČIĆ, Anđela (2005) „Hungarizmi u međimurskim prezimenima.“ U: S. Lukač (ur.), *Na brzu ruku skupljeni skup*. Budimpešta: Hrvatska samouprava Budimpešte, 153–162.
- HAJDÚ, Mihály (2003) *Általános és magyar névtan*. Budapest: Osiris Kiadó.
- HAJDÚ, Mihály (2010) *Családnevek enciklopédiája: Leggyakoribb mai családneveink*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- KÁZMÉR, Miklós (1993) *Régi magyar családnevek szótára XIV-XVII század*. Budapest: Magyar Nyelvtudományi Társaság.
- Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika*. Ur. B. Finka/R. Katičić. Knj. 1–13. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti/Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1984–2014.
- STOLAC, Diana (1997) „Starija hrvatska leksikografija i mađarski jezik.“ U: S. Blažetin (ur.), *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika*, knj. 2. Pečuh: Hrvatski znanstveni zavod, 249–257.
- SUČEVIĆ MEĐERAL, Krešimir/Tatjana VUKADINOVIĆ/Irina JUROVIĆ/Margit Bernadett VUK (2013) *Mađarsko-hrvatski rječnik*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Sažetak
ODSLIK HRVATSKO-MAĐARSKIH DODIRA U HRVATSKIM
PREZIMENIMA

U uvodnome dijelu rada autorica se kratko osvrće na povijest hrvatskih prezimena te na hrvatsko-mađarske jezične dodire i njihovo proučavanje. Pretkazivi rezultat višestoljetnoga državnog zajedništva Hrvata i Mađara jesu i hungarizmi, od kojih je samo manji dio sastavnica leksika hrvatskoga standardnog jezika (npr. *bunda, cikla, cipela, čipka, čopor, karika, kočija, korov, lopov, palačinka, šator, soba*). O hrvatsko-mađarskim dodirima na svoj specifičan način svjedoči i hrvatska onimija (npr. ojkonimi *Madžarevo, Banfi, Daruvar, Varaždin, Laslovo, Farkaševac*). Dio onimijske ukupnosti jesu i prezimena temeljena na mađarskim elementima (npr. *Balog, Gazdić, Janušić, Kanižaj, Matjašec, Nagy, Palfi, Pišpek, Pongračić, Sabolčec, Vargek*). Središnji je dio rada motivacijsko-semantička i tvorbena klasifikacija u hrvatskome prezimenskom fondu zasvjedočenih prezimena s mađarskim elementima popraćena odabranim primjerima. Uzimajući u obzir stupanj prilagođenosti u prezime ugrađenih mađarskih leksema hrvatskomu jeziku, tvorbenu strukturu tih prezimena, potvrđenost leksika mađarskoga podrijetla u hrvatskoj povijesnoj leksikografiji i sadašnjim hrvatskim govorima – pretpostavlja se da su neka na hungarizmima temeljena prezimena nastala u Hrvatskoj, a neka su u različitim razdobljima unesena u hrvatski prezimenik doseobom svojih nositelja. U zaključnome se dijelu rada, uz ostalo, ističe potreba daljnjega popisivanja i istraživanja hungarizama u hrvatskim nestandardnojezičnim govorima te u svekolikome imenskom mozaiku.

Ključne riječi: hrvatska prezimena, hrvatsko-mađarski jezični dodiri, jezično posuđivanje, hungarizmi

Abstract
CROATIAN-HUNGARIAN CONTACTS REFLECTED IN CROATIAN
SURNAMEs

In the introductory part of the paper the author briefly comments on the history of Croatian surnames, on Croatian-Hungarian language contact and studies of these contacts. A predictable result of centuries-long political union of Croats and Hungarians are Hungarianisms, of which only a smaller part belongs to standard Croatian lexis (e.g. *bunda, cikla, cipela, čipka, čopor, karika, kočija, korov, lopov, palačinka, šator, soba*). Croatian anthroponymy likewise testifies to the Croatian-Hungarian contact in its own right, both through oikonims (e.g. *Madžarevo, Banfi, Daruvar, Varaždin, Laslovo, Farkaševac*) and surnames based on Hungarian elements (e.g. *Balog, Gazdić, Janušić, Kanižaj, Matjašec, Nagy, Palfi, Pišpek, Pongračić, Sabolčec, Vargek*). The core of the paper deals with the classification of Croatian surnames which contain Hungarian elements, from the perspective of their formation and semantic motivation together with illustrative examples. Taking into consideration the degree to which Hungarian lexemes present in a given surname have been adapted to the Croatian language, the way

in which these surnames were formed, all the confirmed instances of Hungarian lexis in Croatian historical lexicography and current Croatian dialects – it is suggested that some of the surnames are based on Hungarianisms originating in Croatia, while some were introduced into the pool of Croatian surnames at different time periods, when their bearers arrived in Croatia. The paper emphasizes, among other things, the need for further identification and research of Hungarianisms in non-standard Croatian dialects as well as in the inventory of personal names.

Keywords: Croatian surnames, Croatian-Hungarian linguistic contacts, linguistic borrowing, Hungarian loanwords

Povzetek

ODRAZ HRVAŠKO-MADŽARSKIH STIKOV V HRVAŠKIH PRIIMKIH

V uvodnem delu prispevka se avtorica na kratko dotakne zgodovine hrvaških priimkov in hrvaško-madžarskih jezikovnih stikov ter njihovega proučevanja. Predvidljiv rezultat večstoletne državne skupnosti Hrvatov in Madžarov so tudi hungarizmi, od katerih samo manjši del spada v leksiko hrvaškega knjižnega jezika (npr. *bunda, cikla, cipela, čipka, čopor, karika, kočija, korov, lopov, palačinka, šator, soba*). O hrvaško-madžarskih stikih na specifičen način pričajo tudi hrvaška lastna imena (npr. naselbinska imena *Madžarevo, Banfi, Daruvar, Varaždin, Laslovo, Farkaševac*). Del lastnoimenskih stičišč so tudi priimki, ki slonijo na madžarskih prvinah (npr. *Balog, Gazdić, Janušić, Kanižaj, Matjašec, Nagy, Palfi, Pišpek, Pongračić, Sabolčec, Vargek*). Osrednji del prispevka je motivacijsko-semantična in tvorbeno klasifikacija priimkov z madžarskimi prvina, izpričanih v hrvaškem priimkovnem fondu, opremljena z izbranimi primeri. Glede na stopnjo prilagojenosti v priimek vgrajenih madžarskih leksemov hrvaškemu jeziku, na tvorbeno strukturo teh priimkov, na izpričanost leksike madžarskega izvora v hrvaški zgodovinski leksikografiji in sedanjih hrvaških govorih, se predpostavlja, da so nekateri na hungarizmih sloneči priimki nastali na Hrvaškem, nekateri pa so se v različnih obdobjih uvrstili med hrvaške priimke s priselitvijo svojih nosilcev. V sklepnem delu prispevka se med drugim poudarja potreba nadaljnjega popisovanja in raziskovanja hungarizmov v hrvaških neknjižnojezikovnih govorih in v celotnem imenskem mozaiku.

Ključne besede: hrvaški priimki, hrvaško-madžarski jezikovni stiki, medjezikovno izposojanje, madžarizmi

ZU EINIGEN MITTELALTERLICHEN AMTSBEZEICHNUNGEN IN DER TOPONYMIE SERBIENS

Der vorliegende Aufsatz knüpft an meine jahrelange Beschäftigung mit der um 1316 abgefassten Gründungsurkunde des Klosters Banjska an, woraus sich vor kurzem ein Buch ergeben hat (Loma 2013). Ebendort S. 231 wird der Ortsname (ON) *Čigotovo* (heute *Čikatovo*) im Kosovogebiet als Possessivbildung zum Titel *čigot* erklärt, der bislang nur aus dem kirchenslavischen Übersetzungsschrifttum bekannt war, wo *чиготъ* gr. (πρωτο)σπαθάρτος (wörtlich: ‘Schwertträger’, daraus ‘Leibwächter’, vom 9. bis zum 11. Jh. ein byzantinischer Hoftitel) wiedergibt.¹ Inzwischen steht fest, dass dieser Titel auf altserbischem Boden gebräuchlich war. Es ist sogar möglich, die urkundliche Angabe so zu interpretieren, dass zu jener Zeit ein gewisser Dobroslav Grbica das Amt des *čigot* am Hof des serbischen Königs Milutin bekleidete.² Eine weitere toponymische Spur dürfte das Wort in Kroatien hinterlassen haben, wo der ON *Čigoč* unweit von Sisak ein *j*-Possessivum davon zu sein scheint. Damit erlangte eine hochsprachliche Amtsbezeichnung, wohl orientalischer Herkunft,³ ihre historisch-geographische Verankerung. Im Folgenden wird ein ähnlicher Fall aus der Toponymie Serbiens erörtert.

Südöstlich von Belgrad, unweit der Kleinstadt Mladenovac, am Bach Ralja im Einzugsgebiet der Großen Morava, liegt das Dorf *Šepšin*. Unter dem heutigen Namen wird es erstmals 1818 als zur damaligen Nahija von Grocka gehörig erwähnt (Vuk 1827: 69). Aus türkischen Quellen erfahren wir, dass es im 16. Jh. in derselben Gegend zwei benachbarte Dörfer mit ähnlich klingenden Namen gab. Bei diesen Quellen handelt es sich um die türkischen Steuerverzeichnisse (Defter) Belgrads und seiner Umgebung, die bald nach der Eroberung der Stadt durch die Türken im Jahr 1521 ansetzen und sich auf die folgenden rund vierzig Jahre erstrecken. Im Defter aus dem Jahr 1528 las der Herausgeber *Dolne* (*Dolnji*, ‘Unter’) und *Korne* (*Gornji*, ‘Ober’) *Šemcin*, in den drei nachfolgen-

* Филозофски факултет универзитета у Београду, Чика Љубина 18-20, 11000 Београд, Србија; loma.aleksandar@gmail.com

- 1 Die in LP 1116 angegebenen Belege stammen aus Denkmälern serbischer und russischer Redaktion, vgl. auch Sreznevskij 1517.
- 2 Im Original *Село чиготова доброслава гръбице и съ своими мѣгтами югова половина* (ВН 1: fol. 48r), was sich als „das Dorf des Tschigots Dobroslav Grbica, mit seiner Gemarkung, eine Hälfte davon (wird dem neugegründeten Kloster geschenkt)“ interpretieren lässt.
- 3 Vgl. Vasmer 4: 360 (ohne Deutungsvorschlag) und Loma 2013 a. a. O., wo ein Zusammenhang mit mitteltürkisch *jigit*, tatarisch *žigit* ‘Jüngling; Held, Dschigit’ erwogen wird.

den Deftern (1528/30, 1536 bzw. 1560) *Šemšin*.⁴ Da durch den arabischen Buchstaben *c* [ž] normalerweise serbisch *č* [tʃ] und *c* [ts] wiedergegeben werden, ersehen wir, dass in den 1530er-Jahren die Namenformen *Šemčīn* und *Šemšīn* miteinander konkurrierten, sich jedoch bald danach Letztere durchsetzte, aus der das heutige *Šepšin* durch den Wandel von *mš* zu *pš*, den man auch anderswo belegen kann,⁵ entstanden ist. Das Verhältnis zwischen *Šemčīn* und *Šemšīn* ist zweideutig, da die beiden Formen urkundlich fast gleichzeitig erscheinen. Man kann nicht ausschließen, dass *Šemčīn* eine sekundäre Entwicklung aus *Šemšīn* vom Typ mundartlich *pčēnica* < *pšenica* ‘Weizen’ aufweist; von *Šemšīn* ausgehend, ließe sich der ON als Possessivum zum Personennamen (PN) *Sēmšā erklären, der seinerseits als Hypokoristikum zu *Sēmi-slavъ oder *Sēmь-slavъ aufzufassen wäre.⁶ Doch scheint das Gegenteil plausibler, dass nämlich der Erstbeleg die ältere Namenform abbildet, zumal sie später niemals wiederkehrt. Bei *mč* > *mš* würde es sich um die Vereinfachung der Konsonantengruppe [mtʃ] zu [mʃ] handeln, wofür ich — wie übrigens für *mš* > *mč* — keine unmittelbare Parallele anführen kann, doch lässt sich neben der oben erwähnten Entwicklung *pš* > *pč* auch deren Umkehrung, *pč* > *pš*, belegen, etwa im kroatischen ON *Tepšići* versus *Tepčiči* in der Herzegovina, wohl eine patronymische Bildung zum altserb. und altkroat. Titel *tepčij(a)*, vgl. den altserb. Familiennamen *Теръčićь* (14.–15. Jh., Bosnien).⁷ Wie man bald sehen wird, kann hier auch eine semantische Parallele zu unserem ON vorliegen.⁸ Denn *Šepčīn* erweckt den Eindruck, als ob es sich dabei um eine Possessivableitung zu einem Titel auf *-čij(a)* handle,

-
- 4 So in der Umschrift des Herausgebers (Šabanović 1964: 99 f., 216, 240, 308, 318, 555 f.). Die zugrunde liegenden arabischen Graphien sind شمشين bzw. شمسين, wie mir Dr. Srđan Katić vom Istorijski institut Beograd bestätigt hat, der so liebenswürdig war, für mich Šabanović’ Lesungen nachzuprüfen; sie erwiesen sich als zuverlässig, mit der Ergänzung, dass im Verzeichnis von 1560 das zweite *s* ohne Diakritikum („chapeau“) geschrieben sei, folglich könne man auch *Šepsin* lesen. Drei spätere Verzeichnisse seien von Šabanović nicht herangezogen worden: In jenem von 1572 lese man ebenfalls *Šepsin*, im nachfolgenden von 1585 wieder *Šemšīn*, und im jüngsten, von 1741, einmal eindeutig *Šemsin*, während an einer anderen Stelle sowohl eine Lesung mit inlautendem *sīn* als auch mit *schīn* möglich sei. Ungeachtet dieser orthographischen Schwankungen geht aus der Summe der Belege klar hervor, dass der Name vom 16. bis zum 18. Jh. *Šemšīn* lautete.
- 5 So wird in einem türkischen Verzeichnis aus dem Jahr 1476 für Westserbien ein Dorf *Mšanik* (zu *mšēmb ‘moosig’) genannt, das in den etwas jüngeren einheimischen Quellen aus dem 16. bis 17. Jh. als *Pšanik* begegnet. Heute erscheint der Name zu *Šanik* vereinfacht (vgl. mundartlich und umgangssprachlich *šenica* < *pšenica* ‘Weizen’), er bezeichnet einen Teil des Dorfes Bioska westlich von Užice. Gleichen Ursprungs ist wohl der Name einer Ortschaft im benachbarten Gebiet von Dragačevo, der heute ebenfalls *Pšanik* lautet.
- 6 So von mir (Loma 2003: 248) vorgeschlagen, vgl. russ. *Semšino*, ein Dorf in der Oblast Wologda; zum anlautenden *š*- s. u.
- 7 Nach dem RJA (18/1962–1966 s. vv.) geht *Tepšiči* auf einen Spitznamen *Tepša zu *tepati* ‘stammeln’ zurück, während für *Tepčiči* neben *tepčija* auch *tepac* ‘Stotterer’ in Betracht gezogen wird, was allerdings beides nicht allzu plausibel erscheint.
- 8 Angesichts der Tatsache, dass das Dorf *Tepšiči* südlich von Sisak liegt, im selben Teil Kroatiens wie Čigoč, ist vielleicht erwähnenswert, dass auch *tepčij*, *tepčija* alttürkischer Herkunft verdächtig ist.

zumal die prosodische Gestalt der heutigen Namensform *Šepšin* < *Šepšin auf eine Kontraktion aus *-*ijin* hinweist. Ein vergleichbarer Titel ist in der Gründungsurkunde des Klosters Banjska aus dem Jahr 1316 belegt. Im Abschnitt über die Geldstrafen (*o globah*) liest man dort: *sol'ba sēm'cii 2 dinarja*.⁹ Weder *sol'ba* noch *sēm'cija* kommen sonst in altserbischen Quellen vor. Das erste Wort ist jedoch durchsichtig, es handelt sich um ein Deverbativum auf *-*ba* von *sylati 'schicken, senden', das im Altrussischen als *sol(b)ba* 'Abordnung' ein genaues Gegenstück hat (Sreznevskij 3: 742). Damit ist die obige Verordnung als „Vorführung vor den *sēm'cija* — zwei Dinare“ aufzufassen. In dieser Lautgestalt sonst unbelegt, klingt *sēm'cija* stark an die Amtsbezeichnung *samčija* an und wird mit ihr vom Übersetzer der Urkunde wohl mit Recht gleichgesetzt.¹⁰ Durch das Hinzuziehen dieser altserbischen Nebenform wird die Frage nach der Etymologie des Wortes *samčija*, *samčii* nur noch verwickelter.¹¹ Sonst ist dieses Wort, wie *čigotъ*, nicht urkundlich, sondern nur literarisch belegt, nämlich in den Übersetzungen des Alten Testaments sowie homiletischer und hagiographischer Schriften. Es steht für diverse Amtsbezeichnungen in verschiedenen Ländern zu verschiedenen Zeiten, im Alten Testament für 'Hausverwalter',¹² in den Viten für die Bezeichnungen der römischen Reichsämtler *praefectus*¹³ und *curator*.¹⁴ Nur aus griechischen und lateinischen Quellen erfahren wir, dass ein entsprechender Titel im Ersten Bulgarischen Reich existierte. Der heilige Kliment von Ochrid wurde nach seiner griechischen Vita in Pliska von einem gewissen Ἐσχατῆς τὴν κλῆσιν, σαμψῆς τὸ ἀξίωμα beherbergt; derselbe Titel kehrt, in einer verderbten oder abweichenden Form, in der Liste der bulgarischen Gesandten zum Konzil 869–70 in Konstantinopel bei Athanasius Bibliothecarius als *campsis* und *sampsis* wieder sowie bei dem Fortsetzer des Theophanes als οὐσάμψος, wo von einer Gesandtschaft im Jahr 927 die Rede ist. Gr. σαμψῆς ist als Wiedergabe eines protobulgarischen *samči aufzufassen, mit einem *p*-Einschub in die dem Griechischen fremde Konsonantengruppe.¹⁵ Vermutlich bezeichnete man damit eine Hofwürde (Run-

9 Im Original *сѣл'ба сѣм'чїи .ѣ. динарѣ* (BH 1: fol. 57v.). In der betreffenden Urkunde kann *-їи* auch für ein *-ї* stehen, das hier aus einer Dativform auf *-ii* kontrahiert wäre.

10 Dimitrije Bogdanović, BH 2: 124: „slanje samčiji — 2 dinara“.

11 Da die beiden Erstausgaben der Banjska-Urkunde 1890 erschienen, fand altserb. *sēm'cija* seinen Weg weder in Daničić' (RKS) noch in Miklosichs Wörterbuch (LP) und blieb merkwürdigerweise auch im RJA unbeachtet, so dass es für die etymologische Diskussion zu altksl. *samčii* bisher nicht herangezogen wurde.

12 Gr. ὁ ἐπὶ τῆς οἰκίας Gen 43,16, οἰκονόμος Jes 36,3, 37,2 (LP 822; Sreznevskij 3: 256). Dazu gehört auch der Beleg in der tschechischkirchenslavischen Übersetzung der Homilien des Gregor von Nazianz, wo *familiaritatis locum apud divitem meruit* der lateinischen Vorlage als *sam(o) čija město u bogatago priimety* wiedergegeben wird (ESJS 793 s. vv. *samčii*, *samъ*).

13 So wird gr. μετρίτερος im Codex Suprasliensis interpretiert (zuletzt SJS 36/1983: 18), zu diesem Beleg s. u. Normalerweise wird *praefectus* mit *ἐπαρχος* übersetzt.

14 In der Vita des heiligen Eutychius, Bischof von Konstantinopel: *επαρhovъ samčii*, gr. τῶν Αντιόχου κουράτωρ (Sreznevskij a. a. O.). Es ist von Aetherius die Rede, unter Justinian I. einer der führenden Senatoren und *curator domus divinae Antiochi* (PLRE 3: 21).

15 Folglich wäre der Halbvokal der altksl. Form als bloße orthographische Konvention zu beurteilen.

ciman 1930: 286). Es handelt sich wohl um ein protobulgarisches Wort, dem wahrscheinlich das turksprachige Etymon von altksl. *sanъ* ‘Würde, Rang’ zugrunde liegt.¹⁶ Wenn altserb. *šēm’čija* hierher gehört, erfordert sein *ě* eine Erklärung, da *samъčii*, *samъčija* sonst stets den Wurzelvokal *a* aufweist. An eine orthographische Entgleisung ist schon deshalb schwer zu denken, da ein Schwanken zwischen *a* und *ě* der damaligen Rechtschreibung von Raszien („raški pravopis“), für die die Banjska Urkunde als beispielhaft gelten darf, fremd ist. Wenn die oben vorgeschlagene Interpretierung des ON *Šepšin* < *Šemčin* zutrifft, erweist sich dadurch die altserbische Wortform mit *ě* in der ersten Silbe als real. Sie kann aus *samčij(a)* durch die Anlehnung an ein einheimisches Wort entstanden sein, am ehesten an eine Ableitung von **sěmъja* ‘Familie’, wie aruss. *sěmъca* ‘jüngeres, untergeordnetes Familienmitglied, Knecht’ (Belehrung des Wladimir Monomach). Das Lehnwort *samčij* dürfte als Adjektiv dazu vom Typ **děťčъjъ* > neu-serb. *d(j)eč(i)ji* ‘kindlich, Kinder’ zu *děťca* ‘Kinder’ umgedeutet worden sein: **sěmčij* ‘für die Dienerschaft (am Hof) zuständig’, was durch *samčij(a)* ‘Hausverwalter’ nahegelegt worden sein könnte. Die angenommene Umbildung konnte nur zu einem Zeitpunkt stattfinden, als die Wortfamilie ursl. dial. **sěmъ* ‘Person’, **sěmъja* ‘Familie’ auf südslavischem Boden noch in Gebrauch stand. Dafür, dass diese Wörter ehemals auch im slavischen Süden und Westen bekannt waren, legt vor allem die Onomastik Zeugnis ab (vgl. ESJS 804). Im altserbischen Raum lässt sich eine Reihe von PN belegen, die den Stamm **sēm(i)-* enthalten: **Sēmigněvъ*, **Sēmidorǵъ*, **Sēmītěxъ*, **Sēmīradъ*, **Sēmęta*, **Sēmīxъ*, **Sēmъkъ*. Sie alle sind jedoch aus ON rekonstruiert (Loma 2003 passim) und in den altserbischen Quellen nicht unmittelbar bezeugt, die für das Onomastikon des 13. bis 15. Jh. recht ergiebig sind, woraus ein Argumentum e silentio hervorgeht, das für die Entstehung der Form **sěmčij* > *sěmčija* den Terminus ante quem liefern kann. Angesichts der gut begründeten Annahme, dass der Teil Serbiens, wo *Šepšin* liegt, im Mittelalter und in der frühen Türkenzeit zum nordserbischen Mundartbereich gehörte, wo **ě* seinen phonemischen Charakter als ein von *e* (< **e*, **ę*) geschiedenes *ę* bewahrt hat, darf man hinter dem Erstbeleg von 1528 eine Lautgestalt *Šēmčīn* vermuten, die aus ursprünglichem **Sēmčijīn* durch reguläre Vokalkontraktion in der zweiten Silbe und Assimilation des anlautenden *s* wie in *šiče* < *siče* ‘zischt’, *šušanj* < *sušanj* ‘trockenes Laub’, *Šušeoka* ‘Dorf bei Valjevo in Nordwestserbien’ < *sušelka* ‘getrocknete Feige’ (als Familienname)¹⁷ entstanden ist. Andererseits weisen die ON *Šemihova*,¹⁸ *Šemgonj*¹⁹

16 Vgl. ESJS a. a. O., Vasmer 3: 554–555 s. vv. *самчій*, *сан*, Räsänen 400; bemerkenswert ist die Verbindung der beiden Wörter in Supr. *samъčije sanъ prědržešta* für μεϊζότερου τάξις ἐπέχοντα der griechischen Vorlage, vgl. oben die Wendung *σαμψής τὸ ἀξίωμα* in der Vita Clementis (*samъ* = ἀξίωμα).

17 Ab 1528 in denselben Deftern wie *Šemčin*/*Šemšin* als *Šwšwkə* belegt, worin sich am ehesten eine Pluralform *Šušeoke* verbirgt.

18 Ein ab 1475/77 belegtes Dorf in Ostbosnien, unweit von Goražde.

19 Heute *Šengolj* in Westserbien, zum ersten Mal 1413 in einer Urkunde als *Шем’гwū* belegt; auch in den türkischen Verzeichnissen aus dem Zeitraum 1479–1572 kehrt diese Namensform wieder, der **Sěmъ-gojъn-*, eine Possessivableitung (zur Bildung s. Loma 2013: 246 f.) vom PN **Sěmъ-gojъ* (mit kurzem Bindevokal des *i*-Stammes) zugrunde zu liegen scheint.

sowie der altserb. Familienname *Šemković*²⁰ auf eine Sonderentwicklung von ursl. **sēm-* zu *šem-* hin. Ein anderes *Šemšin* wird im ausführlichen Steuerregister des Sandschaks Smederevo aus dem Jahr 1585 verzeichnet, als der Fähre von Boğurdelen, heute Šabac an der Save, zugehörig.²¹ Wahrscheinlich gehört hierher auch *Šamšin*, heute ein Flurname im syrmischen Dorf Berak (Popović 1950: 43) und im türkischen Verzeichnis von 1570 als Dorf belegt, der bezeichnenderweise ein *a* in der Initialsilbe aufweist.²² Das Wiederkehren des Namens in Syrmien lässt sich am einfachsten dadurch erklären, dass er dorthin von Ansiedlern aus Nordserbien übertragen wurde, die zur Zeit der türkischen Eroberungen in Südungarn Zuflucht suchten.

Anknüpfend an die obige Erörterung von *Šepšin* < *Šemčin* möchte ich erneut auf einen anderen ON aus derselben Gegend, *Vrčín*, eingehen, da er eine Parallelbildung aufzuweisen scheint. Bisher war er unterschiedlich gedeutet worden. Der Umstand, dass in der Nähe von Vrčín eine römische Inschrift gefunden wurde, die eine Widmung an die Göttin *Orcia* enthält, hat Vladimir Čorović (1937: 233–234) zu einer Deutung inspiriert, die *Vrčín* auf *Orcinum, ein lateinisches Adjektiv zu diesem sonst unbekanntem Götternamen, zurückführt. Kulturgeschichtlich gesehen war diese Ableitung durchaus plausibel und auch die angenommene Lautentwicklung erschien einwandfrei,²³ aber nur bis zur 1964 erfolgten Veröffentlichung der obengenannten türkischen Verzeichnisse, wo das heutige Vrčín zwischen 1528 und 1560 fünfmal genannt wird, jeweils als *Hrčín*.²⁴ Durch die Erkenntnis, dass dieser ON ursprünglich mit einem *h-* anlautete, wurde seine Substratetymologie widerlegt und die Suche nach seiner Herkunft in eine andere Richtung gelenkt. Angesichts eines altschech. PN *Chrtek* zu ursl. *χḗrtь ‘Windhund’, eines altschech. ON *Chrčice* sowie eines skr. Toponyms *Hrtkovci* (in Syrmien) nahm ich zuerst eine Possessivableitung auf *-inь* von *Χḗrtьka (als femininem Gegenstück zu *Χḗrtьkь) an (Loma 1991: 112), obwohl ein solcher Frauennamenname unbelegt und überhaupt die Wahrscheinlichkeit nicht allzu hoch ist, dass ein Dorf im Mittelalter nach einer Frau benannt wurde. Nachdem mir jedoch ein anderes *Hrčín* ins Blickfeld gerückt war, ein Bach, der vom 13. bis zum 15. Jh. im Gebiet von Turopolje als *Hurchin*, *Hercin*, *Hrechin* urkundlich bezeugt ist, verzichtete ich auf meine frühere Deutung dieses Namens als Possessivum und schrieb ihm lieber eine deskriptive Bedeutung zu, nämlich ‘Hamsterbach’, zu ursl. dial. (serbokroatisch, slovenisch, slovakisch) *χḗrčьkь ‘Hamster’ (Loma 1997: 17). Diese Etymologie halte ich weiterhin für plausibel. Wenn aber *Šepšin* < *Šemčin* wirklich auf altserb. *Šēmčijin zurückgeht, ist für *Vrčín* < *Hrčín* auch auf eine dritte Deutungsmöglichkeit hinzuweisen: Als Possessivableitung kann dieser ON von der sonst unbelegten Hofamtsbezeichnung

20 Ein bosnischer Edelmann aus dem späten 14. Jh. (RKS 3: 486).

21 Dr. Srđan Katić, brieflich.

22 McGowan 1983: 450, zweimal, im ersten Beleg mit *S-* (سامشِين), danach aber eindeutig *Šamšin* geschrieben.

23 Aus lat. tautosyllabischem *or-* hätte sich erwartungsgemäß slav. *v-ьr-*, mit prothetischem *v-* im Anlaut, ergeben; die Palatalisierung von lat. *ci* wird durch das entlehrende Slavische oder – so bei Popović 1960: 103 – durch das vermittelnde Romanische erklärt.

24 In Transkription *Hirčín* (Šabanović 1964: 70, 198, 376, 566, 567).

*хѣртѣчїи ‘für Windhunde zuständig’ abgeleitet sein, vgl. hinsichtlich Bildung und Bedeutung alttschech. *lovčí*, altpoln. *łowczy*, altruss. *lovčїи* ‘Hofjägermeister’. Die beiden Dörfer Šepšin und Vrčín liegen in Bachtälern, Vrčín an einem gleichnamigen Wasserlauf, während das Gewässer, das das Dorf Šepšin durchfließt, auf der Karte als *Ravan* ‘Ebene’ bezeichnet ist, wobei es sich um ein sekundäres Hydronym handeln dürfte. Vermutlich bezogen sich die maskulinen Possessivadjektive *Sěmčijin und *Hrtčijin ursprünglich auf *potok* ‘Bach’ oder *dol* ‘Tal’, um das Lehen eines *sěmčija* bzw. eines *hrtčija zu bezeichnen.

Ungeachtet der Tatsache, ob diese Erwägungen zutreffen oder nicht, lässt sich dadurch einmal mehr der Grundsatz bestätigen, dass in der Ortsnamenforschung nur die historischen Belege und nicht die modernen Namenformen einen sicheren Ausgangspunkt für die etymologische Deutung bilden. Es waren ja die türkischen Quellen aus dem 16. Jh., die es uns ermöglichten, die Frage nach der Herkunft der heutigen ON *Šepšin* und *Vrčín* seriös zu betrachten und somit vielleicht indirekt einen Blick in die feudalen Verhältnisse früherer Zeiten in der Umgebung von Belgrad zu werfen.

Quellenverzeichnis

- BH = *Povelja kralja Milutina manastiru Banjska — Svetostefanska hrisovulja*. I–II. Angepasst von Đ. Trifunović. Beograd: Muzej u Prištini, Mnemosyne — Centar za očuvanje nasleđa Kosova i Metohije, Službeni glasnik, 2011. [Kyrillisch.]
- DANIČIĆ, Đuro (1863–1864) *Rječnik iz književnih starina srpskih*. Biograd: Državna štamparija. [Kyr.]
- KARADŽIĆ, Vuk Stefanović (1827) „Geografičeskostatističesko opisanije Srbije.“ *Danica. Zabavnik za godinu 1827*, 25–120. [Kyr.]
- LP s. MIKLOSICH
- McGOWAN, Bruce W. (1983) *Sirem sancaği mufassal tahrir defteri*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları.
- MIKLOSICH, Franz (1862–1865) *Lexicon Palaeoslovenicograecolatinum*. Vindobonae: Guilelmus Braumueller.
- RJA = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. I–XIX. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1967.
- RKS s. DANIČIĆ.
- SJS = *Slovník jazyka staroslověnského*. I–LII. Praha: Slovanský ústav Československé akademie věd, 1958–1997.
- SREZNEVSKIJ Vjačeslav Izmailovič (1893–1903) *Materialy dlja slovarja drevnerusskago jazyka*. I–III. SanktPeterburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk. [Kyr.]
- ŠABANOVIĆ, Hazim (1964) *Turski izvori za istoriju Beograda*. I/1: *Katastarski popisi Beograda i okoline 1476–1566*. Beograd: Istorijski arhiv Beograda. [Kyr.]
- VUK s. KARADŽIĆ

Literaturverzeichnis

- ĆOROVIĆ, Vladimir (1937) „Otkud ime Vrčin“. In: *Zbornik lingvističkih i filoloških rasprava A. Beliću o četrdesetogodišnjici njegova naučnog rada*. Beograd: Mlada Srbija, 233–234 [Kyr.].
- ESJS = *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky/Academia, 1989 ff.
- FASMER, Maks, *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. I–IV. Übersetzt und ergänzt von O. N. Trubačeva. Moskva: Progress, 1986–1987. [Kyr.]
- LOMA, Aleksandar (1991) „Vorslavisches Substrat in der Toponymie Serbiens. Bisherige Ergebnisse, Probleme und Perspektiven weiterer Erforschung“. *Die Welt der Slaven* 36 (N. F. 15)/1–2, 99–139.
- Ders. (1997) „Srpskohrvatska geografska imena na *ina*, mn. *ine*: pregled tipova i problemi klasifikacije“. *Onomatološki prilozi* 13, 1–26. [Kyr.]
- Ders. (2002–2003) „Jedna srpskougajinska toponomastička paralela — *Semegnjevo: Semygyniv*“. *Naš jezik* 34/3–4, 244–251. [Kyr.]
- Ders. (2013) *Toponimija Banjske hrisovulje*. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti. (Biblioteka Onomatoloških priloga, knj. 2.) [Kyr.]
- PLRE = *Prosopography of the Later Roman Empire*. I–III. Cambridge: Cambridge University Press, 1971–1992.
- POPOVIĆ, Dušan J. (1950) *Srbi u Sremu do 1736/7*. Beograd: Srpska akademija nauka. (Posebna izdanja CLVIII, Etnografski institut, 1.) [Kyr.]
- POPOVIĆ, Ivan (1960) „Bemerkungen über die voroslavischen Ortsnamen in Serbien.“ *Zeitschrift für slavische Philologie* 28, 101–114.
- RÄSÄNEN, Marti (1969) *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- RUNCIMAN, Steven (1930) *The First Bulgarian Empire*. London: G. Bell & Sons.
- VASMER s. FASMER

Resümee

ZU EINIGEN MITTELALTERLICHEN AMTSBEZEICHUNGEN IN DER TOPONYMIE SERBIENS

Die vorliegende Arbeit behandelt den Ortsnamen *Šepšin*, wie ein Dorf in Serbien unweit von Mladenovac, südlich von Belgrad, heißt. Nach dem Zeugnis der türkischen Verzeichnisse des 16. Jh.s, hat sich die heutige Form des Namens über *Šemšin* aus *Šemčin* entwickelt, wie sein Erstbeleg aus 1528 lautet. Vorausgesetzt, dass sich das anlautende Š- aus S- durch Assimilation vom Typ *šiče* < *siče* ‘zischt’ entwickelt hat, lässt sich die ursprüngliche Namenform als *Sěmčijin wiederherstellen, wo sich um ein Possessivadjektiv zur altserbischen Amtsbezeichnung *sěmčija* handelt. Nur als Hapax in der BanjskaUrkunde aus 1316. belegt, wird sie mit aksl. *samъčii* ‘praefectus’ gleichgesetzt, wo wahrscheinlich ein Lehnwort aus dem Protobulgarischen vorliegt. In die-

sem Fall liesse sich das *ě* der altserbischen Nebenform durch den Einfluss des urslav. Wortes **sěmb* ‘Familie’ erklären. Anknüpfend wird die Frage nach der Herkunft eines anderen Ortsnamens aus demselben Gebiet, *Hrčin*, heute *Vrčin*, wieder in Betracht gezogen. Bisher unterschiedlich gedeutet, lässt sich er analogisch zu **Sěmčijin* auf **Hrtčijin* als Possessivbildung zur sonst unbelegten Hofamtsbezeichnung **xъrtъčii* ‘für Windhunde (**xъrtъ*) zuständig, Hofjägermeister’ zurückführen. In beiden Fällen dürfte sich das maskuline Possessivadjektiv auf *-in* ursprünglich auf *potok* ‘Bach’ oder *dol* ‘Tal’ im Lehensbesitz der betreffenden Person bezogen haben.

Schlüsselwörter: Ortsnamenkunde, Serbien, Mittelalter, Amtsbezeichnungen

Abstract

SOME MEDIEVAL TITLES IN THE TOPONYMY OF SERBIA

The paper deals with the place name *Šepšin*, designating a village in Serbia situated to the south of Belgrade, near the town of Mladenovac. According to the testimony of the Turkish 16th century tax registers, its modern form developed via *Šemšin* from the first recorded *Šemčin* (1528). On the assumption that the initial *Š-* derives from *S-* through the assimilation of the type *šiče* < *siče* ‘hisses’, the original form of the name may be reconstructed as **Sěmčijin*, a possessive adjective derived from Old Serbian title *sěmbčija*. The underlying term, a hapax attested in the Banjska charter from 1316, is assumed to be the same as Old Church Slavic *sambčii* ‘prefect’, which is probably a loanword from Proto-Bulgarian. In that case, the *ě* of the Old Serbian variant may be due to the influence of Common Slavic **sěmb* ‘family’. In addition, another place name from the same region is reconsidered, *Hrčin*, today *Vrčin*, which displays a similar derivation. It has been variously interpreted so far, but by analogy with **Sěmčijin* a proto-form **Hrtčijin* seems rather probable, deriving from the unattested title **xъrtъčii*, which presumably designated an official at court charged with greyhounds (*xъrti*) and generally with hunting. In both cases the masculine adjective in *-in* may have originally referred to *potok* ‘creek’ or *dol* ‘valley’ as a part of the feudal estate held by the official in question.

Keywords: toponymy, Serbia, Middle Ages, titles

Povzetek

O NEKATERIH SREDNJEVEŠKIH URADNIŠKIH NAZIVIH V TOPONIMIJI SRBIJE

V prispevku se obravnava toponim *Šepšin*, kot se imenuje vas v Srbiji blizu Mladenovca, južno od Beograda. Glede na pričevanje turških popisov XVI. stoletja je sodobna oblika imena nastala prek oblike *Šemšin* iz *Šemčin*, kot se glasi v najstarejšem zapisu iz leta 1528. Ob predpostavki, da je vzglasni *Š-* nastal iz **S-* z asimilacijo tipa *šiče* < *siče*, je

podana rekonstrukcija prvotne oblike *Sěmčijin, kar bi bil svojilni pridevnik, izpeljan iz starosrbskega naslova *sěmьčija*. Ta termin je hapaks, izpričan v Banjski hrisovulji leta 1316, in se istoveti s starocerkvenoslovanskim *samъčii* 'praefectus', verjetno izposojenim iz protobolgarščine. V tem primeru se *ě* starosrbske variante lahko razloži z vplivom praslovanske besede *sěmь 'družina'. Dodatno se preizkuša etimologija nekega drugega toponima z istega območja, *Hrčin*, danes *Vrčin*, ki izkazuje podobno tvorjenost. Doslej so ga različno razlagali, toda po analogiji s *Sěmčijin je mogoče s precejšnjo verjetnostjo predpostaviti prvotno *Hrtčijin, izpeljano iz neizpričanega *xьrtьčii kot poimenovanja za dvornega uradnika, zadolženega za *hrte* in za lov sploh. V obeh primerih se je pridevnik na *-in* v moškem spolu prvotno nanašal na *potok* ali *dol* kot del fevdalne posesti v lasti omenjene osebe.

Ključne besede: toponimija, Srbija, srednji vek, uradniški nazivi

ТЮРКІЗМИ В ТОПОНІМІЇ УКРАЇНИ: ІСТОРИКО-ЕТИМОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Міграція з Алтаю в Південну Європу поліетнічних войовничих гунів, основу яких становили тюркські племена, спричинилася до перших масових поселень носіїв тюркських діалектів і мов на території сучасної України у IV-V ст. н. е., але мовних слідів їхнього перебування тут, зокрема в місцевій топонімії, майже не збереглося. Основними причинами такого стану є дві: 1) тогочасні (пізні) праслов'яни і тюрки ще не мали писемності, яка б дозволила зафіксувати вживані місцевим і прийдешнім населенням бодай найвідоміші власні географічні назви; 2) після занепаду гунської держави і зміцнення східнослов'янського Антського союзу тюркський вплив на формування місцевої топонімії протягом кількох наступних століть був мінімальним. Із певними застереженнями до імовірних тюркських рефлексів середини I тисячоліття н. е. в українській топонімії можна віднести основу слов'янізованої назви р. *Біянка*, що в сучасному Кіровограді, яка походить від тюрк. *бій* «повелитель, глава племені, вождь тощо» і *ян* «сторона, бік, навколишня місцевість». Вона має паралелі в Башкортостані та в Челябінській обл. Росії і може відбивати віддалений зв'язок з назвою алтайської р. *Бія* < *бәй* / *бий* - «високий» (ЕСТУ: 53), з басейну якої гуни мігрували у свій час на захід. Щоправда, гідрооснова *Біян*- може бути і наслідком пізнішої тюркської адаптації давнішого слов'янського гідроніма з основою псл. **bijanъ* «битий, молочений, зруйнований; той, кого з силою виштовхнули назовні (про струмінь води)», утвореного як пасивний дієприкметник на **-janъ* від **bijati* < **biti* «бити»; пор. нижньонадніпрянське *віб'яний* «вибитий, штампований» (Лучик 1999: 32–36) і зх.укр. *біянка*, *бієнка*, *біянка* «посудина для збирання масла» (Аркушин 1: 20), яке могло розвинути географічне значення «водойма, подібна до посудини; річка зі збитою бурхливою водою» і мотивувати назву невеликого водного об'єкта подібно до гідронімів *Макітра*, *Тіква* (див. ЕСТУ: 53).

Починаючи з IX-X ст. багатівкові контакти тюркських племен і народів з корінним населенням Південної Русі широко відбилися в її топонімії, у якій тюркізми становлять одну з найчисельніших груп іншомовних географічних назв. Вони закріплювалися в місцевому мовленні протягом трьох основних періодів: 1) київськоруського (давньоукраїнського) — IX-XIII ст., коли точилася боротьба

* 04655, Київ, вул. Г. Сковороди, 2, Національний університет «Києво-Могилянська академія», к. 3, кімн. 203; vluchyk@meta.ua

між східними слов'янами й тюрками за степові землі України, Крим та північне узбережжя Чорного моря; 2) староукраїнського — XIV-XVIII ст., що в основному збігається з функціонуванням Запорозької Січі та її мирним і військовим протистоянням з Кримськотатарським ханством і Османською імперією; 3) новоукраїнського (сучасного) — XIX-XXI ст., упродовж якого активне творення тюркських топонімів обмежувалося переважно територією Криму, де проживають кримські татари, й незначною частиною Південно-Західної Одещини, де є нечисленні поселення гагаузів.

За свідченнями «Етимологічного словника літописних географічних назв Південної Русі» (ЕСЛГНПР), який охоплює поширені на території сучасної України топоніми XI – початку XIV ст., у Київській Русі (давньоукраїнський період) функціонувало близько півтора десятка відомих географічних назв з основами тюркського походження. Їхня етимологія відбиває актуальні мотиваційні ознаки в межах основних принципів номінації, а саме: властивості географічних об'єктів: ур. *Олыка* у Волинській землі < тюрк. *aloka* «ущелина, яр» (ЕСЛГНПР: 94); відношення до інших фізико-географічних чи створених людиною об'єктів навколишньої місцевості: р. *Каялы* в Половецькому полі, букв. «скеляста» (про узбережжя) < тюрк. *kaja/gaja* «скеля» + *-ly(y)* в релятивній функції (ЕСЛГНПР: 67–68); відношення об'єктів до людини чи людського суспільства (м. *Тьмутарокань*, *Т(ь)мутарокань* на Таманському півострові < **Тьмутаркань* < тюрк. *tamantarkan* «певний сан» з наступним приєднанням слов'янського посесивного суф. **-jь* < **-jo-* (Фасмер 4: 65); конотативні культурно-історичні або сакральні уявлення, які сформувалися на основі одного з попередніх принципів номінації: р. *Осколь* л. Сіверського Дінця, букв. «Сто річок» < тюрк. **Az kol*, де *az* «сто» — нумеративний член у сакрально-символічному значенні, а *gol* «рукав, відгалуження» (ЕСЛГНПР: 96), «озеро, річка»; пор. укр. топоніми *Стохід*, *Стонога*, *Стоколос*, *Сто могил*, що виникли за аналогічною образною ознакою (ЕСТУ: 365), актуальною і в інших індоєвропейських мовах (Шульгач 1998: 274).

Незалежно від походження топоніми як своєрідні знаки-символи окремих географічних об'єктів не потребують перекладу при вживанні носіями різних мов, що відрізняє їх від апелювативів і забезпечує їм вищу стійкість порівняно з загальними назвами. Однак відповідний переклад топонімів унаслідок міжмовних контактів східнослов'янських і тюркських племен подекуди мав місце. Зокрема, тюркська назва лівої притоки Дніпра *Єрель* (суч. *Оріль*) виникла наприкінці XII ст. як калька д.рус. *Оуголь* < *оуголь*, *оугълъ* з основою псл. **Qgъль* «місцевість між річками, що сходяться» (ЕСТУ: 234), «ріг, кут, закрут»; пор. тюрк. *airily* «кутастий» (ЕСЛГНПР: 58, 164), що є дієприкметниковою формою з первинним значенням «розділений» дієслова *airыл/airil* «розділятися, розходитися, утворювати кут» (ЕСТУ: 364).

На думку Ю. О. Карпенка, відбитий у гідронімі *Оугълъ* (тюрк. *Єрель*) образ малої батьківщини як «клин рідної землі між річками, що сходяться», який сформувався в середовищі давньоруських *угличів* (етнонім походить від топоніма *Оугълъ*), було перенесено спочатку в бас. р. *Ингул* (варіант *Angul* < псл. **Qgъль*),

пізніше (в козацьку добу) в межиріччя Дунаю та Нижнього Дністра, де закріпилася турецька калька назви *Буджак*, а також у місце останньої міграції їхніх нащадків на Прикарпатті, де вони заснували поселення з відповідною українською назвою *Куті* (< *кут* «вугол, тупик») і засвоїли територію *Покуття* (< *покуття* «місцевість по обидва боки кута, утвореного злиттям двох річок») (див. ЕСТУ: 78, 234, 297, 364–365, 383).

Явище давньорусько-тюркського калькування могло мати місце і в процесі формування назви р. *Молочна*, яка впадає в оз. *Молочне*, що в бас. Азовського моря: р. *Молочная* < *молочная* «мутна, подібна за кольором до молока» (ЕСЛГНПР: 89), хоч можливою є мотивація назви конотативним значенням «поживна, щедра на ресурси» (пор. д.рус. фолькл. *р'ьки молочныѣ, берега кисельныи*) або антонімічною семантикою «чиста», навіяною південно-східними впливами; пор. давньоруську фіксацію тюркської назви р. *Сутънь*, яка впадає в оз. *Молочне*, < тюрк. *süten* «молочна» (ЕСЛГНПР: 150), а також відповідну основу в тюркському фольклорі та в індійській міфології, де існує опозиція *молоко* «чистий» і *кров* «нечистий», «що певним чином могло відбитися і в гідронімній типології великих азіатських регіонів» (Железняк 1987: 48).

Основна маса тюркізмів закріпилася в топонімії України в козацьку добу XV–XVIII ст., коли в Південній Європі панувала Османська імперія. Як і раніше, такі географічні назви виникали за актуальними властивостями та ознаками самих об'єктів, їхнім відношенням до людей або до інших об'єктів, що зумовлено універсальністю відповідних принципів топонімної номінації, адже поза межами властивостей самих об'єктів, їхнього відношення до людей або інших об'єктів реальних мотиваційних ознак не буває. Зокрема, за внутрішніми властивостями географічних об'єктів постала етимологічно прозора назва суміжних р. і оз. *Аджиголь* у теперішній Одеській обл., яка мотивована основами *аджи* «киснути, бродити» і *гол/голь* < д.тюрк. *köl* «озеро, водойма» (ЕСТУ: 14–15), споріднена назва р. *Аджамка* л. Інгулу л. Пд. Бугу; *Аджинка* (1697), *Adžamka* (1880) (СГУ: 19; Лучик 1999: 24–25), в основі якої татарський або турецький дієприкметник *аджим/аджин* «зіпсований, прогірклий, скислий» (Радлов I/1: 525), що походить від д.тюрк. *аџи-* «киснути, бродити» (ДТС: 4); слов'янський суфікс *-к(а)* в релятивній функції приєднано пізніше. Гідронім виник за актуальною для степових річок ознакою «вода, що гірчить, кисла, зіпсована тощо». Його структурні варіанти пояснюються у зв'язку з поширеним у діалектах тюркських мов чергуванням суфікса *-н/-м-* і голосих *-и/-а-*, що постали на основі давньотюркського дифтонга [ya]. Основа *Аджи-* наявна в багатьох гідронімах півдня України.

Частина тюркізмів увійшла в топонімію України не безпосередньо від носіїв тюркських мов і діалектів, а завдяки онімізації запозичених з відповідних джерел апелятивів, які давно були засвоєні носіями української та інших слов'янських мов. Таке закріплення географічних назв відбувалося навіть на територіях, де тюркський вплив був менш відчутним, ніж на півдні та сході України. Прикладом цьому є топоніми *Майдан* у Західній Україні, які називають: 1) с-ще міськ. типу, Міжгірський р-н Закарпатської обл.; відоме з XVI ст. (ГЕУ 2: 315); 2) пагорби в

Українських Карпатах на Івано-Франківщині (Габорак: 222). Ці назви виникли внаслідок онімізації апелятива *maidán* «площа», діал. «лісова галявина; стародавня могила, розкопана зверху; рівне поле, низина, оточена лісом або будівлями», «смолярня», який запозичено з тюркських мов, де *maidan* «вільне, рівне місце» походить від перс. *meidan* «площа, арена» або від араб. *maydān* «віддаль; обсяг, царина; місце для гри» (ЕСУМ 3: 361). Численні топоніми з основою ГТ *maidán* поширені в тюркських, іранських, слов'янських, кавказьких, арабських мовах на відповідних територіях Євразії (Мурзаев: 358–359); пор. сучасний урбанонім *Майдан Незалежності* в Києві, який став символом демократичної України.

Універсальним для різних мов є протиставлення об'єктів номінації за ознаками «білий, світлий, добрий» і «чорний, темний, поганий». Топоніми, особливо гідроніми, з відповідними основами поширені в усіх слов'янських і неслов'янських мовах. Зокрема, тюркізми з подібними мотиваційними ознаками закріпилися і в українській мові. До таких належать гідроніми *Аксу* — 1) ручай, л. Улу-Узеню бас. Чорного моря поблизу м. Алушти в Криму (СГУ: 20); 2) річка, назва Пд. Бугу в записах П. Маштакова (СГУ: 423), що виникли як композити на основі словосполучення, яке містить корінь *ак* з етимологічною семантикою «текти», пізніше — «білий», і *су* «вода», буквально «вода, що тече» (Мурзаев: 42). Стосовно гірських річок у Середній Азії, Азербайджані та інших краях, які мають прісну воду, відбулося переосмислення гідрооснови «біла, чиста вода» (Мурзаев: 43–44), що внаслідок міграцій зі сходу могло позначитися і на назвах українських водних об'єктів з проточною водою. Цьому сприяло одне із значень основи *ак* «білий, чистий» (Севортян: 116–117), яке в гідронімії зазнало подальшого семасіологічного переходу «білий, світлий» → «річка», зумовленого зоровим враженням; пор. аналогічне явище в європейській гідронімії, що зокрема відбулося в назві р. *Ліба* (< псл. *Alba) в бас. Прип'яті, пол. *Elba*, нім. *Elba* (Шульгач 1998: 35).

Протилежну мотиваційну ознаку відбивають тюркські топоніми з основою *кара-* «чорний, темний», наявною, зокрема, в назві р. *Карасівка* п. Салгиру бас. затоки Сиваш на західному березі Азовського моря в Криму; *Карасовка*, *Кара-Су* (1867) (СГУ: 240). Зазначений гідронім у сучасній формі є хрестоматійним прикладом наслідку народної етимології, зумовленої слов'янізацією за допомогою *-івка* незрозумілого іншомовного утворення *Кара-Су* під впливом асоціативного зв'язку з широко вживаною назвою риби *карась* за надуманою мотиваційною ознакою «річка, в якій водяться *карасі*». Насправді ж гідронім виник за кольоровою ознакою річки як композит на основі тюркського *кара* «чорний», можливо, «темний, джерельний» і *су* «вода». На відміну від тюркських мов, у яких прикметник *кара* «чорний» має як негативне, так і позитивне переносне (географічне або сакральне) значення, в українській мові *чорний* уживається лише з негативною семантикою, яка відбилася в багатьох топонімах.

Дискусійна етимологія деяких тюркських топонімів, що постали за внутрішніми ознаками об'єктів, може набути конкретизації завдяки їх зіставленню з суміжними українськими назвами. Так, назви рр. *Кагарлік* у басейні Синюхи л. Пд. Бугу в Кіровоградській обл.; *Кагарлыкь* (1705) і в басейні Дніпра в Київській

обл.; *Кагарлыкь* (1890); пор. м. *Кагарлик* на річці (СГУ: 226) мають явно тюркське походження, але загальноприйнятого пояснення їхнього походження в науковій літературі не було вироблено. З огляду на взаємодію суфікса *-lyk* у релятивній функції переважно з іменними основами топонім етимологізували як утворення від: 1) *karga* «ворон»; 2) *карга* «валун; накопичення валунів»; 3) *карга, корга* (монг. *харга*) з узагальненим значенням «кам'яниста річка»; 4) *карга* «тростник, тростниковий» (огляд див.: Лучик 1999: 39–40). Імовірнішим є виникнення гідронімів за допомогою суфікса *-lyk* від д.тюрк. *kögär* «робитися синім, блакитним» (ДТС: 312), про що свідчать семантичні, словотвірні та фонетичні аргументи, а саме: 1) назви рр. *Кагарлік* поширені в лісостеповій місцевості, де скупчені слов'янські гідроніми з основою *Син-* (< *синій*), яка вказує на блакитний колір прісної води, придатної для вживання; 2) зі словотвірного погляду дослідники відзначають, що в тюркських мовах і діалектах поширені віддіслівні топоніми на *-ly/-li, -lyk/-lik*, які, очевидно, пройшли через дісприкметникове посередництво (Донидзе 1964: 41); 3) гідроніми *Кагарлік* на території України не мають жодного варіанта, який би засвідчив метатезу основи апелятивів *карга, корга*, що досі вважалися ймовірними твірними словами для назв річок.

Найбільше топонімів утворено за відношенням позначуваних об'єктів до інших (найчастіше суміжних) фізико-географічних чи створених людиною реалій навколишньої місцевості: *Ташлик* — 1) річка, л. *Чорного Ташлика* л. Синюхи л. Пд. Бугу (ГЕУ 3: 266); 2) балка, л. Мокрої Волновахи п. Кальміусу, впадає в Азовське море; *Каменная* (1892) (СГУ: 556) — гідроніми постали як тюркські назви внаслідок онімізації відносного прикметника із суфіксом *-lyk* й основою апелятива *таш* «камінь; скеля; підвищення; гора» < д.тюрк. *таш* «камінь» (Мурзаев: 547) (усього в Україні зафіксовано близько півтора десятка назв річок з компонентом *Ташлик*); м. *Кілія* в Одеській обл. (АТП: 328) має назву, яка виникла шляхом онімізації прикметника на *-ли/-лі, -лий/-лій* з основою ГТ *кил, кіл* «гірська порода, різновид вибільних глин у Криму і на Кавказі», що в українській мові є запозиченням з турецької, де *kil* походить від перс. *gel* «глина, болото, багнока» (ЕСУМ 2: 432); семантика ГТ відбиває характер ґрунту в навколишній місцевості, а закінчення *-я* має слов'янську граматичну природу.

За відношенням до людини продовжували виникати насамперед ойконіми, адже населені пункти активно створювалися людьми і для людей. Так, м. *Ізмаїл* в Одеській обл. (АТП: 328), яке з 1812 до 1856 р. належало Туреччині [ЕУ 3: 858], має назву, що виникла внаслідок трансонімізації турецького чол. імені *Ismail*, яке було означенням в ізафетній конструкції з опорним номенклатурним іменем *аул, кой* чи іншим зі значенням «поселення»; у східнослов'янському мовному середовищі твірний антропонім вимовляється як *Ізмаїл*, рос. *Измаїл* на місці вихідного грецького *Ἰσμαήλ* з давньоєврейськими витоками (Фасмер 2: 122). У турецьку мову особове ім'я могло проникнути з арабської (Димитрова-Тодорова 2006: 382); пор. м. *Ісмаїлія* в ОАР, назване за іменем турецького віце-короля Єгипту *Ісмаїл-паші* (Никонов: 162). Припущення Ю. О. Карпенка про те, що тюрк. *Ismail* — це перетворене під антропонімним впливом давніше слов'янське *Смил, Сміл*

(Карпенко 1977: 190), виглядає цілком аргументованим з огляду на існування на місці *Ізмаїла* поселення зі слов'янською назвою, в основі якої псл. *smol- «смола; чорна земля» (ЕСТУ: 231), ще задовго до появи тут турків, а також на регулярне протетичне [i] в турецькій мові перед звукосполученням приголосних на початку слова; пор. слов'янське *Стамбул* і турецьке *Istanbul*.

3-поміж топонімів, що виникли за відношенням до людини, досить поширеними в тюркських мовах є відетнонімі назви, які вказують на зв'язок географічних об'єктів з відповідними племенами чи народами. Таку ознаку опосередковано відбиває ойконім *Печеніги* в Чугуївському р-ні Харківської обл., відомий з 1646 р. (ГЕУ 3: 27). Очевидно, він мотивований давньоруською назвою території *Печенъги*, місц. *Печенізьке поле*, яку до XII ст. заселяли відповідні тюркські племена, що мали самоназву з основою д.тюрк. *bečänäk* «печеніги» (ЕСТУ: 375–376). З огляду на відносно пізню фіксацію ойконіма ймовірною є його мотивація відетнонімім антропонімом *Печеніг(a)*, який відбився в деяких топонімах України (Яцій 2007: 355–356).

Одним із яскравих прикладів творення топонімів на основі конотативних культурно-історичних або сакральних уявлень є тюркська назва р. *Бéшка* п. Інгульця п. Дніпра (СГУ: 47), яка виникла поєднанням числівника *bes/beš* «п'ять» і ГТ *kaja* «скеля» (Карпенко 1989: 126) за ознакою «річка зі скелястими берегами». Але числівник *bes/beš* «п'ять» має також сакральну семантику в мусульман, у топонімії яких він використовується у переносному значенні «богом дана множинність, святе число», що насамперед відбилося в зазначеному гідронімі; пор. релігійне *п'ять світів, п'ять класів, п'ять елементів буття: золото, дерево, вода, земля, вогонь; п'ять видів членів тіла, створені богом* (ДТС: 96–97), гідроніми *Бестáш, Беш-Байрáк, Бештерек* (СГУ: 47), переважно південноукраїнські ойконіми *П'ятихáтки*, які утворені під культурно-історичним впливом контактних тюркських народів. Українізація складеної назви *Беш кая шляхом її трансформації в композит *Бешка* через стадію *Бешкая відбулася, очевидно, в козацькому середовищі XVI–XVIII ст. унаслідок аналогії до високопродуктивних у цей період топонімів на *-к(a)* (Лучик 1999: 31–32).

Тісні контакти українців і росіян з тюркськими народами та племенами на півдні України можуть ускладнювати етимологізацію топонімів з огляду на відсутність чітких ознак їх виникнення в тому чи тому мовному середовищі. Відповідно проблемним може бути не лише визначення мовної належності топоніма, а й достовірне встановлення принципу та мотиву номінації географічного об'єкта. Наприклад, досі залишається остаточно не з'ясованим походження хороніма *Крим* — назви *Крiмського пiвóстрова*, що на заході та півдні омивається Чорним морем, а на північному сході — Азовським, територія колишньої Кримської обл., нині Кримська АР України (ГЕУ 2: 228–234). Були спроби пояснити хоронім на слов'янському ґрунті у зв'язку з *крома* «границя, межа», *кремiнь* (Никонов: 217), пізніше — *Крым* з *Кырма* < *Кьрта* < псл. *Кьрта < **кьрт-* < і.е. (*s*)*kṛ-* «гнути, згинати; кривити; крутити, вертiти», у рефлексі якого відбулася метатеза *Кырма* > *Крым* (Козлова 1997: 297]; пор. у зв'язку з цим мікротопонім

*Крим*ок на Чернігівщині (Черепанова: 152) та інші переважно поліські утворення з основою *крим*-. Але історія цього топоніма не підтверджує його праслов'янського чи навіть давньоруського походження. У документах *Крим* уперше згадується в XIII ст., коли на півострові володарювали монголо-татарські племена й турки. Ця назва з'явилася на позначення колишнього м. *Салхат* у формі *Eski Qirim*, *Ескі Крим*, а в мові українців і росіян — *Старий Крим*. Із часом опорний компонент ойконіма *Крим* поширився на весь Кримський півострів і став його основною назвою (ГЕУ 2: 217; Суперанская 1995: 97; Бушаков 2003: 32]. Отже, найімовірнішим джерелом топоніма є якась східна (очевидно, одна з тюркських) мова. Припускають, що твірним могло бути тюрк. *кырым* «рів, вал» з огляду на те, що вузький перешийок, який відділяє півострів від материкової України, був перекопаний рвом (пор. *Переко́пський перешийок*), що має монгольський відповідник *херем* «фортчна стіна, вал» [Никонов: 217], або тур. і кр. тат. *ка́рім* «милостивий» (Радлов II/2: 1097). Є й інші ймовірно твірні тюркські основи, але всі вони мають два відкриті склади, перший з яких не міг перетворитися у звукосполуку *Кр*- у панівному кримськотатарському й турецькому мовленні.

Системно проаналізувавши топоніми й антропоніми з «неповноголосною» основою *Крим*- (ойконіми *Крымча*, *Крым-Шибань*, *Крым Эли* в Криму, *Крым* у Малій Азії, антропоніми *Крым*, *Кърым* у караїмів, *Крымса* в туркменів, *Крымхожа* в узбеків-кипчаків, *Крымтаевы* у кримських мурз), дослідники підтверджують південно-східні (очевидно, поширені аж до українського полісся як караїмські) впливи на виникнення назви і припускають, що її основа є генонімною, тобто була родовим іменем (Суперанская 1995: 97–98); пор. тюркські етніміми *крымса* «туркмени», *крымхожа*, *крымходжа* «узбеки (кипчаки)» (Лезина-Суперанская 2: 257).

Ще одним прикладом складної взаємодії контактних української та російської мов, з одного боку, з тюркськими мовами, з іншого боку, є згадуваний гідронім *Ингу́л*, який з приблизно однаковою імовірністю міг виникнути в тому чи тому мовному середовищі. Річка *Ингу́л* л. Пд. Бугу, яка протікає в Кіровоградській і Миколаївській обл., має варіанти назви *Инкгуль*, *Ингуль* (1697), *Великий Ингуль* (1705), *Angul*, *Angulet Wielki*, *Ингуль* (1917) (СГУ: 222). Сучасна форма гідроніма *Ингу́л*, очевидно, є тюркською фонетичною адаптацією праслов'янської або східнослов'янської назви **Qgъľь*, утвореної семантичним способом від ГТ **Qgъľь*, д.рус. *угъль*, *уголь* «місцевість між річками, що сходяться» (Трубачев 1968: 206; Карпенко 1989: 43–53; Лучик 1996: 132–134). Носова вимова етимологічного *Q*- у тюркському мовленні передалася як *In*- або *An*-, а лабіалізований *-o-* в основі розвинувся у голосний вищого піднесення *-u-* внаслідок аналогії до тюрк. *göl*, *зул* «озеро»; пор. похідний від **Qgъľь* давньоруський етнімім IX ст. *угличи* (< **Qgъľitje*) (Лучик 1996: 132–135). Імовірно є тюркське походження гідроніма від *ängäl* «тихий, лінійний», що відбиває характер течії степової річки, або від *in* «печера» чи *än*, *in*, *en* «широкий» і *gol* «озеро» (Фасмер 2: 131).

У посткозацьку (сучасну) добу суспільно відомі тюркські топоніми з'являлися рідко, бо тюркський вплив на географічні назви зберігався лише в слов'янізова-

ному Криму, де продовжували виникати топоніми здебільшого кримськотатарського походження, та в Болградському районі Одеської обл., де проживає незначна частина гагаузів. Але в радянські часи на цих територіях, як і в усій Україні, більшість іншомовних назв (переважно ойконіми та урбаноніми) з ідеологічних міркувань було вольовим способом замінено на російські, тому тюркізми в топонімії останнього періоду є непродуктивними (відносно активно вони творяться в мікротопонімії відповідних регіонів). До відомих тюркських утворень середини ХІХ ст. належить назва м. *Джанкóй* у Криму (ГЕУ 1: 318), яка виникла за внутрішніми ознаками поселення способом основоскладання тур. *джан* < *я́ні* «новий, молодий» (Радлов III/1: 329) і кр.тат. *кой* «село, поселення» (Мурзаев: 282).

Отже, проникнення і функціонування тюркізмів у топонімії України протягом різних історичних періодів залежало від інтенсивності відповідних міграційних та колоніальних процесів, наслідком яких і були тюркомовні вкраплення в місцеву пропріальну лексику. Вони, як і автохтонні топоніми, виникали за трьома універсальними принципами: 1) за відношенням до людини; 2) за відношенням до інших об'єктів; 3) за внутрішніми властивостями та ознаками самого географічного об'єкта. Природні географічні назви тюркського походження в основному були адаптовані українською мовою та зберігаються здебільшого без істотних змін за природними об'єктами (річками, горами, урочищами, озерами і т. ін.), а в системі назв об'єктів, створених людьми (вулиць, поселень тощо), вони переважно були замінені радянськими меморіальними або іншими східнослов'янськими топонімами.

Джерела

- Аркушин — АРКУШИН, Григорій Л. *Словник західнополіських говірок: у 2-х т.* Луцьк: Вежа, 2000.
- АТП — *Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ на 1 січня 1972 року* (1973). Упоряд. Д. О. Шелягін. Київ: Вид-во політ. л-ри України, 1973.
- Габорак — ГАБОРАК, Мирослав: *Назви гір і полонин Івано-Франківщини: словник-довідник.* — Вид. 2-е, доп., уточн. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2008.
- ГЕУ — *Географічна енциклопедія України: В 3-х т.* Відп. ред. О. М. Маринич. Київ: УРЕ ім. М. П. Бажана, 1989–1993.
- ДТС — *Древнетюркский словарь.* Ленинград: Наука, 1979.
- ЕСЛГНПР — *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі.* Гол. ред. О. С. Стрижак. Київ: Наук. думка, 1985.
- ЕСТУ — ЛУЧИК, Василь В.: *Етимологічний словник топонімів України.* Київ: ВЦ «Академія», 2014.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови: В 7-ми т.* Гол. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наук. Думка, 1982–2012.
- ЕУ — *Енциклопедія українознавства: В 10-ти т.* Львів: Наук. тов-во ім. Т. Шеченка, 1993. Т. 3.

- Лезина-Суперанская — ЛЕЗИНА, Ирина Н./Александра В. СУПЕРАНСКАЯ: *Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2-х ч.* Москва: ИНИОН РАН, 1994.
- Мурзаев — МУРЗАЕВ, Эдуард М.: *Словарь народных географических терминов.* Москва: Мысль, 1984.
- Никонов — НИКОНОВ, Владимир А.: *Краткий топонимический словарь.* Москва: Мысль, 1966.
- Радлов — РАДЛОВ, Василий В.: *Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х т.* Санкт-Петербург: ИАН, 1893–1911.
- СГУ — *Словник гідронімів України.* Київ: Наук. Думка, 1979.
- Севортян — СЕВОРТЯН, Эдуард В.: *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные.* Москва: Наука, 1974.
- Фасмер — ФАСМЕР, Макс: *Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стереотип.* Москва: Прогресс, 1986–1987.
- Черепанова — ЧЕРЕПАНОВА, Евгения А. *Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья.* Сумы: Сумский государственный педагогический институт им. А. С. Макаренко, 1984.

Список літератури

- БУШАКОВ, Валерій А. (2003) *Лексичний склад історичної топонімії Криму.* Відп. ред. В. С. Рибалкін. Київ: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАНУ.
- ДИМИТРОВА-ТОДОРОВА, Ліляна (2006) *Местните имена в Поповско.* Софія: Акад. изд-во «Проф. Марин Дринов».
- ДОНИДЗЕ, Гайоз И. (1964) «Глагольные топонимы в тюркских языках.» *Топонимика Востока: Новые исследования.* Ред. Г. А. Давыдова. Москва: Наука, 39–46.
- ЖЕЛЄЗНЯК, Ірина М. 1987 *Рось і етнолінгвістичні процеси Середньо-наддніпряньського Правобережжя.* Київ: Наук. думка.
- КАРПЕНКО, Ольга П. (1989) *Назви річок Нижньої Правобережної Наддніпряниці.* Київ: Наук. думка.
- КАРПЕНКО, Юрий А. (1977) «Топонимы болгарских сел Одесской области (вопросы топонимического взаимодействия языков).» *Историческая ономастика.* Отв. ред. А. В. Суперанская. Москва: Наука, 189–208.
- КОЗЛОВА, Раиса М. (1997) *Структура праславянского слова: Праславянское слово в генетическом гнезде.* Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины.
- ЛУЧИК, Василь В. (1996) *Автохтонні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя.* Кіровоград: Кіровоградський державний педагогічний інститут ім. В.К.Вииниченка.
- ЛУЧИК, Василь В. (1999) *Іншомовні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя.* Кіровоград: Кіровоградський державний педагогічний інститут ім. В.К.Вииниченка.

- ТРУБАЧЕВ, Олег Н. (1968) *Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация*. Москва: Наука.
- ШУЛЬГАЧ, Віктор П. (1998) *Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції)*. Київ: Інститут української мови НАН України.
- ЯЦІЙ, Василь О. (2007) «Ойконімія Коломийського району Івано-Франківської області (матеріали до історико-етимологічного словника) II.» *Студії з ономастики та етимології*. В.П. Шульгач (відп. ред.) та ін. Київ, 351–365.

Анотація
ТЮРКІЗМИ В ТОПОНІМІЇ УКРАЇНИ:
ІСТОРИКО-ЕТИМОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Багатівкові контакти тюркських племен і народів з корінним населенням України широко відбилися в її топонімії, у якій тюркізми становлять одну з найчисельніших груп з-поміж іншомовних географічних назв. Вони закріплювалися в місцевому мовленні протягом трьох основних періодів: 1) київськоруського (давньоукраїнського) — IX-XIII ст. (ур. і р. *Єрель* < тюрк. *airili/airylы* «розділений», калька д.рус. *Оуголь* < *уголь* «кут; клин землі між річками, що сходяться»); 2) староукраїнського — XIV-XVIII ст. (терит. *Буджак* < тур. *budžak* «вугол»); 3) новоукраїнського (сучасного) — XIX-XXI ст. (м. *Джанкой* < тур. *джан* «новий» і *кой* «село, поселення»). Етимологія тюркських топонімів відбиває: внутрішні властивості географічних об'єктів (р. *Адзиголь* < *аджи* «киснути, бродити» і *гол/голь* «озеро, водойма»); відношення об'єктів номінації до інших (переважно суміжних) реалій навколишньої місцевості (м. *Кілія* < *кіл* «різновид вибільних глин» + суф. *-лі/-лій* у релятивній функції); відношення об'єктів до людини (м. *Ізмаїл* < чол. ім'я *Ismail* як колишній атрибутив в ізафетній конструкції). Похідні кожного з цих принципів номінації можуть виражати конотативне значення, пов'язане з культурно-історичними цінностями або сакральними уявленнями (р. *Бешка* < тюрк. *bes/beš* «п'ять», сакральне значення «богом дана множинність» і *каја* «скеля»), які могли проникати і в контактне українське мовлення (пор. назву м. *П'ятихатки*, що виникла під тюркським культурологічним впливом). В останній (сучасний) період тюркський вплив на географічні назви зберігався головним чином у слов'янізованому Криму, де з'являлися топоніми здебільшого кримсько-татарського походження, але в радянські часи на півострові, як і в усій Україні, більшість іншомовних назв (переважно ойконіми та урбаноніми), у тому числі і тюркських, була вольовим способом заміненна.

Ключові слова: тюркізми, Україна, топоніми, етимологія, географічні назви, апелятив, історико-етимологічний

Abstract
TURKISMS IN THE TOPONYMY OF UKRAINE:
HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS

The centuries-old contact of Turkic tribes with the native population of Ukraine is broadly reflected in Ukrainian toponymy where Turkisms are one of the largest groups among foreign place names. They embedded into the native speech during three main periods: 1) the Kievan Rus (Ancient Ukrainian) period – 9–13th century (ravine and river *Yeriel*; < Turkic *airily/airyly* ‘divided’, Old Russian calque *Оуголь* < *уголь* ‘angle; land wedge between converging rivers’); 2) the Old Ukrainian period – 14–18th century (territory of Budzhak < Turkic *budzhak* ‘angle’); 3) the New Ukrainian (Modern) period – 19–21st century (city of *Dzhankoy* < Turkic *džhan* ‘new’ and *koy* ‘village, settlement’). The etymology of Turkic toponyms reflects the following: inherent properties of geographical elements (river *Adzhyhol’* < *adzhy* ‘sour, ferment’ and *hol/hol’* ‘lake, water body’); relations of the elements denoted to other (mainly adjacent) surrounding elements (city of *Kiliya* < *kil* ‘sort of bleaching clays’ + suffix *-li/-liy* in relative function); relation to people (city of *Izmail* < male name *Ismail* as former attributive in the Ezafe construction). Derivatives of each of these toponymic principles may be used to express cultural and historical values or religious aspects (the river *Beshka* < Turkic *bes/beş* ‘five’, sacred meaning ‘god given plurality’ and *kaja* ‘rock’) that may permeate Ukrainian contact speech (compare the name of the town *Pyatykhatky* that came into use under the Turkic cultural influence). In the last (Modern) period, the Turkic influence on the geographical names remained mainly in Slaviced Crimea where the toponyms were for the most part of Crimean Tatar origin. However, in the Soviet time the majority of foreign names (principally oikonyms and urbanonyms), including Turkic ones, on the peninsula as well as in the whole of the Ukraine were deliberately changed.

Keywords: Turkisms, Ukraine, toponyms, etymology, geographical names, appellative, historical-etymological studies

Povzetek
TURCIZMI V TOPONIMIJI UKRAJINE:
ZGODOVINSKO-ETIMOLOŠKI VIDIK

Večstoletni stiki turko-tatarskih plemen in narodov s prvotnim prebivalstvom Ukrajine so se v precejšnji meri odrazili tudi v njeni toponimiji. Turcizmi predstavljajo eno najštevilnejših skupin med tujejezičnimi zemljepisnimi imeni. V lokalnem govoru so se ustalili v treh osnovnih obdobjih: 1) kijevskoruskem (protoukrajinskem) – 9–13. stol. (reka *Єрель* < tur. *airili/airyly* ‘razdeljen’, kalk strus. *Оуголь* < *уголь* ‘kot; zemljišče v obliki klina med dvema rekama, ki se stekata’); 2) staroukrajinskem – 14.–18. stol. (honomim *Буджак* < tur. *budžak* ‘vogal, kot’); 3) novoukrajinskem (sodobnem) – 19.–21. stol. (mesto *Джанкой* < tur. *džan* ‘nov’ in *koy* ‘vas, naselje’). Etimologija turko-tatarskih toponimov odraža: notranje lastnosti geografskih objektov (reka *Аджиголь* < *adži* ‘kisasi

se, vreti' in *gol/gol* 'jezero, vodni zbiralnik'); odnos poimenovanih objektov do drugih (navadno bližnjih) realij okolice (mesto *Килия* < *kil* 'vrsta belilne gline' + sufiks *-li/-lij* v oziralni funkciji); odnos objektov do človeka (mesto *Измаїл* < os. i. *Ismail* kot nekdanji prilastek v t.i. izafetni konstrukciji). Izpeljanke vsakega od teh principov nominacije lahko izražajo konotativni pomen, povezan s kulturno-zgodovinskimi vrednostmi ali sakralnimi predstavami (reka *Бéука* < tur. *bes/beš* 'pet', sakralni pomen 'od boga dano množstvo' in *kaja* 'skala'), ki so lahko prodirali tudi v kontaktni ukrajinski govor (prim. ime mesta *Пятухátки*, ki je nastalo pod turko-tatarskim kulturološkim vplivom). V zadnjem (sodobnem) obdobju se je turko-tatarski vpliv na zemljepisna imena ohranjal predvsem na slovaniziranem Krimu, kjer so se pojavljali toponimi pretežno krimskotatarskega izvora, vendar je bila v sovjetskem obdobju na polotoku, tako kot v vsej Ukrajini, večina tujejezičnih imen (predvsem naselbinska imena in imena mestnih predelov), med njimi tudi turko-tatarska, administrativno spremenjena.

Ključne besedes: turcizmi, Ukrajina, toponimi, etimologija, zemljepisna imena, občna imena, zgodovinsko-etimološko raziskovanje

БЪЛГАРСКИ МЕСТНИ И СЕЛИЩНИ ИМЕНА ОТ БАЛКАНСКИ ЗАЕМКИ

Съвместният живот на българите с други народности на балканите, като турци, власи, гърци и други, е намерил отражение както в апелативната, така и в проприалната част на българския речник, в това число и в топонимията и ойконимията. Проучванията в тази област започват още след Освобождението (1878 г.) с предприетата замяна на турските имена на много села и градове с български, а към края на 50-те г. на XX век те продължават на широка скала с изследвания на теренните имена (микротопонимите) по околии. След прекъсване от 1986 до 1996 г. те продължиха – вече при значителното участие на възпитаници на проф. Николай Ковачев (ВТУ „Св.св. Кирил и Методий“) и с особено бърз темп във връзка с проекта „Тезаурус на българската топонимия – неизчерпаем източник на информация за културно-историческото минало и народна идентичност“ (2009 – 2013), когато по този проект бяха издадени трудове на покойни вече изследователи, като Г. Христов, Б. Симеонов, В. Велев, Й. Заимов, Н. Ковачев, Л. Минева-Ковачева, Р. Ковачева-Цветанова, както и монографии на млади колеги, главно възпитаници на проф. Николай Ковачев (1919–2001) – общо 35 крупни труда.

В тази статия чрез алтернативен анализ на произхода и значението на няколко теренни и/или селищни имена, тълкувани преди нас по неприемлив начин, се обръща внимание на някои проблеми и свързани с тях грешки, допускани от изследвачите, като се набляга в някои случаи върху значението на данните на топонимията за народностните и езиковите връзки на Балканите.

1. Ебè, ебї, ибè, хебè, *хибè (и производни) – географски термин от турски език

Този географски термин открива за българската топонимия Л. Димитрова-Тодорова (2006) и му дава приемливо обяснение (1.7). След това той е споменат у Ив. Н. Димитров (2007), а го анализира М. Ангелова-Атанасова (2007) (1.1), впоследствие и авторите на 4 монографии по българска микротопонимия – все независимо един от друг и все без връзка с писаното от Л. Димитрова-Тодорова: истински препъни-камък.

1.1. Ив. Н. Димитров споменава местното име *Ебе дере* (с. Павел, Свищовско), без описание и коментар, в контекст, въз основа на който човек би помислил, че

---

* 5028 с. Малки Чифлик, обл. Велико Търново, България; selimski@wp.pl

се отнася за последния по ред от изброяваните от автора „високи хълмове“ (Димитров 2007: 28).

По всяка вероятност за същия географски обект се отнася и местното име **Ебидеречи** (*Ебидирèци*) от споменатото с. Павел, на 2,4 км източно, „равнинно, ниви с лек наклон“ (Ангелова-Атанасова 2007: 50, 56). Относно звуковата му форма се предполага, че е „вероятно променено поради преосмисляне от *Еби дереси ‘Дерето на/до Ебо’, честа практика в топонимията“ (Ангелова-Атанасова 2007: 56). Правилно е възстановяването на *дереси на мястото на *дирèци*. Но не е безспорно свеждането на първия компонент *еби до „името *Ебо*“, смятано за „съкратено от *Ебрахим* < *Ибрахим*, както в Ардинско“ – остава неясна промяната на вокала *о (*Ебо- > *Ебу-). А въобще е съмнително свеждането на неясен топоним или негов компонент до някакво лично име – честа практика в изследванията, а безполезна в случаите, когато не се привежда такова име и не се споменава за вероятния му носител. Според нас въпросният топоним е възникнал по пътя на метафората, често срещана в българската топонимия, включително в оная част от нея, която е от турски произход. Зад началния компонент на топонима *Ебу*-, *Ебè*- се крие диал. *хебè*, -*та* ‘бисаги, дисаги; джаги’ (по-подробно вж. под 1.5).

1.2. **Ебелиите** и **Дисàгите** е име на „равно място, малка низина с подпочвена вода, ниви“ в с. Ряхово (Русенско), 3 км западно. То е изведено „от тур. *ebe* ‘акушерка, баба’ – «бабите». Защо местността е наречена така, не е ясно“ (Минева-Ковачева 2009: 146). Авторката прави опит за тълкуване на името *Ебелиите*, несполучлив, както ще видим, като добавя, че – може би – „не е ясно“ за населението „защо местността е наречена така“. Остава да се предполага, че не е ясно само теренното име *Ебелиите*, но не и *Дисагите* – в последното всеки ще съзре нарицателното име *дисàги*. Двете въпросни имена са приведени по-правилно при изброяването на „имената на местностите в землището“ на с. Ряхово: „*Ебелиите* или *Дисàгите*“ (Минева-Ковачева 2009: 52). Така става ясно на читателя, че се отнася за две паралелно използвани имена, назоваващи по различен начин една и съща местност. А името *Дисàгите* авторката не привежда на отделно азбучно място в речника и не търси основание за назоваване на местността с думата *дисаги*. За съжаление, тя не е подозирала, че двата паралелни топонима назовават една и съща местност по идентичен начин, че те са синонимни, но създадени на два отделни езика. Или, както нерядко бива – за радост на изследвача – имаме работа с калка, превод от един език на друг. В случая тези езици са турският и българският, без да може с увереност да се твърди, че процесът е бил с посока от турски към български. Каго имаме пред вид появата на подобни теренни имена и на други места, предполагаме, че зад формата *Ебели- (без *-и* – окончание и членна морфема за множествено число) се крие ар.-тур. *heybeli*, с наст. *-li* (> бълг. *-ли-я*) от основата на ар.-тур. *heybe* ‘дисаги/торба’. Вероятно местността е била оприличавана по някаква особеност на дисаги. Жалко, че авторката не е намерила основание дори за името *Дисагите*, а отделно – че е пропуснала шанса с помощта

на понятното име *Дисаг-и-те* (от *диса̀ги*) да обясни загадъчното име *Ебел̀и-и-те* (от ар.-тур. *heybe* ‘дисаги’).

1.3. **Еб̀идере** е име на „хълм и дол, ниви“ в с. Нисово (Русенско), 3 км на североизток, според изследователката на района „дадено по името на собственика“, което име тя не привежда (Минева-Ковачева 2009: 52). А в същност първата съставка *Еб̀и* на интересувания ни топоним/хидроним застъпва неточно същото ар.-тур. *heybe* ‘дисаги, торба’ – вместо очакваното **(x)ей̀б̀е* или *иб̀е-* (вж. 1.2). Формата *еб̀и* вместо очакваната *иб̀е* се дължи вероятно на размяна на местата на гласните. Предполагаме, че първоначално назоваваният така обект е *дере* (= по втората съставка на хидронима) ‘дол, долчина, суходол’, а впоследствие неговото име започва да се отнася и за хълма (и нивите) в съседство с него. А вероятно някакъв завой или раздвояване на дерето/дола е напомняло по форма дисаги (= **еби/ибе* < ар.-тур. *heybe*), но и в този случай, за съжаление, оскъдното описание на обекта не може да ни послужи за опора при анализа на неговото име.

1.4. Забележително звуково сходство с разгледаното вече **Еб̀е дересѝ* показва теренното име **Ѐба дер̀е/Х̀еба дер̀е**, с местен изговор *Ѐбь дир̀е* (с. Босилковци, Беленско), отнасящо се до „падина“ на 2 км западно от селото, а обяснено с помощта на „араб. *хеба* ‘пуст’“ (Ковачев/Ковачева-Цветанова 2009: 126, 216), поместено при названията според „особености на речното корито“ (§ 10, с. 35). Свързването му с дума, означаваща ‘пуст’, не е убедително от смислово гледище. А и с другите си значения ар.-тур. *heba* ‘загуба, отиване на вятъра, пропадане, пропиляване; брак, изхабяване’ (АкТБР 561) не подхожда за тая цел. Според нас и в този случай се отнася за метафоричното *heybe*, т.е. *дисаги*, както може да е изглеждала в очите на местното население падината, около която е протичало дерето (= малката река).

1.5. Хидронимът **Еб̀едересѝ** от споменатото вече (1.1) с. Павел, на 3 км източно от селото, представляващ „дере“, т.е. ‘малка река’, се извежда несполучливо „от тур. *ebe* ‘акушерка, баба’ и *дере*“, „вер[оятно] свързано 1) с някогашна собственост по тур[ски] пр[якор] или 2) по обичай баба да измива новороденото“ (Пернишка 2012: 199). За съжаление споменатата авторка не знае за сборника (2007) с изследвания за с. Павел, та не взема отношение към публикувания там опит за анализ (1.1), не забелязва нищо общо между това име, което се явява и в други облици и производни от него в изследванията от 2009 г. (1.2 – 1.4), а най-вече – не го свързва с **Иб̀еджика** от книгата на редакторката си (1.7), в която се изтъква връзка с диалектното (от Копривец, Беленско) *иб̀е* ‘дисаги’, поместено в БЕР (2: 1), макар и само с препратката „вж. *хеб̀е*“. Според нас този хидроним е резултат от метафоричен пренос, често срещан в българската топонимия, включително в оная от турски произход. В началния компонент *еб̀е* на топонима *Еб̀едересѝ* се крие не „тур. *ebe* ‘акушерка, баба’“, а диал. *хеб̀е*, *-та* ‘бисаги, дисаги; джаги’ (Геров 5: 496), от ар.-тур. *heybe* ‘дисаги; вид торба’, познато като *иб̀е* ‘дисаги’ в

говора на с. Копривец, Беленско (БЕР 2: 1). Д. А. Магазаник привежда и правописния облик *heǵbe* с бележката „см. *heybe*“, означаващо ‘1. перемётная сумá; 2. седловина’. Той отбелязва и производното от него „*heybeli* 1) с перемётной сумой (на спине); 2) горбатый; 3) седлстый (о горе)“, както и географското име „*Heybeliada* Хáлки (один из Принцевых островов)“ (Магазаник 1931: 406, 411), от *Heybeli ada* ‘остров с форма на дисаги или на седловина’. Срв. *Кралимàркови дисаги* (Шивачево, Сливенско), което, за съжаление, не е изнесено в Речника, та е останало без описание (Дечев/Демирев 2012: 190).

Така *Ебèдереси* (*Ебè дереси) от с. Павел, идващо откъм с. Страхилово (Свищ.), се родее по първия си компонент *ебè* с основата на старото име *Хибелии*, *Хибилии* на селото, която се извежда от *хебè*, *-та* ‘бисаги, дисаги; джаги’ (Геров 5: 496), от ар.-тур. *heybe* ‘дисаги; вид торба’. А името *Хибелии*, с гласна *и* в първата и втората сричка от редуцирано *e* (> *и*), е от някогашно – може би жителско име – *хебелии, основаващо се върху селищно/теренно име *Хебè ‘седловина/дисаги’, от ар.-тур. *heybe*.

1.6. **Ибилията**, име на „ниви, по рег[истър]“ в Карнобат; **Хибилията**, „нива до м[естността] *Чатальо* (и по рег[истър]) = Хиебилицията, Хибелия, Хибина, Хибелид“, 4 км югоизточно от Карнобат (Момчилов/Чакърова-Кръстева 2013: 449, 752). Авторите не са намерили обяснение за имената, а местностите не са достатъчно подробно описани. Единственият елемент от описанието, на който можем да се опираме при анализа на името, е географският термин *чатал* в идентификацията „нива до м[естността] *Чатальо*“. Та, ако схващаме земеповърхната форма *чатал* като напомняща дисаги, можем да го приемем за синоним на познатото ни вече *ебè*, *ибè*, *хебè* от ар.-тур. *heybe* ‘дисаги, вид торба’. А интересуващото ни *Ибилия, *Хибилия (без членната морфема *-та*), и *Хибелия* – загадъчно име на „нивата до м[естността] *Чатальо*“ – друго име, или синоним на *чатал* или *чаталест*, приемаме за субституция на ар.-тур. *heybeli* (> *хибилия), образувано с наст. *-li*, от основата *heybe* (> *[x]ейбè > *ибè*). И така, с въпросното *Ибилия/*Хибилия трябва да е бил назван географският обект като ‘подобен на дисаги’ или ‘чаталест, разохат’. Тоя обект е можел да бъде път или река в местността, даже самият ѝ релеф. А паралелните *Хиебилицията*, *Хибина* и *Хибелид* оставяме като недостовърни по форма.

1.7. **Ибеджика** (*йбижикъ*), местност „с форма на дисаги“, която представлява 1) ниви на 3 км югозападно от с. Заветно; 2) ниви и овощна градина 5 км източно от с. Светлен (Поповско) се анализира правилно като „метафорично, от тур. *heybesik* от *heybe* ‘дисаги’ [...] и топон. наст. *-sik*, срв. *ибè* ‘дисаги’ (Копривец, Беленско)“ (Димитрова-Тодорова 2006: 377). За съжаление, това коректно, макар и кратко обяснение не е било забелязано, или изследвачите не са виждали формалната и смислова връзка между *Ибеджик*/*Heybesik* и съответствията му в посочените трудове.

Като метафора, интересуващият ни тук хидроним/топоним показва смислова връзка с теренни имена като *Гащите* в Елховско, „местността е като чатал, образ-

но с формата на гащи (панталон)“ (Мишева/Мишев 2013: 131), *Кр̀ачо̀ла* „местност, където се сливат две планински била, оприличени на крачол“ и „обраб. земя, наподобяваща по форма *крачол*“ и *Кр̀ачу̀ла* „гора, наподобяваща по форма *крачол* на панталон“ и „дълга поляна с формата на *крачол*“ в Сливенско (Дечев/Демирев 2012: 319).

2. Куфията – не от гръцки, а от турски произход

Името **Куфията** на „зеленчукова градина, където има куфия“ край с. Александрово (Свищ.) се основава на диал. *куф̀ия*, което неправилно се смята заето „от гр. *κοῦφος* ‘кух, кухня’, ‘дълъг изкоп за събиране на вода за напояване’“ (Пернишка 2012: 110, 219). В случая става дума за географския термин *ку(в)̀ия* ‘кладенец, дупка’, който в българската лексикография е известен под формите *койу*, *куй(у)*, *куй(у)лар*, *куй(у)су*, *кувия*, *куия* и *кухия*, а в топонимията се среща като *ковия*, *кофия*, *куфия*, *куй(у)джук*, *куйлук* и др., представящи все преобразувания на тур. *куиу* ‘кладенец, дупка, трап, яма, шахта’ (Селимски 2012). Срв. *К̀уви дере*, *кув̀ия*, *К̀у̀ета*, *К̀уй бун̀ар*, *К̀уйджак*, *К̀уйджук*, *К̀уйета*, *К̀уй пунар*, *К̀уф̀ия* (Заимов 2012, 2: 200, 201, 202, 220), *К̀уюлар* в Сливенско (Дечев/Демирев 2012: 326), *К̀уйите* и *К̀уйята* (Ковачев 2013: 418), с правилен анализ.

3. Телишора от (рум.) *teișòr*, или – българската форма е по-стара от румънската? За теренното име **Телиш̀ора**, „пасище и хълмове“ край Деков и Татари (Свищ.), се предлагат два начина на извеждане. При втория, „вер[оятно] и от *теле*, със суфикс *-шор*“ – и затова уж „пасище на телета“ (Пернишка 2012: 262) се възпроизвежда погрешното свързване (Младенов 1929/1979: 198, 223) на този ороним с бълг. *теле* (без позоваване на Ст. Младенов – некоректно). При първия начин, „вер[оятно] от рум. *teișòr* ‘липак’ от *teiș* ‘липа’ с епентетично *л*“ сме вече по-близо до истината, която обаче не е толкова проста, както е представена тук, нито пък е маловажна, за да бъде заобикаляна. Преди всичко, тук не става дума тъкмо за ‘липак’, където се сблъскваме с поредната неточност – рум. *teișòr* не означава ‘липак’, а ‘липичка’, а след това – няма „суфикс *-шор*“, а имаме работа с румънското умалително *teișòr* ‘липичка’, образувано от (рум.) *tei* ‘липа’ с деминутивен суфикс (рум.) *-ișor* (или *teișòr* ‘липова горичка’, с умалителна наст. *-or* от *teiș* ‘липова гора’). При това забележително фонетично сходство на българското име *Телиш̀ор* с румънското нарицат. *teișòr*, както и в други подобни случаи, за изследователя най-важното е: 1) да направи прецизен анализ, в който се обясняват като закономерни всички сходства и различия, 2) да представи относителната хронология на формите и възстановяваните процеси. А извеждането на *Телиш̀ор* „от рум. *teișòr* [...] с епентетично *-л-*“, което е обръщане на нещата надолу с главата или връщане на реката обратно по същото корито, е неприемливо, защото не са посочени причините и условията за предполагаемата „епентеза на *-л-*“. От изложението не става ясно също така дали на румънци (власи) или – обратно – на българи е било трудно/невъзможно да изговарят звуково съчетание като *теи-*, та е трябвало да си улесняват учленителната дейност, вмъквайки съгласната фонема

л между гласните *e* и *u* (уж промяна *теи-* > *тели-*). Като се спираме по-подробно върху името *Телишѝра*, важно за изводите относно етничните отношения и движението на населението в миналото, които правим по данни от ономастиката, трябва да кажем по разбираем за всеки читател начин, че в бълг. *Телишѝра* се е съхранила форма, която показва състояние по-старо от днешното рум. *teișor* и *teiș*, подобно на арум. *til'iu*, от лат. *tilia* < *tilium* (Vinereanu 2009: 831). Съвременното румънско *teișor* (и *teiș*) е закономерен застъпник на ст.-рум. *teiiș още от периода преди смекчаването (в общорумънския, „*gomăna comună*”, от VII–VIII в. до X–XI в.) на лат. *l* и изчезването му поради това в позиция пред *ě* и *ī* или в хиат (Дуриданов 1958: 164; Rosetti 1966: 58). Също така и Й. Заимов, като свързва, макар и не така уверено, местното име *Телииу* с рум. *teiș* ‘липак’ (у него непрецизно: „от *teiș*“), добавя: „останало от времето преди йотацията на *l*“ (Заимов 1959: 266), т.е. преди *l* да е било преобразено в *j* при определени условия. Подобна промяна – замяна на меко *л* (*л'*) с *й* са преживели и славянски/български заемки в румънски, като *iubesc*, *iubovnic*, *iubof*, *iubov*, *preaiubit*, *iuboste* – все заемки от български език с корен (стб.) *люб-*; рум. *craiu* от (стб.) *краль* и др. (Цонев 2 [1984]: 23).

4. Урдията не е от тур. *hurda* ‘извара’, нито от *or* ‘яма’, а от *ordu* ‘орда’

Теренното име **Урдията** на „пасище на хълм“ с „останки от стари постройките, селище“, 2 км южно от Беляновци (Свищ.), се смята произлязло „1) от тур. *hurda* ‘отломки, дребосък; извара’ (вер[оятно] с оглед на пасището), бълг. диал. *урда*; 2) от тур. *or* ‘яма, ров’, *or-dı*“ (Пернишка 2012: 266). Първата теза е неприемлива от семантично гледище – от ‘пасище’ до ‘извара’ е твърде далече! А при второто обяснение се борави с „тур. *or* ‘яма, ров’“, което не прилича на синоним на ‘пасище’, нито на ‘хълм’. Прочее, ако не пренебрегваме така грубо българската лексикология и лексикография, ще намерим готов отговор на тоя не толкова сложен въпрос най-напред у Н. Геров: името *Урдията* е с редукция на началната гласна **o-* (> *y-*) от *ордия* ‘място, където станува войска’ (Герв 3: 379). Срв. *урдия* ‘войска, армия’, *урдия* ‘много хора’, а по-скоро ‘орда’, както личи от примера *Гѝтв'ъ нъ ц'алъ урдийъ* (Кювлиева/Димчев 1970: 94), от тур. *ordu* ‘армия, войска; лагер’ (БЕР 4: 916–917), вероятно поради разположено в миналото военно поделение „на хълма“, от което „има останки от стари постройките“.

5. **Янъкхарман**, старо име на с. Славовица (Пазарджишко), документирано от 1845 г., се тълкува като „изгорял харман“ (Батаклиев 1969: 621). Тоя анализ е съвсем ясен и четлив на турска езикова почва – от тур. *yanık harman* ‘(из)горял харман’, където *yanık* ‘изгорен’ е причастие от глагола *yanmak* ‘горя, изгарям’, както заемката *алаишък*, от тур. *alışık* ‘свикнал, навикнал, привикнал’ (от *alışmak* ‘свиквам, привиквам’), *булаишък*, от тур. *bulaşık* ‘замърсен, изцапан’ (от *bulaşmak* ‘зацапвам, замърсявам’). Но това обяснение не попада на „езиковия археолог“. Той го намира „странно“, „като има предвид малката площ на планинско гумно“ и обстоятелството, че „не е имало гумно без пожари“ (Балкански 2013: 267). Той въпреки не отрича, че *янък-* от състава на селищното име **Янъкхарман** се покри-

ва звуково с тур. *yunik* ‘(из)горял’, а защо да спорим за това дали малкото гумно огън не го гори и как пък в такъв случай „не е имало гумно без пожари“. Но не можем да приемем за „безспорно“ твърдението му, че съставката *янък* в *Янъкхарман* е име на „голяма група, род на туркмените *гьоклен* [...] с оригинал *янгък* с гортантно *ğ*, което изпада“, като у автора, на когото се позовава, то било „*янгак*“. И не се обяснява на читателя при какви условия „изпада“ това „гортантно“ *ğ* (а последното да беше поне руското „гортанно[е]“!).

***

Проведеният анализ на местните и селищните имена, в основите на които се откриват пет нарицателни имена, 4 заемки от турски език и 1 от румънски, показва, че както думите (съществителните нарицателни), така и собствените имена, показват редица звукови промени, на които те са подложени при процеса на преминаването им от един език в друг, от една народност в друга. Поради тези промени днес в много случаи не можем еднозначно да определим какво нарицателно и от какъв език е залегнало в основата на изучаваното име: в *Телишора*, от стара румънска основа, се подозира бълг. *телè* (3); в *Куфйята*, от тур. *киуи* ‘дупка, кладенец’, се търси *кух*, от грц. *κοῦφος* (2); дори да е определен като източник турският език, заемката не се идентифицира правилно с нейния прототип, както при *ебè/хебè* (1.1–1.7), *урдйя* (4). При тоя вид изследвания важен е проблемът за относителната хронология на съпоставяните „паралелни“ форми – домашна и заета. А румънско-българските контакти предлагат много случаи, когато заети български звукови форми или архаични словообразователни типове се пазят в диалекта на власите на юг от Дунава, докато – обратно – в топоними в България се откриват стари форми, излезли от употреба в румънския език, както е в случая с *Телишора* – срещу рум. *teişor* (3). Особен вид грешка е подставянето на някакъв тюркски етноним на мястото на очевидна османско-турска форма (5).

Библиография

- АкТБР: *Академичен Турско-български речник*. Ред. Иван Добрев. София: Рива, 2009.
- АНГЕЛОВА-АТАНАСОВА, Мария (2007) „Топонимията на с. Павел като извор за историята му (селищни, водни, местностни имена).“ В: *Село Павел, Велико-търновско. Изследвания. Документи. Спомени*. Съст. Ив. Димитров/М. Ангелова-Атанасова. Велико Търново: Астарга, 44–66.
- БАЛКАНСКИ, Тодор (2013) *Местните имена в Пазарджишко*. ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, ЦБО „Проф. Николай Ковачев“. Велико Търново: Фабер.
- БАТАКЛИЕВ, Иван (1969) *Пазарджик и Пазарджишко. Историко-географски преглед*. София: Профиздат.
- БЕР 2: *Български етимологичен речник, том II: И – крепя*. Ред.: В. И. Георгиев. София: БАН, 1979.

- БЕР 4: *Български етимологичен речник, том IV: минго – падам*. Научни ред.: В. И. Георгиев/И. Дуриданов. София: Ак. изд. „Проф. Марин Дринов“, 1995.
- ГЕРОВ 1–6: ГЕРОВ, Найдено (1895–1908) *Речник на българския език*. Пловдив. Фототипно изд. София: Български писател, 1975–1978.
- ДЕЧЕВ, Васил/Владимир ДЕМИРЕВ (2012) *Топонимията на Сливенска околия. Материали за български топонимичен речник*. ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, ЦБО „Проф. Николай Ковачев“. Велико Търново: Фабер.
- ДИМИТРОВ, Иван Н. (2007) „Миналото на с. Павел в паметта на жителите му (предания, легенди, спомени, случайни находки.“ В: *Село Павел, Велико-търновско. Изследвания. Документи. Спомени*. Съст. Ив. Димитров/М. Ангелова-Атанасова. Велико Търново: Астарта, 26–43.
- ДИМИТРОВА-ТОДОРОВА, Лиляна (2006) *Местните имена в Поповско*. София: Ак. изд. „Проф. Марин Дринов“.
- ДУРИДАНОВ, Иван (1958) „Към етимологията на някои старинни местни названия.“ В: *Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнина-та му*. София: БАН, 151–166.
- ЗАИМОВ, Йордан (1959) *Местните имена в Пирдопско*. София: БАН.
- ЗАИМОВ, Йордан (2012) *Български водопис. Географско описание, строеж и произход на имената. Том 2: К – Р*. ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, ЦБО „Проф. Николай Ковачев“. Велико Търново: Фабер.
- КОВАЧЕВ, Николай (2013) *Географските имена в Ловешки окръг*. ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, ЦБО „Проф. Николай Ковачев“. Велико Търново: ИВИС.
- КОВАЧЕВ, Николай/Росица КОВАЧЕВА-ЦВЕТАНОВА (2009) *Местните имена в Беленско*. ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, ЦБО „Проф. Николай Ковачев“. Велико Търново: Фабер.
- КЮВЛИЕВА, Веса/Кирил ДИМЧЕВ (1970) „Речник на хасковския градски говор.“ В: *Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. V*. София: БАН, 53–105.
- МЛАДЕНОВ, Максим Сл. (1967) „Лексиката на ихтиманския говор.“ В: *Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. III*. София: БАН, 3–196.
- МЛАДЕНОВ, Стефан (1979) *История на българския език*. Превод и ред. на проф. д-р Иван Дуриданов от немското издание през 1929 г. София: БАН.
- МОМЧИЛОВ, Димчо/Наташа ЧАКЪРОВА-КРЪСТЕВА (2013) *Местните имена в Карнобатско. Материали за български топонимен речник*. ЦБО „Проф. Николай Ковачев“. Велико Търново: ИВИС.
- ПЕРНИШКА, Емилия (2012) *Местните имена в Свищовско*. София: АДС-ПРИНТ.
- СЕЛИМСКИ, Людвиг (2012) „За географския термин ку(в)ия ‘кладенец, дупка’ в българската лексикология и ономастика.“ В: *Състояние и проблеми на бълг. ономастика*, т. 12, Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 476–488.
- ЦОНЕВ, Беньо (21984) *История на българския език, том втори*. Фототипно изд. София: Наука и изкуство.
- ROSETTI, Alexandru (1966) *Istoria limbii romîne, T. IV. V. VI*. București: Editura Științifică.

Резюме

БЪЛГАРСКИ МЕСТНИ И СЕЛИЩНИ ИМЕНА ОТ БАЛКАНСКИ ЗАЕМКИ

В статията се анализира етимологията на пет местни/селищни имена, като се коментират грешките в предишните опити за тълкуването им:

1. Имената с основа *ебѐ, ебѹ, убѐ, хебѐ, *хибѐ* (и произв.), свързвани погрешно с тур. *ebe* ‘акушерка, баба’, се базират върху диал. *хебѐ* ‘дисаги’, от ар.-тур. *heybe* също;
2. *Куфѹята*, считано за заемка от гр. *κοῦφος* ‘кух, кухня’, е идентично с диал. *куѹя* (и вар.) ‘кладенец, дупка’, заемка от тур. *кууи* ‘кладенец; шахта, рудник; яма’;
3. *Телишора*, извеждано погрешно „от *теиѝ* ‘липа’ с епент. *-l-*“, се основава върху ст.-рум. **teiiŝ*, от периода преди изпадането на лат. *l* в позиция пред *ŝ* и *ī* или в хиат;
4. *Урдията* е било несполучливо свързвано с тур. *hurda* ‘извара’ или *or* ‘яма’, а то е от диал. ордия/урдия (= общонар. *орда*) от тур. *ordu* ‘войска, армия’;
5. *Янѹхарман* се извежда от тур. *yanik* ‘изгорял’ без формални или смислови пречки. А свързването му с туркменски етноними като *янѹк, янѹак* е произволно.

Ключови думи: местно име (топоним), хидроним, селищно име, балканизъм.

Abstract

BULGARIAN AREA AND SETTLEMENT NAMES ORIGINATING FROM BALKAN LANGUAGES

The article provides an alternative etymological analysis of five area and settlement names:

1. The hydronyms/toponyms with the bases [cyrill.] *ебѐ, ебѹ, убѐ, хебѐ, *хибѐ* (and derivatives), which were mistakenly associated with the Turkish word *ebe* ‘midwife, accoucheuse’; I consider these to be related to the Arab-Turkish noun *heybe* ‘saddlebags’;
2. *Куфѹята* was unfortunately associated with the Greek *κοῦφος*, ‘hollow, cavity’, but it is actually a borrowing from the Turk. *кууи* ‘well, borehole’;
3. *Телишора* was wrongly explained as “a Romanian *teiiŝor* [...] with epenthetic *-l-*”, but in fact it represents an older form (with preserved *l*) of the Romanian noun *teiiŝor* ‘lime grove’;
4. *Урдията* was incorrectly associated with the Turkish noun word *hurda* ‘curd, cottage cheese’ or with the word *or* ‘pit’. But according to my analysis it derives from the Turkish noun *ordu* ‘army, military’.
5. *Янѹхарман* is from the Turkish *yanik* ‘burned, burnt’, and not from the Turkmen ethnonym [cyrill.] *янѹк, янѹак*.

Keywords: area name (toponym), hydronym, settlement name, Balkanism

Povzetek
BOLGARSKI TOPONIMI IN NASELBINSKA IMENA
IZ BALKANSKIH IZPOSOJENK

V članku se analizira etimologija petih toponimov oz. naselbinskih imen, komentirajo se napake, nastale pri prejšnjih poskusih njihove razlage:

1. Imena z osnovo *ебѣ, ебѹ, убѣ, хебѣ, *хубѣ* (in izpeljanke) so zmotno povezovali s tur. *ebe* 'porodničarka, babica', izhajati pa je treba iz nar. *хебѣ* 'bisaga', iz ar.-tur. *heybe* isto;

2. *Куфѹята* so šteli za izposojenko iz gr. *κοῦφος* 'votel, votlina', je pa isto kot nar. *куѹя* (in var.) 'izvir, luknja', izposojeno iz tur. *кууу* 'izvir; jašek, rudnik; jama';

3. *Телишора* so zmotno izvajali „iz *teis* 'lipa' z epent. *-l-*“, dejansko pa predstavlja staroromun. **telis*, iz časa pred izpadom lat. *l* v poziciji pred *ě* in *ī* ali pri zevu;

4. *Урдиата* so napačno povezovali s tur. *hurda* 'skuta' ali *or* 'jama', dejansko pa je iz nar. *ордия/урдия* (= splošnonar. *орда*) iz tur. *ordu* 'vojska, armada';

5. *Янѹхарман* se izvaja iz tur. *yantik* 'izgorel' brez formalnih ali pomenskih težav. Povezovanje s turkmenskimi etnonimi *янѹк, янѹак* je napačno.

Ključne besede: toponim, hidronim, naselbinsko ime, balkanizem

THE ENGLISH-SLOVENE LANGUAGE CONTACT: BORROWING OF PERSONAL NAMES

1. INTRODUCTION

Bo Kevin Kampl igral? Vse bolj se zdi, da ne. [Is Kevin Kampl to play? It seems unlikely.]¹

Such and similar were this year's headlines in Slovene sports newspapers. The Slovene footballer, though born in Germany and of mixed Slovene-German parentage, may currently be the most famous Slovene bearing the name of *Kevin*. This name, unused in Slovenia prior to 1970, exemplifies the trend of fashionable name borrowing from a prestigious foreign culture. The national statistical data show that this male English name first appeared in Slovenia around 1970, gained popularity in 1990, and peaked in 1996. Regionally, about 50 percent of all newborns named *Kevin* lived in Štajerska and Prekmurje, followed by Primorska (about 25 percent) (see Statistični urad Republike Slovenije, hereafter SURS; cf. Lenarčič 2012: 405). Why have so many Slovene parents in the 1990s decided to name their child *Kevin*? The unwitting culprit for its popularity is most probably the American actor Kevin Costner, whose acting career peaked between 1987 and 1992.

However, the naming of a newborn gives the baby identity. While Slovene parents can choose from a number of original Slovene first names whose etymologies are undoubtedly Slovene (e.g. *Mojca, Ajda*), there is an even greater pool of first names to choose from that have been borrowed in the past from various sources and are no longer felt to be foreign at all although their origins may be Germanic, Romance, Latin(ate), or Slavic (e.g. *Albert, Renato, Aleš, Igor*). But during the past few decades, the lists of popular names that are given to newborns in Slovenia have become increasingly foreign-sounding. Between 1981 and 1990, several English-derived names, *Robert/Robi, Alen/Alan, Elvis, Patrik, Diana, Lana, Samanta* and *Sabrina*, made it onto the list of 200 most popular names of the decade.² The next decade (1991–2000), saw a new influx of (potentially) English names: *Kevin, Vanesa/Vanessa, Tara, Alex/Alexander, Kim, Patrick, Melani/Melanie, Neli, Sarah,*

* Oddelek za anglistiko in amerikanistiko/Department of English and American Studies, Filozofska fakulteta, Aškerčeva 2, 1000 Ljubljana, Slovenia; eva.sicherl@ff.uni-lj.si

1 ekipa24.si/clanek/nogomet/evropskipokali/54eadfea90a96/po-kvalifikacijah-usodna-se-poskodba; accessed July 2015.

2 The etymological origins of these names are not always English, but the English-speaking culture may have played a decisive role in their dissemination. For the criteria on inclusion among names from English source, see section 3.1.

and *Nick*, with *Diana*, *Samanta*, *Alan*, and *Sabrina* still persevering among the top 200. The statistical list for 2001–2013 shows new additions, such as *Zara*, *Liam*, *Ian* and *Emma* featuring among the top 200. Given that naming a newborn child is one of the most intimate events in a family's life – why do parents feel the need to introduce a foreign(-language) element into this act?

2. A HISTORICAL OVERVIEW OF BORROWING OF PERSONAL NAMES IN SLOVENIA

The phenomenon of borrowing personal names is, naturally, not limited to Slovenia. It has been observed elsewhere in Europe (cf. Lenarčič 2012: 886). In Denmark, for example, certain English name equivalents are currently found to be more attractive than the traditional Danish forms, so *William* tops the list of names of newborn male children for 2014 (www.dst.dk/en). The form *William* peaked between 2006 and 2010, but remains immensely popular, unlike the Danish variant *Vilhelm*, which has also been on the rise, but is far less popular than the English form (www.dst.dk/en). Similarly, the English form *Henry* has experienced a sharp rise in popularity since 2011 over the traditional Danish form *Henrik*, which has been on a steady decline since 1985, but nevertheless remains the fifth most common name of the total Danish male population (www.dst.dk/en).³ The British themselves have had to come to terms with an influx of foreign personal names, such as *Gemma*, *Irene*, or *Claire*.⁴

Another fact that needs to be mentioned here is that the phenomenon of borrowing personal names has had a long tradition in the Slovene culture. Many names of foreign origin have been present in this area for such a long time that they are no longer felt to be foreign at all. Among these we find numerous Biblical names and names of saints that have been fully adapted into Slovene (e.g. *Simon*, *Peter*, *Janez*, *Luka*, *Andrej*; *Barbara*, *Katarina*, *Tomaž*), and that can be found in variant forms in most other European languages in countries with Christian tradition. Also borrowed centuries ago and completely adapted are some German names which testify to a strong influence of the German culture on practically the entire Slovene territory (e.g. *Albert*, *Rudolf*, *Valter*, *Ernest*, *Vilma*, *Oto*, *Karel*, *Herman*, *Ferdinand*, *Ida*, *Adela*, *Erna*, *Amalija*, *Irma*). Most of these names are no longer popular as names given to newborns, and are mainly found among the elderly Slovene population, with the exception of *Oto*, which is currently on the rise (see SURS). While names of German(ic) origin can be found

---

3 The pair *Henry-Henrik* was also mentioned by Prof. Henrik Gottlieb in his paper within The Pragmatics of Borrowing seminar at the ESSE Košice Conference in September 2014.

4 The official UK statistics show that between 2003 and 2013, the name *Mohammed* moved from the 21st place to the 23rd place on the list of the most popular names, while the variant *Muhammad* rose from the 61st place to the 15th (www.ons.gov.uk). Thus, the sum of all newborn *Mohammeds* and *Muhammads* in the UK in 2013 amounts to 6386, placing the name just behind the most popular boy name *Oliver* with 6949 newborn boys and before *Jack* with 6212 baby boys (www.ons.gov.uk). However, *Mohammed* is used in the UK for the naming of the newborn exclusively by Muslims and as such cannot be described as an import into the English language.

throughout Slovenia, certain name borrowings of Italian (e.g. *Ariana, Renato, Bruno*) and Hungarian (e.g. *Aranka, Zoltan, Lajoš*) origins remain restricted to the bordering areas of Primorska and Prekmurje respectively (see SURS). Along with German names, some names that originate in Greek or Latin have been present for a long time and have become completely nativised (e.g. *Aleksander, Roman, Emilija, Ambrož, Dijana, Ksenija, Mohor, Irena*). Later additions include names from Slavic languages (e.g. *Igor, Vanja, Mitja, Uroš, Stanislav, Ivan, Nataša*), which are also no longer felt to be foreign at all and are by now deeply rooted. Some of these newer additions to the pool of personal names are variants of the older forms; thus, *Nataša* co-exists along with *Natalija*, and *Ivan* with *Janez*.

During the recent decades, however, increasing numbers of new names of foreign origin have entered lists of birth in Slovenia. Although some of these have become quite familiar (e.g. *Karin, Karmen, Ines, Ingrid, Ula, Arne*), others remain exotic and decidedly foreign, particularly if their spellings include non-Slovene characters (e. g. *Alex, Max* as opposed to *Aleks(ander), Maks(imiljan)*), a hiatus (e.g. *Mia, Tia, Dorian, Laura, Diana* instead of the more homely *Mija, Tija, Dorijan, Lavra, Dijana*), or double lettering (e.g. *Vanessa, Ulla, Ella, Emma*). The current trend in naming newborns in Slovenia therefore seems to be: the more foreign(-sounding and looking), the better. Another apparent trend is the brevity of names, as increasing numbers of three- or four-letter names dominate the lists. Furthermore, there is a trend towards usage of imaginative names that are created by parents themselves and have no etymological background (see also Lenarčič 2012: 891), but are simply fashionable in a particular period and will probably go out of use after some time (e.g. *Nal, Amar, Nia, Din, Lian, Naj, Ajna, Nejla, Nej*, to list just a few from the 2001–2013 top 200-name list).

3. PRAGMATIC BORROWING AND PERSONAL NAMES

Borrowing, particularly borrowing from English into other languages, has attracted a great deal of attention within linguistics from the 1950s onwards, starting with the pioneers of contact linguistics Haugen (1950) and Weinreich (1953). English as the world's *lingua franca* and the popularity of Anglo-American culture practically throughout the world have resulted in English exerting a major influence on other languages, particularly in lexical fields such as science and technology, business, sports, fashion, foods, modern culture, etc. (see also Andersen 2014: 17). Naturally, research on anglicisms has mostly dealt with lexis and terminology, but has, in recent decades, begun to move beyond the word level and has started to include pragmatic and stylistic elements (see, for example, Prince 1988, Onysko 2009, Treffers-Daller 2010). It is now widely acknowledged that borrowings can convey a broad range of stylistic and pragmatic effects (cf. also Onysko and Winter-Froemel 2011: 1550). So far, most of the pragmatic research on anglicisms has focused on the borrowing of interjections or some other discourse features of a source language (SL) into a recipient language (RL) (see Andersen 2014: 17 ff and his overview), but Andersen argues for a broader definition of pragmatic borrowing that also includes associated speaker attitudes, taking into

account ‘sociolinguistic aspects’ and considering ‘relevant demographic predictors and factors such as register and style’ (cf. Andersen 2014: 18, 24).

The reorientation towards the pragmatic aspects of borrowing has resulted in more research on contextual factors that motivate the use of borrowed lexemes, ‘such as the attitudes, symbolic values and prestige associated with the SL culture’ (Andersen 2014: 21). Pragmatically borrowed items carry important signals about the borrower’s attitudes. The influence of English on present-day Slovene (and most other European languages) is a case of remote or intermediary language contact. Thus, ‘language contact generally lacks immediate speaker contact’ (Onysko 2007: 44), but English is nevertheless continuously present through popular culture on Slovene territory. By borrowing English personal names (along with other borrowings from English), Slovene speakers also participate in global trends, but such borrowing is done idiosyncratically and in a locally specific manner (see also Buchstaller 2008: 26).

The stylistic and pragmatic views on the study of anglicisms probably started with Galinsky (1967), who researched the stylistic and functional motivation for the use of anglicisms in German.⁵ A recent study made by Onysko and Winter-Froemel (2011) explores the pragmatic motivations for lexical borrowing in more detail, and has yielded some findings which can, to some degree, also be applied to the borrowing of English personal names. Many studies on linguistic borrowing (see, for example, an overview of these in Onysko and Winter-Froemel 2011: 1551) make a distinction between necessary loans and luxury loans; this distinction is mainly based on whether the RL already contains a word that can be considered a semantic equivalent of the borrowed term or not. Naturally, this distinction has mainly been applied to usual lexical borrowings and not to personal names. But borrowing of names is also related to linguistic innovation, and the main motive for it is to be found in the prestige/fashion of the SL culture.

When a personal name is borrowed, this is clearly an example of luxury borrowing, particularly if we bear in mind the huge numbers of various male and female names at disposal that already exist in the language. It is, however, difficult to explain the motivation for the choice of a borrowed form over a native one in strictly linguistic terms. By choosing a foreign name, the parents try to introduce some local colour of the SL culture into their own. Once a borrowed form becomes popular and frequent, its markedness begins to disappear; that is why we find loanword-exoticism doublets such as *Patrik* and *Patrick*, the former so ‘naturalised’ that it was borrowed anew as *Patrick* in the 1990s (similar examples include *Zofija/Sofija* and *Sofia, Ela* and *Ella, Sara* and *Sarah*). The reasons for such borrowing may be sociolinguistically diverse, but in the case of English names used in Slovenia the influence of pop culture and media is probably of primary importance.⁶ Thus, parents’ bilingualism is no longer a prerequisite for borrowing.

---

5 Galinsky’s research has focused on the rather specific US-German context, so not all of his findings can be applied equally well to the English-Slovene language situation, and, in particular, to the borrowing of English personal names.

6 The same phenomenon is observable in Britain and the USA: new names that appear in lists of popular baby names include popular film and TV-inspired first names.

3.1 English personal names in Slovenia

It is difficult to establish the time of the first language contact between English and Slovene with any certainty, but the indirect contact between these two languages was certainly carried out via the intermediary German language and this took place centuries ago. The German language has, for a very long time, played the role of the intermediary language in the process of borrowing from English into Slovene. While this is immediately observable in the pronunciation and the spelling of some anglicisms that have found their way into the Slovene vocabulary via German (e.g. English: sprint [sprint] > German: Sprint [ʃprint] > Slovene: šprint [šprint]), the German influence is also noticeable in some personal names borrowed into Slovene long ago that can be traced back to their British origin.⁷ Below, a selection of English first names that have been borrowed into Slovene is presented.

Oswald One of such early borrowings from English is the name *Ožbalt* and its variant *Ožbolt*, which entered from the German form *Oswald*, and this can be traced back to the English name *Oswald* and its Old-English (OE) form *Osweald*.⁸ Several churches, particularly in Koroška and Štajerska, were consecrated to this saint as early as the 12th century, so the name must have been familiar to at least part of the Slovene population since.⁹ The name has produced several shortened forms such as *Ožbe/Ožbej/Ožbi*, and variants *Ožbald/Ožbold/Oswald/Ozvald*. The forms *Ožbald/Ožbold/Ožbalt* are extremely rare, the form *Ožbolt* is rare, but has resurfaced since 1991 as a name for newborns, and remains limited to Koroška and Gorenjska. Interestingly, the traditional Carinthian form *Ožbej* has gained ground since 1981, and has been on the rise in 2001–2013 (ranking as high as 71st of all male newborn names in that period); while it is still mostly used in Koroška and Gorenjska, it has also spread to most other regions in Slovenia. *Ožbej* can serve as a classic example of a name that has been so completely adapted and nativised that its origin is felt to be native Slovene, particularly on account of the typical Carinthian ending *-ej*.

Edward Another early borrowing is *Edvard*, originating in the English name *Edward* (OE: *Ēadweard*). It has spread successfully throughout Europe and already ap-

7 At a meeting of the Linguistic Circle, held on December 4th 2000, at the Faculty of Arts in Ljubljana, Prof. Janez Orešnik suggested that one of the first English borrowings in Slovene can be traced back to the Slovene dramatist Anton Tomaž Linhart and his play *Miss Jenny Love* (1780). Although the tragedy was written by Linhart in German, it can be assumed that this might be one of the first recorded appearances of an English phrase on Slovene territory. It seems, however, that certain personal names of potential English origin had been known in the area even before. With the earliest borrowings like Oswald, the Germanic name borrowings may have had parallel developments on the continent and the British Isles.

8 The etymologies of the names are cited after Hanks et al. (2006), Lenarčič (2012), and Keber (2008). The statistical data on the rankings and regional distributions of individual names are provided by SURS.

9 Thus, the first church of St. Ožbalt in Jezersko dates back to the 12th century (I owe this observation to Dr. Ferdinand Šerbelj, pers. comm. August 2015), and Sv. Ožbalt ob Dravi is mentioned for the first time as a place name in a document of St. Paul's Abbey in Lavanttal in Carinthia in 1372 (cf. http://www.kam.si/romarske_cerkve/ozbalt_ob_dravi.html; accessed August 2015).

pears in the almanacs by Vodnik (1795–1797) (Lenarčič 2012: 201), no doubt having made its entrance into Slovene via German. The name was recorded before 1930 and has been present ever since, its popularity peaked between 1931 and 1960; the name has been on steady decline since 1960, its ranking is highest in Štajerska and Primorska, and it is currently ranking in the 98th place of all male names in Slovenia. The name has produced shortened variants *Edo/Edi*. The currency of *Edo* is rare according to the national statistics, but *Edi* is somewhat more popular. *Edi* has made it into the list of top 200 names in 1951–1960 (127th place), 1961–1970 (134th place), 1971–1980 (197th place), and again in 1991–2000 (189th place), probably due to increasing popularity of short names, ranking highest in Primorska.

Edith Of female names, *Edita* can be traced back to the English form *Edith* (from OE: *Eadgyth/Eadgyð*). It was recorded before 1930 and has had a rare but constant presence since. It prevails in Štajerska, Koroška and Prekmurje.¹⁰

Edwin The name of *Edvin* can be traced back to the English name *Edwin* (OE: *Eadwine*). The name has been present since 1941, and ranked 183rd in 1991–2000. Its currency was highest in Primorska. Lenarčič (2012: 202) argues that this name is also popular among the Muslim population living in Slovenia, on account of its similarity to traditional Muslim names beginning in *Ed-* and/or ending in *-in*.¹¹

The personal names mentioned above are not really felt to be English at all by the speakers of Slovene. Some names that are to be dealt with below have been more recent additions to the pool of personal names used in Slovenia, but have also gone completely native on account of their frequency/popularity and their form, which has allowed for unproblematic spelling and pronunciation (e.g. *Robert*, *Alan*). Some others remain decidedly foreign-sounding in the ears of many Slovene native speakers.

Patrick Another saint name that originates from the British Isles, but seems to have gained popularity only recently, is *Patrik*, derived from the English form *Patrick* and going back to Latin *Patricius*. It had probably been known as the name of the Irish saint and as such appeared in various Slovene almanacs and in calendars, but had not been

---

10 Lenarčič (2012: 200) cites shortened variants such as *Eda/Ditka/Dita*, though the latter two are probably more frequently used as shortenings of the name *Judita*. The currency of *Eda* seems somewhat limited, it is only in Primorska that it has joined the top 200 names (181st place); the form was recorded by the national statistics before 1930, but has remained rare since, has even disappeared for a decade and then resurfaced in 2001–2013, probably due to the popularity of short three-letter names (similar to *Oto* and *Edi* mentioned before).

11 Lenarčič (2012: 885) argues that names given to their children by Slovene citizens of Bosnian or Albanian origin remain foreign-sounding as they are used to ‘express and retain their religious and national identity’. It appears, however, that names such as *Tarik* and *Lejla* are now used beyond the Muslim community (see also Table 1 in the Appendix). Lenarčič (2012: 887) also points out that many parents of Bosnian origin show a preference for names which are neither real Muslim names nor typical Slovene names (e.g. *Elvis*, *Almira*), while parents of Serbian or Croatian or mixed origin opt for names which are French, English, or in some other way foreign-sounding. A similar trend has been observed in France with parents of Arab origin, who often choose a Greek name like *Yannis/Yanis*, the form of which may be reminiscent of Arab names, to avoid the traditional Christian variant *Jean* (see Lenarčič 2012: 342).

used as a personal name until 1971 when it started to appear in the national statistics. It entered the list of top 200 personal names in 1981–1990 decade (155th place), and the next decades saw an even steeper rise in its popularity. It was the 50th most popular name in the 1990s, and rose to the 33rd place in 2001–2013. The name ranks highest in Primorska and Prekmurje. Also statistically recorded since 1971 is the foreign form *Patrick*, this was likewise on the rise in 1991–2000 (110th place) and 2001–2013 (150th place). This form ranks highest in Prekmurje.¹²

Kevin Not to be left out from the present study are some names of Celtic origin that have been introduced into Slovene in their anglicized forms. These are mostly recent additions to the pool of personal names used in Slovenia (see Table 1 in the Appendix). Thus, *Kevin* can be traced back to Irish *Caoimhín*. The name has been recorded by SURS from 1971 onwards, and experienced a sharp rise between 1991 and 2013. While unknown before 1970, it made it to the 69th rank in 1991–2000, and ranked 80th in 2001–2013.¹³

Alan On the other hand, we may find some very popular names whose origins are somewhat uncertain or mixed, but their popularity can undoubtedly be attributed to the influence of the English-speaking culture. A fairly popular male name in Slovenia is *Alan*, whose origin is either Breton or other Celtic. The name was first recorded between 1961 and 1970, and then made it to the top 200 male names; it ranked 134th in 1971–1980, 137th in 1981–1990, 136th in 1991–2000, and 162nd between 2001 and 2013, its popularity prevailing in Primorska. Its popularity was even surpassed by the variant *Alen*, which ranked 77th between 1971 and 1980, 35th between 1981 and 1990, 25th between 1991 and 2000, and 39th in 2001–2013. The name is popular throughout Slovenia, but prevails in the Littoral (32nd place). However, the form *Alen* is particularly popular among the Croatian, Serbian and Bosnian-Muslim population living in Slovenia (see also Lenarčič and his explanation of the use of the name in ex-Yugoslavia in Lenarčič 2012: 30–31).

Robert The name *Robert* has been present in Slovene prior to 1930 and can be traced back to the German, French and English name *Robert* or its Latinised variant *Robertus*. It originates in Old High German *Hrodebert* and had existed in OE as *Hrēodbēorht*, *Hrodberht*, *Hrēodbēorð*, *Hrædbærð*, *Hrædberð* before the Normans brought the Old French form *Robert*. Similarly, the name must have been known among Slovenes in an older form *Rupert* (from Germanic *Hrodberht*). It was an immensely popular name for male newborns in Slovenia for two decades, between 1961 and 1980, when it ranked 4th among all male names. It has experienced some decline in popularity since, but has always ranked among the top 200 names. It has been frequent all over Slovenia, and is presently in the 19th place of all male names. It has produced a shortened form *Robi*, which has been quite popular since 1971 and can be found throughout Slovenia. The

12 Lenarčič (2012: 633) attributes the surge in popularity of *Patrik/Patrick* to the success of the American actor Patrick Swayze in the 1980s and the 1990s.

13 Lenarčič (2012) includes a number of other names of Celtic origin in his monograph (e.g. *Kilian*, *Moira*, *Ken*), but these are rare or not used at all by Slovenes according to the statistical data provided by SURS.

variant *Robin* is rarely used, but has been constantly present since 1961 when it was first recorded. The form *Robin* can also be found used as a female name, but this is even rarer.

Kim The origin of the name *Kim* is even more opaque. In English, it can be both a male and female name, and traced back to the OE form *Cyneburh*. Another, less possible, influence is the novel *Kim* by Rudyard Kipling, in which the hero *Kim* (shortened from the name *Kimball*) is a boy. In Slovenia, the name is used exclusively as a female name, it was first recorded in 1981–1990, then took a sharp rise between 1991 and 2000 when it made it to the 108th place among the top 200 girl's names, and rose even further up to 87th rank in 2001–2013. It seems to be somewhat more popular in the Littoral than elsewhere in Slovenia.¹⁴

Elvis The next group of English names that have been borrowed into Slovene owe their inclusion to the influence of a prominent personality from the English-speaking culture. One of such outstanding examples is the name *Elvis* (the etymology of this name is not transparent, the origin may be the Irish form *Ailbhe*). It was first recorded as a name in Slovenia between 1961 and 1970, experienced a sharp rise in popularity between 1971 and 1990 (ranking 99th in 1971–1980 and 62nd in 1981–1990). There was some decline between 1991 and 2000 (but still 107th rank), after 2000 it left the list of the top 200 boy names. Its appearance can undoubtedly be linked to the popularity of Elvis Presley (peaking between 1953 and 1970), but afterwards the name has obviously caught on among the Muslim population of Slovenia irrespective of Presley's fame. Its rankings are highest in the Littoral and Zasavje (both regions have a dense Muslim population) and its use peaked well after Presley's death in 1977. Lenarčič (2012: 213) attributes its popularity among the Muslims to its similarity to some traditional Muslim names beginning in *E(l)-* and ending in *-is*, such as *Enis* (compare *Edvin* above).

Diana The name *Diana* and its variant *Dijana* have been known among Slovenes since the 1930s, the origin, of course, goes back to Roman mythology. Both forms were first recorded between 1931 and 1940. *Diana* was rare before 1961 when it first made it to the top 200 names (179th in 1961–1970, 161st in 1971–1980). Then came a sudden rise in popularity between 1981 and 1990 (114th rank) and between 1991 and 2000 (106th rank), coinciding with the strong media presence of Princess Diana throughout the 1980s and the 1990s. Some decline has been apparent since (181st rank for 2001–2013), probably attributable to Princess Diana's death in 1997. This name form can be found throughout Slovenia, but particularly in the South and South-East of Slovenia. The more homely variant *Dijana* reappeared in the statistics in 1951–1960, and made it to the top 200 names in the following periods (134th in 1971–1980, then 74th in 1981–1990, 129th in 1991–2000). Again, a drop in use is recorded for 2001–2013. The nativised form prevails in Gorenjska and Zasavje and in Central Slovenia. This trend of borrowing British royal names is probably comparable to the popularity of *Edvard* (see above) in the 1930s and the following decades, and may continue with

---

14 Lenarčič (2012: 407) attributes its popularity to the singer Kim Wilde and the actress Kim Basinger, but that hardly explains the recent rise in the name's popularity.

Zara.¹⁵ As a girl's name, *Zara* was first recorded in Slovenia in 2001–2013 and immediately got high rankings (68th), becoming popular throughout the area.

Samantha Some other names that have been statistically recorded as popular names recently are *Samanta/Samantha*, *Sarah*, *Lana*, *Ian*, *Liam*, and *Lucas*. The form *Samanta* was first statistically recorded between 1961 and 1970. It made it to the top 200 names in 1981–1990 (171st) and 1991–2000 (113th), but has experienced some drop in popularity since 2001. The highest rankings are in the Littoral and Prekmurje. The original form *Samantha* appeared later (1981–1990) and has since been used constantly, but rarely.¹⁶

Sarah While the Old Testament name *Sara* has become the most popular name for girls in 2013 (see Table 1), its foreign (English-induced) form *Sarah* also made it to the top 200 names in 1991–2000 (175th ranking), having been first recorded only a decade before. It remained popular in 2001–2013, particularly in Prekmurje, Štajerska and Goriška.

Lana Another name that ranks very high in the national statistics is *Lana*, whose etymological origin, however, is also uncertain (Gaelic, Hebrew or German). Lenarčič (2012: 431), however, makes it a name of Anglo-American origin (and parallels its rise in popularity to the growing fame of the actress Lana Turner); it is also possible that in Slovenia it is seen as a female counterpart to the male name *Lan* (currently ranking 29th in the latest list of boy names). However, in the Slovene statistics, *Lana* was first recorded 1961–1970, decades before the first appearance of *Lan* in 1991. *Lana* has been on the rise ever since; it is popular throughout Slovenia and is presently ranking 6th.

Liam Of male English names, *Liam* is currently one of the more popular ones. Its origin is undoubtedly Irish English, a shortened form of *William* (going back to Old German *Wilhelm*), which, however, has never been present in this form in Slovene. Known were the forms *Vil(i)jem/Vil(i)jam* (probably from the German name *Wilhelm*), and the shortened form *Vili*. Although not recorded before 2001, these days *Liam* ranks 79th (its rankings are highest in Štajerska, Prekmurje and the Littoral).

Ian The name goes back to Scottish Gaelic *Ian/Iain*, and was borrowed into Slovene even earlier than *Liam*. It was first recorded by the national statistics between 1981 and 1990, and has enjoyed a rising popularity since, currently ranking 94th in the Slovene list of popular boy names for 2001–2013. It appears throughout Slovenia, with the exception of Zasavje. The rankings are highest in Primorska and Central Slovenia.

Lucas The name *Lucas* in this particular orthographic form can also be considered English (unlike the form *Lukas*, which is most probably modelled on German), but its etymological pathway of borrowing makes English origin somewhat uncertain (Latin form of the Greek name *Loukas*). Both forms compete with the form *Luka* that is well established in the area (similar to other popular Bible names, statistically present before 1930, practically always listed among the top 200 male names, with a sharp rise

---

15 *Zara* is not originally English, it was first used in English in the translation of Voltaire's play *Zaïre*; alternatively, its popularity in Slovenia may be attributable to the name of the Spanish fashion store *Zara*.

16 Lenarčič (2012: 694) attributes its popularity in the USA to the TV series *Bewitched* (1964), but this can hardly be the reason for its spread in Slovenia.

1971–1980 to the 51st place, then 12th place in 1981–1990, and 1st place since 1991 onwards). Both *Lukas* and *Lucas* were first recorded statistically between 1991 and 2000. While *Lukas* rose to 84th place between 2001 and 2013 (its highest ranking reached in Prekmurje), the English variant *Lucas* is somewhat rarer (but still ranking 195th in 2001–2013, and, again, with the highest ranking reached in Prekmurje). Interestingly, an earlier variant, *Lukež*, known from Slovene literature, is not statistically recorded at all.

3.2 Adaptation of English personal names in Slovene

In some aspects, borrowed personal names from English conform to the rules that apply to the borrowing of anglicisms in general. However, it turns out that in some other aspects they resist adaptation to retain their foreignness as prestige borrowings.

Most borrowed English personal names undergo complete adaptation and are, as a result, totally integrated into the language system of Slovene. This is to be expected: once given, a name is, after all, used on a daily basis and is not an occasional exoticism used to pep up an informal conversation with some ‘local colouring’. Thus, their foreignness becomes blurred and they are, consequently, pronounced, written and declined as any other Slovene name. This is the case with all old borrowings (e.g. *Robert*, *Edvin*, *Edita*) and some recent ones, especially if their forms allow for non-problematic pronunciations and spellings (e.g. *Kevin*, *Lana*, *Sabrina*, *Zara*). Thus, borrowed female names that end in *-a* (*Sabrina*, *Lana*) enter the first nominal declension pattern for feminine nouns. However, borrowed female names not ending in *-a* enter the third nominal declension pattern with zero case endings. Such female names have been in use for a long time (e.g. *Ines*, *Karmen*, *Karin*, *Iris*, *Lili*, *Doris*), so all English-derived additions such as *Kim* or *Melani* also conform to this pattern. Morphologically, male names in Slovene as a rule enter the first masculine nominal declension pattern (e.g. *Janez*, *Jakob*), some also the second masculine nominal declension pattern (e.g. *Miha*, *Luka*). As for the borrowings, in all male names borrowed from English the first declension pattern is applied (e.g. *Patrik* – *Patrik-a* (genitive)). Shortened name forms ending in the vowel *-i* add *-j-* before the final case ending in non-nominative cases (e.g. *Robi-j-a*, *Edi-j-a* in the genitive).

Phonologically, the adaptation of English names may remain incomplete in some of the more recent borrowings, on the grounds of remaining fashionable and prestigious in their foreign sound, but there is a tendency towards complete phonological adaptation, in which individual English phonemes are sought to be replaced by their nearest equivalents from the Slovene phonemic system. The written form is, however, crucial to the pronunciation of the borrowed name by Slovene speakers as in Slovene every grapheme, as a rule, has its own pronunciation and represents one phoneme. Consequently, the formation of the phonological form of the borrowed name is mainly modelled on its spelling. Nevertheless, it is to be expected that *Melani* and *Melanie* are actually pronounced in exactly the same way by Slovene users, and that the pronunciation of *Samantha* is no different from that of *Samanta*, due to the fact that the English dental fricative /θ/ is totally absent from the Slovene phonological system and therefore regularly replaced by its nearest equivalent phoneme /t/ in the transphonemisation pro-

cess. The most notable phonological changes appear in the vowels. Thus, the English close-mid to open-mid front /e/ is usually replaced by close /e/ in Slovene, the front-to-central and close to close-mid /ɪ/ is replaced by the front close /i/, and the schwa /ə/ is replaced by /a/: *Melanie* [ˈmɛlənɪ] > [ˈmɛlani], *Kevin* [ˈkɛvɪn] > [ˈkɛvin], *Ella* [ˈɛlə] > [ˈɛla]. However, since increasing numbers of Slovene speakers are familiar with the original pronunciations of these names due to their bilingualism (or some command of the English language), variant pronunciation forms with open /ɛ/ can also be heard, thus [ˈmɛlani], [ˈkɛvɪn], and [ˈɛla]. The forms with close vowels seem to be mainly used by the older generation and/or users not too familiar with English. The pronunciations of *Liam* and *Ian* are also changed: [lɪəm] > [ˈlijam]; [ɪən] > [ˈijan]; the English diphthong /ɪə/ is replaced by the group /ija/. The same goes for *Diana* – in this case, the phonological form of the borrowing is based solely on the spelling: the English pronunciation [daɪˈænə] is replaced by [diˈjana] in Slovene.

The spellings of some of the fashionable prestige borrowings of the last decade are the most resistant to complete adaptation. If the parents opt for a foreign name for their offspring, then at least the spelling is sought to be preserved to set the baby apart from the rest of the children, therefore *Max* instead of *Maks*, *Lucas* instead of *Luka(s)*, *Alex* instead of *Aleks*, *Ella* instead of *Ela*, and *Nick* instead of *Nik*.

3.3 Potential of borrowed English personal names

It was already established earlier that the borrowing of English personal names into Slovene is not a recent phenomenon. However, the question remains as to whether these latest imports, which may still sound unusual in the ears of many Slovenes, are to be integrated into the Slovene language as successfully as *Robert* was in the past. Do they possess the potential to oust traditional or established names or are they to remain marginal borrowings, fashionable and prestigious for a particular period of time and then disappearing into disuse? Table 1 in the Appendix lists the 100 most popular baby names of 2013 (along with the total number of newborns that received a particular name) and clearly shows that the names chosen for newborns in Slovenia are now a mix of original Slovene names (e.g. *Svit*, *Bor*, *Gaber*, *Živa*, *Ajda*, *Zarja*), completely nativised names of various foreign origins, and fashionable name borrowings that stand out as recent additions. Among the completely nativised names we find those of Biblical origin and names of saints. These have mostly been in use for decades, if not centuries, particularly New Testament names with some (now popular) shortened variants (e.g. *Luka*, *Marko*, *Simon*, *Janez* and its variant *Jan*, *Matej* and its variants *Matic*, *Matevž*, *Matija*, *Tevž*), and the names of popular saints in many variants (e.g. *Jakob*, *Jaka*; *Neža*; *Ema*; *Ana* and its variants *Anja*, *Anika*, *Aneja*; *Nikolaja* and its more popular shorter version *Nika*). Many Old Testament names, on the other hand, although familiar to the Slovene population, have, traditionally, not been used as first names, so that names like *Sara*, *Rebeka*, *Izak*, and *Adam* are mainly found in the young generation. It is quite probable that some popular shortened forms from these long established names have been produced under the English influence and can therefore have English source ascribed to them (e.g. *Nik* either as shortened from *Nikolaj/Niko* or from English *Nick*;

Mark from traditional *Marko* or from English *Mark*; *Tim* from traditional *Timotej* or from English *Tim*; *Leo* from traditional *Leonard/Leon* or from English *Leo*). *Val*, *Neli*, and *Evelin* in the list could potentially (also) have English source (see also Lenarčič 2012: 797, 598, 231, who advocates their English origin).

When considering the degree of nativisation of these names, three factors are of crucial importance: the longevity of the name, its frequency/popularity, and its form. Thus, if a name has been used for a long enough period of time, has been popular and thus frequently used, and if its written and spoken form allow for rapid adaptation, the remarkability of the name may all but disappear. Thus, many of these names from foreign sources and adopted long ago (e.g. *Erik*, *Aleksander*, *Uroš*, *Karin*, *Lili*, *Maša*, *Doris*, *Lara*, *Nina*) are nowadays not felt to be foreign at all. Quite often we may find variants of what is essentially the same name at different degrees of nativisation, e.g. the nativised forms *Sofija/Zofija* along with the forms *Sofia/Zoja* with a still foreign touch to them. The list brings a number of names taken from foreign sources that are mainly recent imports and are currently popular as prestigious fashionable borrowings, e.g. *Jon* from Scandinavian languages, *Rene*, *Žan*, *Žana*, *Žak*, *Marcel* from French, *Aleksej*, *Jaša*, *Zoja*, *Larisa* from Russian. The source language of some others may be more difficult to pin down (*Val* could be English, but could also be original Slovene, *Oskar*, *Alex/Aleks* and *Max/Maks* could be modelled either on English or German; forms like *Tian*, *Tijan*, *Lian*, *Tai*, *Taj* are probably products of parents' imagination). The names that can be ascribed English source are written in bold in Table 1, though their respective origins may not be English but most often Celtic (e.g. *Liam*, *Alen*, *Ian*, *Kevin*, *Tara*) or some other (e.g. *Zara*, which is of Arabic origin).

A quantitative analysis of the frequency/popularity of the names from Table 1 shows that 7742 (out of 10804) newborn boys and 7239 (out of 10307) newborn girls in Slovenia have been given one of the top 200 names. Of these, 5625 boys (72.66 %) were given original Slovene or completely nativised names, and 2117 (27.34 %) were given names whose foreignness is still palpable. Of the 7239 baby girls born in Slovenia in 2013 with one of the top 200 names, 5542 girls (76.56 %) were given original Slovene or completely nativised names, and 1697 girls (23.44 %) were given names that may still sound foreign.

4. CONCLUSION

We can therefore conclude that the share of personal names recently borrowed from foreign sources is on the rise among the Slovene population; however, the influence of the English language as a source is not prevalent here as its share amounts to approximately six per cent of the most popular names used in the last decade. Regionally, the preference for foreign (-sounding and looking) name forms is more marked in certain bordering areas of Slovenia, particularly in Prekmurje and in the Littoral. What sets borrowed names apart from ordinary anglicisms is their 'resistance' to certain aspects of adaptation: the original spelling is often preserved, and sometimes the phonetic adaptation is only partial. The borrowed item probably also does not convey the same

attitudinal meanings/connotations in the RL and the SL – in English speaking cultures these names are unremarkable, while the recently borrowed names ‘stand out’ in the Slovene area.

Bibliography

- ANDERSEN, Gisle (2014) “Pragmatic borrowing.” *Journal of Pragmatics* 67, 17–33.
- BUCHSTALLER, Isabelle (2008) “The localization of global linguistic variants.” *English World-Wide* 29/1, 15–44.
- GALINSKY, Hans (1967) “Stylistic aspects of linguistic borrowing.” In: B. Carstensen/H. Galinsky (eds.), *Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache*. Heidelberg: Winter, 35–72.
- HANKS, Patrick/Kate HARDCASTLE/Flavia HODGES (2006) *A Dictionary of First Names*. 2nd ed. Oxford: OUP.
- HAUGEN, Einar (1950) “The analysis of linguistic borrowing.” *Language* 26, 210–231.
- KEBER, Janez (2008) *Leksikon imen: onomastični kompendij*. Celje: Celjska Mohorjeva družba.
- LENARČIČ, Simon (2012) *Vse o imenih v Sloveniji*. Ljubljana: Modrijan.
- ONYSKO, Alexander (2007) *Anglicisms in German: Borrowing, Lexical Productivity and Written Codeswitching*. Berlin: Walter de Gruyter.
- ONYSKO, Alexander (2009) “Exploring discourse on global English: a case study of discourse on anglicisms in German.” *English Today* 25/1, 25–36.
- ONYSKO, Alexander/Esme WINTER-FROEMEL (2011) “Necessary loans – luxury loans? Exploring the pragmatic dimension of borrowing.” *Journal of Pragmatics* 43, 1550–1567.
- PRINCE, Ellen F. (1988) “On pragmatic change: the borrowing of discourse functions.” *Journal of Pragmatics* 12/5–6, 505–518.
- TREFFERS-DALLER, Jeanine (2010) “Borrowing.” In: J. Verschueren/J.-O. Östman/J. Blommaert/C. Bulcaen (eds.), *Handbook of Pragmatics Online*. Amsterdam/New York: John Benjamins, 17–35.
- WEINREICH, Uriel (1953) *Languages in contact: Findings and problems*. New York: Linguistic Circle of New York.

Statistični urad Republike Slovenije (SURS) <https://www.stat.si/ImenaRojstva/sl> (accessed July and August 2015)

Office for National Statistics www.ons.gov.uk (accessed July 2015)

Statistics Denmark www.dst.dk/en (accessed July 2015), particularly the following sites:

www.dst.dk/en/Statistik/emner/navne/navne-til-myfoedte

www.dst.dk/en/Statistik/emner/navne/Baro

www.dst.dk/en/Statistik/emner/navne/navne-i-hele-befolkningen

Appendix

rank	boys	number	girls	number
1	Luka	317	Sara	264
2	Nik	267	Eva	259
3	Jakob	244	Lara	232
4	Filip	241	Ema	230
5	Žan	212	Ana	219
6	Mark	197	Nika	208
7	David	184	Julija	194
8	Jaka	180	Lana	190
9	Jan	175	Zala	190
10	Žiga	169	Zoja	172
11	Anže	162	Mia	165
12	Maks	154	Ajda	164
13	Nejc	150	Ela	152
14	Vid	150	Neža	152
15	Lovro	145	Hana	147
16	Aljaž	144	Klara	126
17	Tim	138	Brina	119
18	Matic	137	Maša	113
19	Gal	116	Kaja	112
20	Maj	111	Lina	111
21	Patrik	111	Vita	103
22	Gašper	108	Maja	101
23	Anej	106	Nina	101
24	Rok	103	Manca	91
25	Aleks	101	Tinkara	91
26	Tilen	101	Neja	90
27	Miha	100	Taja	87
28	Lan	99	Žana	81
29	Tian	89	Živa	80
30	Matija	84	Anja	79
31	Liam	83	Lucija	75
32	Matevž	83	Gaja	74
33	Martin	80	Laura	70

34	Oskar	80	Zarja	70
35	Blaž	79	Mija	69
36	Leon	78	Naja	69
37	Val	78	Tjaša	68
38	Jure	73	Ula	68
39	Erik	72	Alina	66
40	Benjamin	66	Pia	66
41	Enej	66	Tia	66
42	Andraž	63	Katarina	64
43	Rene	63	Špela	64
44	Matej	62	Iza	62
45	Svit	62	Iva	61
46	Bor	58	Mila	61
47	Timotej	58	Teja	58
48	Lukas	56	Lia	57
49	Marko	56	Tina	57
50	Urban	55	Sofija	55
51	Teo	54	Alja	53
52	Tine	54	Larisa	53
53	Jaša	52	Neli	52
54	Tai	52	Lea	47
55	Domen	51	Lili	47
56	Nace	49	Kim	44
57	Aleksander	48	Nuša	44
58	Taj	48	Zara	43
59	Izak	46	Izabela	42
60	Bine	44	Maruša	40
61	Alex	43	Pika	40
62	Lenart	43	Tara	40
63	Tristan	43	Lejla	35
64	Marcel	42	Karin	34
65	Ožbej	42	Valentina	34
66	Urh	42	Sofia	33
67	Aleksej	41	Tisa	31
68	Dominik	41	Nikolina	30

69	Erazem	40	Veronika	30
70	Jurij	40	Katja	29
71	Andrej	39	Kiara	29
72	Tadej	39	Kristina	29
73	Adam	36	Nastja	29
74	Žak	36	Iris	27
75	Alen	35	Karolina	27
76	Leo	34	Asja	26
77	Gabriel	33	Elena	26
78	Ian	32	Evelin	26
79	Klemen	32	Ivana	26
80	Kevin	30	Daša	25
81	Jernej	29	Ella	25
82	Brin	28	Patricija	25
83	Jon	28	Leja	24
84	Kristjan	28	Aneja	23
85	Lev	28	Anika	23
86	Tevž	28	Liza	23
87	Vito	28	Nia	23
88	Samo	27	Stella	23
89	Gaber	26	Urška	23
90	Uroš	26	Inja	22
91	Adrian	25	Luna	22
92	Ažbe	25	Tajda	22
93	Simon	25	Jerca	21
94	Tarik	25	Lija	21
95	Tijan	25	Rebeka	21
96	Jošt	24	Tea	21
97	Max	24	Tiana	21
98	Tibor	23	Tija	21
99	Lian	22	Viktorija	21
100	Amadej	21	Lorena	20

Table 1. Popular names for newborns in Slovenia 2013 (Source: SURS)

Abstract
THE ENGLISH-SLOVENE LANGUAGE CONTACT:
BORROWING OF PERSONAL NAMES

The article aims to shed some light on the growing tendency of Slovene native speakers towards borrowing English personal names when naming new-born children. Some historical overview of the borrowing of English personal names into Slovene is given, starting with lists compiled from 1931 onwards, established from the data supplied by the Statistical Office of the Republic of Slovenia (SURs). The phenomenon of borrowing personal names is discussed from the point of view of pragmatic borrowing as advocated by G. Andersen (2014), taking into account the traditional distinction between necessary loans on the one hand and luxury loans on the other. The article illustrates how in the case of personal names, 'exoticisms' (e.g. *Alex, Liam, Kevin, Kim, Ian, Vanessa, Adrian, Ella, Emma, Patrick, Nick, Alan, Lucas*, listed among the most popular 200 first names in the 2001–2013 period) compete with name forms that have been adapted and nativised long ago (e.g. *Patrik*), or are currently being introduced for the first time into Slovene. In these recent borrowings, the foreign forms undergo some adaptation, but at the same time, unlike other anglicisms, show the tendency to resist complete adaptation, particularly in terms of spelling and pronunciation. Such pragmatically borrowed items carry significant sociolinguistic signals about the borrowers' attitudes, and these are briefly commented on.

Keywords: pragmatic borrowing, personal names, English, Slovene

Povzetek
ANGLEŠKO-SLOVENSKE JEZIKOVNE STIK: IZPOSOJANJE OSEBNIH IMEN

Prispevek obravnava vse bolj izraženo tendenco slovenskih govorcev, da si pri poimenovanju svojih otrok sposojajo angleška lastna imena. Statistični podatki, dostopni na portalu Statističnega urada Republike Slovenije (SURs) s seznama najpogostejših imen od leta 1931 dalje nam omogočajo zgodovinski pregled takega sposojanja iz angleščine v slovenščino. Pojav sposojanja tujejezičnih lastnih imen obravnavamo z vidika pragmatičnega sposojanja po G. Andersenu (2014) in ob upoštevanju že uveljavljene razlikovanja med potrebnimi in prestižnimi sposojenkami. Prispevek ponazarja, kako pri lastnih imenih »eksotična« imena (npr. *Alex, Liam, Kevin, Kim, Ian, Vanessa, Adrian, Ella, Emma, Patrick, Nick, Alan, Lucas*, ki so na seznamu 200 najbolj priljubljenih imen za novorojence v obdobju 2001–2013) tekmujejo z oblikami, ki so bile sposojene in prilagojene slovenščini že pred desetletji (npr. *Patrik*) ali pa jih tokrat prvič uvajamo v slovenščino. Pri teh nedavnih sposojenkah tuje oblike sicer delno prilagodimo slovenskemu jezikovnemu sistemu, vendar jih, za razliko od drugih anglizmov, ne prilagodimo vedno v zapisu in izgovarjavi. V članku na kratko komentiramo tudi sociolingvistične vidike takšnih pragmatičnih sposojenk in odnos sposojevalcev.

Ključne besede: pragmatično sposojanje, lastna imena, angleščina, slovenščina

LINGUISTICA LV

Založila

Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani

Izdal

Oddelek za romanske jezike in književnosti

Revue éditée par les

Presses scientifiques de la Faculté des Lettres

et publiée par le

Département des Langues et Littératures Romanes

Za založbo – Responsable

Branka Kalenić Ramšak

Dekanja Filozofske fakultete – Doyen de la Faculté des Lettres

Glavna in odgovorna urednica – Rédactrice en chef

Martina Ožbot

Številko LV uredil – Numéro LV dirigé par

Silvo Torkar

Tajnica redakcije – Secrétaire de rédaction

Metka Šorli

Dopise nasloviti na:

Prière d'adresser toute correspondance à :

Martina Ožbot

Filozofska fakulteta

Oddelek za romanske jezike in književnosti

Aškerčeva 2

1000 Ljubljana

Slovénie

linguistica@ff.uni-lj.si

Tel.: + 386 1 241 13 98

Fax: + 386 1 425 93 37

Naklada: 450 izvodov – Tirage : 450 exemplaires

Računalniški prelom – Mise en page

Aleš Cimprič

Tisk – Impression

Birografika BORI, d. o. o.

Linhartova cesta 1, 1000 Ljubljana

Cena: 17 €

